Автор
Татьяна Семёнова
НАЛОЖНИЦА ИМПЕРАТОРА
Дочь Нефертити
Железный Хронос

Фактор

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Трое друзей-студентов — два молодых парня и девушка — случайно стали обладателями секретного прибора, позволяющего путешествовать в прошлые жизни. Рискнули испытать его и оказались в средневековой Франции. Об этом первая книга проекта — «Монсегюр». Во второй — «Дочь Нефертити» — хозяева прибора начинают преследовать наших героев, и те просто вынуждены скрываться... в Древнем Египте. Им повезет, они опять вернутся и уже сами не захотят ни в какую далекую эпоху: устали, набегались. Но так уж выйдет — они вновь провалятся в прошлое. Теперь — в Китай конца XIX века. У власти — последняя в истории, маньчжурская династия. Ребята сразу станут свидетелями убийства, ниточки от которого потянутся к императорскому дворцу. Расследование начинается...

И конечно, как и в предыдущих романах, читателя ждет не только захватывающий сюжет, но еще масса интересных и полезных сведений, в первую очередь из истории, а также других наук: физики, химии, психологии, астрономии, биологии.

- Татьяна СЕМЕНОВА
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

Татьяна СЕМЕНОВА
НАЛОЖНИЦА ИМПЕРАТОРА

Глава 1
ТОМИТЕЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ

Ещё не рассвело, и в комнате императрицы Цыси было сумрачно. Только крохотные огоньки свечей, стоявших на высоких треножниках, наполняли помещение мягким светом. Их блики таинственно переливались на дорогой атласной занавеске с великолепной вышивкой. Занавеска эта отделяла комнату от алькова — большой ниши, с трех сторон увешанной полками, где стояли любимые вещи императрицы — книги, редкие изделия из нефрита и самый ценный предмет — шкатулка из лакированного дерева, инкрустированная перламутром. Она открывалась маленьким ключиком, который Цыси всегда носила с собой, а внутри лежали пожелтевшие от времени свитки.

Среди множества красочно расшитых подушек, пестревших на большой кровати, Цыси предпочитала одну, набитую чайными листьями. Императрица была уверена, что если спать только на ней, это благотворно повлияет на зрение. Другая подушка, наполненная сухими цветами, тоже была необычной — со сквозным отверстием в середине, к которому во время сна императрица прислоняла ухо, что, по её мнению, позволяло слышать даже самые отдалённые шорохи, и никто не мог незаметно приблизиться к ней. Высоко над кроватью был прикреплён деревянный каркас, от него спускались вниз занавески из белого крепа с красивыми вышивками. На занавесках висело множество шёлковых мешочков, наполненных ароматными травами.

Сейчас это великолепное ложе пустовало. И не было рядом прислуги: двух евнухов, двух молодых служанок и двух старых, в обязанности которых входило охранять сон Владычицы Поднебесной в течение всей ночи. Однако в этот раз Цыси не собиралась спать вовсе, поэтому ко всеобщему удивлению выпроводила свою «ночную охрану».

Для Великой императрицы наступила решающая ночь, и непривычная тишина в её покоях была гнетущей, даже зловещей. Время тянулось медленно-медленно, и казалось, что эта ночь будет длиться вечно.

Цыси молча сидела в своём любимом сандаловом кресле и нервно перебирала чётки с резными бусинами из слоновой кости и нефрита. Рядом, на низенькой табуреточке расположился Ли Ляньин, приближённый евнух императрицы, которому Цыси всецело доверяла, считая его своей правой рукой. Ли Ляньин

имел четвёртый ранг, для евнухов — высший, однако императрица пообещала ему пожаловать второй. Не сейчас: князья, высшие сановники, да и императрица Цыань были бы недовольны, ведь это не вписывалось в рамки закона. А законы предков почитали все. Никто и никогда не осмеливался пренебрегать ими. В общем, сейчас Цыси не могла оказать евнуху эту милость, но потом… потом, как только станет полноправной и единовластной хозяйкой Поднебесной… Тогда Ли Ляньин получит всё, что заслужил, если, конечно, поможет ей осуществить главную, тайную, заветную мечту — уничтожить посмертный указ императора Сяньфэна, в котором властитель Китая «даровал самоубийство своей драгоценной наложнице Ланьэр».

Этот указ не давал ей покоя вот уже почти двадцать лет. Он как дамоклов меч висел над нею. Любой её неверный шаг мог привести к обнародованию страшного документа. А это означало — смерть и конец всему! Конец всему, чего она достигла за эти годы.

Сколько сил было потрачено, чтобы добиться того положения, которое она занимает сейчас! Подумать только: из драгоценной наложницы она превратилась в Великую Императрицу. Однако это был лишь первый шаг. Цыси требовался не только титул, но и власть. Согласно заветам предков, звание Великой Императрицы не давало права управлять империей, а являлось лишь почётным титулом. Мало того, по законам Поднебесной женщины вообще не могли управлять страной! Но разве это было препятствием для такой женщины, как Цыси!.. Да, любая другая не имела права на власть, но только не она. Цыси была из той породы людей, которые всегда добивались своей цели, даже если это казалось невозможным.

Онареально управляла Поднебесной и управляла уже почти двадцать лет. Правда, вместе с императрицей Цыань, законной женой умершего императора Сяньфэна. Это не нравилось Цыси, но она вынуждена была мириться с тем, что стоит у власти не одна. Что она могла поделать? Виной всему был этот злосчастный посмертный указ Сяньфэна, который хранился у Цыань в тайнике. И та могла в любую минуту обнародовать документ, если б только заподозрила: бывшая драгоценная наложница что-то затевает против неё. Не будь этого указа, Цыси давно бы устранила Цыань.

Итак, самая заветная мечта Цыси — раздобыть и уничтожить злополучный указ. Ведь пока он существует, спокойно спать нельзя. Хорошо ещё, что документ лежал у Цыань, а не у князя Гуна, брата Сяньфэна. Если бы император оставил указ Гуну, тот,

скорее всего, воспользовался бы им сразу после смерти брата. А для Цыань указ был лишь охранительной грамотой и давал возможность контролировать Цыси. Цыань понимала, что не способна править одна. Она не слишком хорошо разбиралась в политике и не была достаточно жестокой, чтобы устранять все препятствия на своём пути. Цыань вполне устраивало, что Цыси всем верховодит, но всё же остаётся на ступень ниже её. Конечно, она знала, что это положение вещей не устраивает бывшую драгоценную наложницу, но знала и другое: Цыси ничего не может с этим поделать…

Цыси долго мирилась с необходимостью делить трон со второй императрицей, тем более что реальная политическая власть всё же была у неё. Но времена изменились. Появилась опасность потерять влияние при дворе.

Некоторое время назад Цыси заболела, причём болезнь её оказалась весьма продолжительной. Она вынуждена была отойти от руководства страной. Тогда Поднебесной стала управлять, казалось бы, ни на что не способная Цыань.И что удивительно, у неё это неплохо получилось. Цыань, конечно, пользовалась советами князя Гуна и других влиятельных персон, но сам факт, что она занялась политикой, очень обеспокоил Цыси. Вдруг Цыань, осознав, что может обойтись без Цыси, обнародует указ Сяньфэна да и устранит соперницу?

Этого нельзя было допустить.

За долгие двадцать… да, почти двадцать лет, Цыси привыкла и к самой власти, и к наличию второй императрицы, которая практически не вмешивалась в политику, однако сейчас… Она могла в одночасье потерять всё. «Надо убрать её с дороги пока не поздно. Но сначала —уничтожить указ, — думала Цыси. — Как же узнать, где она хранит его?»

На помощь пришёл хитроумный Ли Ляньин — посоветовал переманить одного из евнухов Цыань на свою сторону. Для этого понадобилось немало средств и сил, но дело того стоило. Подкупленный евнух проследил за хозяйкой и выяснил, где находится тайник. Оставалось лишь проникнуть в покои Цыань и завладеть документом. Однако произошло непредвиденное. Вторая императрица узнала о планах соперницы.

«Скорее всего, — думала Цыси, — кто-то из моих евнухов предал меня. Ничего, я вычислю его, и он будет умирать долго и мучительно».

А Цыань, не долго думая, предпочла обезопасить себя, передав тайный указ Сяньфэна на сохранение надежному человеку. Своего самого доверенного евнуха она решила под покровом ночи послать к князю Гуну, дом которого находился за

пределами Императорского города.

И об этом решении Цыань никто, кроме их троих, не должен был знать. Всё делалось в строжайшей тайне. Но… у императрицы Цыси повсюду «свои глаза и уши». О том, что Цыань пошлёт ночью евнуха к князю, ей стало известно ещё вечером. И она решила перехватить указ. Ли Ляньин подобрал надёжного, смелого и ловкого евнуха по имени Ван Лу, которому прямо там, на улице, в ночной тиши, велено было убить евнуха Цыань и, завладев указом, вернуться во дворец. За эту услугу Ван Лу пообещали много денег и продвижение по службе.

Именно сейчас Цыси ждала его возвращения. Нервы её были на пределе. За окном уже теплился рассвет, а Ван Лу всё не было…

Императрица взглянула на Ли Ляньина. «Если я стану единовластной императрицей, этот евнух получит второй ранг, будет носить на шапке красный шарик и разноцветное перо — он заслужил, — думала Цыси. — И пусть все эти сановники и князья лопнут от злости. Я, только я буду полноправной хозяйкой! И сама перепишу законы предков и буду поступать, как считаю нужным. Я ведь сама „предок“ для всех…» — и она улыбнулась.

Хитрый и льстивый евнух Ли Ляньин называл императрицу «почтенным предком» или «старой Буддой», и это грело душу Цыси. Слово «старый» не являлось оскорбительным, наоборот, оно лишь подчёркивало уважение.

Ли Ляньин пользовался безграничным покровительством императрицы. Ему даже разрешалось сидеть в её присутствии. Он беззастенчиво брал взятки у сановников и придворных и в результате так разбогател, что его личному состоянию могли позавидовать даже некоторые великие князья императорской крови.

Цыси бросила взгляд на окно и прервала молчание:

— Почти рассвело. Почему так долго нет вестей от Ван Лу? Сколько прошло времени?! Если ему не удастся перехватить указ… — она прищурила глаза и процедила сквозь зубы: — Я казню вас всех! Вы же ни на что не годитесь!

Ли Ляньин опустил глаза и робко ответил:

— Старая Будда не должна волноваться.

— Как я могу не волноваться?! — почти выкрикнула Цыси с гневом. — Я почти двадцать лет не могу спокойно заснуть!

Она встала с кресла, и евнух, тут же вскочив, бросился на колени перед ней и уткнулся лбом в пол.

— Почтенная Будда гневается, — трепеща, произнёс он.

Впрочем, это был показной трепет. Ли Ляньин совсем не боялся владычицы — наоборот, императрицу иногда пугало его

слишком сильное влияние при дворе. И всё же, будучи влиятельным лицом, он знал своё место. Помнил, что по законам властительница могла в любой момент казнить его. Да и характер у неё не из мягких: любая провинность или оплошность могла обернуться трагедией для евнуха. Тем более в последнее время — Цыси пребывала в дурном расположении духа, и все евнухи трепетали перед ней. Ляньин, быть может, единственный, не боялся гнева императрицы. Он был нужен ей! Особенно сейчас! И прекрасно понимал это. Но… не подавал виду, старался в нужный момент «трепетать» перед Цыси, демонстрируя преданность, покорность и страх. Ведь только намекни Цыси, насколько ты силён и независим… И думать не хотелось, что может случиться.

Императрица не умела просто казнить. Она показывала всем: перешедший ей дорогу или просто недостаточно почтительно отнесшийся к ней, должен умирать очень долго и страшно мучительно. Её любимой поговоркой было: «Тому, кто мне хоть раз испортит настроение, я испорчу настроение на всю жизнь».

Евнух молча стоял на коленях, упёршись лбом в пол. Выдержав почтительную паузу, будто собираясь с силами, он тихо произнёс:

— Ожидание всегда томительно. Надо набраться терпения. Ван Лу — надёжный и смелый человек. Он единственный, кому можно было доверить такое важное дело!

— Моё положение крайне опасно… особенно сейчас, — с волнением произнесла императрица. — Этот указ не должен существовать! Ты что не понимаешь, что Цыань может лишить меня власти! В последнее время она вообще стала слишком недоверчивой. Особенно, когда узнала о моих намерениях.

Ли Ляньин, не смея поднять глаз на императрицу, произнёс ещё более робко:

— Старая Будда не должна так беспокоиться. По моему глупому разумению, императрица Цыань не слишком мечтает о единоличной власти.

— Да что ты понимаешь в этом! — раздражённо ответила Цыси. — Цыань заодно с князем Гуном, и он внушает ей, что вполне можно справиться без меня.

Ли Ляньин, ещё немного поколебавшись, всё же решил высказаться:

— Почтенная Будда слишком отдалила от себя князя Гуна, вот он и ищет поддержки у Цыань.

Цыси гневно взглянула на него.

— Князь Гун вечно критиковал мою политику. Он хочет перемен. Он хочет, чтобы эти варвары-европейцы заполонили всю империю! Но стране не нужны все их новшества. Ты посмотри,

князь Гун организовал школу иностранных языков. Зачем? Если варвары хотят общаться с нами, пусть учат наш язык. Зачем нам знать их языки? Он хочет, чтобы в академии «Лес Кистей» преподавали иностранные науки! Это значит, что учащиеся должны отвлекаться от изучения философских трудов наших великих учёных. Мы столько веков жили без этих варваров, а теперь — ты посмотри, что происходит — они повсюду!

— Да, — промолвил Ли Ляньин, — времена изменились. После событий двадцатилетней давности — захвата Пекина иностранцами, мы вынуждены считаться с ними.

Цыси недовольно посмотрела на Ли Ляньина и решила взять реванш:

— А ты не забыл, как одиннадцать лет назад казнили Ань Дэхая, моего самого доверенного евнуха? — и она строго взглянула на Ли Ляньина. — Кто был инициатором? Князь Гун и Цыань. Я тогда ничем не могла помочь Ань Дэхаю. Не сомневайся, если князь Гун и Цыань встанут у власти, тебя ждёт такая же участь.

Ли Ляньин молчал, уткнувшись лбом в пол. Он помнил казнь Ань Дэхая, и ни минуты не сомневался, что удостоится той же участи, если его покровительницу отстранят от власти. Впрочем, Ань Дэхай хоть и был приближённым Цыси и весьма влиятельным лицом при дворе, всё же не имел такой власти, как Ли Ляньин.

Цыси, походив немного и успокоившись, снова села в кресло.

— Встань! — приказала она евнуху. — Можешь сесть рядом.

— Разве раб посмеет? — прошептал Ли Ляньин и снизу вверх взглянул на госпожу.

Она смотрела на него пристальным взглядом, который для простого евнуха не сулил бы ничего хорошего. Однако Ли Ляньин принял правила игры и, соблюдая почтительность, опять упёрся лбом в пол. Цыси отвернулась и ненадолго задумалась.

— Нужно послать человека вслед Ван Лу, — через некоторое время произнесла она. — Что-то у меня тревожно на сердце.

Евнух, не отрывая головы от пола, произнёс:

— Если Ваше Величество так взволнованы, разрешите рабу вашему пойти и всё разузнать.

Императрица опять задумалась. Отпускать Ли Ляньна за пределы Императорского города ей не хотелось. А вдруг он понадобится ей здесь? Цыси охватило беспокойство. В голову всё время лезли тревожные мысли: «Что, если Ван Лу не удалось убить доверенного евнуха императрицы Цыань и отобрать у него указ Сяньфэна? Что, если указ уже у князя? И если опасения справедливы… Это самое страшное, что может случиться! Князь Гун, завладев документом, явится на рассвете во дворец и

обнародует его…»

Императрица вздрогнула от такой мысли и прикрыла глаза. Никто не должен был видеть её испуганной, даже самый доверенный слуга.

«Князь Гун, князь Гун, — повторяла про себя императрица. — Ох, не надо было мне лишать его звания главы Государственного совета! Хотя, — она с сомнением покачала головой, — он вполне мог устроить государственный переворот. Он силён, очень силён… Может, прав Ли Ляньин, и надо было всё-таки перетянуть его на свою сторону? Но как? Он очень независим… А теперь ещё и заодно с императрицей Цыань, которая мешает мне, очень мешает, — Цыси поморщилась. — И зачем Сяньфэн оставил ей этот указ?… Ведь он так любил меня…»

Она открыла глаза и опять взглянула на распластавшегося Ли Ляньина. Затем отвернулась и, слегка прищурившись, с досадой подумала: «Надо же так оплошать: этот злосчастный указ был почти у меня в руках! И откуда Цыань узнала, что мне всё известно про тайник?.. Какой она оказалась сообразительной и расторопной! За ней и не замечали этого. Ладно, евнух её далеко не уйдёт. Ван Лу — человек опытный. И как только я получу указ, Цыань сразу станет не опасной. Ишь, всё время держать меня в страхе! — Цыси плотно сжала губы. — Этого я никому не прощаю!»

А Ли Ляньин всё так же стоял на коленях, упёршись лбом в пол. Императрица ещё раз поглядела на окно. Там, за восточным горизонтом, уже явственно светлело. Она решительно повернулась к евнуху:

— Иди в город, только будь осторожен. Где живёт князь Гун, ты знаешь. Возьми с собой для надёжности ещё двоих, — она встала и прошлась по комнате. — Не надо было отпускать одного Ван Лу. Хоть он и ловок, но всяко бывает… Вот уж совсем светло (это было легким преувеличением), а его всё нет. Заставляет меня волноваться. Если не выполнил приказа, — она яростно сверкнула глазами, — не будет ему пощады!

Ли Ляньин встал и, пятясь, направился к двери.

— Да, вот ещё что, — остановила его Цыси. — Усиль охрану у моих дверей… Мало ли что, — уже про себя добавила она. — И вели принести мне трубку. Да поторопи их! Вечно доводят меня своей нерасторопностью. Что за евнухи пошли! Кто их учит?

Ли Ляньин низко поклонился и, всё так же пятясь, вышел из покоев Императрицы.

Цыси, оставшись одна, стала вглядываться в полумрак за окном. Тёмные ветви деревьев слегка подрагивали в утренней дымке, словно с нетерпением ожидали первых солнечных лучей.

На одной из веток, нахохлившись, сидела маленькая птичка. Она мирно дремала, покачиваясь в такт лёгкому ветерку, и казалась совершенно безмятежной. Цыси задумчиво посмотрела на эту маленькую птичку, уютно устроившуюся в густой кроне платана, и невольно вспомнила строчки давно забытых стихов:

Вы видели,
Как птицу гонит страх?

От коршуна
Спасается в силках!

Добыче рад
Жестокий птицелов,

Но юный муж,
Печален и суров.

Он разрезает сеть
Своим мечом —

Вот иволга
В просторе голубом:

Прижалась к небу,
Снова вниз летит,

Над юношей кружа,
Благодарит.[1]

У дверей раздался шум. Цыси вздрогнула и обернулась. Это был один из евнухов. Опустившись на колени, он отбил земной поклон.

— Ваш раб принёс трубку, — тихо сказал евнух и, не вставая, протянул небольшой серебряный поднос, украшенный драконами, на котором лежала трубка, набитая табаком.

Цыси подошла, взяла трубку и вернулась в своё любимое кресло. Евнух на коленях подполз к императрице, чиркнул спичкой[2], зажёг бумажку и поднёс к трубке. Цыси закурила, затем сделала евнуху знак удалиться. Тот послушно встал и попятился к двери, не забывая при этом низко кланяться.

Императрица откинулась на удобную спинку и прикрыла глаза. Ароматный дым будил воспоминания…

Глава 2
ЧТО ТАКОЕ ПАСТОФОБИЯ

«Двадцать семь лет назад молоденькая маньчжурка по имени Ланьэр, что в переводе означало „орхидея“, впервые вступила в Запретный город. Тогда ей было восемнадцать. И в числе шестидесяти специально отобранных маньчжурских девушек её направили на смотрины в императорский дворец. Лишь двадцать восемь самых красивых и достойных станут наложницами императора, и каждой из них присвоят соответствующий ранг.

Юная Ланьэр, а именно так звали когда-то Цыси, принадлежала к старинному знатному роду. Отец её имел второй ранг и служил таможенным инспектором. Он не был богат, но всё же родители обеспечили должное образование детям. Тяжёлые времена для семьи наступили, когда отец Цыси умер. Овдовевшая мать и трое детей влачили жалкое существование. Нет, они не умирали с голоду — просто не имели достаточных средств жить так, как живут другие знатные маньчжуры. А ведь именно маньчжуры составляли в Поднебесной правящий класс уже несколько столетий подряд.

Ещё в 1644 году воинственные северные племена маньчжуров завоевали Китай и провозгласили императором одного из сыновей своего хана…»

— Эй, что ты читаешь? — спросил Ваня у Анюты, пробежав глазами весь этот странный текст. — Причём здесь Китай? Ты же хотела посмотреть, что есть в Интернете о царице Анхесенамон.

— Да там столько всего! И ничего по делу. Вот я случайно и ушла по ссылке на Китай.

— Случайно? На Китай?! — не поверил Саша. — Это какая-то ерунда… Вань, о чём мы с тобой только что говорили?

Ваня посмотрел на приятеля непонимающе.

— Все, — сказал Саша, — нам пора отдыхать. Одна сидит посреди улицы и читает в Интернете про Китай, другой не помнит, о чём мы говорили минуту назад… Ребята, вы хоть знаете, что мы уже добрых полчаса здесь топчемся. А наши преследователи, между прочим, наверняка времени не теряют.

— Вот! — воскликнул Ваня, — именно об этом мы с тобой и говорили! Анюта послушала нас, послушала, да и заскучала.

Потом взяла у меня «Фаэтон» и сказала, что просто заглянет в свою почту. А сама полезла в Интернет…

— Ребята, — ещё раз напомнил Саша. — Вообще-то у нас времени очень мало.

— Слушай, Ветров, — Аня, наконец, отвлеклась от чтения, — ты как всегда красиво говоришь, но мы ведь ещё не решили, *куда* нам спешить. Ясно, что спешить надо, а куда — неизвестно. Правда, смешно?

— Очень, — сказал Ваня. — Знаешь, как моя бабушка говорит? Каб не мой дурак, так и я б смеялась.

— Действительно не весело, — согласился Саша. — От этих двоих мы оторвались. Но завтра… (или уже сегодня?) придут другие. Обязательно придут. Теперь в Секретной Лаборатории о нас знают всё. Домой — нельзя, к ближайшим друзьям и родственникам — тоже. Куда мы от них спрячемся? Только в прошлое. Опять в прошлое…

— А смысл? — грустно улыбнулся Ваня.

— Ну, еще один тайм-аут. Ещё одна возможность подумать, где настоящий выход. Ведь мы же не хотим остаться там навсегда. Значит, любой побег в прошлое — это лишь временное решение проблемы.

— Оно даже не временное, — поправил Ваня, — оно *вневременное.* Возвращаться-то будем всякий раз сюда же, то есть к разбитому корыту.

— Не скажи, — вдруг возразила Аня, — какие-то минуты и здесь проходят, а главное, мы каждый раз стареем на несколько дней и, хочется верить, умнеем. Так что после тысячи путешествий…

— Действительно! — Ваня был настолько поражён этой мыслью, что даже перебил девушку. — Насчёт ума не уверен, а что не молодеем — это точно. Представляете, возвращаемся вечером домой к родителям — у них часа два прошло — а мы уже древние старцы… Во, жуть-то!

— Никакой жути, — философски заметил Саша. — Они нас просто не узнают. Потом решат, что мы пропали без вести. И это будет правда. Мы ведь и сами себя не узнаем после тысячного путешествия. Что уж там говорить о каких-то преследователях из Секретной Лаборатории. Нужны мы им будем — престарелые ветераны хроноплавания!

— Мрачноватый юмор, — прокомментировал Иван без тени улыбки. — А если всерьез, тысячу бросков в прошлое мы точно не потянем при таких нагрузках. Тут как на войне, год за три идет. А то и больше. Сотни экспедиций вполне хватит, чтобы превратиться в полную рухлядь.

— Ребята, — прошептала Аня испуганно, — а вам не кажется, что мы — это уже не мы?

— В каком смысле? — не понял Ваня.

— Во всех. Думаем по-другому, чувствуем по-другому, наверно, и выглядим по-другому… Давайте больше не полетим. Не надо.

Ваня пожал плечами:

— Ну что, прямо сейчас идём в милицию? Или сначала перекусим?

— Не знаю, — покачала головой Аня, совершено не обращая внимания на ироничный тон Ивана. — По мне, так куда угодно, лишь бы не в прошлое.

— Слушайте, это какая-то новая болезнь — пастофобия, — выдал Ваня.

— Чего-чего? Страх перед зубной пастой, что ли?

— Боязнь прошлого, — пояснил Ваня свой неологизм. — Past — по-английски «прошлое».

— А при чем здесь английский? Медицинские термины должны быть на латыни. Правда, Саш?

— Ну, извини, — сказал Ваня, — не знаю я латыни. Скажи как правильно, эскулап!

— Да ладно тебе, я же не в медицинском учусь, я врач-самоучка. Откуда мне знать, как по латыни будет прошлое?

— Пастофобия, щёткофобия!.. — разозлилась Аня. — Нашли себе игрушку. Вы там развлекаетесь, в прошлом, а меня всё время убить норовят. Я не хочу больше. Почему каждый раз меня?

— Досрочный ответ! — выпалил Ваня. — Потому что ты — слабое звено.

— Что?! Я вот тебе сейчас дам «слабое звено»!

Она вытащила у Ивана из сумки веревочную лестницу и стала хлестать его по голове. Лестница была довольно тяжелой и жесткой.

— Ой, — кричал Ваня, прикрываясь руками, — больно! Не надо! Я имел в виду слабый пол!.. Правда, больно! Ой! Ты что? В смысле прекрасный пол. Слышишь? Ой! Просто ты так прекрасна, что все к тебе пристают…

— Прекратите, — сказал Саша, уставший смотреть на это безобразие. — Раньше вы только ругались, а теперь уже деретесь. Давайте, правда, решим, что делать. Пока у нас ещё есть время.

Анюта бросила лестницу обратно в сумку, села на лавочку, нахмурилась. Ваня пригладил кудри и, тяжело дыша, произнёс:

— Подведём итоги. Первое. Мы не знаем, где генетик спрятал документы. А именно документы нам и нужны.

— Нет, — возразил Саша, — если это первое, второго можно

не вспоминать. Давайте перечислим, что у нас в активе.

— Пожалуйста, — сказала Аня. — Мы знаем Эллу Вениаминовну — фактически приёмную мать Сергея. Мы знаем его научного руководителя — Александра Петровича Зорина.

— И оба уверяют, что Сергей погиб! — добавил Саша. — Но! Вам не кажется, что этот Зорин знает больше, чем говорит?

— Согласен, — кивнул Ваня. — Чего стоил один его вопрос: «Если б Сергей был жив, вы бы вернули ему „Фаэтон“?

— Вот и я о том же! — сказал Саша. — И, наконец, встреча в кафе…

— Понимаю, к чему ты клонишь, — оживился Ваня. — Мы оставили телефоны Зорину, а позвонил этот незнакомец и практически потребовал вернуть ему «Фаэтон». С какой стати?

— Вот такой наглый тип попался, — предположила Аня.

— Да уж не настолько он наглый… — проговорил Саша с улыбкой.

У Ани словно пелена с глаз упала:

— Вы думаете это оживший генетик?

— Очевидно, — кивнул Ваня, опережая Сашу и немного рисуясь. — Погиб-то он странно: дурацкая авария, труп, обгоревший до неузнаваемости…

— И доблестная служба безопасности Секретной Лаборатории дала себя так примитивно обмануть? — усомнилась Аня. — Они же гнались за Сергеем, когда его машина взорвалась. Выходит, сами не знали, за кем гонятся! Не может быть. В кафе был какой-нибудь друг генетика или, наоборот, враг.

— С которым Зорин в сговоре? — подколол Саша.

— Всё может быть, — неуверенно произнесла Аня.

— О чём тут спорить, когда можно взять и проверить эту гипотезу, — осенило Ваню.

— Как это? — удивилась Аня.

— У Эллы Вениаминовны наверняка есть фотография Сергея.

— Гениально! — восхитился Саша. — Сколько сейчас времени? Не поздно ещё отправиться к пожилой тётушке?

— Какая разница? — резонно заметил Ваня. — Тут такие дела, что и среди ночи вломиться не грех.

— А потом? — спросила Аня с тоскою.

— Потом видно будет. Встреча с сотрудниками Секретной Лаборатории абсолютно неизбежна. Так нам бы хоть что-то узнать про документы…

— Иван совершенно прав, — согласился Саша. — Нет у нас других вариантов.

Глава 3
ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Пекин, Столица Поднебесной, с давних пор делился на Внутренний и Внешний город. Во Внешнем обитали простые китайские жители, а Внутренний был совершенно особенным. Он состоял из трёх городов, расположенных один внутри другого, причём каждый из них был обнесён высокой кирпичной стеной. Посреди Внутреннего города находился Императорский город, а в самом центре Императорского — Запретный. Уже в Императорский город простому смертному входить категорически запрещалось. Главным же входом в него служили Ворота Небесного Спокойствия. Собственно, эти Ворота выглядели как несколько входов в тёмно-красной кирпичной стене: один большой и четыре малых. Над всеми пятью возвышалась величественная надвратная башня с крышей, покрытой глазурованной черепицей и украшениями в виде небольших изваяний зверей, защищавших Главный вход в Императорский город от злых духов. Перед Воротами Небесного Спокойствия восседали два огромных каменных льва. В дни торжественных церемоний возле этих ворот обнародовались императорские указы. И кроме императора, здесь могли проходить лишь высшие сановники, спешащие на доклад к властителю в Запретный город.

Императорский город включал в себя и великолепные парки с озёрами, и храмы. Особенно пышным был храм предков, куда в праздничные дни император приходил поклониться и принести жертвы своим великим отцам и дедам. А огромные парки, раскинувшиеся между озёрами, служили прекрасным местом для отдыха. В тенистых платановых рощах и сам император, и его придворные спасались от летней жары.

Голубоватые с бирюзовым оттенком заросли бамбука украшали берега, а по краю водоёмов грациозно плавали красные лотосы. Эти необыкновенные, просто божественные ночные цветы всплывали и распускались всегда на закате, и озеро становилось чарующе прекрасным. Но как только первые лучи солнца касались водной глади, лотосы закрывались, а потом медленно уходили под воду. Жители Поднебесной считали их волшебными цветами, самыми древними созданиями, возникшими из первородного океана, некогда покрывавшего всю землю. А ещё считалось, что красный лотос — это цветок Будды, который приносит счастье и дарует молодость.

Вьющиеся дорожки между павильонами отдыха в Императорском городе по обеим сторонам были украшены клумбами разнообразных благоухающих цветов.

Сад поражал своей переменчивостью и постоянством движения, каждый день он был неповторим: одни краски и запахи уступали место другим, меняясь день за днём, от сезона к сезону.

Здесь были и осенние хризантемы, рассаженные вокруг пышных кустов жасмина, которые начинали цвести ранней весной. Почти сразу же, как опадали последние хризантемы, яркие жёлто-медовые бутоны жасмина[3] появлялись из-под снега, и сияли, как первые вестники весны. Распускаясь, они наполняли воздух ароматом тропических цветов.

Следом за жасмином зацветал гамамелис — ажурный, раскидистый кустарник. Ещё до распускания листьев, ветви гамамелиса становились сплошь усеяны ярко-жёлтыми слегка душистыми цветами и только к середине мая разворачивались зелёные листья, которые осенью окрашивались в нарядный сочно-лимонный цвет.

Зимой распускались и нарциссы («сюй-зянь») или водяные бессмертники, как их называли китайцы. Густо посаженные цветы, как сказочные жёлтые и белые острова, вдруг появлялись из-под снега, и это означало, что наступил Новый год. Нарциссы и назывались новогодними цветами. Они символизировали любовь и счастливый брак. Так, если нарцисс зацветал до Нового года — это означало счастье в будущем году.

Но вот наступала весна и приносила с собой в сад яркие краски и благоухающие ароматы: зацветали жимолость, вишня, миндаль, ранние розы, фиалки, примула…

На смену весенним цветам приходили летние: пионы, орхидеи, розы, магнолии, гортензии, гвоздики, лилии…

Рододендроны, густые кустарники, загорались ярко-розовыми цветами в июле, а затем шла очередь Ароматных олив — этих божественных деревьев, в тени которых, по легенде, священный заяц приготовил эликсир жизни. Их кремово-белые цветы распускались в конце лета и заполняли всё вокруг сладким запахом, похожим на запах жасмина…

А в самые холодные периоды года клумбы пестрели неувядающими цветами из разноцветного шёлка, сделанными столь искусно, что их было невозможно отличить от настоящих.

Излюбленным местом всех императоров был Павильон Успокоения Сознания. Выглядел он как сад в саду, своего рода «внутренний сад», обнесённый невысокой стеною. Здесь, в тиши платанов, среди густых тёмно-зелёных сосен, стройных кипарисов, голубоватых зарослей бамбука и великолепных

благоухающих цветов императоры прогуливались, пили чай или вдохновенно сочиняли стихи.

А на одном из озёр Императорского города раскинулся Нефритовый остров, где величественно возвышалась Белая Пагода, построенная ещё в XVII веке после визита Далай-ламы. Возле Белой Пагоды расположились два буддийских храма: Источник Доброты и Храм Вечного Спокойствия. Внутри каждого из них торжественно восседала статуя Будды, которому все эти годы поклонялись императоры и его приближённые. Тут же, на тихом и безмятежном острове возвели Павильон Пяти Драконов с открытой галереей. Прямо с неё любили удить рыбу императорские придворные.

У жителей Поднебесной существовало поверье: тот, кто пьёт утреннюю росу, может продлить годы своей жизни. Поэтому на берегу одного из озёр возвышался столб, на котором были высечены изображения драконов, а сверху стояла статуя с широким плоским сосудом, куда собиралась роса для императорского бессмертия.

Бесчисленные парки, храмы, аллеи, павильоны Императорского города были по-настоящему хороши для поклонения богам, для уединённых размышлений, вообще, для восстановления душевного равновесия, и конечно же, для изысканных развлечений императора и придворных.

Напомним, однако, что Императорский город являлся лишь «предисловием», «прелюдией», внешним обрамлением того главного места, где постоянно обитал император и его челядь.

От ворот Небесного Спокойствия протянулась широкая Императорская дорога, вымощенная каменными плитами. Она и вела в Запретный город, находившийся в самом центре Императорского.

Запретный город был обнесён стеной высотою в десять метров и окружён глубоким рвом шириною в пятьдесят два метра, заполненным водой. По четырём углам крепостной стены красовались башни в традиционном китайском стиле. А внутри город состоял из дворцов, соединённых друг с другом галереями, тенистыми двориками, великолепными садами и парками. О входе туда простому смертному и мечтать не приходилось. Обыкновенный человек даже краем глаза не мог взглянуть на всю эту пышную роскошь, меж тем императорский двор обслуживали несколько тысяч евнухов, наложниц, рабынь и служанок, и эти люди уже не считались простыми смертными.

Главным входом в Запретный город служили Южные Ворота — богато украшенные, высотою в тридцать восемь метров. Над ними высилась величественная Башня пяти фениксов под

двухъярусной крышей. Когда император направлялся в Храм Неба или в Храм Земли, то на этой башне били в барабан. Когда же входил в Храм предков — звонили в колокола.

С балкона Южных Ворот император ежегодно объявлял новый лунный календарь, а также имена лучших кандидатов, заслуживших право сдавать экзамен на государственные посты. Кандидаты проходили под средней аркой Южных Ворот, где в другие дни мог пройти лишь сам император.

От арки к главному дворцовому сооружению — Павильону Высшей Гармонии — вёл «императорский путь», выложенный огромными каменными плитами. Перпендикулярно ему текла Золотая река — искусственный канал, бравший своё начало из глубины дворцовых построек и окаймлявший Запретный город полукругом. По берегам канала тянулись извилистые перила из драгоценного нефрита. Вошедший в Южные Ворота должен был пересечь Золотую реку по одному из пяти мраморных мостиков. Потом, миновав довольно большую площадь, он попадал к Воротам Высшей Гармонии, а, пройдя через них, оказывался на огромной площади, где его взору открывалось стоявшее на возвышении, словно взлетающее к небу и поистине грандиозное здание-дворец — Павильон Высшей Гармонии. Это был только один из трёх главных дворцов, соединённых между собой. За ним располагался Павильон Совершенной Гармонии, а дальше — Павильон Сохранения Гармонии. Перед самым первым дворцом установлены были три изваяния: бронзовая черепаха, символ долголетия; бронзовый журавль — символ мудрости; и каменная мера для взвешивания риса — символ справедливости.

Павильон Высшей Гармонии привлекал внимание своей жёлтой двухъярусной крышей, ослепительно сиявшей на солнце. А вообще это была тронная и приёмная палата — один огромный зал с множеством колонн. Площадь его составляла больше двух тысяч квадратных метров. Шесть центральных колонн с позолотой, украшенные изображениями драконов, символизировали императорскую власть. Потолок был расписан богато и красочно. В глубине зала на высоком постаменте находился трон императора с эмблемой дракона. К нему вели мраморные ступени и со всех сторон окружали символические фигуры животных, высокие курильницы для благовоний и красивые напольные вазы. В этом павильоне император принимал высших сановников и иностранных гостей. Ещё Павильон Высшей Гармонии служил для особо торжественных церемоний. Здесь проходили празднования Нового года, праздник урожая, праздник дракона и другие.

Во втором дворце — Павильоне Совершенной Гармонии

велась подготовка ко всем этим церемониям. А третий — Павильон Сохранения Гармонии служил для торжественных трапез, и там же проводились государственные экзамены на высшую учёную степень в присутствии самого императора.

Получение учёной степени являлось началом карьеры государственного чиновника. Этот путь сулил богатства и почести. Всего учёных степеней было четыре, и для получения каждой из них требовалось сдать государственные экзамены. К ним допускались все, не зависимо от возраста и положения. Исключение составляли лица, чьи предки занимались недостойными профессиями. Например, сыновья цирюльников и актёров не имели права принимать участия в экзаменах. Женщины, разумеется, тоже.

Первая ученая степень присваивалась в главном городе округа, вторая — в главном городе провинции, третья и четвёртая — только в Пекине. Экзаменуемый должен был знать наизусть все древние классические книги и комментарии к ним — трактаты по философии. Ни о какой математике, физике, астрономии не было и речи. Китайские учёные никогда не изучали этих предметов даже в школе — зубрили только классические философские труды. На государственных экзаменах кандидат должен был написать сочинение-рассуждение. В качестве тем выбирались изречения древних. Например: «Если я хочу быть добродетельным, то добродетель приблизится ко мне». Или: «Искренность — это путь к Небу». Кандидат излагал собственные мысли по теме, а также мысли великих. Соискателей было много, и не все получали на экзаменах высший бал. Самые лучшие обретали степень и занимали должность соответственно ей. Чтобы получить самую высшую степень, кандидаты по традиции сдавали экзамены в Павильоне Сохранения Гармонии. Темы для сочинений выбирал лично император.

Павильон Сохранения Гармонии являлся последним из трёх дворцов, служившим для официальных церемоний. Дальше, за Воротами Небесной Чистоты в самом центре располагались жилые покои императора и его приближённых. Первый дворец, прямо напротив ворот, имел название Павильон Небесной Чистоты и являлся канцелярией императора. Здесь заслушивались доклады, решались повседневные дела. Следующий дворец — Павильон Соприкосновения Неба и Земли. В нём стояли ларцы, обшитые жёлтым шёлком, где хранились императорские печати. Тут же проводились аудиенции.

И наконец, последний дворец центральной части — Павильон Земного Спокойствия — состоял всего из нескольких комнат. В одной из них была спальня императора и императрицы, в другой

— небольшой храм; ещё в одном зале проводились важнейшие церемонии, например, бракосочетание императора.

За тремя дворцами начинался Императорский сад, а с восточной и западной сторон располагались покои наложниц императора, его детей, вдовствующих императриц и, конечно же, ещё одни покои самого властителя. В восточной части Запретного города находились: Павильон Радостных Звуков, где проходили спектакли, Павильон Отдыхающей Старости, некоторые другие дворцы, соединённые между собой галереями и проходами; восхитительные парки с фонтанами и тенистыми деревьями, беседки и прочие сооружения. Во дворцах Запретного города всё просто дышало роскошью: великолепно раскрашенные потолки, обитые шёлком стены, сверкающие полы, всевозможные вазы тончайшей работы, изящные символические скульптуры животных, мебель, инкрустированная золотом и многое-многое другое.

Всего в Запретном городе насчитывалось 9999 разнообразных помещений. Конечно, число было не случайным. Согласно легендам, у самого Небесного императора имелось десять тысяч комнат, поэтому земной император не мог позволить себе иметь столько же или больше.

Днём в Запретном городе кипела жизнь. Сановники, князья, высокопоставленные гости приходили к властителю Поднебесной с визитами или докладами. Но как только наступали сумерки, все они должны были покинуть Запретный город. Кроме императора и его малолетних сыновей во дворцах не оставалось ни одного настоящего мужчины. Лишь многочисленные евнухи, являющиеся «ушами, клыками и зубами» императора, выполняли роль стражей и надзирателей. Как только последний посетитель покидал Запретный город, во всех уголках слышались громкие голоса дежурных евнухов: «Опустить засовы! Запереть замки!» Запретный город тут же погружался в тишину и лишь иногда, если кто-нибудь из евнухов хотел войти в пустой дворцовый зал, раздавался громкий крик: «Открываем зал!» Лишь после этого, евнух мог войти туда. Всё это делалось для того, чтобы ненароком не встретиться со злым духом, ведь императорские дворцы просто «кишели злыми духами». Во время праздников евнухи совершали специальный обряд задабривания злых духов, населявших дворцовые залы, с тем, чтобы они помогли им избежать наказаний и побоев со стороны хозяев. Подносили всевозможные кушанья: соевые лепёшки, вино, куриные яйца, фрукты, а иногда даже целые туши свиней и баранов.

В Запретном городе евнухи были повсюду: они прислуживали царствующим особам и по ходу одевания, и во время обеда, и на

прогулках, постоянно охраняли и развлекали их, а также драили полы, ходили с мухобойками и даже играли в императорском театре. Тем из евнухов, кто не достиг более высокого положения, приходилось очень туго. За любую провинность их жестоко наказывали и могли даже убить. Жизнь евнуха не стоила ничего! Другое дело — главные евнухи. Эти имели большое влияние при дворе и являлись доверенными лицами царствующих особ. Сановники, приходившие на доклад к императору, первым делом бежали к доверенному евнуху, осыпая его всевозможными подарками, чтобы тот замолвил за них словечко.

Евнухи большей частью были выходцами из бедных семей. Во дворце молодых делали учениками старых, более опытных евнухов и платили начинающим совсем маленькое жалование. Меж тем почётные евнухи, достигшие больших высот, частенько имели собственные дома в пределах Внутреннего города, собственных слуг, и экипажи. Иногда они даже усыновляли детей, но только из своего рода.

А помимо евнухов, в императорских дворцах работало ещё более десяти тысяч служанок и рабынь. Это они в основном убирали комнаты, стирали бельё, готовили, словом, так же, как и евнухи, находились в услужении у императорской семьи, наложниц и фрейлин.

Глава 4
ВОСКРЕСШИЙ ИЗ МЁРТВЫХ

Элла Вениаминовна открыла дверь и с улыбкой на лице встретила ребят, как будто давно ждала их.

— Рада вас видеть, молодые люди, — сказала она, и в искренности её никто не усомнился.

Такой уж она была человек: если говорит, что рада видеть незваных гостей, значит, действительно рада. Она ребятам ещё при первой встрече понравилась. И они ей тоже: хорошо воспитанные, эрудированные, очень неглупые. А Ваня, влюбленный в поэзию Пушкина, особенно запомнился Элле Вениаминовне.

— Что-то случилось? — спросила она после паузы. — Вы, кажется, немного взволнованы?

Вот она истинная тактичность интеллигентного человека: «немного взволнованы»! Да они влетели к ней едва не насмерть перепуганные, совершенно потерянные, стояли теперь, нелепо косились друг на друга и не знали, с чего начать.

— Ну, хорошо, — пришла на помощь Элла Вениаминовна, — я сейчас приготовлю чай — тогда и поговорим. Проходите в комнату.

Оставшись втроем, ребята стали торопливо шептаться, словно карикатурные злодеи-заговорщики из какого-нибудь старого фильма.

— Может, ей рассказать всё как было? — предложил Ваня.

— Нет, она обидится, узнав, что в первый раз мы её обманули, — возразила Аня. — Чушь какую-то наплели тогда. А сейчас что скажем? «Извините, Элла Вениаминовна, мы Вам в прошлый раз голову морочили, а на самом деле вместе с дневником Сергея обнаружили на развалинах дома машину времени и немножко попользовались ею, ну, совсем малость, из чистого любопытства…» Так, что ли?

— А почему нет? — сказал Ваня. — Где тут обман? Мы просто кое-чего не договаривали.

— Где обман? А то, что жизнь Сергея интересовала нас вовсе не потому, что совесть замучила? — все больше заводилась Аня. — Якобы мы хотели дневник вернуть ему или его учителю, а на самом-то деле документы искали на «Фаэтон». Вот и всё!

— За нами гоняются люди из Секретной Лаборатории, — пробурчал Ваня, — нас, может быть, убьют завтра, а ты всё боишься кого-то обидеть…

— Мне стыдно! — совсем уже громко сказала Аня. — Дневник надо было отдать Зорину, а такой чудесной женщине, как Элла Вениаминовна, следовало сразу говорить правду…

Чудесная женщина с подносом в руках стояла за спиной у разоткровенничавшейся девушки.

Ваня ткнул Аню в бок, а Саша сделал страшные глаза и запоздало подал знак легким кивком.

«О, ужас! Она всё слышала!» — пронеслось у Ани в голове.

Элла Вениаминовна меж тем выставила на стол уже знакомые друзьям фарфоровые чашки с китайскими драконами, хрустальную сахарницу, небольшое блюдо с конфетами и печеньем и присела на краешек дивана как раз напротив Ани. Тишина сделалась такой, словно всем одновременно заложило уши. Но хозяйка квартиры совершенно невозмутимо, с добрейшей улыбкой разлила чай и, взглянув Ане прямо в глаза, произнесла:

— Вы пейте, пейте, это очень вкусный сорт.

Аня дрожащими руками взяла чашку, попыталась поднести к губам, но, поняв, что может разлить, а то и разбить её, поставила обратно. А Саша схватил свой чай и начал пить торопливо, обжигаясь и охая, будто умирал от жажды (собственно, так и было). Ваня учёл ошибки товарищей — с достоинством сделал один глоток и принялся накладывать сахар. Ложечка оказалась какой-то круглой, нестандартной, юноша сбился со счёту и в задумчивости всё сыпал и сыпал песок в чашку, пока чай не начал переливаться в блюдце. Элла Вениаминовна внимательно наблюдала за ним, не произнося ни слова.

— Просто восхитительный чай! — решился нарушить молчание Иван. — Давненько я не пил такого.

— А, по-моему, вчера мы пили у Вас точно такой же, — решил исправить ситуацию Саша, но, кажется, сделал только хуже.

— Вообще-то, — сказала Аня, — настоящие гурманы пьют этот чай совсем без сахара.

Она вдруг начала смеяться. Однако, никем не поддержанная, так же внезапно замолчала.

Пора было уходить от чайной темы, и первой это сделала Элла Вениаминовна:

— Вы как-то изменились со вчерашнего дня, друзья мои. Лица у вас загорели не по погоде. Неужели все втроем ходите в солярий? Да и волосы ваши…

— А что такое с нашими волосами? — Саша всполошился не на шутку, инстинктивно хватаясь за голову.

— По-моему, в них песок.

— Да, действительно, песок, — согласился Саша, растерянно

обтряхивая свои пальцы.

И тут Ваня бросился грудью на амбразуру:

— Так мы занимаемся экстремальным спортом — скоростным спуском по склонам песчаных карьеров, знаете, на Шелепихинской набережной…

— Всё, — перебила его Аня, — хватит врать.

Ещё раз мёртвая тишина накрыла их, а потом Элла Вениаминовна спросила заботливо и мягко:

— Так что вас привело ко мне?

Ребята переглянулись, и, как обычно в таких случаях, инициативу взял в свои руки Саша.

— Элла Вениаминовна, у нас к Вам всего одна маленькая просьба. Она может показаться странной… Вы не могли бы нам показать…

— Фотографию Сергея? — довершила за Сашу Элла Вениаминовна.

Саша был сражён, да и остальные тоже: «Как она догадалась? — пронеслось у них в головах. — Она что, мысли читает?!»

— Так вам нужна фотография Сергея? — переспросила Элла Вениаминовна.

Саша откашлялся, понемногу приходя в себя, и проговорил:

— Нужна, конечно, нужна, Только теперь у нас уже две просьбы: мы хотим понять, как вы узнали о цели нашего прихода.

— Да я всё про вас знаю, — тяжко вздохнула Элла Вениаминовна.

— Что — всё?! — буквально хором спросили ребята.

— Знаю, что вы нашли прибор для перемещения во времени, который вынес из лаборатории Сергей. Знаю, что использовали его и, похоже, неоднократно. Знаю, что разговаривали с Зориным, а потом встречались с неизвестным человеком в кафе на Арбате. И, наконец, я догадываюсь, что теперь вы хотите выяснить, а не Сергей ли это был.

Ребята смотрели на пожилую женщину со страхом и восторгом одновременно.

— Вы — агент Секретной Лаборатории? — испуганно выдохнула Аня.

Элла Вениаминовна улыбнулась.

— Нет, я даже в милиции не работаю. И могу вас успокоить: в этой квартире нет подслушивающих устройств и потайных дверей, из которых через минуту выйдут мои коварные сообщники, чтобы схватить вас.

Аня смутилась, поняв, что сморозила глупость, а Ваня совсем уж собравшийся что-то сказать, тоже почёл за лучшее промолчать.

— Когда вы пришли ко мне вчера, — продолжила Элла Вениаминовна, — и рассказали про дневник Сергея, я ещё ничего не знала. Естественно, я вам поверила…

— Мы просто не решились рассказать вам всю правду, — стал оправдываться Саша. — Честно говоря, втянуть вас в эту историю казалось не совсем порядочным.

— Да я вас и не виню. Вы поступили вполне логично. Так вот, слушайте дальше. Сегодня днём, незадолго перед вашим приходом, ко мне пришёл… Сначала я даже не узнала его, но как только он произнёс первое слово… В общем, это был Сергей. Господи! Как я обрадовалась, я вам передать не могу! Я же была уверена, что он погиб, — Элла Вениаминовна прикрыла лицо рукой, пряча навернувшиеся слёзы. — В общем, это он мне всё и рассказал.

— Та-а-ак, — протянул Ваня, и все замолчали ещё на добрую минуту.

Но эта новая тишина была уже вполне комфортной, наполненной обычными звуками: дыханием, скрипом стульев, тиканьем настенных часов (почему их не было слышно раньше?), постукиванием чайных ложечек… Словом, можно было спокойно подумать.

— Но погодите, — стал допытываться Саша как самый рассудительный и въедливый из всех. — Если я правильно помню, Сергей был в машине, когда за ним гнались люди из Секретной Лаборатории, потом машина перевернулась и взорвалась. Так? И в ней нашли обгорелый труп. Разве это был не Сергей? — спросил Саша.

— Конечно, нет. Теперь-то я знаю, что Сергей жив. Значит, это был другой человек. Понимаете, Сергей в машине ехал не один. А их служба безопасности не знала, что в машине двое. Ну, не видели они, как этот, второй садился в машину, а стёкла были затемнённые. Когда же машина падала под откос, именно Сергея выбросило наружу, и он, без сознания пролежал в кустах до утра. Следов никаких не обнаружили, потому что ночь была, и дождь лил без перерыва, да и не особо искали. Ведь обгоревший труп из машины по ряду признаков опознали именно как тело Сергея Борисова. А настоящий Сергей, придя в себя, остановил на шоссе грузовик и добрался до ближайшего райцентра. Там ему и оказали первую помощь. К счастью травмы были не такими, чтобы обращаться в больницу, и обошлось без предъявления документов. Некоторое время он скитался по окрестным деревням, лишь спустя месяц тайком вернулся в Москву. Объявился у Зорина, рассказал ему всё, и Александр Петрович согласился отвезти его на свою дачу.

Элла Вениаминовна сделала паузу, и Саша счёл возможным вклиниться:

— Простите, а вам не кажется, что вся эта история какая-то очень неправдоподобная?

— Да, в общем-то, нет, — пожала плечами Элла Вениаминовна. — В его рассказе не хватало многих деталей, но я не настолько любопытна, чтобы выяснять их.

— Но, по-моему, — настаивал Саша, — в истории этой гораздо больше вопросов, чем ответов.

— И главный вопрос, — подхватила Аня, — почему он решил скрыться навсегда от Секретной Лаборатории?

— Это как раз понятно, — махнул рукой Ваня. — Мы же ещё в его дневнике читали. На базе «Фаэтона» Сергей задумал создать «анти-Фаэтон», блокирующий волны машины времени и не дающий запустить её никому, этакий «волногаситель».

— Наивная мечта, — усмехнулся Саша грустно. — На любой его волногаситель можно придумать новый генератор, не боящийся этих блокировок. Помните, Зорин вполне убедительно нам объяснил, что джинна обратно в бутылку не загонишь, то есть любое изобретение по сути неотменяемо.

— Помню, — сказала Аня, — но мне кажется, что в данном случае всё гораздо сложнее. Ведь сама идея путешествия в прошлые жизни принадлежит Сергею. Может, никто кроме него, и правда, не сможет включить машину времени, если Сергей найдет способ её отключить.

Ваня поглядел на Аню с удивлением, почти с восхищением — высказанная ею мысль была неожиданной и глубокой. Но Элла Вениаминовна, похоже, не слишком вслушивалась в разгоревшуюся между ребятами теоретическую дискуссию. Ей хотелось дать молодым людям чисто практические советы.

— Я вам не сказала одну важную вещь, — поведала она. — Сергей вынужден был прервать свои научные разработки после одного события: с ним связался некий человек. Как он это сделал, остаётся загадкой, ведь Сергей тогда скрывался ото всех, даже служба безопасности Секретной Лаборатории не знала, где он. А незнакомец знал и предложил продать прибор вместе с документами за огромные, просто астрономические деньги. Сергей, конечно же, отверг предложение. Более того, он повторно пришел к выводу, что следует уничтожить и сам прибор, и диск с документацией. И особенно неприятно поразил его тот факт, что загадочный человек был хорошо осведомлён обо всём, что делается в Секретной Лаборатории. Сергей проанализировал ситуацию и понял: либо сам руководитель Лаборатории Роман Каюмов ведёт двойную игру, либо враги и конкуренты проникли

уже в святая святых каюмовского хозяйства. Оба варианта представлялись одинаково скверными. И прятаться дальше становилось просто невозможно. Уж лучше попытаться выяснить, кто же это на него вышел. Сергей сделал вид, что принимает предложение и договорился о встрече за городом. Пресловутый незнакомец подсел к нему где-то по дороге, вот тут-то Сергей и заметил, что за его машиной неотступно следует другая. Тогда он не смог узнать преследователей и лишь много позже выяснил, что его пытались настигнуть именно сотрудники Секретной Лаборатории. Ну, а чем закончилась эта погоня, вы уже знаете…

— Так, значит, в автокатастрофе погиб этот неизвестный? — спросил Саша.

— Именно так, — кивнула Элла Вениаминовна, — всё удивительным образом совпало в пользу Сергея, и он решил не воскресать. Конечно, его беспокоила эта странная ситуация: ведь у погибшего могли быть друзья, единомышленники. Должны были быть. Но проходили дни и недели, а никто Сергея не искал. Вот тогда он и рискнул вернуться в Москву.

— И давно он вернулся? — вяло поинтересовался Саша. На самом деле его гораздо больше волновало другое: давно ли в последний раз объявлялись преследователи Сергея, ведь эти люди угрожали теперь и троим юным авантюристам.

— Да уж не меньше недели. Сергей пришёл и всё мне рассказал. Он сразу понял, что вы на Зорина вышли через меня. Он так же сказал, что вы обязательно придёте ко мне ещё раз — захотите выяснить, с кем встречались в кафе. А спросить-то особо и не у кого. Только у Зорина или у меня. Но вряд ли вы стали бы обращаться к Зорину. Сергей был просто уверен, что вы придёте сюда, и попросил, чтобы я рассказала вам всю правду. Вы должны осознать, какая опасность вам грозит. Он имел в виду не только агентов Секретной Лаборатории!

— И что же нам делать? — спросил Саша в полной растерянности, столь не характерной для него.

— Чтобы обезопасить себя, — стала рассуждать Элла Вениаминовна, — вы хотите получить от Сергея документы на «Фаэтон».

— Да, — сказал Ваня. — Во всяком случае, хотели до недавнего времени. По-моему, не отстанут они от нас, пока не получат документы.

— А Сергей, в свою очередь, не хочет сообщать службе безопасности, что он жив, — продолжила Элла Вениаминовна. — Мечтает, чтобы вы вернули ему «Фаэтон». Как разрешить это противоречие?

— Пусть он нам вернёт документы, а мы отдадим их

Секретной Лаборатории, — предложил Саша. — Так и они про Сергея не узнают, и мы отделаемся «лёгким испугом».

— Эх, — вздохнула Элла Вениаминовна. — Именно это я и предложила Сергею.

— И что же? — спросили ребята хором.

— А ничего. Он промолчал. Но я по глазам поняла, что он не принимает такого варианта. Наверно, продолжает надеяться на создание «анти-Фаэтона». Несмотря ни на что.

— И тогда наш прибор перестанет работать, — начал рассуждать Ваня. — У Секретной Лаборатории вся техника тоже выйдет из строя, диск со своей уникальной информацией Сергей уничтожит, бесценные сведения останутся только в его голове, и все будут вынуждены идти к нему на поклон. Вот тут он и обнародует, что на самом деле жив. Я правильно понимаю?

— Почти, — сказал Саша язвительно. — Только мы до этого счастливого момента не доживём. Нас раньше убьют.

— Да ну вас, ребята! — сказала Анюта, — я не верю, что все так мрачно.

— И правильно, — поддержала Элла Вениаминовна, — Ведь Сергей хочет с вами встретиться и обсудить положение дел. Возможно, вы вместе и придёте к правильному решению.

— Он опять будет сам звонить нам? — спросил Ваня.

— Лучше вы позвоните Зорину. Сергей сейчас там.

— Хорошо, — сказал Саша. — Можно воспользоваться вашим телефоном? Поверьте, я не пытаюсь сэкономить. Просто все наши мобильники скорее смогут засечь…

— А вы молодец, Александр, — ответила Элла Вениаминовна, — мне бы и в голову не пришло.

Саша вытащил мобильник, пролистал записную книжку и пошёл набирать номер на стареньком дисковом аппарате в соседней комнате.

— Ну? — с нетерпением выпалили Аня и Ваня, когда он вернулся за стол.

— Через три часа, то есть в одиннадцать Сергей будет ждать нас на Крымском мосту, — затем он обратился к Элле Вениаминовне: — Можно мы пока у вас посидим? К себе-то нам совсем нельзя.

— Понимаю, — добродушно кивнула хозяйка. — Располагайтесь как дома, устали, наверно. Поспите, а я вас разбужу, когда необходимо …

— Слушайте! — вдруг переполошилась Аня. — Обязательно надо позвонить родителям, что мы задержимся. Мои, например, сотрут меня в порошок, если не предупредить их. Они всегда очень переживают, когда я поздно возвращаюсь.

— Мои тоже переживают, — сказал Ваня.

— И мои, — поддакнул Саша. — Вообще-то мы их не видели больше пяти дней… А расстались только сегодня утром…

— Какой интересный парадокс получился, — усмехнулась Аня. — Ну, ладно! Я пошла звонить.

— Мы следующие, — сказали ребята.

Все три разговора были предельно лаконичны, и уже через десять минут они лежали, кто на диване, кто на креслах и спали как убитые.

А когда Элла Вениаминовна разбудила их, Аня вдруг сказала:

— Мне снился Китай. Всё так ярко, как наяву. Опять эта императрица…

— Про которую ты в Интернете читала? — решил уточнить Ваня. — Беда…

А Саша только молча пожал плечами.

Глава 5
ЦВЕТУЩАЯ ВЕТКА СЛИВЫ

…Ещё в 1644 году воинственные северные племена маньчжуров завоевали Китай и провозгласили императором одного из сыновей своего хана. С этого момента и начала править маньчжурская династия Цин, что в переводе означало «чистая», «светлая». Полное её название звучало ещё красивее — Да Цин, то есть «великая и чистая». Это был своего рода девиз правящей маньчжурской династии. По древней традиции все императоры назывались не собственными именами, а девизом правления. Как только император вступал на престол, уже никто не смел произносить и писать его прежнее имя. И вот, когда в 1644 году первый представитель маньчжурской династии взошёл на трон, он сразу издал соответствующий указ:

«…Я, получив одобрение Неба, и в соответствии с его волей, объявляю Небу, что взошёл на трон Империи, избрал для неё название Да Цин, а девиз моего правления Шуньчжи…».

Шуньчжи означало «благоприятное правление». С тех пор правитель Поднебесной и носил это имя. Последующие императоры тоже выбирали себе девиз правления. Так в 1851 году вступивший на престол И Чжу выбрал себе девиз правления Сяньфэн, что означало «всеобщее процветание».

Символом власти всех императоров династии Цин служил дракон — по-китайски «лун». На государственном гербе маньчжурских правителей изображали дракона с четырьмя лапами и пятью когтями на каждой лапе. Императора отождествляли с этим драконом и даже называли «император-дракон». Его лицо именовали «ликом дракона», глаза — «очами дракона», детей — «чадами дракона». Всё, чем пользовался император — одежда, посуда, украшения — обязательно носило печать дракона. И все стены во дворце пестрели его изображениями.

Так же династия Да Цин провозгласила свой царственный цвет — жёлтый. И никто, кроме императора и членов его семьи не смел носить одежду жёлтого цвета и пользоваться жёлтыми предметами обихода. А у императора жёлтым было всё: стены внутренних покоев, крыша дворца, паланкин, в котором он передвигался, стулья, обшитые соответствующим шёлком, занавески и даже фарфоровая посуда.

Со дня завоевания Китая северными племенами, все маньчжуры имели привилегированное положение в империи, а

китайцы должны были подстраиваться под них. Новые правители ввели обязательное ношение косы — как знак подчинения маньчжурскому дому. Всё мужское население Поднебесной должно было с детства отращивать косу на затылке. Волосы вокруг обычно сбривали или стригли очень коротко.

Вся страна была разделена на восемнадцать провинций, которые в свою очередь делились на области, округа и уезды. Провинцией управлял губернатор, разумеется, маньчжур. Китайские чиновники могли претендовать лишь на второстепенные роли, получали ранг не выше четвёртого, хотя, в последнее время бывали исключения. Кроме того, чиновнику-китайцу не разрешалось пользоваться печатью. Ну, а все высшие государственные посты доставались, исключительно маньчжурам. Императорский двор состоял только из маньчжуров, за исключением евнухов, которые наоборот были только китайцами (маньчжуры не имели право оскопляться). Так же в императорском дворце можно было встретить служанок-китаянок, и некоторым из них даже удавалось стать наложницами императора. Но это было то самое исключение из общего правила, и довольно редкое. А вообще, даже наказания за всевозможные преступления — и те для маньчжуров были более гуманны. Кроме того, под страхом смерти маньчжуры не имели права вступать в брак с китайцами. Это считалось величайшим преступлением. Что и говорить, в то время маньчжурам в Китае приходилось куда лучше, чем китайцам, хотя, казалось бы, именно китайцы живут у себя дома.

В императорский гарем набирались только маньчжурки, не старше двадцати лет и знатного происхождения. Гарем «обновлялся» каждые три года, и к концу правления количество наложниц достигало почти тысячи.

Участь наложниц, не удостоенных внимания Сына Неба, была горька. В отдалённых уголках Запретного города, всеми забытые и покинутые, они вели образ жизни монашек. Лишь очень немногим удавалось заслужить внимание императора. Когда император умирал, наложницы не могли выйти замуж или возвратиться к своим родителям. Вот почему многие знатные маньчжуры неохотно отдавали своих дочерей в императорский гарем. Оставаясь дома, их дочери могли выйти замуж, иметь много детей и быть по-настоящему счастливыми.

Когда объявлялся набор наложниц, особенно заботливые отцы прятали своих дочерей или срочно выдавали их замуж. Вообще, знатные маньчжуры должны были добровольно вносить своих дочерей в списки претенденток для императорского гарема, но не все исполняли этот долг добросовестно. Зная об этом,

евнухи рыскали по всему городу и высматривали достойных маньчжурок. По закону они имели право заходить в каждый дом и проверять, есть ли там молодая девушка.

И вот, весной 1852 года был обнародован указ, повелевавший маньчжурским девушкам прибыть во дворец. Самые достойные из них должны были занять место в императорском гареме Сяньфэна.

И Чжу, вступивший на престол под девизом Сяньфэн — «всеобщее процветание» — был четвёртым сыном императора Даогуана (в переводе «целенаправленное и блестящее»). В 1851 году Даогуан умер, оставив трон своему девятнадцатилетнему сыну. Женой И Чжу была Цыань. Это имя означало «милостивая и спокойная», и надо сказать, что оно очень подходило ей.

Выждав положенное время траура по усопшему императору, Сяньфэн объявил о наборе наложниц в свой гарем.

Мать Ланьэр, подумав хорошенько, решила направить свою дочь на «смотрины». В последнее время их семья очень нуждалась, у них даже не хватало денег платить прислуге.

«А вдруг моей дочери повезёт, и император приблизит её к себе? — думала она. — Даже если этого не случится, лучше жить взаперти в хороших условиях, чем бедствовать на свободе». Однако Ланьэр долго не соглашалась на предложение матери. Ей хотелось, как, впрочем, и всем девушкам, выйти замуж за красивого юношу, родить детей и жить в семье долго и счастливо. Тем более что совсем недавно, гуляя в Парке Безмятежности, она встретила…

Юноша сидел в маленькой беседке, увитой плющом, и что-то усердно записывал. Рядом на небольшом столике стояла маленькая чернильница и небольшой стаканчик с кистями. Погружённый в раздумье, он не заметил приближающуюся девушку. Ланьэр, не смея нарушить его покой, подошла к беседке потихоньку и оказалась за спиной юноши. Преисполненная любопытства, она заглянула сквозь тонко переплетённые прутья. Молодой человек, увлечённо писал, по-прежнему не замечая её. Ланьэр стала вглядываться в красиво выведенные иероглифы и успела прочесть не так много, но уже по первым строкам поняла: юноша пишет стихи.

Предо мной облака
Чистоты неземной.

К ним хотел бы хоть раз
Прикоснуться рукой

Я хотел бы взлететь
Высоко-высоко,

Как мечты улететь
Далеко-далеко.

Но вдруг ветер подул
И унёс облака,

И исчезли мечты…
И так будет всегда?[4]

Ланьэр не успела пробежать по строкам дальше: юноша, почувствовал её присутствие и обернулся.

— Прекрасные стихи, — тихо произнесла девушка, щёки её зарделись румянцем.

Молодой человек, которого звали Лю Чанг, улыбнулся и отложил кисть.

— Я очень рад, что они понравились тебе, — сказал он и взглянул ей в глаза.

Ланьэр отвернулась.

— Я ещё не успел закончить, — продолжил Лю Чанг, не сводя с девушки глаз.

Ланьэр отломила ветку распустившейся сливы, и, вдохнув благоуханный аромат цветка, произнесла несколько смущённо:

— А ты мог бы написать стихи про цветущую сливу?

Юноша поднялся, обошёл беседку и, встав рядом, попросил у неё ветку сливы.

— Ты хочешь, чтобы я написал стихи именно об этой ветке, сорванной прекрасной незнакомкой?

Ланьэр не нашлась, что ответить, и совсем смутилась, краснея на глазах. Лю Чанг внимательно наблюдал за ней. Всё в этой девушке было гармонично-прекрасным: красивые чёрные брови, разбегающиеся, как два соболя; тёмные, как спелые вишни, глаза; алые, как сок граната, губы; стройное, гибкое, как ива, тело. Её роскошные чёрные волосы, собранные в изящную причёску и заколотые ажурными золотыми шпильками, были украшены бледно-розовой орхидеей, сделанной из тонких шёлковых лоскутков. В своём ярком весеннем наряде, расшитом цветами и с этой божественной орхидеей в волосах, она казалась неземной феей, явившейся из сада Вечной Весны.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Ланьэр.

— Красивое имя.

— А тебя как зовут?

— Лю Чанг или просто Чанг. А почему ты гуляешь здесь одна?

— Я люблю гулять одна, — ответила Ланьэр. — Здесь так чудесно, что не хочется ни с кем разговаривать, хочется просто бродить, любуясь совершенством природы.

— Я тоже люблю одиночество, — сказал юноша. — Хорошо думать, размышлять и писать стихи, когда ты один.

— А я тебе не помешала? — встревожилась Ланьэр.

— Нет, что ты! — поспешил он заверить её. — Наоборот! Я так рад встрече с тобой. Знаешь, что? Приходи завтра сюда же. Я напишу стихи про эту цветущую ветку сливы.

Ланьэр быстро взглянула в глаза юноше и тут же опустила взор.

— Хорошо, я приду, — она наградила его ещё одним совсем коротким взглядом и… убежала.

Придя домой, Ланьэр только и мечтала: вот бы поскорее наступило завтра! Она ничего не могла делать — всё валилось из рук. Мать, заметив это странное состояние, спросила:

— Уж не заболела ли ты, дочка?

— Нет, со мной всё хорошо, — ответила девушка и как-то странно улыбнулась.

Целую ночь Ланьэр не могла заснуть. Образ незнакомого юноши стоял у неё перед глазами. «Какой у него красивый голос, — вспоминала она. — Как он говорит, как смотрит! Этот взгляд — такой нежный и глубокий!». Она всё думала, думала и думала о нём… И даже не заметила, как наступил рассвет. Весенние лучи проникли в комнату, залив её своим золотистым сиянием. Сейчас Ланьэр казалось, что всё вокруг стало каким-то волшебным, необычным. Даже привычная мебель в комнате — и та как-то посвежела, а весенние цветы, умело подобранные в красивые букеты, казались особенно ароматными и яркими.

Наступившее утро тянулось безумно долго, словно время нарочно потекло медленнее. Ланьэр бесцельно прохаживалась по маленькому внутреннему дворику, и мысли её были далеко-далеко.

Наконец, солнце поднялось высоко над горизонтом. Ланьэр надела свой самый лучший наряд — ярко-красный халат с чудесной вышивкой: разноцветные шёлковые цветы были разбросаны по всей поверхности одежды, а между ними порхали ажурные бабочки, тоже вышитые шёлком. Яркими пятнами на халате красовались большие круговые узоры из пионов, гвоздик и бабочек, сплетённые в «бесконечный узел». Низ платья и широкие

рукава были окаймлены разноцветным волновым узором. В довершение Ланьэр надела изящные башмачки на высоком каблуке, тоже расшитые шёлковыми цветами.

— Ты куда так разоделась? — спросила мать.

— Да так, — смутившись, ответила Ланьэр. — Решила прогуляться по парку.

Мать подозрительно посмотрела на дочь, но ничего не сказала.

Ланьэр вышла за ворота и быстро-быстро пошла в сторону парка Безмятежности. Она прошла Жемчужную улицу, свернула на Цветочную и вскоре вышла к воротам Изящного слога. За воротами открывался парк, где в удивительной тиши, стремясь к уединению, проводили время учёные и поэты. Здесь гармонично сочетались искусственные холмы вокруг прудов, яркие цветы и причудливые деревья с естественными изгибами стволов и ветвей. Созерцая красоту парка, люди обретали покой и отдыхали от городской суеты. Сладкозвучные цикады нежно трещали, как бы вторя вдохновенным поэтам, мысленно декламирующим стихи. Неожиданные детали, вроде каменных россыпей или скал, вдруг возникающих на пути, будили воображение. Большие клумбы, пестрящие разнообразными цветами, придавали парку особую прелесть и наполняли его чудными ароматами. И каждый цветок имел свой символический смысл. Пион считался царём цветов и символизировал весну, хризантема была символом долгой жизни, лотос — средоточием чистоты, а нарцисс — любимым новогодним цветком, в чьих нежных бутонах как бы таилось будущее счастье. Цветок зимней сливы, распускавшийся ранней весной, знаменовал собою обновление, а бамбук являлся неизменным символом верной дружбы и стойкости. Наконец, персик олицетворял бессмертие.

Учёные мужи слагали стихи о чудесной красоте мира, придавая каждой строчке особый, таинственный смысл. И нередко в парке проводились своего рода состязания. Мастера собирались в уединённом месте и упражнялись в искусстве «трёх совершенств». Один делал рисунок, другой сочинял к нему стихи, третий каллиграфически выписывал иероглифы.

Но не только ученые и поэты проводили здесь своё время. Приходили и самые обыкновенные жители столицы, чтобы предаться размышлениям, восстановить душевное равновесие или просто полюбоваться совершенством природы.

Ланьэр летела как на крыльях по дорожкам парка, причудливо извивающимся меж небольших рощ и зарослей бамбука, и вскоре оказалась у заветной беседки.

Лю Чанг ждал её, держа в руках цветущую ветку сливы и

скрученный в трубочку лист бумаги. Ланьэр замедлила шаг и, ступая уже совсем тихо, вошла в беседку. Юноша поднялся ей навстречу и, подойдя совсем близко, ощутил дивный цветочный аромат. От юной красавицы просто веяло весной. Вся она словно светились изнутри, глаза мерцали загадочно, как звезды, а лёгкий румянец придавал её удивительному лицу сходство с нежнейшими лепестками орхидеи.

— Не хочешь ли ты прогуляться по парку? — спросил он.

Ланьэр кивнула и, выйдя из беседки, они направились к пруду. У самого водоёма, обрамлённого клумбами весенних цветов, девушка спросила:

— Ты написал стихи о сливе?

Юноша молча протянул ей лист, скрученный в трубочку.

— Давай присядем, — предложила Ланьэр.

Они опустились на красивую резную скамейку, и девушка развернула бумагу. Автор смущенно потупил взор, пальцы его нервно вертели цветущую ветку сливы. Ланьэр читала про себя:

Белоснежная зимняя слива
Здесь повсюду в садах расцвела.

И как сон, неземное виденье,
В сад прекрасная фея вошла

В своём ярком весеннем наряде,
Шелестя расписною парчой,

Лёгкой поступью нежно ступая,
По траве, опьянённой весной.

Своей бархатной нежною ручкой
Сорвала она ветку в саду.

И как будто заплакав от боли,
Слива вздрогнула, чуя беду.

Всколыхнулись цветочные тени,
Осыпая к ногам белизну.

Белый цвет, словно искорки снега,
Закружился в весеннем саду.[5]

Ланьэр свернула листок со стихами и посмотрела на юношу. Тот робко взглянул в её глаза и вдруг увидел в них слёзы.

— Почему ты плачешь?

— Эта ветка сливы для тебя… как живая… Зачем я сорвала её? — прошептала девушка.

Лю Чанг улыбнулся и нежно погладил её по руке.

— У тебя доброе и чуткое сердце. Ты… — он немного замялся, — ты прекрасна в своём великодушии.

Теперь Ланьэр смутилась, но не стала отворачиваться. Преодолев робость, прямо спросила:

— Можно я оставлю эти стихи себе?

— Конечно, — ответил он. — Если б не ты, вряд ли я смог бы их написать.

— А скажи, — спросила девушка, — ты много знаешь стихов?

— Много, — кивнул он.

— Почитай мне, пожалуйста, — попросила она. — Ну, например, твоего самого любимого поэта.

— Хорошо, — согласился он охотно. — Ты слышала о Цао Чжи, жившем много-много веков назад?

— Расскажи мне о нём, — уклончиво ответила Ланьэр.

И юноша начал рассказывать.

Цао Чжи родился в сто девяносто втором году и был четвёртым сыном полководца Цао Цао. Времена тогда были суровые. Некогда могущественная Ханьская империя, просуществовавшая больше четырёхсот лет, постепенно разваливалась под напором крестьянских восстаний. Самое крупное из них — восстание «жёлтых повязок» — по существу, решило судьбу империи. Наступил момент, когда уже ничто не могло спасти её. Она развалилась, а на руинах образовались три независимых царства: царство Вэй во главе с Цао Цао, царство Шу и царство У. Как это обычно бывает, все три государства постоянно воевали друг с другом, и поэт Цао Чжи, сын теперь уже царя Цао Цао был свидетелем этих войн.

Цао Чжи увлекался поэзией с детства. В десять лет он знал уже великое множество стихов и начал писать сам. Отец очень гордился своим сыном и даже хотел передать ему трон, но неожиданно умер и власть получил Цао Пи.

Старший брат ненавидел младшего, и не только за то, что отец хотел оставить тому престол, но и просто из зависти к его поэтическому таланту. Ненависть была столь велика, что распространилась и на друзей поэта. Цао Пи казнил их всех, впрочем, самого Цао Чжи не посмел, а надумал отправить в далёкую ссылку. Но перед этим император в присутствии всех придворных решил испытать талант поэта, тайно надеясь, что брат не сможет выполнить заданные условия. Он велел ему пройти семь шагов и за это время сложить стихи. Ослушание

грозило страшной карой. Но Цао Чжи выполнил приказ и сложил свои знаменитые «Стихи за семь шагов».

Однако ссылка оказалась для поэта не лучше, чем смертная казнь. Согласно императорскому указу Цао Чжи не полагалось подолгу находиться ни в одной из провинций, он должен был всё время скитаться, совершая многотрудные переходы.

И всё же трудности не сломили Цао Чжи. В своих скитаниях он много думал о будущем Китая, мечтал об объединении, писал письма брату, а после его смерти — следующему императору, просил, чтобы его приняли в столице и выслушали. Но письма оставалось без ответа.

— Цао Чжи умер в сорок лет, — завершил свой рассказ Лю Чанг, — так и не встретившись с императором. Неудивительно, что почти все его стихи пронизаны грустью, тоской, печалью одиночества. Перед самой смертью он написал прекрасные стихи о бессмертии. Хочешь, я прочту их?

— Хочу, — ответила Ланьэр.

— Открылись мне
Небесные врата,

Из перьев птиц
Я надеваю платье;

Взнуздав дракона,
Мчусь я неспроста

Туда, где ждут меня
Мои собратья.

Я линчжи[6] рву
В восточной стороне,

В краю бессмертных,
У границ Пэнлая[7];

Ты снадобье прими,
Сказали мне,

И будешь вечно жить,
Не умирая.[8]

Ланьэр попросила Лю Чанга прочесть ещё какие-нибудь стихи Цао Чжи, и тот вдохновенно читал, позабыв обо всём на свете,

видя перед собой только лицо юной красавицы. А она вслушивалась в тихий, волнующий голос и думала о том, что уже никогда не сможет позабыть его. Тонкая трепетная душа молодого человека вдруг раскрылась перед нею как ладонь, на которой, словно подарок, лежало его сердце. Подобными образами были полны стихи древнего поэта, смысл которых так глубоко понимал читавший их юноша, и Ланьэр, как зачарованная, не могла оторвать от него взгляда и всё слушала, слушала, не двигаясь, не решаясь вздохнуть, боясь, что вдруг неосторожно порвёт эту тончайшую душевную нить, неожиданно связавшую их так крепко. А он читал и читал ей стихи, пытаясь донести всё то, о чём думал, чем жил, чем дышал, и голос его очаровывал, манил, уносил в страну грёз и мечтаний…

Несколько раз юноша всё-таки прерывался и спрашивал, что думает Ланьэр по поводу того или иного стихотворения. Она начинала размышлять вслух со всей пылкостью и искренностью. И молодой человек иногда спорил с ней, но чаще соглашался…

Так сидели они долго-долго. Как будто само время остановилось, не решаясь спугнуть чарующий и неуловимый момент единения душ. Всё вокруг затихло, замерло, только нежный ветерок, запутавшийся в ветвях цветущей сливы, украдкой скользил по изумрудным листьям и плавно покачивал их в такт стихам. И словно откуда-то из далёкой, волшебной страны доносился ласковый, волнующий голос:

…В тёмном небе луна поднялась,
Встрепенулись цветочные тени

И явилась любимая мне
Вместе с шелестом чутких растений…

Сколько же всё-таки времени прошло? Да разве это главное? Для них было важно лишь одно — они нашли друг друга.

Он предложил ей немного покататься на лодке. Ланьэр согласилась. Лёгкая лодочка кружила их по весеннему пруду; и широкие листья лотоса качались на воде; и гордые утки отплывали в сторону, лишь только завидев непрошеных гостей; а другие маленькие весёлые птички водили шумный хоровод над их головами.

Беседа влюблённых становилась всё более эмоциональной, и если над водной гладью вдруг раздавался звонкий девичий смех, даже деловитые утки встревожено взлетали и начинали кружиться над лодочкой вместе с остальными пернатыми.

А уж когда юноша Лю Чанг узнал, что Ланьэр любит петь,

девушке пришлось продемонстрировать свой восхитительный голос. Из многих песен и оперных арий она выбрала одну, и юноша, замер, очарованный. Мелодичные звуки разливались над поверхностью воды, и даже птицы затихли, будто прислушиваясь к этому голосу, такому чистому, мягкому и дурманящему, словно весенний цветок.

Солнце клонилось к западу. Тени деревьев удлинились, цветы начали закрываться, как бы говоря влюблённым: пора, пора…

— Мы встретимся завтра? — с нетерпением спросил юноша.

— А ты хочешь, чтобы мы встретились? — кокетливо опустила глаза Ланьэр.

— Конечно! Давай опять в нашей беседке. Я принесу цитру и стану играть для тебя, а ты будешь петь.

— А я сделаю рисунок к твоим стихам о сливе, — улыбнулась Ланьэр.

— Я буду ждать тебя завтра, — прошептал юноша и взял её за руку. — Когда ты уйдёшь, я буду думать о тебе… и мечтать, — ещё тише добавил он.

Ланьэр смутилась вдруг и, высвободив руку, побежала прочь из парка.

Она бежала по узким улочкам города и прохладный вечерний ветер обдувал её раскрасневшиеся щёки. Она улыбалась и напевала что-то, и прохожие удивлённо оборачивались и спрашивали друг друга: «Почему она бежит и смеётся?» А Ланьэр не обращала внимания, она просто не видела никого. От избытка чувств ей хотелось бежать, бежать, бежать… и петь.

Дома она аккуратно разложила лист со стихами на небольшом столике, развела чернила и достала свои лучшие кисти. Самой толстой кисточкой размыла фон в уголке листа, а затем, взяв другую, тоненькую, принялась старательно вырисовывать каждую мельчайшую деталь.

На фоне горного пейзажа одиноко стояла цветущая слива, одна ветка у неё была надломлена, и землю вокруг усыпали маленькие белые соцветия.

Ланьэр посмотрела на свой рисунок, хотела ещё что-то добавить, но тут же подумала, что лишние детали только отвлекут внимание и нарушат гармонию пейзажа.

Она оставила рисунок сохнуть, а тем временем открыла небольшой сундучок, где лежали всевозможные лоскутки от старых нарядов. Выбрав самый красивый — из плотного синего шёлка, Ланьэр принялась мастерить мешочек для этого драгоценного свитка со стихами. Сидя у окна, она вышивала разноцветными шёлковыми нитками на синем фоне маленькую мифическую птицу Феникс, приносящую счастье. Вышивала долго

и усердно. А когда совсем стемнело, продолжила вышивать при свечах и всё время тихо напевала какие-то песенки.

Младшая сестра, увидев старшую за работой, не преминула спросить:

— Для чего это?

— Я потом тебе расскажу, — загадочно улыбнулась Ланьэр. — Лучше иди спать, а то спугнёшь мою птицу счастья, — и звонко рассмеялась.

Полночи просидела она за работой, чтобы закончить именно сегодня, а назавтра показать результат юноше.

И вот ровно в полдень она снова отправилась в Парк Безмятежности. Душа её пела от счастья. А у заветной беседки юноша, держа в руках цитру, что-то тихо наигрывал и уже шёл ей навстречу.

— Целую ночь не мог заснуть, — тихо сообщил он, взяв её за руку. — Всё время думал о тебе… Знаешь, я принёс кое-что, — и он протянул письмо.

Ланьэр хотела развернуть его, но Лю Чанг попросил:

— Только не читай сейчас. Ладно? Лучше потом.

— А что там? — взволнованно спросила девушка.

— Это стихи… для тебя, — добавил он.

— Твои?

— Да, мои…

И щёки его зарделись румянцем.

— Хорошо, я прочту это дома, — сказала Ланьэр, садясь на скамейку. — Я тоже кое-что принесла…

И она протянула юноше синий шёлковый мешочек с вышитой на нём птицей Фениксом.

— Там, внутри свиток с твоими стихами, — объяснила она. — Я сделала к ним рисунок.

— А это ты сама вышивала?

— Сама, — опустила глаза Ланьэр.

— Очень, очень красиво, — сказал он. — Ты не только поёшь прекрасно. У тебя и руки золотые!

Ланьэр улыбнулась и покраснела. Они оба всё время краснели и улыбались. И это было так здорово!

Юноша развернул листок и долго смотрел на красивый пейзаж с одинокой сливой.

— Ты очень тонко чувствуешь настроение. Молодец! Это удивительно милый рисунок.

— Но я не отдам его тебе, — сказала Ланьэр с улыбкой. — Посмотрел — и хватит. Ведь ты подарил мне эти стихи.

— Конечно, я помню, — поспешил ответить он. — Ну, а ты помнишь, что обещала подарить мне?

Ланьэр удивлённо подняла брови. Юноша взял в руки маленькую цитру, прикоснулся к ней чуткими пальцами, и нежные, грустные звуки заполнили собою беседку, опутанную плющом, и казалось, будто его тонкие вьющиеся стебли звенят вместе со струнами.

— Ты обещала спеть, — сказал юноша, не прерывая игры.

Ланьэр рассмеялась счастливая, а потом запела, и её дивный голос разлетелся по всем уголкам сада…

Потом наступили сумерки, юноша проводил девушку до её улицы и как-то грустно, словно предчувствуя беду, спросил:

— А завтра ты придёшь?

— Почему ты вдруг опечалился? — спросила Ланьэр.

— Не знаю, — ответил он. — На душе неспокойно. Не обращай внимания. Просто мне не хочется отпускать тебя.

— Но мы же увидимся завтра, — рассмеялась Ланьэр.

— Ты только обязательно приходи, — с нажимом произнёс Лю Чанг и посмотрел ей в глаза. — Ты придёшь?

— Конечно, приду, — кивнула она и опустила глаза. — Мне тоже не хочется расставаться. Но ведь завтра будет уже завтра, — улыбнулась она. — Ночь пролетает так быстро… и утро тоже.

— Для меня это будет самая длинная ночь на свете, — сказал юноша.

— Для меня — тоже, — тихо прошептала Ланьэр.

Дома она сразу побежала в свою комнату. Хотелось побыстрее прочесть письмо. Но едва присела на стул, раздались шаги, и вошла мать. Девушка быстро спрятала письмо в широкий рукав и встала.

— Я хочу с тобой серьёзно поговорить, дочка. Садись, разговор будет долгий.

Ланьэр ещё никогда не видела свою мать такой серьёзной и озабоченной.

— Ты знаешь, что в императорский дворец набирают наложниц? — начала она.

— Да, я что-то слышала об этом, — ответила девушка.

— Так вот, сегодня к нам в дом приходили двое и спрашивали меня о дочерях.

Ланьэр испуганно взглянула на мать, ощутив холодок, пробежавший по телу.

— Я сказала, что у меня две дочери и одну из них я готова отправить на «смотрины» в императорский дворец.

Она сделала паузу и внимательно поглядела на Ланьэр. Та бледная, как полотно, сидела не шелохнувшись.

— Что с тобою? — обеспокоилась мать. — Уж не заболела ли?

— Нет, я не заболела, — тихо прошептала Ланьэр, и ей

показалась, что это не она, а кто-то другой ответил на вопрос: голос, чужой и незнакомый, звучал как будто издалека.

— Я подумала, — продолжила меж тем мать, — что на «смотрины» должна пойти ты.

В голове Ланьэр эхом отозвалось: «Ты, ты, ты, ты…» Она смотрела на мать странными, пустыми глазами, и в голове стучало, как колокол: «Ты, ты, ты…»

— Эй, ты слышишь меня? — окликнула мать. — Да что с тобой?

Смысл слов доходил медленно. Ясно одно: она больше никогда не увидит того юношу.

— Нет! Нет! — закричала она так громко, что мать испугалась. — Я не могу! Не могу!!!

Ланьэр вскочила и выбежала во двор.

Там она горько плакала, закрыв лицо руками. Потом вдруг почувствовала, как чья-то рука мягко опустилась на её плечо, и обернулась.

— Дочка, — ласково произнесла мать, — не надо так убиваться. Ты сможешь жить во дворце, в настоящей роскоши! А мы как живём? Нет даже прислуги. Если ты попадёшь туда, а я уверена, что попадёшь, ты понравишься императору. Он приблизит тебя, даст для начала титул, ну, хотя бы шифу — младшей наложницы, и ты сможешь жить припеваючи, ни о чём не думать. Наконец, ты сможешь помогать всем нам, а ведь мы так нуждаемся!

— Но я не хочу во дворец, — опять заплакала Ланьэр. — Я не хочу быть даже драгоценной наложницей!

— Да ты что, дочка?! — удивилась мать. — Если ты станешь драгоценной наложницей, это будет великое счастье для нас. О таком мечтают все девушки. Ты будешь ходить в дорогих шёлковых одеждах, у тебя будет множество слуг, тебе будут подавать на обед сотни блюд, у тебя будет целая гора драгоценностей и тебе ничего — ничего! — не придётся делать. Но даже если ты не станешь драгоценной наложницей, а получишь лишь титул младшей наложницы или драгоценного человека, всё равно у тебя будет почти всё это. Ты не представляешь, какое счастье жить во дворце, ни о чём не заботясь!

— Я не хочу такого искусственного счастья! — выкрикнула Ланьэр. — Я хочу счастья земного, с любимым человеком!

— Послушай, дочка, — погладив её по голове, сказала мать, — если император полюбит тебя, никакое земное счастье не сможет сравниться с этим. А я уверена, что такую прекрасную девушку, как ты, он не оставит без внимания!

— Но почему, почему я должна идти во дворец? Не лучше ли послать мою младшую сестру? — слезы так и текли из глаз Ланьэр.

— Твоя младшая сестра Дафэн не так хороша, как ты. Она не сможет занять достойного места при дворе. И ведь ты сама знаешь: если император обойдёт девушку вниманием, ей будет очень тяжело. А ты у меня такая красавица, такая талантливая, такая умная!.. Император непременно заметит тебя. Ты многого добьёшься! Ну, не упрямься, лучше подумай хорошенько. Ты можешь спасти нас всех от нищеты.

— Всё равно, — упрямо повторила Ланьэр, — я всех вас очень люблю и хочу, чтобы мы жили хорошо, но я не пойду во дворец. Я не могу! Уж лучше я умру.

— Да ты что! — в сердцах закричала мать. — Думай, что говоришь! Если ты любишь нас, значит, не причинишь страданий.

— Это вы хотите причинить страдания мне! — ещё громче заплакала Ланьэр.

— Ладно, успокойся, — смягчилась мать. — Давай поговорим об этом завтра. Иди в дом. Я приготовила тебе хороший ужин… И вот ещё что. Завтра придут почтенные господа из дворца, чтобы посмотреть на тебя! Ты должна хорошо выглядеть, — и мать ушла в дом.

Ланьэр закрыла лицо руками. Она уже даже плакать не могла. Всё, участь её решена. Все мечты рухнули в одночасье…

Она сидела так долго-долго. Уже солнце скрылось за горизонт, и стали проглядывать звёзды, но для Ланьэр жизнь просто кончилась…

Когда на улице стало совсем темно, дверь тихо отворилась, на пороге стояла Дафэн.

— Сестрёнка, — позвала она, — иди в дом, уже поздно.

Ланьэр вздрогнула и, встав со своего места, медленно пошла. У себя в комнате она взяла со стола письмо юноши и дрожащими руками развернула бумажный лист. Сердце её бешено стучало, глаза наполнились слезами.

Ты, как дымки мираж,
Как волшебный цветок;

Ты, как сказочный сон,
Как морской ветерок.

Стан твой гибок, как ива,
А взгляд, как волна

Захлестнул мою душу,
Надеждой пьяня.

Белоснежной рукой
Ты срываешь цветок,

И уже в волосах
Засверкал огонёк.

Южным ветром хочу
На мгновение стать,

Чтобы к милой прильнуть
И тихонько обнять.

Заскользить в волосах,
Мягко тронув цветок,

Пробежаться волной,
Не сорвав лепесток.

И одежды шелка
Всколыхнуть… замереть…

Прикоснуться к руке,
Снова в небо взлететь.

Но вернуться опять,
Вновь вдохнуть аромат

Золотого цветка,
Что в твоих волосах.

Или, может быть, стать мне
Одной из ветвей,

Чтоб коснуться одежды
Любимой моей.

Или в небе ночном
Загореться звездой,

И с вершины смотреть,
Любоваться тобой.

Замерцать в глубине
Твоей нежной души,

Отразиться в глазах
Мягким блеском звезды.

Лёгкой прихотью ветра
Деревья шуршат,

И играет на солнце
Их дивный наряд.

Трепет мысли заветной
Стихом зазвенел.

Я мечтаю о счастье!
Его я воспел!

Счастье, стой, не спеши!
Погоди уходить!

Ведь с любимою рядом
Мечтаю я быть![9]

Ланьэр горько плакала. Она читала и перечитывала стихи, написанные для неё, и слёзы всё капали и капали на аккуратно иероглифы, оставляя на них следы безутешного горя. Ей казалось, что вместе со слезами уходит сама её жизнь. Она чувствовала себя птицей, которой подрезали крылья. Она уже никогда не сможет летать, а будет лишь медленно угасать, тоскуя о небе.

«Для чего жить? — думала Ланьэр. — Я не хочу жить без своего любимого. Я никогда не смогу забыть его».

Прочтя в последний раз его стихи, она бережно свернула листок и убрала в тот же шёлковый мешочек, где лежало стихотворение о цветущей сливе. Ланьэр с тоскою посмотрела на птицу Феникса, и ей почудилось, что роскошные крылья счастья как-то поникли, а глаза потускнели, словно птица плакала вместе с нею и объясняла: её заветные мечты и надежды теперь никогда не осуществятся, и эта нежная любовь, так внезапно вспыхнувшая в сердце, зачахнет, как сорванный и брошенный на землю цветок.

Ланьэр подошла к кровати и легла, прижав заветные стихи к груди. Она пролежала всю ночь, не сомкнув глаз. Она знала, что

больше не увидит любимого. Никогда. И эти стихи — единственное, что останется в память о нём, в память о её светлой и чистой любви.

Глава 6
ОПЯТЬ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА

Они вышли из метро на «Парке культуры» и сразу поняли, что страшно хотят есть. У Эллы Вениаминовны было как-то неудобно совершать опустошительный набег на холодильник, там ограничились чаем, а теперь в ближайшей круглосуточной палатке накупили хотдогов, сладких булок и кока-колы. Налетевший с реки влажный порывистый ветер был по-осеннему холодным и неприятно хлестал в лицо. Конечно, жевать на таком сквозняке не слишком аппетитно, причём было ясно, чем выше поднимешься на мост, тем ветер будет сильнее.

— Ну и местечко для встречи! — проворчал Иван.

— Место как раз неплохое, — объяснил Саша, пряча лицо в воротник и яростно кусая мягкую булку. — Здесь народу почти нет, особенно в такое время.

— Да, — согласился Ваня, запивая хотдог колой и жмурясь то ли от удовольствия, то ли от очередного порыва ветра. — Это тебе не стеклянный Киевский, по которому экскурсанты толпами бродят. Тут раздолье для самоубийц, — добавил он, мрачно хихикнув. — Встал на парапет — прыг! — и порядок. Никто не помешает.

Аня сердито ткнула его в бок.

— Ребята, мне не нравится ваш настрой, — возмутилась она. — У нас всё слишком серьезно, чтобы позволять себе подобные шуточки: когда смерть ходит рядом, о ней не говорят с такой небрежностью. Лучше подумайте, как будем уговаривать Сергея.

— А я уже придумал: давайте сдадим этого генетика агентам Секретной Лаборатории — и делу конец, — предложил Ваня то ли всерьёз, то ли не очень. — Пусть крокодилы жрут друг друга. А с нас тогда уже взятки гладки.

— Ты что, ку-ку?! — Аня покрутила пальцем у виска, она не принимала такого варианта даже в шутку. — Мы же сами затеяли всю эту возню с «Фаэтоном», а теперь — в кусты? И отдать на растерзание человека, который фактически подарил нам уникальную возможность путешествовать во времени?! Вань, ну ты хорош гусь, ничего не скажешь! Кто первый включил прибор, когда мы с Сашей просили этого не делать? Вот ты и отвечай за всё, а не спихивай на генетика.

— Да ладно тебе, — буркнул Ваня. — Пошутить нельзя?

— У тебя шутки идиотские, — насупилась Аня.

А Саша, шедший чуть впереди, остановился и, обернувшись к ним, строго произнёс:

— Шутить, и правда, нельзя, Вань, потому что просто не время. Генетик Борисов тоже за всё ответит. Ведь мы не похищали у него прибора. Мы подобрали ничей, брошенный им «Фаэтон» и ничего не обязаны никому возвращать. Но в этой истории всё очень непросто. И главное, этот Сергей Борисов… Он сумасшедший. Я помню его глаза. Да и все его поступки слишком далеки от нормальной логики. Сейчас мы должны учитывать это.

— Ты хочешь сказать, что он, например, попытается сбросить нас с моста? — испуганно спросила Аня, противореча самой себе, то есть явно накликивая беду.

— Пусть попробует, — усмехнулся Ваня, инстинктивно напрягаясь и оценивая свою спортивную форму.

— На самом деле, и такое не исключено, — пожал плечами Саша. — Одно вам скажу: всего не предусмотришь. И сейчас главное — не паниковать, не делать преждевременных выводов и готовиться быстро принимать решения по ситуации.

Они уже дошли до середины моста и в растерянности остановились.

— Будем ждать, — сказал Саша и, повернувшись к реке, стал смотреть на тёмную маслянистую воду.

Ваня, добровольно взявший на себя функции наблюдения и охраны, поглядывал то в сторону центрального входа в парк, то в противоположную, откуда они пришли.

Анюта достала монетку и бросила в Москву-реку.

— Это чтобы сюда вернуться? — спросил Ваня.

— Нет, — ответила девушка. — Это чтобы никогда больше не путешествовать во времени.

Ваня ухмыльнулся, но промолчал, а Саша решил помечтать:

— Знаете, чего мне сейчас хочется? Прийти домой, залезть в ванну, и чтобы, пока я там отмокаю, отец пожарил яичницу…Вы же знаете, как я люблю яичницу! У меня десятка полтора любимых рецептов, и я сам умею готовить, но у отца получается вкуснее. Потом я бы как следует выспался, а утром…

— А утром проснулся и начал писать мемуары, — смеясь, закончила Аня.

— А что? — улыбнулся Саша. — Неплохая идея.

— И у нас есть вещественные доказательства, — включился в разговор Ваня, — из которых получится отличный иллюстративный материал.

— Стойте! — осенило вдруг Сашу. — А почему мы не догадались привезти из прошлого фотографии? Ань, у тебя же телефон с камерой.

— Я пробовала, — виновато призналась Аня.

— И что?! — в один голос спросили ребята.

— Ничего не вышло. Там, в прошлом наши телефоны вообще не работают, как будто полностью обесточиваются. Я испугалась и не сказала вам про это.

— Чего испугалась? — не понял Ваня.

— Ну а вдруг из-за моих экспериментов мы не смогли бы вернуться, — предположила Аня.

— Какая чепуха! — возмутился Ваня.

— Не знаю, не знаю, — задумался Саша. — Казалось бы, чем отличается блок питания «Фаэтона» от аккумулятора в мобильнике, а видишь, как странно выходит… Всё очень не просто с этими перемещениями во времени.

— Кто у нас физик? — подколол Ваня. — Вот ты и разбирайся. А мы программисты — люди конкретные. Работает машина — пожалуйста, напишем для неё программу. Не работает — отнесём в ремонт, а сами возьмём другую. Короче, я понимаю так: те, кто программировал «Фаэтон», вписали туда запрет на фотографирование в прошлом. Ну и ладно. Зато из древности можно барахлишко тащить в наше время. Этим надо пользоваться поактивнее. Вот я, например, какой меч, приволок из средневековой Франции! Помните, что на нём написано? Я вам переводил.

— Помню, — ответила Аня с вызовом. — «В сражении те всего более подвергаются опасности, которые сильнее других одержимы страхом».

— Хорошо сказано, — оценил Саша. — И главное, актуально…

— Постойте, постойте! — вспомнил вдруг Ваня. — Но это же один из афоризмов Бернарда Шоу! Ну да, он так и сказал: «Опасность всегда угрожает тем, кто её боится».

— Ты хочешь сказать, — улыбнулся Саша, — что мы там не первые были в тринадцатом веке и надпись на мече сделали ещё какие-нибудь пришельцы из будущего?

— Да нет, скорей уж это Шоу пересказал древний афоризм.

— А я думаю, — резюмировала Аня, — что все эти гениальные мысли просто носятся в воздухе, и никто их не крадёт друг у друга.

— Ну а на той шкатулочке, которую подарил твой средневековый воздыхатель, тоже была написана какая-нибудь гениальная мысль? — Ваня как всегда не удержался и задал свой вопрос, ехидно прищурившись.

— Опять ты за своё, — вздохнула Анюта и показала Ване кулак. — В любом случае этот подарок не может быть приобщён к

Сашкиным мемуарам, он слишком личный. Это память о несбывшемся счастье.

— О, как красиво! — съязвил Ваня и тут же выдал экспромт:

Эта память о несбывшемся счастье,
Как тоска по ушедшим навеки.
Моё сердце разорвано на части…
Граждане, помогите калеке!

— Дурак, — сказала Аня, впрочем, вполне беззлобно.

Иван посмотрел ей в глаза и проговорил с подчеркнутой назидательностью:

— Между прочим, в нашей эпохе тоже есть достойные представители мужской половины человечества.

Аня усмехнулась и спросила впрямую:

— Себя, что ли, имеешь в виду?

— Ну, например. Чем я хуже твоего средневекового рыцаря?

Аня даже растерялась от такой откровенности. Потом нашлась:

— У тебя характер вредный.

— У меня? — возмутился Ваня. — Да у меня самый лучший в мире характер!

— А кто всё время ко мне цепляется? — спросила девушка с весёлой улыбкой.

Она не обижалась сегодня, она не злилась! И Ваня был просто счастлив, и такое вдохновение накатило, казалось, он может непрерывно говорить стихами:

— Ну, это просто вредная привычка,
А всем известно, за окно её не бросишь.
Но в остальном я просто ангел, как обычно,
И стать архангелом могу, коль ты попросишь.
Я с недостатками в себе готов бороться,
Но их так мало, пусть останется хоть что-то,
Им оттенять достоинства придётся —
Вот, лишь такая у меня забота.

Понимаешь, — он всё-таки перешел на прозу, — без недостатков скучно. Ларошфуко, например, утверждал, что пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств… Красиво сказано, правда?

— Правда, — согласилась девушка.

Она смотрела на Ваню удивленно и почти восторженно, словно впервые увидела его. Здесь, на мосту, на фоне ночного города, он вдруг стал каким-то совсем другим. Анюта в смущении поправила свои длинные русые волосы. Жест был абсолютно бессмысленным, потому что очередной порыв ветра тут же спутал их снова.

«Какая она сейчас красивая!» — думал Ваня.

«Какой он сегодня странный!» — думала Аня.

Лица их раскраснелись то ли от ветра, то ли совсем по другой причине…

— Эй! — окликнул их Саша. — Там какой-то человек идёт. Не генетик ли это?

Аня обернулась и несколько секунд вглядывалась в полумрак.

— Нет, — сообщила она, — этот бородатый и толстый.

А когда вновь посмотрела на Ивана, удивительная магия того неуловимо прекрасного момента уже растворилась. На смену хрупкому и мимолетному чувству пришло ощущение неловкости. И неловкость эту легче всего было спрятать за дежурной шуткой.

— Саш, ты не знаешь, что с ним? Меня настораживает чрезмерно галантное поведение этого гражданина.

— А ты не веришь, что он просто вступил на праведный путь?

— Ну, если так… — И она обратилась к Ване: — У тебя есть шанс стать достойным представителем мужской половины человечества.

Ваня широко улыбнулся:

— У меня есть много шансов,

Сам себе завидую!

Спел бы парочку романсов…

Опаньки! А вот и он. Ребята, внимание!

Так никто и не узнал, с чем будет срифмовано слово «завидую». Ваня был очень горд, что всё-таки именно ему довелось первым заметить генетика и предупредить друзей. Впрочем, никакой агрессивности Сергей Борисов не проявлял. Во всяком случае, пока.

— Добрый вечер, — тихо произнёс он. — Как я понял, Элла Вениаминовна, рассказала вам обо мне.

— Да, — подтвердил Саша.

— И что вы думаете делать? — пошёл в наступление Сергей.

Саша оказался не готов к такому прямому вопросу и лишь неуверенно пожал плечами.

— Если честно, мы ещё не решили, — сбивчиво начал объяснять Ваня. — Нам нужен диск с информацией, которой владеете только вы. Точнее, он нужен вашим бывшим коллегам, иначе они не отвяжутся от нас, а мы хотим, чтобы нас оставили в покое, потому что они, то есть мы…

Ваня окончательно запутался и замолчал.

— Как-то странно вы рассуждаете, — проговорил Сергей. — Присвоили себе чужой прибор, а теперь и документы на него требуете.

— А знаете, как это называется? — предпринял контратаку

Ваня. — Вор у вора дубинку украл. Вы тоже вынесли «Фаэтон» из лаборатории не по приказу начальника.

— Но я работал над ним несколько лет, — невольно начал оправдываться Сергей вместо того, чтоб просто одернуть юного наглеца.

— Не только вы над ним работали, — Ваня решил развить свой успех.

— В любом случае у вас не было права распоряжаться «Фаэтоном», — тут же добавила Аня.

— Не говоря уже о том, что вы просто выкинули прибор на помойку, — добил генетика Саша.

— Стоп, ребятки, стоп! — совершенно затюканный Борисов схватился руками за голову, словно пытаясь закрыться от реальных ударов. — Я мог бы очень долго рассказывать о мотивах своих поступков. Но здесь не время и не место. Вы понимаете, что мы с вами просто не о том говорим.

— Давайте говорить о том, — согласился Саша. — Вернёмся к нашей проблеме. Вы знаете, что нужно делать?

— В самых общих чертах — да, — ответил Сергей. — Но, прежде всего, разрешите мне взглянуть на прибор. Всё ли с ним в порядке?

— Будьте уверены, — сказал Ваня, — ваш любимый прибор даже не чихнул ни разу, перемещаясь из холода в жару и обратно.

— Ценю ваше остроумие, и всё-таки, разрешите мне взглянуть на дисплей — слишком долго объяснять неспециалистам, что именно я хочу проверить. Или у вас нет с собой «Фаэтона»?

— Не давай ему — отнимет, — сказала Аня Саше на ухо таким громким шепотом, что можно было услышать на другой стороне моста.

— Не беспокойтесь, девушка, — вымученно улыбнулся Борисов. — Только из ваших рук. Поймите, наконец, для вас это ещё важнее, чем для меня. Если там слетели некоторые настройки, уже следующее путешествие в прошлое может стать последним. В смысле необратимым. Честное слово! И потом, вас же трое, а я один. Чего вы боитесь?

— Мы ничего не боимся, — ответила Аня. — И вообще, мы не собираемся никуда путешествовать.

— Не верю, — сказал Сергей.

— Ваша фамилия не Станиславский? — поинтересовался Ваня.

Борисов тяжко вздохнул, но он уже чувствовал, что понимание почти достигнуто. И не ошибся.

— Ладно, — произнёс Саша, — собственно, мы же

встретились для того, чтобы действовать сообща. Если не уступить в самом начале, о чём можно договориться потом?

И он достал прибор. Иван поднял крышку, одновременно внимательно следя за каждым движением Сергея.

— Давайте так, — предложил Саша, — Вы трогаете либо клавиатуру, либо мышь, но только одной рукой. Вторую держите за спиной. Доверие доверием, но извините, всё это слишком серьезно…

— Я вас понимаю, я понимаю вас, — бормотал себе под нос Сергей, действительно проверяя какие-то настройки.

Ваня напряженно щурился, разглядывая нагромождение окошек, цифр, хитрых значков и силился вникнуть в смысл происходящего. Но всё-таки это был не компьютер, а прибор для перемещения во времени и загадочного оказывалось больше, чем понятного.

— Ну, всё в порядке? — спросил он, наконец, нетерпеливо.

— Да, — сказал Сергей. — Кажется, да.

— Что значит «кажется»?

— Я запустил тестовую программу. Чтобы получить окончательный ответ, потребуется некоторое время.

— Понятно, — кивнул Ваня.

— Сейчас не стоит выключать прибор.

— Я догадался, — сказал Ваня, — а долго ждать?

— Минут пять или шесть, думаю, не больше, — успокоил Борисов, поглядев на экран.

— Как раз успеем решить, как нам выбраться из сложившейся ситуации.

Сергей покосился на Ивана, пытаясь понять, шутит юноша или говорит всерьез. И как всегда, это было непросто.

— Мы, тут посоветовались, — продолжил Ваня, — и решили, что Ваша затея с блокирующим устройством — полная утопия. Лучше верните всё в лабораторию. Вы их всё равно не остановите — только себе и нам жизнь портите.

— А вот позвольте с вами не согласиться! — запальчиво начал Сергей. — Уж позвольте мне — на правах человека, который чуточку больше вашего разбирается в данном предмете. Я буду пытаться остановить этот процесс. Потому что я знаю, зачем. И знаю, как. И уверяю вас, это вполне реально. А главное, если этого не делать, они просто погубят мир. Да, я вынес «Фаэтон» наружу. И так же может вынести его любой другой. Потом каждый захочет изменить вселенную с пользой для себя. В итоге вселенная просто исчезнет. Вы это понимаете?

— Не понимаю и понимать не хочу, — сказала Аня. — Я не верю в эти киношные страшилки. Нас волнуют сейчас не

глобальные проблемы, а наши собственные жизни. Из-за этих документов нас чуть не убили. Мы хотим, чтобы Вы вернули их, тогда можно и о судьбах мира поговорить.

— То есть вы хотите вернуть «Фаэтон» в Секретную Лабораторию? — констатировал Сергей.

— Вот именно, — ответили ребята хором.

— Только вместе с документами, — добавил Саша, — иначе смысла нет.

Сергей внимательно посмотрел на них.

— Глупость какая-то получается. Вас совершенно не волнует будущее цивилизации? А ваше собственное будущее?

— А чего такого нехорошего Вы видите в нашем будущем? — вкрадчиво поинтересовался Ваня.

— Ну, как вариант, уголовная ответственность за всё вами содеянное, — мягко проговорил Сергей. — Или простые внутренние разборки без суда и следствия. Я лучше знаю этих людей и смогу помочь вам, если мы будем действовать согласованно.

— Что Вы, собственно, предлагаете? — поинтересовался Ваня.

— Ну, для начала я предложил бы вместе отправиться в прошлое — только там у нас будет возможность спокойно поговорить.

— Нет, — сказала Аня, — это исключено.

— Ну, тогда я вам не завидую, — проговорил Сергей.

— Мы Вам — тоже, — отпарировал Ваня. — Мы будем вынуждены рассказать людям из Секретной Лаборатории о том, что Вы живы и документы у Вас.

Сергей погрустнел:

— Жаль, ребята, я думал, вы разумные люди. Вы на что вообще рассчитывали? Что я приду сюда с документами и вот так запросто отдам их?

— А почему бы и нет? — спросил Ваня. — Верните документы и мы окажем Вам встречную услугу — потребуем от руководства Секретной Лаборатории восстановить Вас в прежней должности. Я уверен, они пойдут на это.

Сергей нервно рассмеялся.

— Благодарю за заботу, это очень трогательно, но вы право же, ещё дети. Наивные дети. Вы не знаете этих людей. Я для них враг. А врагов не прощают, их уничтожают.

— И Вы предлагаете нам союз, — ухмыльнулся Ваня, — чтобы и нас вместе с вами уничтожили. Очень мило с вашей стороны. Спасибо.

— Вы ничего не поняли, друзья мои. Вы тоже для них враги.

Уже давно. И ни я, ни вы изменить этого уже никак не сможем. Мы просто обречены выживать вместе. И чем быстрее вы это осознаете, тем лучше. Единственный выход — отправиться в прошлое и вернуться оттуда с готовым «анти-Фаэтоном». Вот тогда условия будем диктовать мы.

Ребята переглянулись. Саша выразительно поднял брови и округлил глаза: «Мол, я же говорил, он сумасшедший». Ваня покосился на экран, потом на часы.

— По-моему, там уже высветились результаты теста, — сказал он.

Сергей пригляделся к цифрам на дисплее, деловито пощелкал клавишами и вдруг присвистнул:

— Ох, и ни фига себя!

— Что такое? — всполошился Саша.

— Перерасход критического ресурса в системе общего контроля на шестьдесят восемь процентов, — объяснил Сергей.

— И что это значит? Говорите, быстро! — потребовал Ваня.

Но тот словно и не слышал его. Генетик внимательно смотрел куда-то за спины ребят. Все трое стремительно обернулись. Двое в одинаковых костюмах решительной походкой двигались вдоль парапета прямо к ним.

— И с другой стороны — тоже, — прошептал Ваня, ощущая, как страх сковывает все его движения.

Сомнений быть не могло: на случайных прохожих эти профессионалы походили не больше, чем ванты Крымского моста на детали конструктора «Лего». Третья, самая многочисленная «группа захвата» расположилась напротив — их разделяла теперь только проезжая часть, по которой проносились довольно редкие в этот час автомобили.

— Всё, — объявил Сергей, — вариантов у нас с вами не осталось.

И в тот же миг он резко выбросил вперёд левую руку, которую до этих пор честно держал за спиной. Ваня окаменевшими от страха пальцами вцепился в «Фаэтон», Саша по определению делал то же, так как с самого начала именно он держал в руках прибор. Ни тот, ни другой уже не понимали, какой смысл не отпускать от себя машину времени, а главное они не знали, что именно собирается делать генетик. Может быть, поэтому Сергей совершенно беспрепятственно схватил руку Анюты и быстро вдавил её палец в специальную выемку «Фаэтона».

Уже в следующую секунду капля Аниной крови инициировала анализатор прибора, а тот в свою очередь сканер и генератор, на экране возникла так хорошо знакомая им всем

надпись:

«ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ПОСЕТИТЬ СВОЮ ПРОШЛУЮ ЖИЗНЬ?»

И рядом два окошечка — *«ДА»* и *«НЕТ»*

Конечно, Аня почувствовала укол, конечно, она пыталась сопротивляться, но это было бесполезно. Сергей оказался тренированным человеком, возможно, со спецназовской выучкой, да и желание его отправиться в прошлое было просто неистовым, сметающим все на своём пути. Ваня успел подумать о том, что от анализа крови на ДНК до ответа «ДА», выбранного, разумеется, тоже Сергеем прошло невероятно мало времени — намного меньше, чем в предыдущих двух случаях, когда в прошлое отправлялись они сами, по собственной инициативе. «Вот, оказывается, какие настройки менял в приборе этот хитрец!»

Белый туман уже окутывал их, стремительно отделяя в очередной раз от привычного мира своей эпохи и бросая в далёкую неизвестность. «Живы остались, и слава богу», — утешил сам себя Ваня. «Куда теперь?» — с тоскою думал Саша, глядя на сотрудников Секретной Лаборатории, опасливо замерших на мосту в нескольких метрах от лихих путешественников во времени. Сергей мысленно праздновал свою победу, но понимал, что победа эта пиррова: ему ещё предстояло налаживать отношения с ребятами там — в далёком, чужом, враждебном мире. И только Аня уже знала, куда они отправляются. И может быть, именно ей было тяжелее всех в тот момент.

Глава 7
ФЕЯ РЕКИ ЛО

В начале лета 1852 года шестьдесят девушек из знатных маньчжурских семей предстали перед придирчивым взором матери императора Сяньфэна. Среди них была и Ланьэр.

Девушки медленно шли мимо трона, на котором сидела именно мать Сяньфэна. Право выбора наложниц по традиции предоставлялось ей. Сам же император наблюдал за происходящим со стороны.

Обычно, перед китайскими правителями полагалось стоять на коленях, но для девушек, набираемых в императорский гарем, делали исключение. В коленопреклонённых позах было бы трудно разглядеть их достоинства и недостатки.

Мать императора тщательно всматривалась в кандидаток. Наконец, когда последняя из них прошла мимо трона, вдовствующая императрица сделала знак главному евнуху и тот, быстро приблизившись, опустился на колени. Повелительница начала произносить имена, евнух подходил к каждой из названных и вручал небольшой нефритовый жезл — специальный символ, означавший, что девушку выбрали, отныне она — императорская наложница. Все осчастливленные такой честью трижды становились на колени и девять раз ударялись головой об пол.

Другие, кому нефритовых жезлов не вручили, утешались шёлковыми нарядами. Их либо назначали служанками во дворце, либо милостиво отпускали, но при этом налагали запрет: ни одна не имела права выходить замуж вплоть до двадцатилетнего возраста, да и потом должна была спрашивать соизволения на замужество у местных властей. И надо сказать, далеко не все это соизволение получали.

Итак, из шестидесяти претенденток лишь двадцать восемь получили нефритовые жезлы. Каждой даровали титул. Одним — «цзю бинь», то есть старшие наложницы, другим только «шифу» — младших наложниц.

Вообще, в гареме императора все девушки строго делились на ранги. Самой старшей была императрица или главная жена Сына Неба. Она носила титул «хуань хоу». Далее шли главные наложницы — «фу жень». Их могло быть не более четырёх, и они в свою очередь делились на ранги: драгоценная наложница — «гуйфэй», добродетельная — «шуфэй», нравственная — «дэфэй» и талантливая — «сяньфэй». Эти четыре главные наложницы стояли

на первой, высшей ступени. И, конечно, самым почётным среди них был титул «драгоценной наложницы». Вторую ступень занимали девять старших наложниц — «цзю бинь». На третьей стояли двадцать семь младших наложниц — «шифу», которые делились на три ранга по девять человек в каждом. Дальше, шли уже не наложницы, а просто гаремные девушки — «юй ци». Их могло быть достаточно много, и они все тоже подразделялись на ранги. Самую последнюю ступень занимали дворцовые служанки «гун нюй». Они считались низшими существами во дворце. Эти могли быть и китаянками, и на более высокие титулы претендовать не смели.

Выборы, в которых участвовала Ланьэр, могли принести девушкам лишь титулы старших и младших наложниц. Императрица и главные наложницы не выбиралась, так как уже были у Сяньфэна. Впрочем, со временем всё могло перемениться. Император вправе был удостоить любую из девушек более высокого титула, вплоть до главной наложницы. Но как заслужить его внимание? Это было очень не просто.

Тысячи прекрасных женщин окружали Сына Неба, и каждая изо всех сил старалась понравиться ему, пускала в ход все известные средства обольщения. А нынешние фаворитки, пытаясь удержать императора при себе, шли на самые невероятные ухищрения. Замечая, что император обратил свой взор на другую, они при помощи евнухов, которых, естественно, подкупали, начинали буквально сживать со света новую пассию Сына Неба. Любыми способами ухитрялись они опорочить перед государем свою соперницу, и даже иногда, подкараулив её в укромном месте, жестоко избивали.

В общем, получить своё «место под солнцем» было очень и очень трудно. А для новенькой, только что попавшей в императорский гарем, где все «вакантные места» давно заняты и ревниво охраняются, это было трудно вдвойне.

Итак, Ланьэр вошла в число отобранных наложниц, правда, получила невысокий ранг. Все признавали, что она очень хороша собой, но среди кандидаток были и куда более яркие красавицы, поэтому юную Ланьэр зачислили в императорский гарем лишь младшей наложницей.

Как раз подошло время, когда императорский двор переезжал в летнюю резиденцию Юаньминьюань в двадцати километрах к северо-западу от центра Пекина, где император всегда проводил наиболее жаркие месяцы.

Ланьэр и с нею несколько служанок поместили в самый отдалённый павильон резиденции, куда почти никто из дворцовой челяди не заглядывал. А император находился во

дворце, и путь до него от места, где жила Ланьэр, был не близок. Правда, иногда он выезжал в своём жёлтом паланкине в местечко под названием Павильон Воды и Чистого Цветения — это уже совсем рядом, — но никогда Сын Неба не заглядывал в уединённую обитель младшей наложницы Ланьэр. Не потому, что она ему не нравилась — просто он не помнил о ней. Окружённый сотнями красавиц, он наслаждался их любовью и даже не догадывался, что где-то в дальнем уголке Парка Радости и Света живёт ещё одна прекрасная девушка, тоже отобранная для него. Много их было, таких наложниц по всем уголкам летней резиденции!

Ланьэр сначала очень тосковала. Вся роскошь императорского дворца совсем не радовала её. Ни прекрасные наряды, которые она получила как наложница, ни дорогие украшения, ни изысканные блюда… Она всё никак не могла забыть своего юношу. Даже во сне с отчётливостью яви представал перед ней любимый образ Лю Чанга. Сердце её не желало привыкать к разлуке, и невысказанные слова, полные горечи, проливались слезами. Иногда часами сидела она в задумчивости возле маленького пруда и печально смотрела на диких гусей, мирно плавающих парами. Она завидовала им. Завидовала их свободе! Никто не распоряжался их жизнью, их выбором…

Когда же подступали сумерки, Ланьэр садилась у окна и смотрела на звёзды, пыталась вычитать на бескрайнем небосводе тайные знаки судьбы, подсказку себе и утешение. Она вглядывалась в эту чёрную бездну и думала: вроде всё как прежде, только звёзды кажутся такими одинокими и холодными, совсем другими, и радость созерцания исчезла куда-то, потому что сама она стала совсем другой…

«Прежней Ланьэр нет и никогда уже не будет, — однажды поняла она, и эта мысль, словно мгла, окутала её сердце. — Ничего не осталось от той счастливой жизни. И возврат в неё невозможен».

Впрочем, была одна вещь, соединявшая её с прошлым — изящная шкатулка, сделанная из лакированного дерева и украшенная перламутром, а в ней… С замиранием сердца Ланьэр доставала синий шёлковый мешочек, развязывала его, вынимала два свёрнутых листа бумаги со стихами, потом долго читала их, перечитывала и так же бережно убирала обратно…

Но время шло, и Ланьэр стала понимать, что жизнь её может пройти впустую. «Ради чего я пожертвовала своим счастьем? — спрашивала она себя. — Чтобы вот так и жить никем не замеченной и никому не нужной? Я должна быть сильной! Я

должна получить взамен простого земного счастья, от которого меня заставили отказаться, нечто другое…» Такие мысли посещали её всё чаще, и всё больше она уверялась в их правоте.

И вот в одно прекрасное утро Ланьэр проснулась другим человеком. «Всё, — решила она, — я должна во что бы то ни стало привлечь внимание императора, сделать так, чтобы он полюбил меня. Сложно? Ещё бы! Ведь он пока даже не знает о моём существовании».

Ланьэр долго обдумывала план действий и вскоре пришла к мысли, что никто, кроме евнухов не сможет ей помочь. Первонаперво, нужно было сделать так, чтобы император хотя бы увидел её. Но как этого добиться, если он даже не появляется в её тихом уединённом месте? «Надо уговорить евнухов, чтобы они пронесли паланкин императора мимо моего жилища, а дальше я уж постараюсь привлечь его внимание, — думала Ланьэр. — Но евнухов уговорить просто так не удастся. Надо их подкупить». Пришлось достать все деньги, скопленные за это время, ведь ей платили небольшое жалование. Зато уговоры получились недолгими. Евнухи обещали, что при удобном случае пронесут паланкин императора через то место, где она живёт.

Ланьэр серьёзно готовилась к встрече. Она украсила свой дом цветами, попросила служанок принести тушь, кисть и бумагу, чтобы упражняться в каллиграфии и рисовании. Она решила сделать красивые фонарики, разрисовать их цветами и развесить по всему дому и саду. И, конечно, она собиралась петь. У неё был действительно чудесный голос, этим стоило воспользоваться.

И вот настал долгожданный момент встречи с Сыном Неба. С самого утра к ней в дом пришёл один из евнухов, в обязанности которого входило сопровождать императора на прогулки. Он сообщил, что, возможно, сегодня она сможет увидеть Сяньфэна. «Будет очень жаркий день, — сказал евнух, — и я посоветую императору отдохнуть в роще у водоёма, что рядом с твоим домом. Мы пронесём паланкин мимо твоего жилища. Смотри, не упусти шанс!» Ланьэр поблагодарила евнуха и сказала, что если он выполнит обещанное, получит ещё денег. Тот усмехнулся и вышел. «Вряд ли у этой красотки что-то получится, — подумал он. — Вокруг императора вьётся столько прекрасных фей, одна другой лучше… Но всё-таки, надо дать ей шанс, а то ведь так и просидит здесь всю жизнь в одиночестве, ни разу не увидев Сына Неба».

Ланьэр с самого утра стала украшать сад. На шёлковых ленточках подвесила разноцветные фонарики из бумаги с цветами и птицами. Придирчивым взглядом осмотрела клумбу перед домом и осталась вполне довольна своим новым шедевром.

Дело в том, что, заранее готовясь к встрече, она решила удивить Сына Неба: посадила цветы на клумбе таким образом, что получился иероглиф «счастье». Это было восхитительно — «счастье» из цветов, благоухающих дивным ароматом.

После осмотра своих владений, Ланьэр позвала служанку.

— Принеси мне самое лучшее платье, самые изысканные украшения и самые лучшие духи, — приказала она.

Служанка сразу поняла, что Ланьэр готовиться к чему-то очень важному, бросилась к большому сундуку, стоявшему в углу комнаты, и стала доставать яркие наряды. Не зная, какое платье больше понравится госпоже, она принесла несколько. Ланьэр выбрала ярко-красный халат, расшитый цветами. Затем служанка принесла белые чулки, красные шёлковые подвязки с узорами, синие шаровары и атласные туфли на высокой подошве; умастила тело госпожи цветочными духами, помогла одеться и занялась её причёской. С волосами Ланьэр она провозилась долго, но результат получился великолепный: золотые ажурные шпильки, усыпанные жемчугом, поддерживали сложную причёску, а живые душистые орхидеи, аккуратно приколотые к волосам, притягивали взгляд и очаровывали. Теперь оставалось только надеть украшения: нефритовый браслет, золотое ожерелье и несколько колец с жемчугом.

Как только всё было закончено, Ланьэр вышла во двор и выбрала красивое тенистое место недалеко от дома.

— Принеси сюда небольшую скамеечку, — приказала она служанке.

После недолгих приготовлений Ланьэр уселась в ожидании. Место было выбрано удачно: дорожка, по которой понесут паланкин, находилась чуть в стороне, так что император не сразу заметит её. Служанку она послала вперёд — предупредить, когда появится Сын Неба. Сама же села в пол-оборота — нарочно, чтобы не видеть приближающегося паланкина. Всё было продумано до мелочей. Как только служанка заметит жёлтое пятно в листве, тут же даст знак, и Ланьэр начнёт петь своим дивным голосом. Император не сразу увидит её, ведь место, где будет сидеть девушка, скрыто деревьями. Он будет слышать только её волшебный голос. Но Сяньфэн даже не догадается, что поют для него. А она будет петь, делая вид, что и впрямь это всё случайно.

«Пусть будет как в сказке, — думала Ланьэр. — Я превратила сад вокруг дома в красивое волшебное место. Особенно цветочную клумбу, — и она улыбнулась. — Таинственная невидимая певица, чей нежный голос разливается по всему саду… Эту певицу он обязательно захочет увидеть. И всё должно быть естественно. Я, как будто не знаю, что он проедет этой дорогой,

просто пою в своём саду, не замечая ничего вокруг. Император не догадается, что всё это подстроено. Я стану для него таинственной феей!»

Ланьэр знала, что делала. Она видела, когда ещё только попала во дворец, как наложницы кокетничают с императором. Их ужимки были такими неестественными, показными, а Сын Неба не обращал на них внимания — он привык к этому.

«Со мной всё будет по-другому, — решила Ланьэр. — Зачем все эти глупые средства обольщения? Я сделаю так, что император попадёт в волшебную страну грёз и сам будет действующим лицом. Это ему наверняка понравится!»

Едва она начала обдумывать план действий, перед глазами всплыла картинка последней встречи с Лю Чангом. Гуляя по парку Безмятежности, он читал ей стихи Цао Чжи о фее реки Ло. Старинная легенда рассказывала про таинственную женщину Ми-фэй — дух реки Ло. Ми-фэй была настолько прекрасна, что если кому-нибудь хоть раз посчастливилось увидеть её, человек уже никогда не мог забыть дивного образа. Ланьэр помнила восторженные глаза юноши, когда он рассказывал о фее реки Ло, строки из поэмы он произносил просто с упоением:

… «Пойдём скорей! — сказал вознице я, —
Ты видишь, там, вдали?
Что за виденье дивное? Красавица какая?
Но, может, снится это мне?»

… «Какая издали она?» — спросил возница.
— Она, как солнце ясное, светла,
Что в тонкой дымке утренней встаёт!
А если взглянешь на неё вблизи —
Свежо сверкает пламя красоты,
Как лотос из зелёной тени вод,
Где вся прохлада притаилась!
Гармония — вот истинный закон
Той красоты, что в небе зародилась.[10]

Ланьэр сразу поняла, что должна стать такой же таинственной феей для императора.

И вот, всё готово. Долгожданный день настал.

Ланьэр сидела на скамеечке в тени деревьев и с нетерпением ждала Сына Неба.

Прошло не так много времени, когда она увидела, как служанка машет руками. «Помогите мне, боги!» — прошептала Ланьэр, подняв глаза к небу, глубоко вздохнула и запела своим

дивным голосом.

По извилистой дорожке восемь евнухов несли жёлтый паланкин императора Сяньфэна. Услышав мелодичные звуки, император сделал знак евнухам, чтобы те остановились. Евнухи замерли, ожидая дальнейших распоряжений. Сын Неба молчал, прислушиваясь к чудесному голосу.

— Кто это так красиво поёт? — спросил он главного евнуха.

Тот посмотрел вокруг, пожал плечами и ответил:

— Я никого не вижу.

Император удивлённо поднял брови и опять прислушался. Нежный звук песни завораживал и манил его.

— Эта таинственная певица где-то здесь, — через некоторое время произнёс он. — Опустите паланкин, я сам поищу обладательницу чудесного голоса.

Евнухи опустили паланкин. Император, ступив на землю, огляделся и заметил клумбу с цветами перед домом.

— Посмотри, — сказал он главному евнуху, — здесь выложено цветами слово «счастье». Какие умелые руки сделали это? Потрясающе! Я никогда не видел ничего подобного.

Затем, взглянув на цветные фонарики, развешанные на деревьях, восхищённо произнёс:

— Как красиво они разрисованы! Кто это сделал?

— Наверное, хозяйка этого дома, — предположил евнух.

— Какое чу?дное место! — восхитился император. — Почему вы не доложили мне о нём?

Главный евнух встал на колени и пролепетал:

— Да простит неразумного раба Десятитысячелетний господин, это место слишком далеко от ваших покоев.

Но император не обратил внимания на слова евнуха, он прислушивался к голосу, доносящемуся откуда-то из рощи. Таинственная певица исполняла уже другую песню, и её голос звучал всё так же прекрасно. Император замер, пленённый волшебными звуками.

— Стойте здесь! — приказал он евнухам. — Я сам найду её, — и направился в рощу.

Ланьэр краем глаза наблюдала за ним. Скрываясь в тени деревьев, она пела самые красивые песни, которые знала. Она старалась изо всех сил, ни на минуту не прерывая пения, боясь нарушить очарование созданной ею сказки.

Император, следуя голосу, углубился в рощу и, наконец, увидел девушку. Она сидела спиной к нему и, казалось, не замечала ничего вокруг. А только всё пела и пела так чудесно, что Сяньфэн не решался окликнуть её. Он стоял и слушал, и её неземной голос проникал в самое сердце, волновал, околдовывал,

дурманил его.

«Божественная фея», — думал он.

Ланьэр закончила песню и уже хотела начать новую, но из рук её нечаянно упал цветок. Она наклонилась, чтобы поднять его, но вдруг увидела Сына Неба, сделала испуганное лицо и, низко опустив голову, бросилась на колени перед императором. Она трепетала то ли от радости, то ли от страха, ещё не до конца веря, что задуманное ею свершилось.

Сяньфэн подошёл к девушке, и та потихоньку взглянула на него, но тут же в страхе опять склонила голову.

— Как тебя зовут, — спросил император.

— Ваша рабыня Ланьэр, — робко ответила она.

— Ты хорошо поёшь.

Ланьэр ещё ниже опустила голову. Тщательно подбирая слова, она всё время помнила, что, общаясь с императором, не имеет права употреблять местоимение «я»:

— Ваша рабыня счастлива, что песня понравилась Десятитысячелетнему господину.

— Встань, — ласково произнёс император, — я хочу посмотреть на чудесную певицу.

Ланьэр встала. Её лицо загорелось румянцем, а глаза засветились. Она чувствовала себя странно. Ей казалось, что всё вокруг замерло. Так случается, когда перед грозой на миг затихает природа: ни ветерка, ни шелеста листьев, а между тем в воздухе ощущается напряжение, тревога, ожидание. Сейчас решалась её судьба, и сердце замерло, в предчувствии «приговора». Понравится ли она?

Сяньфэн внимательно рассматривал девушку. Его взгляд скользил по волосам, лицу, плечам…

«А она хорошенькая, — думал он. — Почему я раньше не видел её?.. И как славно она поёт! Интересно, сама ли она украсила свой сад?»

Ланьэр из-под опущенных ресниц напряжённо следила за Сыном Неба. Только сейчас она смогла как следует рассмотреть его. Он был молод и внешне приятен. И хотя чувствовалась в нём изнеженность и капризность, лицо выражало в первую очередь достоинство и спокойствие. Изысканная одежда подчёркивала его высочайшее положение.

На жёлтом халате императора — четыре вышитых золотых дракона: один на груди, другой на спине, ещё два — на плечах. Поверх халата — длинные бусы из жемчуга. На голове — маленькая круглая шапочка, украшенная тремя золотыми драконами, расположенными друг над другом. И на каждом драконе — по четыре жемчужины: три одинаковые и одна более

крупная.

Ланьэр испытывала мучительную тревогу — минуты ожидания тянулись нескончаемо долго. Император молчал, изучая её надменным, горделивым взглядом. Ещё мгновение и она убежала бы: невозможно выдержать такое напряжение — словно огонь разливался внутри неё.

Наконец, Сяньфэн проговорил:

— Это ты посадила цветы так, что получился иероглиф «счастье».

— Да, — каким-то не своим голосом ответила Ланьэр.

— И ты разрисовала фонарики?

— Да, — ответила она, ещё не понимая, что её ждёт.

Сяньфэн неожиданно сделал шаг навстречу и оказался так близко, что Ланьэр почувствовала пряный аромат его волос. Голова у неё закружилась, а ноги стали ватными. Император взял из её рук цветок и, повертев в руках, произнёс:

— У тебя много талантов. Я хочу поговорить с тобой. Только давай пройдём в дом, здесь слишком жарко.

Сказав это, он повернулся и направился к своему паланкину.

Ланьэр была счастлива! Она просто не верила своему счастью. Всё как во сне.

— Пусть принесут в дом сладости и фрукты, — обратился Сяньфэн к главному евнуху. — Я буду отдыхать сегодня здесь.

Ланьэр буквально влетела в дом и приказала служанке подать чаю.

Император Сяньфэн провёл у своей младшей наложницы почти весь оставшийся день. А вечером, вернувшись во дворец, он вызвал главного евнуха.

— Эта девушка очень умна, талантлива и умеет развлекать интересной беседой. Я думаю, нынешний ранг слишком низок для неё. Повелеваю перевести её в старшие наложницы. И… — император улыбнулся, — завтра после обеда я буду отдыхать там же.

— Воля Десятитысячелетнего господина будет исполнена, — сказал евнух и, отбив девять земных поклонов, удалился.

Глава 8
КИТАЙ И ЗАМОРСКИЕ ВАРВАРЫ

Император каждый день навещал свою новую фаворитку. Он так привязался к ней, что не хотел расставаться ни на минуту. Ланьэр была горда и счастлива. Она великолепно играла роль сказочной феи, и Сяньфэн забыл о своих прежних увлечениях.

У Ланьэр появилось множество служанок и евнухов, которые исполняли любое её желание. Евнухи, служившие императору, и прежде не обращавшие на неё особого внимания, теперь толпились около наложницы, докладывали о каждом шаге Сына Неба и всячески угождали новой фаворитке. Она быстро привыкла командовать. Власть, вдруг обретённая, стала смыслом её жизни. Уже ничто не могло заставить Ланьэр отказаться от власти. И всё же возлюбленная императора испытывала тревогу, лучше других понимая призрачность своего величия. Она напрягала все силы, стараясь удержать то, что было даровано ей прихотью судьбы.

Да, положение наложницы не так прочно, как хотелось бы. Император мог в любой момент оставить прежнюю фаворитку и обратить свой взор на новую. Это очень беспокоило Ланьэр.

Дабы избежать участи покинутой возлюбленной, она решила пресекать все попытки других наложниц обольстить императора, и для этого развернула целую шпионскую сеть. В обязанности евнухов, прислуживающих ей, входила, в частности, и слежка за особо «ненадёжными» наложницами.

Как только какая-нибудь из них, попавшись на глаза императору, осмеливалась улыбнуться ему или пококетничать, об этом сразу становилось известно Ланьэр. Ну, а дальше… Дальше она расправлялась с соперницами беспощадно, не оставляя им ни малейшей надежды на внимание Сына Неба. Вплоть до того, что приказывала евнухам безжалостно избивать «нахальную обольстительницу» бамбуковыми палками, а сама смотрела на эти истязания и улыбалась, наслаждаясь властью и безнаказанностью. Конечно, это не относилось к наложницам более высокого ранга — их она не имела права тронуть. Но в пределах своего ранга и ниже могла действовать сколь угодно жестоко. Например, гаремных девушек по малейшему подозрению Ланьэр иногда просто забивали до смерти.

Император сначала не догадывался о жестокостях, чинимых его любимой наложницей, но даже потом, когда слухи об этом стали доходить и до него, не нашел в её поведении чего-то

слишком предосудительного — так, нормальное проявление ревности. Видя, что все проделки Ланьэр сходят ей с рук, наложницы, евнухи и служанки стали побаиваться фаворитки. Девушки более низких рангов старались теперь избегать императора, чтобы, не дай бог, он не оказал им знаков внимания. А некоторые, на которых Ланьэр уже положила глаз, подкупали евнухов и бежали из дворца или даже совершали самоубийства.

Любимая наложница императора ревностно охраняла свою власть, стараясь стать по-настоящему незаменимой. Даже когда Сын Неба решал политические вопросы, она стремилась быть рядом. Ланьэр расспрашивала его о политике и порою давала весьма толковые советы, правда, с предельной осторожностью, не навязывая собственного мнения.

А надо сказать, что Сяньфэн не очень любил заниматься государственными делами. В отличие от своего отца императора Даогуана, он был слабым политиком, его больше интересовали женщины и развлечения. И когда Ланьэр стала проявлять интерес к делам государственным, он воспринял это спокойно. А императрицу Цыань, жену Сяньфэна, политика вообще не интересовала, она в эти дела не вмешивалась. Ну, приблизил к себе император старшую наложницу — ну, и ладно, значит, так надо.

Государственные чиновники замечали, как маленькая Ланьэр постепенно прибирает императора к рукам, но тоже ничего не предпринимали, потому что, в сущности, наложница не отрывала Сына Неба от государственных дел, а даже наоборот, всячески пыталась убедить его серьёзно заняться политикой. Знатные вельможи поначалу и предположить не могли, для чего это нужно Ланьэр. Но любимая наложница знала, что делает. Она хотела не только эфемерной любви Сына Неба, которая могла в любой момент растаять, она мечтала о большой, настоящей власти, планировала стать «правой рукой» императора в решении всех вопросов и руководить Поднебесной, как говорили, «из-за опущенной занавески».

С того момента, как Ланьэр всерьёз увлеклась политикой, император стал больше времени уделять государственным делам, чем весьма обрадовал своих министров. В стране начинались массовые беспорядки в огромных масштабах, и нужно было очень внимательно отнестись к этому.

Собственно, ещё при Даогуане в провинциях Южного Китая активно действовало тайное общество «Небо и земля», занимавшееся антиманьчжурской пропагандой. Оно призывало народ к свержению династии Цин, к установлению китайского правления и обрело немало сторонников. Антиправительственная

пропаганда дала обильные всходы.

Хун Сюцюань, сын простого крестьянина, имевший склонность к наукам, был родом из тех мест, где общество «Небо и земля» вело активную деятельность. Шести лет его отдали в школу, и он успешно её закончил. Семья надеялась, что сын сдаст экзамены на учёную степень и получит чиновничий ранг. Однако ему не повезло. Юноша трагически переживал случившееся, и на почве нервного расстройства впал в горячку, сопровождавшуюся бредом и галлюцинациями. Во время болезни было ему видение — некий старец, сидя на троне, вручал ему меч, украшенный драгоценными камнями. Это видение юноша очень хорошо запомнил и, поправившись, решил разобраться в сути дела. Изучал священные книги, даже обратился к христианским трактатам. Некоторые из них были переведены на китайский. В результате Хун Сюцюань пришёл к выводу: явился ему христианский Бог Отец и направил на путь истинный, то есть избрал исполнителем Завета Божьего, а именно: освободить людей и основать на земле Царство Небесное. Конечно, Бог Отец для Хун Сюцюаня был ни кем иным, как «тянь-чжу» — Хозяином Неба и совмещался с привычным китайским представлением о Небесах.

Хун Сюцюань основал «Общество поклонения Небесному Владыке», которое быстро набирало силу. Новый лидер сплотил вокруг себя немало сторонников, и те готовы были идти на край света за своим вождём, имевшим весьма серьезные амбиции. Например, создать новое государство — Тайпин тяньго, что означало «Небесное государство великого благоденствия», и самому стать его правителем. Число участников тайпинского движения росло невиданными темпами. И в 1851 году было официально объявлено о начале восстания и образовании нового государства Тайпин тяньго. Конечно же, основной целью восставшие считали свержение маньчжурской династии.

Они создавали вооружённые отряды и с боями продвигались на север. Восстание приняло поистине грандиозные масштабы. В 1853 году, как раз в то время, когда Ланьэр только-только почувствовала вкус к власти, тайпины захватили Нанкин и сделали его столицей нового государства. Практически полстраны уже было под их контролем. Сложившаяся ситуация обеспокоила высоких государственных чиновников. Правительственные войска терпели поражение за поражением: в отличие от недавно созданной и хорошо организованной армии тайпинов, они держались на одном энтузиазме, а подготовка была слабой, вооружение — отвратительным, и вдобавок — полный развал в руководстве.

Былое могущество маньчжурской армии, или как её называли — восьмизнамённой цинской армии[11], завоевавшей Китай, Монголию, Тибет и другие территории, не внушало теперь никакого страха. Блестящее боевое прошлое осталось далеко позади. Некогда могущественная армия Поднебесной существовала как бы отдельно от тех, кого защищала. Правительство совсем не заботилось о своих солдатах. К примеру, ни о какой форме и речи не шло. Единственное, что отличало военного от простого крестьянина — это нашивка на спине и груди: большие круги с иероглифом «солдат». А в остальном — те же шаровары, свободная куртка и соломенные сандалии. Некоторые, правда, умудрялись доставать где-то сапоги. В общем, никто не думал ни об одежде, ни о гигиене — мылись солдаты не чаще раза в неделю, а то и раз в месяц. Казармы были маленькие, тесные и практически никогда не убирались. Каждый получал малюсенькое жалование, на которое должен был покупать себе еду и одежду. Поварами выступали по очереди. Денег, конечно, не хватало, и поэтому солдаты нахально брали всё из окрестных лавок, никому не платя. Тут надо пояснить, что военнослужащие в Китае без всяких ограничений расхаживали по городам и окрестным сёлам, так как в свободное от занятий время были предоставлены сами себе — никакого надзора со стороны офицеров.

Понятие «строевая подготовка» у китайцев вообще отсутствовало. Их никогда не учили маршировать и ходить строем. Некоторые вовсе не знали, где у них правая нога, а где левая. Китайские солдаты всегда ходили так, как им хочется. И всё же, для вступления в ряды китайского войска, нужно было сдать экзамен. Будущему солдату вменялось в обязанность легко управляться с мечом, щитом и луком, а так же показывать свою силу в подъёме тяжестей. И тут военные преуспели… Но, к их несчастью, прошли те времена, когда исход боя решался в рукопашной, а прекрасное владение мечом было основой для победы. Наступила эра огнестрельного оружия и новой тактики ведения боя, а китайская армия так и жила по старинке, хотя в её арсенале уже появились ружья.

Впрочем, и ружья они носили не как европейские солдаты, а так — на плече, как лопаты, совершенно не воинственно. Были они не у каждого солдата, и, как правило, очень плохого качества: некоторые стреляли не туда, иные вообще не стреляли. И всё это из-за продажных чиновников, готовых за взятки купить вместо ружей что угодно — хоть и впрямь простые лопаты. Короче, оружие считалось не самым главным для солдата, зато у каждого уважающего себя воина имелся веер. Его затыкали за воротник,

чтобы не мешал при ходьбе, а в жаркую погоду, защищаясь от солнца, раскрывали и укрепляли над головой — обматывали косой ручку. Ещё китайский солдат непременно носил с собой бамбуковую трубку, которую закуривал в свободное время. И, конечно же, обязательным атрибутом был зонтик, спасающий от дождя. Без зонтика воин просто ронял свой авторитет в глазах толпы.

Когда китайские военные подразделения занимались передислокацией и путь их к новому месту назначения лежал через город или деревню, лавочники и прочие торговцы впадали в настоящую панику. Они спешно сворачивали лотки, закрывали магазинчики и убегали, ведь всем известно: китайский солдат вправе забрать бесплатно еду, одежду, вещи — всё, что необходимо. Если же солдатам негде было переночевать, они останавливались, как правило, в храмах — якобы под защитой богов. Правда, после их ухода, храм выглядел, словно хлев, и пахло там далеко не фимиамом. Солдаты под сводами храма ели, пили, курили, играли в карты, совершенно не смущаясь священных статуй. Это было в порядке вещей.

Словом, дисциплина в китайской армии практически отсутствовала. И трудно — ох, как трудно! — было воевать с более организованным врагом. Не спасало владение мечом и даже луком, так как противник избегал ближнего боя и норовил всё чаще применять огнестрельное оружие.

Воинская доблесть среди китайцев не пользовалась особым уважением. Если кто и отличался, то исключительно в целях продвижения по службе. Каждый солдат мечтал стать генералом, но при этом категорически не хотел жертвовать своей жизнью во имя Родины. Многие китайцы любили цитировать своего мудреца Менцзы: «Любящие войну заслуживают величайшего наказания. Человек, утверждающий, что он может собрать войско, и что он искусен в сражении — величайший преступник». Ну, и как можно с такими мыслями стать отважным солдатом? Иные командиры первыми убегали с поля боя, подавая пример солдатам. А ведь ход сражения зависел именно от боевого духа командного состава.

Тайпинский вождь Хун Сюцюань сразу понял, что одолеть врага можно только с помощью организованной, хорошо управляемой армии.

А маньчжурское правительство ещё десять лет назад должно было задуматься над проблемами армии и принять действенные меры. Ведь именно тогда китайские войска потерпели сокрушительное поражение в первой «опиумной» войне с англичанами. За десять лет можно было перевооружить и обучить

своё войско, однако маньчжуры не сделали никаких выводов.

Первая «опиумная» война началась при императоре Даогуане в 1840 году, и причиной её стал именно опиум. Наркотик этот был известен в Китае ещё с VIII века, но использовался тогда лишь в медицине. Однако уже с XVIII века, с периода оккупации Тайваня голландцами, стало известно и о других свойствах опиума. К концу XVIII века он превратился в серьёзную общественную проблему. Именно опиум, как самый удобный и прибыльный товар, избрали англичане главным предметом своего экспорта в Китай.

Веками китайцы совершенно не стремились ни с кем торговать. Вели замкнутый образ жизни, старались не пускать к себе иностранных купцов. Многовековая изолированность привела к тому, что они вообще не принимали ничего иностранного. Мало ли что там предлагают заморские торговцы! Китайцы могут полностью обеспечить себя сами. Рынок Поднебесной империи не принимал ни английского сукна, ни даже индийского хлопка. А иностранцам очень хотелось торговать с Китаем. Но чем же их заинтересовать? Только опиумом.

В 1757 году английская Ост-Индская компания захватила в Индии районы, производящие опиум, и стала продавать его в Китай. В обмен на опиум английские купцы получали шёлк-сырец, чайный лист и серебро. Неподалеку от китайских берегов, в районе Гуанчжоу, они устроили плавучие склады, где и хранился опиум.

В самом Китае ввоз опиума неоднократно запрещался императорскими указами. Но указы не исполнялись. Во время правления Даогуана опиум курили уже более двух миллионов человек. Это было настоящим бедствием!

В 1838 году Даогуан собрал императорский совет и, наконец, всерьёз поднял острейшую проблему. Одни предлагали легализовать торговлю опиумом и таким образом увеличить доходы казны. Другие требовали положить конец распространению великого зла.

Император решился на жёсткие меры. Послал в провинцию Гуанчжоу генерал-губернатора Линь Цзесюя, отличившегося тем, что в своих провинциях Хунань и Хубэй он почти полностью искоренил употребление опиума. Линь Цзесюй был вызван ко двору и за двенадцать аудиенций сумел убедить императора в эффективности своих мер. В конце 1838 года он получил назначение в качестве особоуполномоченного от императорского двора в провинцию Гуандун — именно там, в районе Гуанчжоу были сосредоточены главные склады наркотика. Товар

конфисковали и публично сожгли.

Однако все эти меры не разрядили ситуацию, а только ещё больше накалили её. Европейцы, понесшие колоссальные убытки, возмутились и преисполнились решимости взять реванш. В ноябре 1839 года произошло крупное столкновение между английскими военными судами и кораблями военно-морского флота Китая. Формально ни одна из сторон не объявляла о начале войны. Англичане требовали компенсации за убытки и разрешение торговать опиумом. Правительство Китая не уступало. Тогда в 1840 году английский флот, в состав которого входило двадцать боевых кораблей, направился в сторону Пекина. Несколько прибрежных городов были взяты очень быстро, а когда английские корабли подступили к Нанкину и начали готовиться к штурму, Пекинское руководство убедилось в бесполезности дальнейшего сопротивления. В 1842 году в Нанкине был подписан мирный договор. На его основании Великобритании уступили Гонконг, открыли пять китайских портов для торговли и ещё уплатили контрибуцию. Вопрос об опиуме не был затронут вообще. Торговлю им не узаконили, но продолжали вести на прежних основаниях. Таким образом, англичане получили то, к чему стремились — доступ на китайский рынок на выгодных для себя условиях. А китайцы потерпели полное фиаско.

Сразу после поражения китайских войск в первой «опиумной» войне были сделаны слабые попытки реорганизовать армию по европейскому образцу, но это не привело ни к каким результатам. И всё потому, что китайцы очень негативно относились ко всему иностранному и к самим иностранцам, называя их не иначе, как «варвары», «дикари» или «взбунтовавшиеся вассалы».

И вот через десять лет, прошедшие от конца первой «опиумной» войны, маньчжурское правительство вновь осознало несостоятельность своей армии. Войска не могли справиться даже с восставшими тайпинами.

1853 год для маньчжурского императора Сяньфэна выдался очень напряжённым. Практически весь бассейн реки Янцзы был охвачен восстанием. Тайпины захватили Нанкин и приближались к столице. Надо было что-то предпринимать. Правительственные войска терпели поражение за поражением, и даже некоторые солдаты переходили под знамёна тайпинов.

Чиновники докладывали Сяньфэню о тяжёлой ситуации, и тот пришёл в ярость, узнав, что маньчжурские полководцы проигрывают.

— Надо что-то предпринять, — жаловался он Ланьэр.

— Десятитысячелетний господин должен просто назначить новых генералов, более способных, — ответила наложница. —

Лучше, чтобы они были уроженцами тех мест, где будут воевать. И ещё надо привлечь на нашу сторону могущественные китайские кланы. Им тоже, наверно, не по вкусу тайпинские вожди, которые отберут у них все богатства и приравняют к обычным простолюдинам. Тайпины хотят построить Царство с равными правами для всех. Богатым китайцам это совсем не нужно, — она немного подумала и продолжила: — А ведь среди китайской знати наверняка найдутся способные военачальники.

— Не думаю, что Государственный совет будет в восторге. Китаец, управляющий маньчжурскими войсками?! Немыслимо! Такого ещё не было, — император пожал плечами.

— Сын Неба вправе сам устанавливать законы, — сказала Ланьэр.

Сяньфэн улыбнулся. Ему понравилась эта мысль.

— Ещё можно попросить о помощи иностранцев, — продолжила Ланьэр. — У них сильные военные командиры и хорошее оружие.

Сяньфэн задумался.

— Да, может быть, это и неплохой шаг, — через некоторое время проговорил он. — Они согласятся, потому что тайпины, придя к власти, наверняка отберут у них Гонконг, который мы отдали по договору 1842 года, и не разрешат торговать во многих портовых городах.

Такие разговоры вёл император со своей наложницей, посвящая её во все государственные дела и, надо сказать, всякий раз оставался вполне доволен её советами.

Через некоторое время с разрешения маньчжурского правительства могущественными китайскими кланами была создана армия ополченцев под командованием китайских военачальников. Руководил этой армией Цзэн Гофань, весьма способный и талантливый китаец. Он отличался особой жестокостью и считал, что чем больше будет убито бунтовщиков, тем лучше. Его армия называлась «Хунаньские молодцы». Дальше, император обратился за помощью к иностранцам, и те направили к нему генерала Гордона, который так всё организовал и так обучил китайских солдат, что воинство под его командованием получило громкое имя — «Вечно побеждающая армия».

После всех этих мероприятий, тайпины начали сдавать позиции. «Вечно побеждающая армия» Гордона и армия «Хунаньских молодцов» Цзэна Гофаня одерживали победу за победой, в результате восстание было подавлено.

Ланьэр осталась очень довольна тем, что император позволяет ей принимать участие в решении государственных вопросов и даже просит у неё совета. Но Сын Неба почему-то всё

не давал ей высшего титула — «драгоценной наложницы». И это по-настоящему беспокоило её. Был только один способ получить титул и закрепиться у власти окончательно — родить от императора ребёнка. Дело в том, что у императрици Цыань не могло быть детей, а император Сяньфэн очень хотел иметь наследника.

И вот то, чего так хотела Ланьэр, сбылось. В 1856 году у неё родился сын — Цзайчунь. Сяньфэн был счастлив. Не меньше была счастлива и Ланьэр. Сын Неба, наконец-то, присвоил ей титул «драгоценной наложницы», и она, приобрела особое положение во дворце — положение матери будущего императора. Правда, младенцем она совсем не занималась — для этого существовало множество нянек и кормилиц.

Ланьэр жила в Западном дворце Запретного города. Восточный дворец, более почётный, занимала законная жена Сяньфэна — императрица Цыань. Конечно, Ланьэр предпочла бы жить в восточном дворце, но пока её устраивали и западные апартаменты, тем более что влияния на императора у неё было значительно больше, чем у Цыань. А соответственно и власти во дворце становилось всё больше. Она активно занималась государственными делами, Сяньфэн не препятствовал этому — наоборот, почти полностью доверился своей драгоценной наложнице. Министры, видя такое положение вещей, шли с докладами к Ланьэр, и та подписывала бумаги или накладывала резолюции. А Сяньфэн только ставил императорскую печать на указах. Некоторые знатные князья и министры начали проявлять недовольство этим. Особенно воинственно был настроен министр по налогам Су Шунь, очень хитрый и талантливый чиновник. Так же недолюбливал наложницу и князь Гун, брат Сяньфэна. Су Шунь и Гун были весьма дальновидными политиками.

Су Шунь, всё-таки склонный к консерватизму, выступал за постепенные реформы, в то время как Гун являлся сторонником самых активных действий. И всё же оба прекрасно понимали, что государство, в том виде, в каком оно было, очень скоро ожидает крах. Стране требовались реформы, особенно в области образования и военного дела. Не менее важно было налаживать дипломатические отношения с иностранными державами, по мощи превосходившими Китай.

Однако Ланьэр была против реформ, а к иностранцам относилась очень негативно. Она постоянно внушала императору не предпринимать никаких попыток сближения с варварами и ратовала за то, чтобы Китай оставался закрытой державой. Но, по сути дела, это было уже нереально. Су Шунь и Гун отлично всё понимали. Иностранцы, несмотря на сопротивление, «вползли» в

Китай и развернули активную деятельность, выгнать их из страны не представлялось возможным. Свою силу и превосходство они уже показали в первой «опиумной» войне — зачем же опять ссориться с «заморскими варварами»?

Тем не менее, драгоценная наложница никак не хотела, чтобы император налаживал отношения с иностранными державами.

— Они не знают наших церемоний! Им не ведома учтивость! Они все нервные и бестактные. Разговаривают громко, двигаются резко и суетливо. Если наш народ начнёт перенимать их поведение, будет просто ужасно! — спорила она с князем Гуном, — И потом, иностранцы так отвратительно коверкают китайский язык — единственный универсальный язык, достойный изучения! А как они танцуют? Эти омерзительные ужимки! А наряды их женщин? Платья без рукавов, с открытой шеей! А как они общаются друг с другом? Мне рассказывали, что они целуются при встрече! Это же верх неприличия! А их врачи! Пичкать своих больных какими-то гадкими пилюлями! Говорят, эти пилюли они делают из глаз китайских детей… И ещё: они так кичатся своими изобретениями, а ведь на самом деле всем обязаны нашим учёным. Все открытия, которые они якобы совершили, сделаны с помощью наших мудрецов, додумавшихся до них ещё тогда, когда иноземцы были дикарями. Наши учёные дали им семена, из которых выросла их наука. И мы должны признать себя их учениками?! Это недопустимо!..

Ланьэр совершенно не желала перемен, хотя и была не прочь воспользоваться услугами «заморских варваров», например, для подавления восстаний.

А Князь Гун наоборот упрямо пытался подвигнуть Сяньфэна на реформы и говорил о необходимости сближения с другими государствами.

— Их послы настаивают на аудиенции у вашего величества, — говорил он, обращаясь к Сяньфэню, — но не хотят выполнять ритуал «коу-тоу»[12] перед Сыном Неба. Иностранцы считают это унизительным для себя, говорят, что у своих правителей не совершают челобитных. Может, стоит пойти им на уступки и назначить только три низких поклона без коленопреклонения?

Ритуал «коу-тоу» был извечным камнем преткновения между послами и правительством Поднебесной. Дело в том, что император Китая считал себя владыкой всего мира и соответственно к другим государствам относился как к вассальным княжествам. «Я, — говорил он о себе, — почтительно получив на то соизволение неба, правлю как государь китайцами

и иноземцами». Принятый в Китае дипломатический этикет являлся поистине унизительным для гостей. Послов заставляли отбивать земные поклоны, стоя на коленях и ударяясь лбом об пол, не только перед императором, но и перед входом во дворец и даже перед пустым троном. Если послы отказывались, их не допускали к императору, а то и вовсе выгоняли из страны. Всё это мешало установлению нормальных дипломатических отношений.

Например, в 1809 году русский царь направил в Китай посольство во главе с графом Головкиным. Китайские представители остановили его в Монголии и предложили Головкину отрепетировать, как он будет себя вести перед Сыном Неба. К стене комнаты прикрепили табличку с именем императора, и русский посол должен был приближаться к ней на четвереньках, а на его спину, на специальной подушечке следовало положить верительную грамоту от русского царя. Головкин, естественно, отказался от унизительного ритуала. Тогда китайские представители вернули русскому посланнику все привезённые им подарки и запретили въезжать в Пекин.

Ланьэр, присутствуя при разговоре императора Сяньфэна и князя Гуна о «коу-тоу», искренне возмутилась:

— Да как эти заморские варвары смеют требовать нарушения наших традиций? А что, если глядя на них, и наши придворные вздумают не выполнять положенного этикета! Почему мы должны идти на уступки? Ведь это они живут здесь и торгуют на нашей земле!

— Но их сила велика, — возразил князь Гун. — Они не такие уж и варвары, как принято считать. Если вспомнить войну 1842 года, когда мы заплатили им огромную контрибуцию и отдали Гонконг, станет ясно, что их надо опасаться. Лучше не вступать с ними в конфликт.

Но император Сяньфэн больше слушал свою драгоценную наложницу. И результат такой политики не заставил себя ждать.

В 1856 году, когда война с тайпинами была в самом разгаре, а счастливая Ланьэр наслаждалась своей новой ролью, разгорелся второй конфликт с иностранными государствами. Неумелая политика Китая привела к печальным последствиям. Первая «опиумная» война получила своё продолжение.

Поводом для обострения послужил инцидент с британским судном «Эрроу». Китайская патрульная служба арестовала двенадцать моряков, обвинив их в пиратстве. Англичане выступили с протестом, настаивали на неприкосновенности флага и всего, что находится под ним. Китайцы упорно не желали ничего гарантировать, и тогда английский адмирал перешёл к активным действиям. Началась новая необъявленная война,

получившее название второй «опиумной». Англичане захватывали прибрежные форты, китайцы сжигали фактории иностранных купцов, грабили их. Следом произошло несколько убийств английских солдат и даже попытка отравления целого гарнизона мышьяком, подмешанным в хлеб. Маньчжурское правительство не предпринимало никаких действий, чтобы остановить насилие.

Начав военные действия против Поднебесной, англичане заручились поддержкой других европейских стран. Главным союзником стала Франция. Предлогом для её участия в войне послужило убийство французского миссионера в провинции Гуанси. Дипломаты пытались всеми способами «достучаться» до властей, чтобы прекратить нападения на иностранных граждан, но маньчжурское правительство будто не слышало их. Местные власти также не предпринимали никаких действий и вообще, заняв уклончивую позицию, тянули время. В результате, иностранцы, видя, что переговоры невозможны, начали захватывать форты и города.

Вот когда маньчжурское правительство, наконец-то осознало серьёзность угрозы, и в 1858 году всё же решилось на переговоры. Иностранцы выдвинули очень жёсткие требования: открытие для международной торговли ещё одиннадцати портовых городов; получение права на свободное перемещение по Китаю и свободную миссионерскую деятельность; выплата контрибуции Англии и Франции; и последнее требование: узаконить ввоз опиума. Заодно и другие государства, державшие нейтралитет в этой войне, выдвинули свои требования. Так, США запросили тех же прав, что и Англия с Францией, за исключением контрибуции, а Россия затронула очень важный для себя вопрос территориального разграничения на Дальнем Востоке.

Споры между китайцами и русскими об огромных территориях в бассейне Амура велись давно. Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Муравьёв, воспользовавшись моментом, начал вести переговоры с китайской стороной и добился согласия на то, что граница пройдёт по Амуру, причём земли по левому берегу реки будут принадлежать России, а по правому — Китаю. Уссурийский же край оставили в совместном владении впредь до решения этого вопроса.

Китайское правительство вроде и согласилось на все требования иностранных держав, заключив соглашения, да только подписать их должен был в Пекине император Сяньфэн. Представители китайской стороны требовали прибытия делегаций в столицу исключительно по суше и в сопровождении незначительного эскорта. Однако европейцы, зная коварство китайцев, всё же отправились на переговоры с внушительной

эскадрой. И оказались правы: китайцы, воспользовавшись небольшим перерывом в войне, укрепили города близ Пекина и подтянули туда войска. В планах маньчжурского правительства было не допустить ратификации соглашений. Иностранцев встретили мощным артиллерийским огнём. Десант, высаженный недалеко от Пекина, был разгромлен, несколько кораблей потопили. Западным державам пришлось отступить. Но они не собирались сдаваться — наоборот, решили подготовить широкомасштабную акцию.

Летом 1860 года англо-французские войска без особых предупреждений двинулись к Пекину. Эскадра насчитывала более семидесяти боевых судов. Китайцы потерпели сокрушительное поражение, и маньчжурское правительство опять вступило в переговоры. Представлял его князь Гун. Но едва начавшийся мирный процесс был снова прерван арестом части иностранной делегации, причём некоторые из арестованных впоследствии скончались в китайской тюрьме от пыток или не вынеся тяжёлых условий. Европейцы были крайне возмущены арестом парламентариев. Мало того, пришло известие, что император вместе с государственным советом бежал из столицы в Жэхэ, что в двухстах пятидесяти километрах к северо-востоку от Пекина. И наконец, перед самым отъездом Сяньфэн обнародовал указ, предписывающий истреблять «заморских варваров»: за голову каждого иностранца назначалась крупная сумма денег. Эта беспрецедентная акция вызвала бурю гнева у европейцев. И тут уже сухопутные англо-французские войска двинулись к столице. На их пути в двадцати километрах от Пекина стоял Императорский летний дворец. Желая отомстить китайцам за вероломный действия, главнокомандующий европейцев отдал приказ о разграблении. В результате Летний дворец, содержавший несметные сокровища, был разрушен почти до основания.

Подступив к Пекину, «иноземные варвары» выдвинули требования о выдаче пленных и немедленной сдаче города, иначе грозили штурмом и разрушением. Всем в столице было известно, что 1 октября в 12 часов дня иноземцы начнут атаковать, если городские ворота не будут открыты. Власти решили открыть ворота. Однако англичане и французы были так раздражены вероломным захватом парламентариев, что хотели уничтожить и дворцы Запретного города, так же, как летнюю резиденцию. Они выдвинули князю Гуну ультиматум, в котором требовали удовлетворения за убийства пленных и уплаты контрибуции. Обстановка накалилась до предела и если бы русский посланник генерал Игнатьев не поспешил предотвратить столкновение,

Запретный город просто стёрли бы с лица земли. Игнатьев выступил в роли посредника между воюющими сторонами и мастерски провёл переговоры в русском подворье, где жили миссионеры из России. Из всех иностранцев только они и оставались в Пекине во время этих событий, остальные покинули город, боясь расправы.

Китайские сановники во главе с князем Гуном явились в русское подворье, чтобы выслушать советы и наставления генерала Игнатьева.

Итак, теперь пекинскому правительству уже ничего не оставалось — только подписать договор, по которому китайская сторона выплатила огромную контрибуцию и узаконила ввоз опиума, причём пошлину на него сделали значительно меньше, чем на китайский чай и шёлк, ввозимые в Англию. К тому же китайская сторона разрешила пребывание послов иностранных держав в Пекине, уступила часть территорий англичанам, открыла одиннадцать портовых городов для торговли, возвратила собственность христианских церквей, разрешила миссионерство, дала китайцам право эмигрировать, которого жители Поднебесной никогда до этого не имели. Надо сказать, что Игнатьев проявил себя, как дипломат высочайшего класса. Китайские сановники называли его спасителем отечества и вообще всячески старались выразить свою благодарность. Конечно, русский генерал воспользовался этим, и в результате после ухода из столицы иностранных войск был заключён тот самый дополнительный русско-китайский договор по поводу Амурского и Уссурийского краёв. Граница с Китаем прошла по китайскому берегу Амура, что более чем удовлетворило русское правительство.

Сразу после вывода иностранных войск из Пекина, императорский двор не спешил покинуть Жэхэ. Сяньфэн был болен, а в 1861 году умер, вернее, «обрушился подобно горе». Лишь о простом человеке говорили «умер». О министрах и сановниках — «пришли к концу», о других чиновниках — «оставили почётные места», а император мог лишь «обрушиться подобно горе».

Перед смертью он назначил регентский совет из восьми человек во главе с Су Шунем, который должен был править Поднебесной, пока наследник не достигнет совершеннолетия. А будущему императору на тот момент ещё не исполнилось и шести лет. Во время церемонии возведения Цзайчуня на престол ему был присвоен девиз правления Тунчжи, что означало «совместное правление».

Знаменитый указ о даровании самоубийства своей

драгоценной наложнице Сяньфэн передал на хранение непосредственно жене — императрице Цыань. Кто его надоумил написать этот указ, осталось загадкой. Возможно, он сам принял такое решение…

Ланьэр, узнав об указе, пришла в неописуемую ярость. Утешало её одно: всё-таки указ находится у Цыань. «Она не воспользуется им, — думала драгоценная наложница, — потому что я нужна ей. Ведь Су Шунь может захватить власть и сместить моего сына, он вполне способен на это, и тогда неизвестно, что ждёт Цыань. Скорее всего, Су Шунь избавится от неё… и от меня, конечно, тоже. Так что противостоять Су Шуню могу только я. Нет, он не отнимет у меня власти! Уж я об этом позабочусь».

Глава 9
ВСЁ ПОД КОНТРОЛЕМ?

По экрану большого ЖК-монитора бежали всё более частые цветные полосы. Они дрожали, ширились, переплетались и в итоге абсолютно закрыли собою изображение. Начальник Секретной Лаборатории Роман Рафаэлевич Каюмов нахмурился и отодвинул в сторону бесполезную теперь мышь. Он бы решил, что это какой-то новомодный вирус, если б его компьютер не находился в одной сети со всеми «Фаэтонами». В том числе и с самым первым, который сейчас, как кошка у Киплинга, гулял где-то сам по себе. Подобный эффект, условно названный «виртуальные хронопомехи», уже наблюдался несколько раз, однако с такою силой — впервые.

«Как жаль, что Андрей Звонков теперь не с нами, — с тоской подумал Рафаэлич о своём старом друге — недавно уволившемся из Лаборатории физике. — Ведь именно он занимался всякими побочными эффектами в виртуальной реальности».

«Впрочем, что значит, не с нами? — Одёрнул сам себя начальник лаборатории. — Он же не умер, в конце концов!»

Каюмов набрал мобильный номер Андрея.

— Привет, — сказал он, как будто они расстались вчера. — Хочу с тобой посоветоваться.

— Привет. Всегда рад помочь. Машину новую решил покупать или разводиться надумал? — Звонков был настроен игриво.

— Дурацкие шутки, Андрей. Мне нужен твой совет по работе. Очень серьезный совет.

Повисла пауза.

— И вот так, в открытом эфире ты собираешься это всё обсуждать?

— Андрей, ты тоже заболел шпиономанией? Я прекрасно знаю все службы, которые могут писать наши с тобой разговоры, и буду долго смеяться, если они что-нибудь поймут в них.

— Ну, хорошо. Что случилось? — посерьёзнел Звонков.

— Помехи в локальной сети вышли практически на максимум.

— Так, а сколько «летчиков» одновременно «в воздухе»?

— Да в том-то и дело, что всего один! Правда, их там четверо. Расстояние небольшое — чуть больше века. И, главное — это наша самая первая машина…

— Всё, не объясняй, достаточно, — перебил Звонков. — Вы с

ума сошли! Там же перерасход критического ресурса в системе общего контроля процентов на семьдесят. Больше двух третей в любом случае.

— И чем это может грозить? — спросил Каюмов, чувствуя, как нехороший холодок крадётся у него по спине.

— Н-ну… для этой машины — последняя гастроль, — приговорил Звонков. — Хотя, конечно, если перенастроить блок дефлекторного…

— Погоди! Они смогут вернуться?

— Не знаю, кто такие «они», но вернутся, обязательно вернутся, не дергайся! Только больше на этом «Фаэтоне» никуда не летайте.

— Понял, спасибо, Андрей! Я потом тебе перезвоню.

Рафаэлич разорвал связь и одной кнопкой вызвал начальника службы безопасности генерала Круглова.

Тот вошел так быстро, словно стоял за дверью. Или просто показалось, потому что задумался? Вид у генерала был странный. Нет, никто не требовал от сотрудников носить военную форму или парадный костюм, но всё-таки, как говорится, положение обязывает. А тут темная рубашка без галстука, халат зеленый, как у хирурга, а в руках почему-то паяльник и кусок провода — ни дать, ни взять, электрик до пенсии дорабатывает.

Однако спрашивать о всякой ерунде было некогда, и Каюмов задал другой вопрос:

— Николай, узнай-ка у Игната, за сколько он домчит отсюда до Крымского моста?

Круглов глянул на часы и, подумав ровно секунду, ответил:

— Ночью? За десять минут. И спрашивать нечего. Но там полно наших людей, Рафаэлич, всё под контролем. Они доставят их сюда как только, так сразу.

— Ты не понял, — стал объяснять Каюмов. — Я хочу сам поехать на Крымский мост.

— А-а-а, — удивился Круглов, — ну… в таком случае… — он замялся.

— Поехали, — решительно вставая, сказал Каюмов.

— Что, и я тоже? Вот в таком виде?

— Да, — кивнул Рафаэлич с совершенно серьезным лицом. Лучше в таком, чем с опозданием. И позвони своим орлам, чтобы ждали нас.

Уже в машине, Круглов спросил:

— Рафаэлич, я давно догадывался, что ты над этими ребятишками какие-то эксперименты ставишь, а если они последний этап не выдержат?

— В каком смысле? — не понял Каюмов.

— Ну, вернётся сейчас вместо них в белом облачке один наш доблестный генетик или вообще непонятно кто и что?

— Типун тебе на язык!

— Извини, не прав, — осекся Круглов. — Ну, а если всё в порядке?

— Тогда обещаю, ты будешь первым свидетелем наших исторических переговоров, — улыбнулся Рафаэлич.

Глава 10
ВЕЛИКАЯ ИМПЕРАТРИЦА

После смерти императора Сяньфэна, императрица Цыань получила титул Великой императрицы, а вот драгоценной наложнице этот титул не полагался. Но всё же не прошло и дня после кончины императора, как Ланьэр стала Великой императрицей и сменила своё имя на Цыси. И уже Цыси сообщила всем, будто император Сяньфэн лично издал указ о том, что после его смерти драгоценная наложница Ланьэр должна носить титул Великой императрицы, так как является матерью наследника. На самом деле этот указ она написала собственноручно, а потом просто ненадолго завладела печатью императора.

Но даже получив титул, Ланьэр, точнее, теперь Цыси всё равно оставалась на ступеньку ниже Цыань. По этикету она должна была каждое утро приходить к Цыань и желать ей доброго утра, что ужасно раздражало Цыси. Но она ничего не могла с этим поделать. Единственный путь к возвышению — это власть.

Став Великой Императрицей, Цыси мечтала только о власти, ведь сам по себе титул права на власть не давал. Почётный титул — и всё. Его всегда получали жёны покойных императоров. Владыкой оставался император или (при не достигшем совершеннолетия наследнике) регентский совет из знатных сановников. По маньчжурским законам женщина не могла править Империей.

Вот только Цыси это совершенно не смущало.

«Что такое титул, если ты не имеешь власти? — думала Цыси. — Я должна править!»

А реально правил регентский совет во главе с Су Шунем. Обе императрицы оказались не у дел. Правда, Цыань, в отличие от Цыси, совсем не стремилась к власти, просто боялась Су Шуня, который обладал огромной силой при дворе. Он сплотил вокруг себя всех родственников, назначив их на ответственные посты. Того и гляди, мог случиться государственный переворот. Цыси понимала это и спешила воспользоваться ситуацией.

— Су Шунь становится опасным, — объясняла она Цыань. — Он захватил власть при дворе, и думаю, готовит переворот. Наверняка он задумал сместить моего сына с престола.

— Да, — согласилась Цыань. — Он ведёт себя, как хозяин Поднебесной и совершенно не оказывает нам должного почтения.

— Су Шунь под любыми предлогами пытается задержать нас

в Жэхэ, а сам, как Владыка Поднебесной, обосновался в Запретном городе. Мы даже не знаем, что происходит в стране. Все сановники идут с докладами к нему.

— Может, попросить совета у князей Гуна и Чуня? — предложила Цыань.

— Очень хорошая мысль! — обрадовалась Цыси. Она сама хотела склонить к этому Цыань. — Нужно послать кого-нибудь из надёжных евнухов и передать князьям, чтобы они, не мешкая, приехали к нам.

Цыси всё делала с дальним прицелом. Под предлогом грозящего переворота она просто намеревалась убрать регентский совет, как таковой, и хотела сама стать регентшей при малолетнем наследнике. Правда, по закону, матери не могли быть регентшами. Но Цыси и этот закон не устраивал.

Разговаривая с князьями Гуном и Чунем, она открытым текстом предложила убрать Су Шуня, чтобы защитить права малолетнего императора Тунчжи. В этот раз князь Гун выступил на её стороне: смещение Су Шуня было ему на руку. Су Шунь, фактически узурпировавший власть, мешал не только Цыси. Так что план переворота был разработан до мелочей. Только действовать следовало осторожно, дабы не спугнуть всесильного регента.

Чтобы въехать в Запретный город без всяких подозрений, императрицы и князья выбрали подходящий момент — день похорон императора Сяньфэна. Весь двор отправился в столицу, сопровождая гроб с прахом покойного. Князья Гун и Чунь охраняли процессию вместе с вооружённым отрядом. А прибыв в столицу, императрицы сразу приказали арестовать Су Шуня и весь регентский совет, объявив, что те хотели сместить законного императора Туньчжи с трона. В результате, Су Шунь был обезглавлен, а остальным членам совета даровали самоубийство.

После всех этих событий Цыань и Цыси уже, как полноправные хозяйки, обосновались в Запретном городе.

Теперь Цыси оставалось лишь получить право на регентство. Конечно, она добилась и этого — вопреки закону. Впрочем, такое же право получила и Цыань.

Да, две Великие императрицы-регентши — Цыси и Цыань правили Поднебесной. И всё же мечта драгоценной наложницы осуществилась. Очень многие решения она могла принимать совершенно самостоятельно, пока её сыну Тунчжи не исполнится восемнадцать. А это случится ещё нескоро…

В двадцать шесть лет Цыси наконец-то почувствовала себя счастливой. Власть её была практически неограниченна. Уже не надо было править «из-за опущенной занавески». Она официально

владела государственной печатью и от имени малолетнего императора подписывала бумаги, издавала указы, казнила и миловала по своему усмотрению. Высшие чиновники спешили к ней с докладами и, зная властолюбивый характер Великой Императрицы, очень боялись её прогневать. Цыси окружали более тысячи евнухов и около пяти тысяч служанок, исполнявших любое её желание. Придворные буквально трепетали перед ней. А льстивый евнух Ань Дэхай, любимец Цыси, стал называть императрицу «Старой Буддой» или «почтенным предком» и это очень нравилось ей. Она любила, когда к ней обращались с наивысшим почтением или желали десять тысяч лет жизни, как императорам.

Во всевозможной, просто невероятной роскоши Цыси не хотела знать меры. Особенно это было заметно в день её рождения, который с каждым годом отмечался всё более пышно. Праздник длился по нескольку недель. Придворные и чиновники несли ей дорогие подарки, и она внимательно разглядывала каждый предмет. Если подарок оказывался, по её мнению, не слишком достойным, она брала дарителя на заметку и при удобном случае могла либо понизить его в ранге, либо вообще сослать в дальнюю провинцию. Всем подаркам императрица вела счёт и даже завела для этого специальную книгу, куда главный евнух записывал, когда, кем и как был преподнесён тот или иной подарок.

В комнате, соседствующей со спальней, лежали украшения Цыси. Три стены от пола до потолка были заставлены полками, на которых стояло немыслимое число пронумерованных коробок, покрытых чёрным лаком. В них и хранились всевозможные драгоценности, которые любила носить императрица, причём каждое изделие, будь то заколка для волос или браслет, подходило только к определённому наряду. Например, в коробке номер тридцать пять хранилась заколка в виде аиста, сделанного из жемчуга и обрамленного серебром. Её Цыси прикалывала к волосам, только когда надевала халат цвета морской волны, расшитый белыми аистами и украшенный жемчугом и нефритом. Поверх халата непременно надевалась короткая розовая безрукавка, тоже расцвеченная вышитыми аистами. И обязательно в дополнении к наряду Цыси выбирала носовой платок и туфли всё с теми же аистами. Она была очень щепетильна в этом вопросе…

Коробок с драгоценностями насчитывалось около трёх тысяч только в одной комнате. В другой, которую бессменно охраняли евнухи, их было ещё больше.

Императрица Цыси очень любила спектакли. Согласно

обычаю, первого и пятнадцатого числа каждого месяца во дворце устраивались театральные представления. А в честь дня рождения спектакли шли по нескольку дней подряд. В Павильоне Радостных Звуков была сооружена открытая сцена, состоявшая из трёх ярусов. На каждом актёры, — разумеется, все мужчины — играли одну и ту же пьесу совершенно синхронно. Театральному искусству учились и евнухи, самые талантливые входили в состав дворцовой труппы. Практически все пьесы во дворце являлись операми. У Цыси был прекрасный голос, она с детства любила петь и знала множество арий, поэтому, тонко чувствовала малейшую фальшь или ошибку в исполнении, и в таких случаях крайне раздражалась, останавливала спектакль и отчитывала актёров.

Покой императрицы охраняло огромное число евнухов и служанок. Цыси очень боялась покушений и заговоров, и возле её спальни бессменно дежурила вооружённая охрана. Все, кто прислуживал ей, обязательно следили друг за другом. Например, когда молоденькие служанки массировали императрице ноги перед сном, другие, сидя тут же, наблюдали за ними, чтобы, не дай бог, те не причинили вреда. За наблюдающими служанками следили евнухи, за евнухами — фрейлины… И все вместе ужасно боялись её гнева, ведь за малейшую провинность грозило наказание.

Если причёсывающая служанка неосторожным движением вырывала волосок из её головы, Цыси приказывала евнухам бить негодницу бамбуковыми палками. Кстати, у Великой императрицы для подобных целей существовал специальный мешок, где хранились бамбуковые палки любых размеров. Этот мешок всегда и повсюду носили за императрицей евнухи. Цыси была очень жестока к слугам. Избиение по любому поводу — обычное дело. Причём если провинившегося били недостаточно сильно, она приказывала дать палку избитому, и слуги менялись местами … Так могло продолжаться до бесконечности, пока оба не падали окровавленные на пол.

Избиение было не единственным средством наказания. Доходило и до ужасных пыток с отрезанием частей тела, и до экспериментов с различными ядами. В комнате у Цыси имелся специальный ящичек с множеством пузырьков и коробочек, содержащих смертоносные порошки, пилюли и жидкости. Ей доставляло огромное удовольствие наблюдать, как действует та или иная отрава.

Придя к власти, Цыси в полной мере наслаждалась своим величием, могуществом, вседозволенностью. Сановники и слуги оказывали ей наивысшее почтение, строго соблюдая все

церемонии. Например, подавая чай, евнухи принимали совершенно определённую позу: двумя руками подняв чашку на уровень своей правой брови, медленно подходили к императрице, вставали на колени и только тогда протягивали чашку. При этом, если чай вдруг оказывался слишком горячим или, наоборот, остывшим, Цыси гневно кричала на евнуха или приказывала избить его палками.

Чтобы не допустить заговора и держать всех в повиновении, хитрая императрица натравливала чиновников друг на друга. А чтобы быть в курсе событий, происходящих во дворце и за его пределами, ввела систему непрестанной слежки. Все следили и все доносили императрице. Что бы ни происходило, Цыси узнавала об этом первой. И никто из слуг не смел ничего делать без её ведома, все, абсолютно все находились под её бдительным контролем. К примеру, фрейлины императрицы могли попасть в свои покои, только пройдя мимо веранды императрицы, что было сделано по личному приказу Цыси. О своих фрейлинах она хотела знать всё.

И всё же, обладая огромной властью, Цыси побаивалась императрицы Цыань и князя Гуна. Она могла бы развернуть свою деятельность ещё шире, но посмертный указ Сяньфэна, дарующий ей самоубийство, не давал Великой императрице покоя ни днём, ни ночью. Её жизнь могла в любой момент оборваться, вот и приходилось всё делать с оглядкой.

Да и князь Гун, хоть и помог ей прийти к власти, всё же недолюбливал Цыси и, прежде всего, потому, что она противилась реформам, хотя последние войны с иноземцами показали всю несостоятельность китайской армии.

Гун настаивал на реорганизации армии и сферы образования по европейскому образцу, он приводил в пример поднимающуюся на ноги Японию и предлагал ввести в классическую программу обучения европейские науки, в том числе математику и иностранные языки. Возглавляя Государственный совет, князь Гун имел большое влияние при дворе. Многие поддерживали его, но не хотели вступать в открытый конфликт с императрицей Цыси. И всё-таки, как ни противилась она, князю Гуну удалось создать в Пекине первую школу иностранных языков.

Неприязнь к Гуну со стороны Цыси всё накапливалась. Она уже мечтала вывести его из Государственного совета, но никак не могла найти предлог. Да и Цыань поддерживала князя. Чувствуя это благосклонное отношение, Гун вёл себя достаточно независимо, чем жутко раздражал Цыси. Когда же Гун и Цыань приказали казнить любимого евнуха Цыси Ань Дэхая — за слишком развязное поведение при дворе, Цыси просто пришла в

ярость… Но она ничего не могла сделать. Пока тот в открытую брал взятки у сановников и непочтительно относился к князьям императорской крови, было ещё полбеды, но когда он выехал за пределы столицы, что категорически запрещалось евнухам… В общем, казнили его по закону.

Следующее столкновение с князем Гуном произошло, когда Цыси захотела восстановить Парк Радости и Света в летней резиденции, разрушенной англо-французскими войсками. Князь выступил категорически против, справедливо ссылаясь на то, что восстановление летней резиденции потребует слишком много средств.

— Не лучше ли эти средства вложить в перевооружение армии? — предложил он. — К тому же, мы выплатили огромную контрибуцию английскому и французскому правительству, наша казна изрядно похудела.

Но никакие доводы не могли убедить императрицу. Её вообще несильно волновали чужое мнение и состояние государственной казны. Тогда в спор вступила Цыань и поддержала Гуна. Цыси, скрипя зубами, уступила, но затаила серьёзную обиду. Её очень раздражало, когда кто-то перечил ей…

Прошли годы. Императору Тунчжи исполнилось семнадцать лет. Перед тем, как занять место Дракона, он должен был жениться. Императрица Цыань настояла на том, чтобы женой его стала Алутэ, прекрасная умная девушка из хорошей семьи. А Цыси была против этой кандидатуры.

— Алутэ слишком самостоятельна, чересчур умна и образованна, — возражала Цыси. — Она будет сильно влиять на молодого императора.

Цыси отлично понимала, что юная Алутэ вполне может настроить Тунчжи против матери, и не хотела терять власть. Ей требовалось полное подчинение императора.

В 1873 году император Тунчжи принял правление в свои руки. Но продолжалось оно недолго — чуть больше года. В 1875 году юноша неожиданно заболел и вскоре скончался. Чем именно болел император, тщательно скрывалось, и причины смерти не стали достоянием гласности. Поговаривали, что Цыси намеренно не давала сыну лекарства, чтобы тот побыстрее умер, или ещё как-то способствовала его смерти. Общеизвестно одно: потеряв сына, Цыси вовсе не выглядела расстроенной. Её занимало совсем другое — Алутэ ждала ребёнка, который был совершенно не нужен императрице.

— Если Алутэ родит сына, она сама станет регентшей при нём, — говорила Цыси своему новому фавориту евнуху Ли Ляньину.

— Но сейчас трон свободен, и можно воспользоваться этим. Пока Алутэ не родила, следует назначить нового императора, — посоветовал Ли Ляньин.

Цыси в спешном порядке собрала Государственный совет и предложила выбрать нового императора. Совет стал предлагать своих кандидатов, но Цыси настояла на четырёхлетнем сыне князя Чуня, женой которого и, соответственно, матерью нового императора была младшая сестра Цыси. Князь Чунь очень не хотел, чтобы его сын становился императором, он элементарно боялся, что Цыси убьёт его. Тем не менее, решение приняли. Сын князя Чуня стал императором, и прозвучал девиз его правления — Гуансюй, что означало «блестящее наследие».

Чтобы сохранить за собой регентство, Цыси объявила, что Гуансюй является наследником не Тунчжи, а самого императора Сяньфэна. И теперь, когда трон занял четырёхлетний мальчик, Цыси могла ещё четырнадцать лет править Поднебесной. Правда, по-прежнему, вместе с Цыань.

Что же до вдовы Алутэ, то Цыси не стала ждать рождения ребёнка. Довольно скоро молодая женщина вдруг умерла от голода. Как? Почему? Так и осталось загадкой. Свои тёмные делишки Цыси умела проворачивать тихо, не оставляя следов — никто, ни в чём не мог её обвинить.

Глава 11
ПОДАРОК СУДЬБЫ

Над восточным горизонтом забрезжил рассвет, лениво, будто ещё не отошёл от ночной дремоты. Предвестник торжественного восхода — тонкая яркая полоска возле самой земли — не спешила расширяться, и всё равно небо над ней неумолимо розовело. Белый туман, сменивший черноту ночи, тихо клубился, таял, и, ложась на землю, превращался в хрустальные капельки росы.

Наконец, отчётливо проступила узкая улочка — монотонные серые стены кирпичных заборов, а за ними утопающие в зелени невысокие дома с изогнутыми крышами.

Унылое однообразие этих бесконечных заборов, скрашивалось лишь многоцветием ворот — каждый сам выбирал для них краску и придумывал резной орнамент. Общими для всех оставались тяжелые засовы и портреты богов-покровителей.

Тишина стояла кругом. Город ещё спал. Ни одного случайного прохожего, ни одного звука…

Через каких-нибудь два часа всё здесь переменится до неузнаваемости. В шуме, криках и жаркой толкотне растворится даже воспоминание об этой утренней идиллии. Откроются лавки, мастерские, цирюльни, хлебопекарни, харчевни, чайные. Уличные разносчики будут кричать, звенеть бубенцами, стучать в колотушки, дудеть в маленькие медные трубы, щёлкать трещотками или бить в барабаны, зазывая покупателей. На тачках и телегах, в лотках и корзинах крестьяне повезут свой товар: овощи, сладости, зелень и прочую снедь. В чайных домах начнутся театральные представления, а любители посидеть за карточным столом или азартно пошвырять кости, оккупируют игорные заведения.

Продавец сладостей известит о своём появлении ударом в небольшой гонг, и дети, да и взрослые тоже, дружно ринутся раскупать все эти вкусные штучки: засахаренные маленькие яблочки, орешки, разнообразные фигурки, слепленные из разваренного подслащённого риса, фруктовое желе, сладкие стручки гороха и, конечно же, сушёные фрукты. У этих же продавцов можно будет купить игрушки из дерева и папье-маше, хлопушки, фейерверки, а также искусственные цветы из бумаги и шёлка.

И чего только ни увидишь на этих торговых улицах: всевозможные полезные для дома железки, оловянные и латунные

тарелки, книги, дешёвые украшения, фальшивые косы для мужского населения Поднебесной, и конечно, зонтики — непременный атрибут китайского туалета.

Немного в стороне от вещевых рядов усядутся продавцы животных, главным образом, птиц: маленьких и больших, певчих и молчаливых, и обязательно в круглых деревянных клетках. Ни один китаец не пройдет мимо них равнодушно. Эта необыкновенная страсть, эта безграничная любовь к пернатым поистине в крови у каждого жителя Поднебесной. И со своими любимцами возятся они как с малыми детьми: выгуливают, чтобы птички дышали свежим воздухом, в холодное время укутывают клетку тёплым ватным чехлом, в общем, холят их и лелеют. А некоторые, особо заботливые хозяева, носят своих питомцев повсюду, даже если отправляются на деловую встречу.

Но не только мелких беззащитных пташек предлагают уличные торговцы. Продают здесь и хищных кречетов или соколов, предназначенных для охоты. Причём охотиться любят простые китайцы, а что до знатных особ, то считают они занятие это ниже своего достоинства. Ведь охота с хищными птицами — не развлечение, а способ прокормить себя, и значит, удел бедных.

Ещё здесь продают собак, вернее, маленьких собачек, приобретаемых исключительно для забавы. А стоят зверьки совсем не дёшево, поэтому доступны лишь состоятельным гражданам.

Но, пожалуй, самый необычный, зато очень популярный у китайцев товар — это сверчки. Их продавец вынесет в большой корзине и будет чинно прохаживаться туда-сюда. Сверчки для жителей Поднебесной — не просто насекомые, а музыканты и спортсмены. Тот, кто любит маленьких, «певчих» сверчков, обязательно будет кормить их и даже устроит в своем жилище для насекомых отдельный маленький домик. Весёлое стрекотание будет отгонять злых духов и услаждать слух домочадцев. У других же пользуются спросом большие «боевые» сверчки. Такой боец, одержавший несколько побед, ценится очень дорого.

Бои сверчков — одно из главных национальных развлечений. Ареной служит блюдечко. Сверчков перед боем щекочут соломинкой, вызывая раздражение, а затем выкладывают на блюдце. Те с яростью бросаются друг на друга и сражаются до тех пор, пока один из них не перевернется на спину. Ставки бывают очень крупными, и хозяин неоднократного победителя может стать настоящим богачом.

Иногда с самого утра среди торговцев появляются странствующие кукольные театры, фокусники и акробаты. Но представления прямо на улицах они дают достаточно редко.

Богатые горожане приглашают артистов во двор своего дома, и уже там, за массивными воротами, разворачиваются целые спектакли: кукольные комедии с деревянными игрушками, подвешенными на верёвочках; выступления дрессированных обезьян, мышей и даже медведей.

А для публики, которой не довелось посмотреть кукольный театр, найдутся и другие развлечения. Например, можно послушать уличных рассказчиков, зарабатывающих таким способом на хлеб. Чинно восседая на невысокой табуреточке под большим зонтиком и пытаясь перекричать уличный шум, рассказчик поведает вам старинные легенды, комические истории или басни. Если чтец попадётся громкоголосый, красноречивый, с хорошей дикцией и мимикой, толпу он соберёт быстро и, соответственно, количество денег, брошенных в деревянную миску, стоящую перед актёром, будет весомым.

Чуть дальше, уже на следующей улице, откроются магазинчики и лавки для богатых с яркими вывескам и громкими названиями, например, «Изысканные ткани» или «Изящные украшения», которые, конечно, привлекут взор прохожих. С одной стороны улицы находятся магазины тканей, где продавцы выставят напоказ великолепные китайские шелка, с другой — антикварные лавки, там можно будет купить старинные вазы, скульптуры и древние манускрипты. Дальше замелькают магазинчики обуви, шляп, зонтиков и прочих товаров. Бедные горожане будут только глазеть на них, не смея даже притронуться…

Но когда солнце начнёт клониться к закату, оживлённые улицы снова опустеют. Жители поспешат домой, закроют лавки, чайные и харчевни, а все незавершённые дела отложат на завтра. Никто не выйдет из дома поздно вечером или ночью без крайней необходимости. С давних времён этот обычай твёрдо закрепился в Поднебесной. Если кого обнаружат ночью на улице, значит, это непременно вор. Что и говорить, китайцы очень боятся темноты, потому что в темноте рыщут злые духи, приносящие вред человеку…

Однако злого духа можно и обмануть. Даже если он сумеет проникнуть через ворота во двор, то обязательно упрётся в стенку с магическими надписями, стоящую прямо напротив входа. При виде этой специальной ширмы, злой дух обязательно повернёт обратно. Если же он захочет пролезть в дом через крышу, то и там его ждут преграды. На сине-зелёных круто загнутых крышах, покрытых черепицей, имеются свои магические надписи, изображения и фигурки, отпугивающие нечисть. Да и сами дворики устроены так, чтобы злой дух непременно запутался в

лабиринтах. Никаких прямых дорожек и аллей! Добраться до садиков, прудиков, беседок, летних открытых павильонов, а тем более домов можно, лишь пройдя витиеватой тропинкой со всевозможными мостиками и арочками. И злой дух, задумавший пробраться в места обитания людей, будет долго плутать по извилистым дорожкам, а в итоге обязательно заблудится.

Когда же сумрак ночи рассеется и злой дух уйдёт, жители Поднебесной опять смогут спокойно выйти из своих домов и заниматься повседневными делами…

Сейчас, в это раннее утро, злые духи, едва завидев зарю торопливо, как обычно, уходили в свои подземные жилища. Из темноты в начале лёгкими силуэтами начали проступать дома, сады, здания, храмы, дворцы. Ещё немного, и день окончательно вступит в свои права. Как всегда. Казалось бы.

И всё же это утро было не совсем обычным. В воздухе чувствовалось какое-то напряжение, какое-то слабое движение, лёгкое-лёгкое волнение…

Загадочное мерцание появилось неожиданно, точно возникло из ниоткуда. Мягко осветив улицу, оно стало превращаться в белый туман. Потом туман рассеялся и оставил после себя четыре человеческие фигуры…

Ваня, Саша и Аня очнулись и растерянно завертели головами, осматривая незнакомое место. Сергей, опустив голову, молча стоял рядом.

— Куда это мы попали? — прошептал Ваня.

— Не знаю, — так же тихо произнёс Саша и, повернувшись к Сергею, сквозь зубы произнёс: — Зачем Вы включили «Фаэтон»?

— У меня не было другого выхода, — еле слышно ответил Сергей.

Ваня схватил его за грудки и со злобой прошипел:

— Что значит не было другого выхода? Могли бы просто убежать. Зачем Вы включили прибор? Мы уже устали путешествовать во времени. Эта постоянная нервотрёпка!.. Надолго ли нас ещё хватит? А Вы, наверно, вознамерились свести нас в могилу? — и он угрожающе приблизился вплотную к генетику.

Тот счёл последний вопрос риторическим и проговорил задумчиво:

— Вряд ли я смог бы убежать. Они всё равно бы меня поймали. Теперь, когда знают, что я жив, — и он в отчаянии махнул рукой. —Всё это из-за вас. Воскрешение не входило в мои планы, — голос Сергея становился всё громче. — Даже если б я мог убежать, пришлось бы опять скрываться, прятаться по углам.

Разве это жизнь?!

— Не надо орать на всю улицу, — грубо оборвал Ваня. — Если честно, нам наплевать на Вашу жизнь. Не надо было красть машину времени! Жили бы себе спокойно. А теперь и нас втянули во всё это. Между прочим, не забывайте: мы тоже на прицеле у Секретной Лаборатории. В наше последнее путешествие в Древний Египет мы отправились не от хорошей жизни, иначе… кердык! — и он чиркнул ладонью по горлу.

— Что Вы такое говорите, молодой человек! — чуть не застонал генетик, багровея от злости. — Это я вас втянул в это дело?! Да Вы в своём уме? Вы «Фаэтон» получили по наследству от вашей бабушки? Или от любимого дяди?

— Мы его нашли в развалинах дома, — жёстко сказал Ваня. — Брошеный. Ничей. И значит, вправе были считать своим. В общем, разговор короткий: отдавайте документы, которые Вы прячете. Секретная Лаборатория интересуется нами только из-за них. Отдавайте документы, иначе… — он сжал кулаки и снова шагнул к Сергею.

Саша решил прекратить этот бессмысленный разговор. Сейчас не время. Надо хоть разобраться, куда их занесло. В какой век? В какую страну? Он в задумчивости потёр лоб и тяжело вздохнул:

— Давайте все успокоимся. — И добавил после паузы: — Зря Вы затащили нас в прошлое. На мосту было темно, вряд ли эти типы из Секретной Лаборатории разглядели Ваше лицо. Действительно, надо было просто бежать, а мы бы реально прикрыли Вас — они бы и не поняли, кто это.

— Ну, допустим. А вы…, — начал он и замялся.

— Что — мы? — прищурившись, спросил Ваня. — Хотите сказать, сдали бы Вас?

— Да, — буркнул Сергей.

Ваня не нашёлся, что ответить — только пожал плечами и отошёл в сторону. Ведь если откровенно, он и сам не знал, как бы они поступили.

— А где «Фаэтон»? — спросил вдруг Саша.

— У Анюты в руках.

Все подошли к Ане и взглянули на экран прибора. На нём горела знакомая надпись:

«ВОЗВРАТ В СВОЁ ВРЕМЯ НАСТУПИТ ЧЕРЕЗ 55 ЧАСОВ».

— Ага, — прикинул Саша, — нам здесь торчать два дня и семь часов.

Он взял из рук девушки машину времени, аккуратно закрыл и убрал в сумку. Потом спросил у Сергея:

— Значит, мы попали в Вашу прошлую жизнь?

— Нет, — покачал головой тот.

— Как это? — удивился Саша.

— Что за ерунда?! — Ваня опять начал заводиться. — Ведь Вы же нажимали на кнопки! Зачем обманывать?

— Я не обманываю, — объяснил Сергей. — Мы попали в прошлую жизнь вашей подружки.

Саша и Ваня одновременно повернулись к девушке. А та молча смотрела куда-то вдаль отрешённым взглядом. Видно было, что в голове её мелькают, путаются отрывочные воспоминания, которые так трудно собрать в единую картинку. Оба уже знали, как это бывает. Аня словно и не слышала их, поглощённая своими мыслями. Саша подошёл к ней, слегка коснулся руки, и девушка вздрогнула от неожиданности.

— Это правда? Мы в твоей прошлой жизни?

Аня задумчиво покивала, почти не поворачивая головы.

— Но как это получилось?! — выкрикнул Ваня, вновь наскакивая на Сергея.

Тот молчал.

— Мы требуем объяснений, — Иван сдерживался уже из последних сил, и генетик понял, что говорить придётся.

— Мне выпал последний шанс перехитрить судьбу. И я решил, что если окажусь в своей прошлой жизни, там будет очень сложно жить.

— Что?! — уставился на него Ваня. — В каком это смысле?

Сергей устало вздохнул и разъяснил им, как детям:

— Вы что, правда, не понимаете? Я же не собираюсь возвращаться обратно.

Ребята переглянулись, ошарашенные этой информацией.

— Я останусь здесь, а вы вернётесь обратно, — продолжил Сергей. — В своём времени у меня нет шансов на победу. А жить и постоянно трястись, думая о встрече со своим генетическим двойником… Даже после того, как вы покинули бы моё прошлое и вернулись домой, оборвав связь времён, я всё равно боялся бы этой встречи с предшественником. Ведь никто не проверял, опасно ли это. Никто ещё не оставался в собственном прошлом. Вот я и решил выбрать надёжный вариант с помощью вашей девушки.

— Хорош гусь! — проворчал Ваня. — Мало того, что на других ему наплевать, так ведь и себя не жалеет. Вы даже не знаете, куда попали! Что если здесь вообще невозможно жить современному человеку?

— Посмотрим, — ответил Сергей. — Жить где угодно лучше, чем умереть. А вы, авантюристы юные, объясните-ка мне, почему люди из Секретной Лаборатории оказались вместе с нами на

мосту.

— Откуда мы знаем, — пробурчал Ваня обиженно. — Хотя… — он на секунду задумался. — Мы были у Эллы Вениаминовны и звонили родителям, чтобы те не волновались…

— Телефоны прослушивались! — выдохнул Саша. — Точно!

— Остальное элементарно, — продолжил Ваня. — Они послали людей и вели нас от самого её дома.

Сергей задумался.

— Может быть, — с сомнением сказал он.

Но ребята уже думали о другом, всё внимательнее приглядываясь к Анюте.

— Ты поняла, наконец, куда мы попали? — спросил Ваня.

Аня молчала.

— Мы где-то на востоке, — оглядевшись, предположил Саша. — Смотри какие причудливые крыши за этим забором. Да и ворота с восточным орнаментом. Скорее всего, Япония. Или Китай. А может быть, Тайланд. Я угадал? — обратился он к Ане.

— Тс-с-с, — приложив палец к губам, прошептала девушка. — Мне кажется, я слышу шаги.

Все дружно притихли. И действительно, вдалеке послышались чьи-то торопливые шаги. Мелькнул тёмный силуэт. Человеческая фигура явно двигалась в их сторону, но как-то странно…

— Спрячемся от греха подальше! — шепнула Аня и решительно потащила всех к воротам. — А то, не дай бог, нас схватят и поволокут в тюрьму. Здесь не принято разгуливать по ночам.

Ворота находились в углублении кирпичной стены. Учитывая утренний полумрак, тут можно было укрыться.

— Интересно, что за тип идет сюда? — зашептал Саша. — Очень странная походка: качается, как пьяный.

— Тихо ты! — еле слышно прошелестела Аня, в отчаянии прикрывая Саше рот.

Все четверо стояли теперь, замерев и вжавшись в ворота. А странный человек двигался прямо на них. Лицо его было неестественно бледным, ноги заплетались и, казалось, что он вот-вот упадёт.

— Ну, точно, пьяный, — не сдержался Ваня.

Аня показала ему кулак.

Последние несколько метров странный персонаж шёл, уже держась за стену. А, дойдя до ворот, вздрогнул от неожиданности, как-то протяжно вскрикнул и упал к ногам четырёх путешественников во времени.

— Мы его напугали до смерти, — наклонившись над телом,

испуганно произнесла Аня.

Саша и Ваня принялись осматривать лежащего.

— Не дышит, — констатировал Саша, — По-моему, мёртв.

Затем он взглянул на свои руки и быстро отскочил в сторону.

— Ты чего? — перепугалась Аня.

Саша медленно вытянул руки. Ладони были в крови.

И все ещё раз застыли, не в силах оторвать глаз от распростёртого тела.

— Ты уверен, что он мёртв? — сдавленным голосом спросила Аня.

— Уверен, — ответил Саша и опять посмотрел на свои руки.

— На, возьми, — Аня поспешно вытащила из сумочки носовой платок.

Саша долго вытирал дрожащие руки. Весь платок перепачкал, а ладони всё равно оставались липкими… Это было ужасно! Нет, он не страдал брезгливостью — просто от этих окровавленных рук веяло первобытным, неуправляемым страхом. С чем-то подобным они уже сталкивались в предыдущих путешествиях в прошлое, но ещё ни разу смерть не подкрадывалась так близко.

— Похоже, его ударили ножом, — выдавил из себя Саша бесцветным голосом. — Вот почему он так странно шёл…

— А направлялся наверняка к одному из этих домов, только дойти не смог, — начал рассуждать Ваня.

— Может, и дошёл бы, если б не мы: умер-то, считайте, от страха, — Сергей высказал ту же мысль, что и Аня. Но если у девушки это был эмоциональный всплеск, то у него прозвучало как упрёк.

— Нам некуда было спрятаться, — Аня словно попыталась оправдаться. — А человек, вероятно, подумал, что мы злые духи… или, в лучшем случае, воры. Я же говорила, в Поднебесной не принято разгуливать по ночам.

— Где-где? — переспросил Ваня.

— В Китае, — ответила девушка.

— Та-ак, — протянул Саша, — значит, я правильно догадался. Еще по крышам. А уж когда этого увидал… — Он посмотрел на узкоглазое и плоское лицо мертвеца. — И что нам теперь с ним делать?

— Давайте поскорее уйдём отсюда, а то ещё подумают, что это мы его убили, — предложил Ваня.

— Разумно, — согласился Сергей.

— Нет, подождите, — решительно возразила Аня. — Сначала надо выяснить, кто он такой.

— Зачем? — удивился Ваня.

— Вы что, забыли? — возмутилась девушка. — Человек

попадает в свою прошлую жизнь в момент, являющийся поворотным или критическим в судьбе его предшественника. Возможно, тому, кем ты был в прошлой жизни, угрожает опасность, возможно, он стоит на пороге смерти, или, наоборот, готовится очень важное событие, которое в корне переменит жизнь к лучшему. Как это называется? Резонанс торсионных полей? Именно к такой точке и «притягивается» путешественник во времени. Мы же всегда попадали в прошлую жизнь в судьбоносный момент жизни предшественника. Здесь и сейчас это убийство как-то связано с моим двойником.

— Мне очень не нравится такой знак судьбы, — медленно произнёс Ваня. — Тем более, надо побыстрее смываться.

— Смыться мы всегда успеем, — Саша неожиданно принял сторону Ани. — Тут же пока никого нет, мы одни. Что если этого человека нам и впрямь послала судьба?

Он повернулся к девушке:

— А кем была здесь твоя предшественница? Может, ты помнишь конкретно этого человека? — Саша показал на мертвое тело.

Анюта не спешила с ответом, и Ваня в нетерпении спросил:

— Ты хоть что-то вспомнила из той своей жизни?

— Да, — кивнула девушка как-то мрачно, — только многие моменты пока в тумане. Нужно время, чтобы всё восстановить в памяти… Да вы же знаете, как это бывает. Позже обсудим. Ладно? А то сейчас станет совсем светло, люди начнут выходить из домов. Если застанут нас около трупа, беды не избежать. Давайте быстро разберёмся, что это за человек и почему его убили.

— И как мы это выясним? — скептически усмехнулся Ваня. — Кто-то из нас ясновидящий? И потом, даже если мы что-то узнаем… — он выдержал солидную паузу, обведя взором присутствующих. — Давайте договоримся, как и прежде, что вмешиваться в историю не будем. Предельная осторожность — наш главный принцип. Так?

— Конечно, мы ничего не будем менять, — заверила Аня. — Но вспомните выводы, сделанные в последнем путешествии. Никогда не получается просто сидеть сложа руки и наблюдать. Раз уж попали в этот отрезок времени, значит, автоматически должны влиять на всё, совершать какие-то поступки. Важно только гармонично влиться в общий исторический процесс. А вообще, ни один человек, не может быть просто созерцателем чужой жизни. Находишься здесь, значит, ты часть этого времени.

— Ты повторяешься, уже всё и так ясно, — перебил Ваня. — Если судьба подсунула нам этот труп, значит, неспроста.

А Сергей слушал и как специалист не мог скрыть своего

удивления столь грамотным подходом юных путешественников во времени. «А ребята очень сообразительны. Жаль, что они отказались быть в моей команде».

— Займёмся расследованием? — предложил Саша.

Ваня пожал плечами и наклонился к лежащему

— Просто глядя на него, ничего сказать не могу. У этих монголоидов даже возраст определить трудно. Мы, в конце концов, не ясновидящие. А причина убийства… Может, это вор?

— Нет, — покачала головой Аня. — По одежде это совсем не вор.

— Но ты же сама сказала, что по ночам здесь шатаются только духи или воры. На духа этот тип не слишком похож. А вор вполне мог украсть чужую одежду — на то он и вор.

— Нет, ты не понимаешь, у тебя европейская логика, — начала объяснять Аня. — Надеть одежду, не соответствующую твоему социальному статусу, да ещё преспокойненько разгуливать в ней — за это просто могут казнить!

— Казнить?! Ну и порядочки! — воскликнул Ваня.

— Что ты орёшь? Говори тихо, — шикнула девушка.

Ваня прикрыл рот рукой, сделал страшное лицо и демонстративно огляделся. Вокруг по-прежнему никого не было.

— В Китае всё жёстко регламентировано, — быстро говорила Аня. — Так повелось испокон веков. Все жители делятся на ранги. И каждый может носить одежду только своего ранга. Этот человек — не простолюдин. У тех всё скромнее: короткая тёмная хлопчатобумажная кофта и широкие шаровары, обмотанные тесьмой возле щиколотки. Люди побогаче надевают ещё халат и безрукавку, но тоже из хлопка. А шёлковые халаты могут носить лишь высокие чины. А у него шёлковый синий халат с вышивкой на груди. Это какой-то государственный чиновник.

— О, как! — прошептал Ваня. — И откуда ты это знаешь?

— Дурацкий вопрос! — рассердился Саша.

А девушка продолжала почти скороговоркой излагать друзьям сведения, всплывавшие у неё из глубин памяти:

— Если человек находится на государственной службе, он получает жалование от государства. Чиновники бывают военные и гражданские. На халатах военных чиновников на груди или спине нашивки, изображающие животных. А гражданские носят изображения птиц. У этого как раз птица. Присмотритесь к рисунку. Это дикий гусь. Значит, гражданский чиновник четвёртого ранга. Чиновники подразделяются на ранги, которых всего девять, как у военных, так и у гражданских. Самый высокий и почётный — первый ранг. У военных это — единорог на халате, у гражданских — белый журавль.

— Столько информации по одной лишь одежде! Здорово! — восхитился Ваня. — А ты точно всё это помнишь?

— Само собой. Могу даже перечислить по рангам всех птиц и животных, если сомневаешься, — с лёгкой обидой произнесла Аня. — Первый ранг — белый журавль и единорог, это я уже говорила. Второй — золотой фазан и лев, третий — павлин и пантера, четвёртый — дикий гусь и тигр, пятый — белый фазан и чёрный медведь, шестой — белая цапля и пятнистый медведь, седьмой — утка и леопард, восьмой — перепел и тюлень, девятый — сорока и носорог.

— Очуметь! — сказал Саша. — А мы никуда не торопимся?

Аня метнула в него сердитый взгляд и присела на корточки перед убитым.

— Вот дураки! Вам же всё это пригодится, — прошептала она. — Теперь смотрите сюда. Видите эту конусообразную фетровую шапку? Шарик на ней тоже имеет большое значение. У первого ранга, например, шарик рубиновый, у второго — коралловый…

— А у этого — синий. И что? — спросил Ваня.

Аня будто не слышала вопроса и продолжала внимательно разглядывать все детали.

— Перо на шапке тоже синее, — сказала она, наконец.

— Да хоть серо-буро-малиновое в крапинку! Ты объяснишь, в чём дело? — настаивал Ваня.

— Синие перья и шарики носят евнухи, — ответила девушка тихо.

— Это которые?.. — Ваня замялся, подыскивая слова.

— Да, это которые уже не совсем мужчины, — кивнула Аня. —Евнух, достигший четвёртого ранг — важная птица, потому что для евнухов — это максимум. А вообще, они здесь имеют большое влияние при дворе. Некоторые становятся доверенными лицами правителей и высших сановников и, тем самым, получают немалую власть. Их называют «клыками и зубами» императора. Я просто уверена, что конкретно этот евнух — очень значительная фигура.

— Вот так! Опять мы в самом центре мировых событий, — Ваня забылся и сказал это очень громко.

— Да тихо ты! — цыкнула на него Аня. — Говори шёпотом. Знаешь, какое здесь эхо?

Ваня виновато закивал и выдавил из себя еле слышно:

— Евнух, значит, говоришь. Это в какое же время мы попали? Опять до нашей эры?

— Нет, — покачала головой Аня. — Точную дату я сейчас не назову — осмотреться надо. Но думаю, мы где-то между 1880 и

1890 годом.

Сначала Ваня решил, что девушка шутит, потом на всякий случай уточнил:

— Это XIX век? И в Китае всё ещё евнухи?

— Да, Китай очень долго оставался закрытой страной, и здесь соблюдали все древнейшие законы. Правда, именно в эту эпоху, в которую мы попали, Поднебесная понемногу выходит из своей замкнутости, хоть и не по своей воле. Империю, фактически, осадили иностранные купцы. Но об этом сейчас некогда. Вернёмся к нашему мертвецу…

Аня так легко произнесла эту фразу! Похоже, она уже осваивалась со своим китайским прошлым.

— Итак, — начала рассуждать девушка, по-новому вглядываясь в убитого, — этот евнух зачем-то вышел ночью из императорского дворца и… был убит. Интересно кем? И за что?

— А откуда ты знаешь, что он вышел именно оттуда? — спросил Саша.

— Так ведь евнухов может иметь только император, который живёт, как известно, в своём дворце — это раз. А во-вторых, евнухам запрещается покидать столицу.

— И сколько евнухов может иметь император? — вдруг включился в разговор Сергей.

Аня посмотрела на него удивленно, будто увидела впервые, и не сразу ответила:

— Насколько я помню, во дворце их было больше трёх тысяч.

— Так ты жила в императорском дворце? — изумился Ваня.

— Да, но об этом после. Я поняла, что нужно проверить! — и она аккуратно двумя пальчиками раздвинула полы шёлкового халата убитого.

Широкая нижняя кофта с длинными рукавами была подпоясана кожаным ремнём, который тоже соответствовал четвёртому рангу — украшали его четыре золотых пластинки, инкрустированные серебром. К поясу был пришит кожаный чехол для ножа, однако нож отсутствовал. Все остальное лежало: огниво, игла для распутывания памятных узлов, веер из сандалового дерева и даже украшающие пояс нефритовые подвески никто не тронул.

«Странно, — подумала Аня. — Почему нет ножа?».

Дальше её взгляд упал на предмет, заткнутый за пояс — еще один плотный чехол. В таких обычно держали бумаги, скрученные в свиток. Аня быстро выдернула чехол из-за пояса убитого и передала ребятам.

— Что это? — дружно выдохнули они, слегка опешив.

— Вероятно, здесь какое-то важное письмо, — прошептала

она. — Раз евнух вышел из дворца ночью, значит, это было срочное и секретное поручение. Он мог быть доверенным лицом императорской особы… И ещё. Не исключаю, что именно из-за этого документа его и убили. Евнух нёс его человеку, живущему в одном из этих домов. А здесь обитают знатные горожане.

— Думаешь, убили из-за этой бумаги? — недоверчиво переспросил Саша.

— А из-за чего ещё? — пожала она плечами.

— Нелогично! — резко возразил Сергей на правах старшего. —Тогда почему убийца не взял письмо? Скорее уж обыкновенные разбойники на него напали.

— Не думаю, — упорствовала Аня. — Все украшения: кольца, амулеты, сандаловый веер — всё на месте, даже нефритовые подвески… А про письмо убийца мог просто не знать, выполнил свою работу и убежал.

— Тогда за письмом придёт заказчик убийства. И очень скоро, — невесело предположил Ваня.

— Слушайте! Так можно до чего угодно договориться! — вскипел Сергей. — Воров спугнули, и они дали дёру, не успев ничего взять…

— Правильно, — сказала Аня, — чего гадать-то! Лучше я прочту, что там написано.

Ваня решительно открыл чехол, вытащил свиток и протянул его Ане со словами:

— Надеюсь, ты вспомнила не только устный язык, но и эти… как их… иероглифы.

Аня развернула свиток и стала читать, сосредоточенно шевеля губами. Ребята замерли и смотрели во все глаза: понимает или только делает вид?

Наконец, Аня окинула всех взглядом и тут же спрятала глаза. В них была нескрываемая тревога, смешанная со страхом.

— Что там? — насторожился Саша. — На тебе лица нет. Не тяни, Анюта!

Девушка скрутила свиток и отдала обратно Ване.

— Это императорский указ, — голос её дрожал и срывался. — В нём написано, что «Сын Неба, Владыка Поднебесной, Великий император, Всемирный монарх и господин Вселенной царствующей династии Да Цин, правящий под девизом Сяньфэн, дарует самоубийство своей драгоценной наложнице Ланьэр».

Все трое вытаращили глаза, как плохие актёры, изображающие удивление.

— А короче можно? — попросил Саша. — Самую суть.

— Император дарует самоубийство своей наложнице.

— Что значит «дарует самоубийство»? Я всё равно ничего не

понял, — признался Ваня.

— Ну, это такой вид казни для высокопоставленных особ. Указ означает, что Ланьэр должна умереть, — пояснила Аня.

— Бред какой-то, — проворчал Ваня. — Надо порвать эту бумажку — и делу конец. Глядишь, и спасём жизнь этой несчастной наложнице.

Ваня не то чтобы всерьез, но вполне натурально изобразил, как он уничтожает указ, и Аня, мгновенно подскочив к приятелю, выхватила бесценный свиток и спрятала его к себе в сумку.

— Ты чего? — не понял Ваня. — Не хочешь уничтожить жестокий указ и спасти невинную жизнь.

Анины глаза превратились в щёлочки — уже китайских, и она проговорила сквозь зубы:

— Откуда ты знаешь, что она «невинная»?

— Конечно, не знаю, — пожал плечами Ваня. — Просто к незнакомым людям отношусь доброжелательно. И потом, наложницы — девушки несчастные и бесправные. Разве не так?

— Ты ничего-ничегошеньки не знаешь! — чуть не застонала Аня. — Ланьэр, к твоему сведению, уже давно не наложница, а Великая императрица Цыси. Ланьэр — это её прежнее имя, данное при рождении. Тоже мне, нашёл невинную девушку!

— Ладно, чего ты завелась? — обиженно сдал назад Ваня. — Объясняй тогда, что делать с этим указом, раз уж так много знаешь.

— Это указ двадцатилетней давности, — опять начала Аня от «царя-косаря». — Цыси была драгоценной наложницей императора Сяньфэна. А он умер в 1861 году…

Ваня уже немного увлекся этими рассказами в эмоциональном изложении Анюты, а более практичный Саша начал всерьез беспокоиться. Вести беседы об истории Китая, стоя над трупом важной персоны посередь Пекина — занятие довольно сомнительное. А Сергей и вовсе озирался по сторонам всё более затравленно.

— …указ действителен до сих пор, — рассказывала Аня. — Дата его свидетельствует, что бумага составлена перед самой смертью Сяньфэна. А все указы императора, особенно предсмертные, исполняются всегда, они не имеют срока давности. Если указ обнародовать, ныне здравствующая императрица Цыси должна будет умереть.

— Вот это сильно! — восхитился Иван. — А что, Сяньфэн так ненавидел свою драгоценную подругу?

— Император Сяньфэн очень любил свою драгоценную наложницу, — не обращая внимания на полушутливый тон вопросов, сказала Аня. — Она родила ему сына, наследника

престола. Но, зная её властолюбивый и жестокий характер, он, вероятно, решил, что будет лучше, если Ланьэр покинет этот мир следом за Сыном неба… И, между прочим, самоубийство — очень гуманная смерть. Вы и не представляете себе, какие жуткие казни устраивают здесь! Европейская инквизиция — «детский лепет» в сравнении с ними.

И она поморщившись, отвернулась.

— Интересная штука получается, — пробормотал Ваня. — Цыси жива, и, как я понял, здравствует уже двадцать лет. Наверно, она выкрала его давным-давно и думать забыла о пресловутой казни.

— Тогда откуда он выплыл теперь? — резонно спросил Сергей, смирившийся с тем, что, не закончив разговора, они отсюда всё равно не уйдут. — Цыси, завладев указом, сразу бы уничтожила его. Нет, ребята, тут что-то не так! Кто-то бережно хранил этот документ много лет, а теперь отправил его с евнухом другому человеку. Что вы нам скажете по этому поводу, Анна?

— Дайте ещё немного подумать, — растерялась девушка. — У меня в голове каша.

— Но ты уверена, что этот указ следует оставить у себя? — Саша как всегда выделил главное.

— Да. Пусть пока лежит у меня, — твердо сказала Аня. — Уничтожать нельзя — это точно.

— Есть ещё один важный вопрос, — рискнул встрять Сергей, — Аня, вы хоть знаете, в какую сторону нам лучше пойти?

Аня махнула рукой — вряд ли указывая сторону, скорее, просто не желая отвечать на вопрос.

— Погодите, Сергей! — начал сердиться Саша. — Убежать от опасности важно, но ещё важнее — не изменить историю. Может быть, правильнее будет оставить всё как есть? Вложить указ обратно за пояс евнуху и уйти? Анюта, подумай ещё раз! Что мы с этой бумагой будем делать?

— Нет, — упрямо заявила девушка. — Вы просто ещё не можете понять. А я уже многое вспомнила. И не отдам этот указ никому! Вдруг его подберёт какой-нибудь бродяга? Да вы что! Мы уже нарушили ход истории. Теперь наша миссия — всё исправить. Мы же всегда занимали активную позицию. По-другому нельзя. А эта вещь имеет своего хозяина. Его-то и следует найти.

— Ты что-то слишком смелая стала, — сказал Ваня и подозрительно посмотрел на девушку. — Зачем тебе всё это? Добровольно ввязываться в политические интриги? Нет уж, с меня Египта хватило! Это всё опасно для жизни. А тут ещё жуткие казни и пытки — сама говорила. Я не хочу стать жертвой.

— Успокойся, — ответила Аня холодным, незнакомым

голосом. — Обещаю, что лично тебя я ни во что впутывать не буду.

— Спасибо, утешила, — криво ухмыльнулся Ваня. — Так мы тебя и отпустили куролесить тут в одиночку. Конечно, я буду с тобой, и Саша — тоже. Правда, Ветров? Но всё-таки, не слишком ли много мы берём на себя?

— Давай так, — рассудил Саша, — мы попали сюда практически в момент убийства евнуха. Это знак, мимо которого мы не сможем пройти.

— А жаль! — вздохнул Ваня. — Я бы не хотел во всё это впутываться, — и он повернулся к Сергею, ища поддержки. — Вы согласны со мной?

Но Сергей не успел ответить, потому что вдалеке послышались шаги.

— Бежим! Быстрее! — скомандовал Саша.

— Направо, в соседний переулок! — успела подсказать Аня.

Сергей бежал первым. Ваня и Саша замыкали группу, не обгоняя друг друга: они оба хотели непременно видеть Анюту, потому что очень тревожились за неё.

Глава 12
ТАИНСТВЕННЫЕ ТЕНИ

Императрица Цыси положила трубку на столик и, наконец, вышла из задумчивости. Странное ощущение: будто вся долгая жизнь за один миг пронеслась у неё перед глазами.

Цыси медленно поднялась с кресла и подошла к алькову. Откинув атласную занавеску, вошла внутрь ниши, взяла с полки небольшую шкатулку из лакированного дерева, инкрустированную перламутром. Маленьким ключиком, который всегда носила с собой, отперла крышку, взяла в руки пожелтевший свиток и аккуратно развернула его…

Ты, как дымки мираж,
Как волшебный цветок;

Ты, как сказочный сон,
Как морской ветерок…

Глаза её наполнились слезами. «Вот оно, счастье, — думала Великая императрица. — Разве может власть и богатство сравниться с простым земным счастьем?»

Цыси всегда с болью в сердце вспоминала три самых счастливых дня своей юности. Даже сейчас, спустя почти двадцать лет, она бы бросила всё: роскошь, могущество, славу, чтобы хоть на мгновенье вернуться в то безмятежное время и увидеть любимого юношу, которого она так и не сумела забыть…

Ещё в самом начале своего возвышения при дворе, Ланьэр попросила императора Сяньфэна, чтобы тот разрешил ей встретиться со своей сестрой Дафэн. Сестра пришла во дворец, и Ланьэр, выбрав удобный момент, спросила её:

— Ты помнишь тот день, когда меня отправили на смотрины?

— Конечно, — ответила Дафэн. — Очень хорошо помню.

— А после? К нам в дом никто не приходил?

Сестра удивилась вопросу.

— Кого ты имеешь в виду? К нам многие приходили.

Ланьэр немного замялась, не решаясь спросить впрямую о юноше по имени Лю Чанг. А Дафэн посмотрела на неё пристально и вдруг сама всё поняла.

— Я догадалась, о ком ты спрашиваешь. На следующий день после твоего отъезда к нам пришёл молодой человек, спрашивал

о тебе и, когда узнал, что ты теперь наложница императора, ужасно расстроился. У него было такое лицо… будто ему стало плохо. Я пригласила его в дом и напоила чаем.

— Что он говорил? — взволнованно спросила Ланьэр.

— Он был так расстроен, что уже ничего не мог говорить.

Ланьэр тяжело вздохнула.

— Ах, да, — вспомнила сестра, — ещё через день он принёс письмо и попросил передать его тебе.

Ланьэр порывисто схватила Дафэн за руку.

— Оно у тебя с собой? — выпалила она.

— Нет, — сказала сестра. — Честно говоря, я совсем забыла о нём.

Ланьэр очень расстроилась.

— Вряд ли мне удастся упросить императора об ещё одной встрече с тобой, — произнесла она горестно.

— Давай я передам письмо с каким-нибудь евнухом, — предложила Дафэн.

— Ты что! — испугалась Ланьэр. — Даже не вздумай! Евнухи могут донести императору.

— Да, наверное, это действительно опасно, — Дафэн пожала плечами. — Но ты не расстраивайся. Как только появится возможность снова прийти сюда, я принесу письмо… Обязательно, — добавила сестра.

Ланьэр улыбнулась и тихо произнесла:

— Для меня это очень важно.

— Я понимаю, — так же тихо ответила сестра.

Ланьэр получила это письмо спустя несколько лет, когда уже стала драгоценной наложницей. Император Сяньфэн души в ней не чаял и старался исполнять все её просьбы. Например, когда Ланьэр узнала, что у князя Чуня умерла жена, то сразу попросила императора, чтобы тот женил своего брата на её сестре. Сяньфэн не мог отказать, состоялась свадьба. Дафэн стала Великой княгиней Чунь и теперь могла чаще видеться с Ланьэр. Обещания своего она не забыла и однажды принесла то самое письмо.

Ланьэр долго не решалась развернуть заветный листок. Руки дрожали, в глазах всё плыло от подступающих слёз. С замиранием сердца начала она читать первые строки:

Легко ль надежду сохранить,
Когда судьбы порвалась нить?!

На что посетуешь, коль жизнь
Теченье хочет изменить!

Пытаюсь я стихи сложить,
Утешить сердце хоть на время.

Смогу ли я тебя забыть?
Разлуку вынести сумею?

Мне чудятся шаги твои
Чуть ветер зашумит в ветвях.

Твой нежный голос слышу я
Чуть птица запоёт в ветвях.

Как поздней осенью листва,
Слезинки падают в тиши…

Смотрю в ночное небо я,
Луна — тень отнятой души?

А сердце, как осколки звёзд?
Разбилось в тысячу кусков!

Мечтаю только об одном —
Заснуть и не проснуться вновь…[13]

Ланьэр читала письмо и, уже не пытаясь сдержаться, горько плакала.

— Но почему? Почему всё так случилось? — шептала она.

Княгиня Чунь ласково гладила её, пытаясь утешить. А Ланьэр вдруг перестала плакать и, схватив сестру за руку, выпалила:

— Может, мне убежать?

Дафэн испуганно замахала руками, оглядываясь по сторонам: вдруг кто-то услышал неосторожно брошенные слова.

— Ты, сестрёнка, пользуешься при дворе такими привилегиями — никому и не снилось! — прошептала Дафэн. — Куда тебе бежать? Гоняться за призрачным счастьем? Да ведь сам император без ума от тебя!

— Ты ничего не поняла, — устало произнесла Ланьэр. — И, наверно, никогда не поймёшь. К чему всё это, — она обвела рукой свои роскошные покои, — если в сердце пустота?

— Разве тебе не нравится император? — вновь озираясь по сторонам, зашипела Дафэн. — Он молод и очень привлекателен.

— Конечно, он мне нравится, — вздохнула Ланьэр и отвернулась: какой смысл говорить на эту тему с Дафэн?

И будто прочитав её мысли, сестра осторожно проговорила:

— Знаешь, мне неловко было говорить тебе это, но письмо, которое ты держишь в руках, я прочла. Меня встревожил тогда наш разговор, я отыскала свиток дома и не удержалась. Ты не обижаешься?

— Ну, что ты, конечно, нет, — ответила Ланьэр.

— Зато я многое поняла. Возможно, мы с матерью разрушили твою жизнь. Но почему ты не говорила об этом раньше?

— И что бы изменилось? — горько улыбнулась Ланьэр.

— Я бы поговорила с матерью, — твёрдо заявила сестра.

— О чём? — ещё печальнее усмехнулась Ланьэр. — Матушка тогда уже всё решила. Её невозможно было переубедить.

— А я бы попробовала! — запальчиво, но уже с ноткой сомнения сказала Дафэн.

Ланьэр промолчала, возникла пауза.

— Знаешь, — сообщила Дафэн немного погодя, — я ведь узнала о судьбе этого юноши.

— И что же? — Ланьэр попыталась выглядеть равнодушной.

— Он сдал экзамены на учёную степень и уехал в далёкую провинцию.

— Женился, наверное, — печально предположила Ланьэр, — теперь у него много детей и он счастлив в семье.

— Если честно, не знаю. До того, как уехать, он не был женат. Ему предлагали нескольких достойных невест, он отверг все предложения, и уехал один.

— Значит, он действительно меня любил, — вздохнула Ланьэр и разрыдалась.

Прошло много лет. Цыси стала Великой императрицей. Бескомпромиссная, неустанная борьба за место под солнцем и превратила когда-то нежную и милую девушку в жестокую, своенравную, хитрую и самовлюблённую женщину, обладавшую почти неограниченной властью и вызывавшую у всех вокруг панических страх. Но где-то в глубине души она мечтала стать прежней Ланьэр. Вот почему довольно часто открывала потайной шкафчик с заветной шкатулкой, брала в руки свитки со стихами и читала, читала, читала… Её лицо преображалось: делалось мягким, добрым, каким-то таинственно волшебным. Императрица погружалась в мир сказочных грёз и удивительных иллюзий. Может, лишь в эти минуты она и становилась собой в полной мере и была счастлива?

Цыси вытерла слёзы, убрала свиток в шкатулку, закрыла секретер. Лицо её сразу приняло жёсткое выражение, словно Великая императрица одним лёгким движением поменяла маску.

Какая же она на самом деле: та, которая читала письма, или та, перед которой все трепещут? О, она сама уже не знала этого!..

Императрица подошла к окну. Утреннее солнце весело играло на листве деревьев, шумно щебетали птицы, радуясь новому дню. И Цыси долго стояла, наблюдая за их безмятежным порханием.

Послышался голос евнуха:

— Открываем двери!

Так всегда кричали, если кто-нибудь хотел войти.

Цыси отошла от окна и села в кресло. В комнату вошёл Ли Ляньин, встал на колени и принялся отбивать поклоны.

— Хватит кланяться! — прикрикнула на него Цыси. — Сейчас не время для церемоний. Говори, что узнал!

Евнух на коленях подполз к креслу Великой Императрицы и, уткнувшись лбом в пол, тихо произнёс:

— Ван Лу убит.

— Что?! — подскочила Цыси.

Ли Ляньин закрыл от страха глаза.

— Отвечай, мерзкий раб! Что произошло?

Евнух заговорил дрожащим, срывающимся голосом:

— Ваш раб и ещё двое евнухов обнаружили недалеко от улицы «почтенных вельмож» мёртвое тело Ван Лу. Его убили ножом. Чуть подальше, почти у самых ворот князя Гуна мы увидели мёртвое тело евнуха императрицы Цыань. По всему было видно, что между ними произошла драка. Ван Лу напал на евнуха императрицы Цыань и тот, защищаясь, убил Ван Лу. Сам же евнух императрицы получил тяжёлое ранение в грудь, отчего и скончался, не дойдя до дома князя Гуна.

— А указ Сяньфэна? — блеснула глазами Цыси.

— Ни у того, ни у другого указа найти не удалось.

— Как это?! Куда он мог деваться?!! Вы хорошо искали?!! — в ярости кричала Цыси.

— Ваши рабы облазили всё кругом, но ничего не обнаружили, — пролепетал евнух.

— Мерзавцы! — прошипела Цыси. — Ну, ничего этим глупым евнухам поручить нельзя! Ван Лу взялся за дело и не выполнил его. Я прикажу разрубить его тело на сотни кусков. Пусть душа его мучается в загробном мире! А тебя, — и она пнула ногой Ли Ляньина, — я прикажу избить палками так, что ты не сможешь ни сидеть, ни лежать очень долго.

Ли Ляньин уткнулся лбом в пол и дрожал, как осиновый лист. Он понимал, что когда Цыси в гневе, она, действительно может сделать с ним всё что угодно.

Цыси ходила по комнате, нервно перебирая чётки.

— И где теперь указ? — задала она вопрос Ли Ляньину. — Отвечай!

— По глупому разумению раба, — пролепетал Ли Ляньин и посмотрел на императрицу, — этот указ не попал в руки князю Гуну. Евнух императрицы Цыань умер, не дойдя до его дома.

— И в чьих же руках теперь этот указ?

— Не знаю, — честно признался Ли Ляньин. — Но когда ваши покорные рабы подходили к месту, где лежало тело евнуха императрицы Цыань, то заметили удаляющиеся тени.

— Какие ещё тени?

— Тени людей или духов, — пояснил он.

— Что ты несёшь! — возмутилась императрица. — Каких ещё духов!

— Духов, которые бродят по ночам, — сказал евнух.

— Не болтай всякий вздор! — одёрнула Цыси. — Духи не охотятся за указами. Раз его не было ни у того, ни у другого, значит, взял кто-то третий. Кто мог знать о наших планах?

— Никто! Никто не мог знать о наших планах, — твёрдо заявил Ли Ляньин.

— Здесь все подсматривают и подслушивают друг за другом, — возразила Цыси. — Я не могу быть уверена ни в ком! Указ мог взять даже ты! — и она грозно посмотрела на евнуха.

Ли Ляньин ударился лбом об пол.

— Ваш раб безгранично предан старой Будде! — воскликнул он. — Чем раб провинился перед Вами?! Разве раб посмел бы сделать такое, что может навредить Великой императрице?!

— Не знаю, насколько ты предан мне, — сказала Цыси, — но чтобы я поверила тебе, ты должен разыскать похитителей. Сдаётся мне, что эти «тени» неспроста оказались именно в том месте, где вы нашли евнуха Цыань.

— Раб сделает всё, чтобы найти похитителей!

— Сколько вы видели теней? — спросила Цыси.

— В темноте было плохо видно, раб не разобрал. Может, их было двое, а может, трое.

Цыси задумалась: «Если их было несколько, тем более это не случайный прохожий. Неужели кто-то ещё охотится за указом? Кто же это?»

— Нижайше прошу Великую императрицу не беспокоиться так сильно, — робко посмотрев на Цыси, сказал Ли Ляньин, — ведь ваш раб уже приказал евнуху Цынь Чжуну проследить за подозрительными тенями. Пока не могу знать, выследил он их или нет, но, очень надеюсь, что он выполнит свой долг и не испугается духов.

— Да я уверена, что это не духи, — гневно проговорила

императрица. — Но ты всё сделал правильно, и это ещё раз убеждает меня в твоей верности, — и она пристально посмотрела в глаза Ли Ляньину.

— Готов пожертвовать жизнью ради Великой императрицы! — воспрянул духом евнух.

— Когда вернётся Цынь Чжун, приведи его в павильон Изысканной Изящности, — сказала Цыси. — Я буду там после аудиенции и сама расспрошу его о тех, за кем он следил. Если же он упустил их, велю его казнить.

— На то Ваша небесная воля, — покорно произнёс Ли Ляньин и опять уткнулся лбом в пол.

— Можешь идти, — разрешила императрица. — И вели подать мне завтрак.

Ли Ляньин хотел, было, задать вопрос, надо ли подавать паланкин госпоже, с тем чтобы отправляться в Восточные апартаменты императрицы Цыань с пожеланиями доброго утра, но вовремя прикусил язык. Сам догадался, что Цыси явно не расположена сегодня выполнять этот ритуал почтительности.

Он молча встал, поклонился низко и, пятясь, направился к двери.

Глава 13
О ЧЁМ НЕ ЗНАЮТ, ТОГО НЕ ЖЕЛАЮТ

— Эй, кажется, за нами никто не гонится! — сообщил Ваня, сбавляя темп бега.

Все четверо, запыхавшись, остановились посреди узкой улицы.

— Давайте отойдем куда-нибудь в сторону, а лучше присядем, хотя бы на землю, — предложил Сергей. — Надо перевести дух и определиться, что мы делаем дальше. Ходить наугад, тем более бегать по городу нельзя — это плохо кончится.

Безусловно, Сергей был прав.

Аня огляделась по сторонам в поисках безопасного места.

— Мы на улице Нефритовых украшений. Там в конце есть переулок. Пройдя через него, окажемся в небольшом парке, где и передохнем.

— Пошли, — одобрил Саша.

Через несколько минут, они уже сидели в маленькой беседке, окружённой густой растительностью.

— Уютненько, — констатировал Ваня. — А главное, мы скрыты от посторонних глаз. Всяких духов, — добавил он с улыбкой — Ведь только они здесь и шастают по ночам.

— Да, Ань, похоже, ты всё-таки ошиблась, — сказал Саша. — От кого же мы тогда удирали?

— Вообще-то, здесь по ночам ходить не принято, — пожала плечами Аня. — Возможно, это были какие-нибудь бродяги.

— Ладно, бог с ними, — махнул рукой Ваня. — Что делать-то будем? Нам здесь куковать два с половиной дня. Может, попросимся к кому-нибудь на постой?

— Да, — поддержал друга Саша, — не будем же мы всё это время ходить по улицам. Просто необходимо какое-нибудь пристанище. Можно тут постучаться к кому-нибудь и попросить, чтобы приютили на время.

Аня покачала головой.

— Никто не пустит, — сказала она. — Здесь не любят иноземцев. Китайцы уверены, что чужаки отбирают у них душу или наводят порчу. А детям вообще запрещено подходить к иностранцам. У нас, например, пугают детей Кощеем Бессмертным или Бабой Ягой, а здесь — «заморским чёртом». Они искренне верят, что иноземцы воруют детей и делают из их органов свои лекарства.

— Бр-р-р, — передёрнулся Ваня. — Какая дремучая жуть!

— Ну, не в моде тут гостеприимство, — развела руками Аня. — В иноземца могут даже запустить камнем исподтишка, а уж нехорошими словами обзовут непременно.

— Какими, например? — поинтересовался Ваня.

— «Фань-гуй», «вай-и» или «ян-гуйцзы», то есть «варвар», «заморский дьявол» и так далее. Это ещё самые мягкие, — пояснила Аня.

— У них, значит, дикость средневековая, а варвары — мы? — сказал Ваня обиженно. — Потрясающая логика! Пусть только брякнут что-нибудь подобное — сразу в лоб!

— Не вздумай даже, — замахала руками Аня. — Могут посадить в тюрьму, а оттуда ты уже живым не выйдешь. Знаешь, какие здесь пытки? Похлеще, чем у инквизиторов.

— Не может быть. О средневековой Европе я знаю больше, чем ты, — лицо у Вани сделалось серьезным, даже мрачным.

— Но ты не знаешь Китая, — печально усмехнулась девушка. — Хочешь испытать на себе, чтобы почувствовать разницу? Давай я лучше расскажу вкратце, а ты послушай. Для начала тебя поколотят бамбуковыми палками, да так, что кожа будет висеть клочьями. Это обычная судейская практика, которая помогает подсудимому припомнить все обстоятельства дела или, по крайней мере, изобрести их. В глазах китайского суда обвиняемый — значит, уже виновный, участь его предрешена заранее.

Так вот, вернёмся к пыткам. После битья бамбуковыми палками, ты обязательно вспомнишь, что обокрал какого-нибудь китайца, и тогда тебе наденут широкую шейную колодку из дерева, в ней будет очень трудно доставать руками до лица. Например, чтобы поднести пищу ко рту, тебе придётся исполнять акробатические трюки: вытягивать шею, как жираф, или изгибаться в неестественной позе, так что кости захрустят. Ну, а если какая-нибудь муха сядет на нос, ты научишься так двигать лицом, такие рожи строить, что нормальному человеку в кошмарном сне не приснится. Ещё веселее будет, когда захочется спать, ведь с этой колодкой ни голову откинуть, ни самому лечь… Да и тюремное помещение не вызовет у тебя восторга. В маленькой зловонной клетушке с земляным полом вместе с ещё пятнадцатью, скажем, заключенными ты будешь сидеть на гнилой соломе, которая кишит отвратительными насекомыми. Но и это ещё цветочки. Чтобы выбить нужные показания, судьи применят и более изощренные пытки: сжимание колодками щиколоток, поджаривание, кипячение, сдирание полос кожи, скручивание ушей…

— Хватит, — прервал её Саша. — По-моему, ты слишком

увлеклась.

— Но я ещё про казни не рассказала, — Аня обиженно надула губки. — Про них тоже знать надо. Четвертование, например, или казнь в бочке с известью…

— А может не надо, — усомнился Саша. — По-моему, Иван уже передумал махать руками на улицах.

— Да я и не собирался, — сказал Ваня. — Просто пошутил. Но про бочку с известью, так уж и быть, расскажи.

— Думаешь, мне самой приятно всё это описывать? Просто я хочу, чтоб вы сразу поняли, куда мы попали. Это очень серьёзно, — добавила она. — Так вот. Преступника ставят в большую бочку, выше его роста, на дне которой негашёная известь и один на другом шесть-семь кирпичей, собственно, человек на них и стоит босыми ногами. Голова просунута в отверстие в крышке, руки связаны за спиной. Осуждённый стоит так целый день — просто в ожидании. Потом из-под его ног вынимают один кирпич и наливают на дно немного воды. Известь начинает кипеть и разъедать ноги преступника. Ещё через день вынимают следующий кирпич — осуждённый уже стоит на цыпочках, — опять подливают воды и так до последнего кирпича. В результате у человека постепенно растворяются ноги в кипящей извести, и он, лишаясь опоры, оказывается подвешенным за шею.

— Кошмар, — сказал Ваня. — И кто-нибудь доживает до последнего кирпича?

— К сожалению, многие доживают, — подтвердила Аня. — Человек — существо живучее. Китайцы хорошо это знают и любят казнить медленно и жестоко. Причём смотреть на муки, осуждённого приходят толпы зевак. И, кстати, если китайцу предлагают на выбор быть обезглавленным или подвергнуться самой мучительной казни, но сохранить голову, он предпочитает последнее.

— Это ещё почему? — спросил Саша.

— А у них считается, что после смерти невозможно жить без головы. Обезглавленный дух обречён на страшные муки: не сможет есть, не сможет найти жену в Подземном царстве, и друзей у него там тоже не будет. Кто же захочет общаться с человеком без головы? Все будут шарахаться от него, неприкаянного и ненавистного.

— Оригинальная постановка вопроса, — оценил Ваня. — Во всём мире рубили головы направо-налево, то есть казнили без мучений. А здесь, значит, нарочно придумали такой загробный мир, что человек согласен мучиться, лишь бы остаться с головой.

— Дикая логика! — поддержал Саша. — Я не хочу быть китайцем.

— Да-а, — протянул Ваня. — И они ещё называют европейцев варварами!

— Круг замкнулся, — подколол Саша. — Сейчас Оболенский заявит, что отметелит любого, кто назовёт его варваром, а Анюта будет снова объяснять, почему этого делать нельзя.

— Я уже чувствую, что объяснять придется ещё не один и не два раза, — вздохнула Аня. — Вы главное поймите. Китай слишком долго был абсолютно закрытой страной, иноземцев сюда пускали крайне редко и с большой осторожностью. А жестокие законы установили тысячелетия назад. Китайцы так чтят память своих предков, что никогда не меняют законов. Поменять закон —значит пренебречь традициями, стать преступником, варваром. Законы предков для них незыблемы.

— Ну, хорошо, — сказал Саша. — Это я усвоил. Но причём тут иностранцы? Они что, тоже обязаны подчиняться местным традициям? Их тоже подвергают пыткам? Я всегда думал, что иностранец обладает определённой неприкосновенностью.

— Здесь скорее наоборот, — ответила Аня. — Правда, в последнее время к иностранцам стали относиться немного лучше, во всяком случае, с оглядкой — после того, как англичане с французами практически захватили Пекин.

— Кажется, это называлось «опиумной войной», — вспомнил Саша. — Я где-то читал.

— Правильно, — кивнула Аня. — В общем, иностранцев теперь в Пекин пускают. Но каких? Либо это купцы, либо сотрудники посольств, либо проповедники-миссионеры — все находятся под защитой своего флага, но всё равно стараются держаться вместе. А мы? Приблудные какие-то. Случись что, некому будет и вступиться. За какую категорию себя выдавать?

— Тяжелый случай, — констатировал Ваня. — Мы здесь одиноки, как ветер в поле. Давайте примкнём к какой-нибудь миссии.

— А у тебя есть верительная грамота, одинокий ты наш? — спросила Аня.

Ваня почесал в затылке и грустно сказал:

— Я могу только сразу в лоб.

Никто даже не улыбнулся.

— Послушайте, — вступил в разговор генетик, ставший здесь, на китайской земле совсем немногословным. Все с надеждой повернулись к нему: всё-таки человек с опытом и постарше, значит, должен решить проблему. — Давайте попробуем обратиться в посольство или к миссионерам. Да, у нас нет официальной грамоты, но можно сказать, что мы её потеряли или, что нас ограбили по дороге. Логично?

— Логично, — сказала Аня. — Только не в посольство. Там будут дотошно всё выспрашивать. А вот в духовную миссию, пожалуй, обратиться можно… Погодите, я сейчас вспомню, где располагается русская духовная миссия, — девушка прикрыла лицо ладонями, чтобы лучше сосредоточиться и через некоторое время уверенно сообщила: — Место называется Северным подворьем. Это в северо-восточной части Пекина, недалеко от городской стены.

— А отсюда очень далеко? — полюбопытствовал Ваня.

— Да, в общем, нет, — прикинула Аня. — Мы должны успеть ещё до начала шумного рабочего дня. Надо только как следует продумать, кем представляться.

— Да наврём чего-нибудь. Мол, отстали от торгового каравана, отошли ненадолго водички попить и опоздали к последнему верблюду, — Ваня был в своём репертуаре.

— Мне не нравится твой легкомысленный настрой, — пожурила Аня.

— Не обращайте внимания, — посоветовал Сергей, — это у него защитная реакция на опасность. А вариант с караваном, конечно, не проходит: тут их мало, и миссионеры, наверняка, в курсе торговых дел с Китаем. Надо придумать ситуацию, при которой мы оказались в Пекине почти случайно. Понимаете, чем ближе к правде, тем лучше.

— Тогда мы просто путешественники, — предложил Саша.

— Как Афанасий Никитин, что ли? — хихикнул Ваня. — Он тоже один, без всяких сопровождающих и царских грамот отправился искать Индию.

— Это какая-то новая версия, — улыбнулся Саша. — Афанасий Никитин снарядил два корабля и присоединился к каравану посла Ширванского ханства, который возвращался домой из Москвы. Никитин рассудил, что одному путешествовать небезопасно, а у посла была охранительная грамота. Правда, за долгую дорогу он потерял и товары, и самого посла, так что до Индии добрался уже налегке и в одиночку…

— Вот видишь, — поймал его на слове Ваня. — Всё-таки в одиночку и без всяких охранительных грамот. Я всё правильно сказал!

— Да хватит вам спорить! — одернула их Аня. — При чём здесь Афанасий Никитин из XV века? Ближе к нам Пржевальский, кажется, он еще жив и, тем более, этот… Семёнов-Тян-Шанский. Они как раз организовывали экспедиции в Центральную Азию, то есть в эти края. А вообще, не надо нам ни на кого ссылаться, прикинемся путешественниками — и всё, а детали придумаем, пока идти будем.

Они решительно поднялись и Ваня сказал:

— Ну, что, в какую нам сторону?

Аня вдруг замялась:

— Вообще, пока направо… Вот только…

— Что ещё? — всполошился Саша.

— Наша одежда…

— Сразу убьют за неё? Или дадут помучиться? — деловито осведомился Ваня.

Однако в это утро шутки его как-то не имели успеха, и Ваня сменил тему:

— Как мне надоели эти переодевания!

— А, по-моему, тебе понравилось ходить в платьях египтян, — вдруг засмеялась Аня, вспомнив совсем недавний «маскарад». — Ты ещё всем говорил, как это удобно.

Ваня посмотрел на девушку грозно:

— Ничего тебе сказать нельзя. Всё ставишь с ног на голову.

— Да ладно, не скромничай, — продолжала хихикать Аня. — Тебе платья очень даже шли…

— Тихо! — приложил палец к губам Саша. — У тебя слишком звонкий смех — весь город разбудишь.

— Вообще-то они уже проснулись, — Аня взяла себя в руки. — Просто на улицы ещё не вышли.

— Вот как раз и выйдут. Увидят нас и вызовут полицию.

— Какая полиция, Сашка?! Ты просишь не смеяться так громко, а сам меня смешишь. Тут весь народ, как полиция. Поволокут к мандарину, то бишь, местному начальнику, он соберёт судей и…

— Всё понятно, — остановил её Ваня. — Дальше можешь не продолжать. Про кишки, которые куда-нибудь намотают, мы сами додумаем.

— Прекрати так шутить, Вань. А знать следует вот ещё что: здесь практикуется самосуд, народная расправа. Люди могут сделать с тобой всё, что захотят — покалечить, убить — и никого не накажут. Причём самосуд не уступает по жестокости государственным казням. Народная расправа существует с незапамятных времён, власти знают об этом и ничего против не имеют. Правда, самосуд чаще бывает в деревнях, в городах люди поспокойнее и, скорее всё-таки потащат к мандарину…

— Слушайте, — прошептал Саша, — куда ж это мы попали? Может, самое правильное поскорее уйти из города, залечь в каком-нибудь овраге и переждать там оставшееся до возвращения время. Без еды точно обойдемся, двое суток и без воды можно, зато вернемся живыми. А в городе нам это вряд ли удастся.

— Перестань паниковать, — сказала Аня, — здесь можно

нормально жить, если соблюдать местные законы. Миллионы китайцев живут и даже не догадываются, что бывают и более гуманные общества. Как сказал один древний философ: «О чём не знают, того не желают».

— Это точно, — согласился Ваня. — По себе знаю.

Анюта посмотрела на него странно, пытаясь понять, на что сейчас намекает этот шутник — ведь слова в простоте не скажет. Но некогда было думать о всякой ерунде. Девушке хотелось как можно больше рассказать ребятам, пока у них есть время. Она уже чувствовала, что события вот-вот завертятся вокруг них со страшной скоростью.

— Законы установили предки, и китайцы ни на шаг не отступают от них, — напомнила Аня. — Память предков — это святое. Сейчас маньчжуры захватили Китай и ввели так называемый закон круговой поруки или взаимной ответственности — «баоцзя». Он распространяется в первую очередь на чиновников и их подчинённых. Вышестоящие отвечают за поступки нижестоящих. Так же подчиняются закону и простые граждане: каждый член семьи несёт ответственность за всех остальных. Если китаец замечен в государственной измене, или оказался причастным к восстанию или осуждал и порочил маньчжурских императоров, — а это всё тяжкие преступления, то казнят не только его, но и родителей, братьев, сестёр и детей — уничтожат весь род.

Она сделала паузу и посмотрела на лица своих слушателей. Выражение у всех троих было какое-то отрешённое. Очевидно, в большом количестве ужасы уже не производили впечатления.

— Эй, вы спите, что ли? Я просто хочу, чтобы все поняли, как здесь опасно, — продолжала Аня. — Особенно это касается нашего авантюриста Оболенского. Вань, ну, ты же всегда и всюду влезаешь в какую-нибудь историю. А здесь люди шуток не понимают.

— Вот ведь угораздило попасть в этот чёртов Китай! — Иван свирепо покосился на генетика. — Уж лучше бы ещё раз в Древний Египет. Там всё такое родное, и все такие милые…

— Уж не знаю, кто там был милый, — прищурилась Аня, — но скажи спасибо, что мы оттуда выбрались. Нам просто повезло. А тут всё не так страшно: почти XX век, и Россия под боком. Вот если б мы оказались действительно в древнем Китае… Ну, ладно, что насчёт одежды?

— Я думаю, у миссионеров и попросим, — рассудил Саша. — А пока негде взять. За воровство — казнят, по-доброму никто не отдаст… Можно было с трупа снять, но вариант так себе, да и не хватило бы на всех…

— Вариант просто никудышный: ходить по Пекину с русской рожей и в окровавленном халате высокопоставленного евнуха. Да с тем же успехом можно просто голым шастать! И кстати, зря мы взяли этот указ. Наверняка нас кто-нибудь видел, и теперь уже точно всем хана! — и Ваня сделал свирепую физиономию.

Аня посмотрела на него с улыбкой и покачала головой:

— Ой, похоже, я вас чересчур напугала! Вы уже собственной тени боитесь. Ребята, я вас не узнаю. Расслабьтесь! Всё не так плохо. Никому мы здесь не нужны, потому и убивать нас никто не будет, а тем более пытать. Сами посудите: что из нас выпытывать? А если примкнём к духовной миссии, вообще будем у неё под защитой. Китайцы не станут специально провоцировать нас. Им это не нужно. Главное, самим в драку не лезть и не возбуждать недовольства у местных жителей.

— Саш, ты чего-нибудь понимаешь? Сначала она запугивает нас до полусмерти, а потом говорит: расслабьтесь, неврастеники!

— Да не сердись ты на неё, — сказал Саша примирительно. —Девушка немного запуталась. Так со всеми бывает поначалу. Анюте сейчас труднее нас всех вместе взятых.

— Да знаю я, — махнул рукой Иван. — Просто обидно, когда тебя за идиота держат…

— Дорогие мои, а не пора ли нам уже двинуться в путь? — напомнил вдруг Сергей, — Всё остальное мы вполне можем обсудить по дороге. А что касается указа, я бы на вашем месте избавился от него и поскорее. Слишком опасная вещь. Его-то наверняка будут искать.

— Может, правда, вернуться и подкинуть его обратно трупу? — предложил Ваня.

— С ума сошел, — сказал Саша. — Там сейчас уже толпа народу.

Но ещё интереснее прореагировала Аня. Сашиной реплики она будто и не слышала, зато сразу, инстинктивно прижала сумку к груди:

— Нет! Я не отдам вам этот указ!

Ваня и Саша в растерянности переглянулись.

— С чего она так разнервничалась? Я не понял. А ты, Саш?

— Нет, нет… Ничего… Всё нормально, — Аня вымученно улыбнулась и вдруг начала всех поторапливать: — Пойдёмте, пойдёмте, уже действительно много времени.

И все решительно двинулись в сторону улицы. Пару кварталов шли совершенно молча. А потом Иван забежал вперёд, заглянул подозрительно в лицо Ане и спросил:

— Почему ты так странно ведёшь себя? И на кой чёрт тебе этот указ?

Аня ничего не ответила, только коротко сверкнула глазами в его сторону.

— Оставь её, — махнул рукой Саша. — Нам сейчас главное — тихий уголок найти, а уж потом с указом разберёмся. Правда, Анют? Кстати, ты хорошо помнишь дорогу?

— Хорошо, — ответила девушка.

И они пошли ещё быстрее по узким улочкам старого города.

Глава 14
ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

Северное подворье, где жили русские православные миссионеры, располагалось почти у самой городской стены. Небольшую часовню и несколько маленьких домиков окружала своя невысокая стена. Ребята ещё издали заприметили островерхую башню и уже, не сомневаясь, быстро зашагали в нужном направлении. Однако у ворот остановились в нерешительности.

— Ну, что? Постучимся? — с волнением в голосе спросила Аня. — Мне что-то не по себе. Как нас тут примут?

Сергей решил взять инициативу в свои руки.

— Если уж пришли сюда, надо действовать, — сказал он с лёгким укором и забарабанил в ворота что есть силы, как будто только его здесь и ждали.

Аня испуганно схватила генетика за руку:

— А что мы говорить-то будем?

— По обстоятельствам, — спокойно ответил Сергей.

Девушка хотела ещё что-то сказать, но так разволновалась, что уже не могла выдавить ни слова.

— Да всё будет нормально, — решил подбодрить её Ваня. — В конце концов, самое худшее, что может случиться — это…

Договорить он не успел, так как из-за ворот послышался приглушённый голос:

— Кого это в такую рань принесло?

Аня вздрогнула и быстро спряталась за спины ребят. Те испуганно переглянулись и напряжённо замерли. Сергей же не выразил никакого беспокойства, скорее, наоборот, лицо его приобрело торжественную надменность.

Саша поймал себя на том, что завидует его умению столь уверенно и независимо держаться в сложнейшей обстановке. «Вряд ли такое приходит с возрастом, — думал Саша. — Это в первую очередь, характер и жизненный опыт».

Небольшое окошечко в воротах со скрежетом отворилось, и оттуда показалась заспанная небритая физиономия.

— К заутрене ещё не звонили, — недовольно буркнул привратник. — Зачем притащились в такую рань?

— Открывай! — грозно произнёс Сергей. — Мы по важному делу.

— По какому ещё делу? — недовольно пробурчала физиономия.

Сергей подошёл вплотную к окошку и прямо в лицо привратнику выкрикнул:

— По *важному* !

Заспанная физиономия отшатнулась, а Сергей брезгливо сморщился.

— Фу-у, — недовольно произнёс он и помахал рукой перед носом, как бы отгоняя неприятный запах. — Пьянство — извечная болезнь русского человека, — и отошёл подальше от ворот.

— Чего, чего? — небритое лицо вернулось в окошко, очевидно, привратник услышал последний комментарий.

— Утро — а уже пьян! — рявкнул Сергей коротко и сердито.

Привратник ещё раз отшатнулся, но теперь очень быстро вернулся в исходную позицию и, вытаращив глаза, произнёс обиженно:

— Чего это я пьян? И не пьян совсем. Это остатки вчерашнего.

— Сколько ж надо выпить вечером, чтобы так разило на утро? — проворчал Сергей, поворачиваясь к ребятам. Затем метнул суровый взгляд в привратника и, не давая ему опомниться, распорядился: — Чего глаза таращишь? Открывай скорей! И проводи нас к архимандриту.

Привратник засуетился и заскрежетал замками, отворяя ворота.

— А только нет его, отбыл, — скороговоркой затараторил он, стараясь не дышать в лицо прибывшим. — Дьякон тут.

— Веди к дьякону, — приказал Сергей и шагнул во внутренний двор. Ребята последовали за ним.

Привратник пропустил незнакомцев и остановился ошеломлённый. По лицу его можно было догадаться, что бедняга даёт себе очередной зарок — больше никогда в жизни не напиваться. Ведь не бывает на свете таких странных людей! Не может быть. Особенно долго и испуганно пялился он на девушку, усиленно тряс головой и тер глаза. Наконец, решился что-то спросить и уже рот открыл, но Сергей опередил его:

— Чего стоишь? Веди быстрей к дьякону.

Привратник захлопнул рот и, бешено вращая глазами, проговорил:

— Туда, туда идите, — и указал на небольшой домик рядом с часовней. — Только доложить надобно… — и спотыкаясь, побежал вперёд.

Когда привратник удалился на приличное расстояние, Саша спросил у Сергея:

— А что мы скажем дьякону?

— Я кое-что придумал, — сообщил Сергей заговорщицким

тоном. — Нам очень повезло, что нет архимандрита. Хорошо бы ещё выяснить, когда он вернётся. Что вы так смотрите? Загадками говорю? Некогда объяснять сейчас. По ходу дела сами всё поймёте. Запомните главное: разговор надо вести так, чтобы дьякон не направил нас в русское посольство или сам не надумал сообщить им о подозрительных постояльцах.

— Да, — согласился Саша. — Светиться нельзя ни в коем случае. В посольстве нас быстро выведут на чистую воду, и тогда…

— Да уж, политическая ситуация здесь не очень благоприятная, — подтвердила Аня. — А у нас никаких охранительных грамот. В посольстве нас могут принять за перебежчиков или китайских шпионов — за кого угодно! Только у миссионеров и можно отсидеться — эти лишнего не расспрашивают.

— Я попробую реализовать свой план, — пообещал Сергей. — У меня к вам только один вопрос, Анюта. Какой самый ближайший крупный город к северу от Пекина?

— Ближайший… — задумалась девушка. — К северу от Пекина… Жэхэ, конечно. Это дальний летний дворец императора. Но он в неделе пути от столицы, если ехать медленно, как императорская процессия. Если идти обычному человеку, можно добраться гораздо быстрее. В общем, это где-то километров двести — двести пятьдесят, так я думаю.

— А поближе нет другого крупного города? — допытывался Сергей.

Аня задумалась. Ей что-то ничего больше в голову не приходило.

— Откуда ей знать, — съехидничал Ваня, — в своей прошлой жизни она обреталась только во дворцах. Кстати, ты нам так и не рассказала, кем ты там была. Навела тень на плетень и ушла от ответа. Может, тебе стыдно признаться, что ты была, ну, например… евнухом?

— Дурак ты! — вспыхнула Аня и замахнулась на Ивана своей сумочкой. — Разве я могла быть в прошлой жизни мужчиной?

Ваня отскочил с криком:

— Ага! Значит, всё ты помнишь, только говорить не хочешь!

Саша встал между ними и строго произнёс, обращаясь к Ване:

— Хватит цирк устраивать. — Потом повернулся к Сергею. — А кстати, насчет мужчин и женщин?

— По данным наших исследований, случаев транссексуального переселения душ не зафиксировано.

— Вот видишь! — подхватила Аня. — А ты ведёшь себя, как полный дурак.

Ваня усмехнулся и ответил с достоинством:

— Однажды Диоген спросил у знакомого: «Скажи, что говорят про меня афиняне?» «Говорят, что ты притворяешься дураком». «Так скажи им, — произнёс Диоген, — я притворяюсь дураком, а они притворяются умными».

— Хватит тебе умничать, — по-доброму посоветовал Саша, потому что Ваня явно был готов блеснуть очередным афоризмом.

И тут Анюта, даже не улыбнувшись, отпарировала очень жёстко:

— В бочке, которую облюбовал Диоген, не было негашёной извести…

На какое-то время все замолчали. Сергей для себя сразу решил не вмешиваться в эти детские, по сути, перепалки. Но последняя реплика Ани прозвучала очень по-взрослому и заставила задуматься.

— Сергей, — спросил Саша. — Вас устроит город, который назвала Аня?

— Вполне, — ответил тот. — Пусть будет Жэхэ.

Они уже стояли на пороге дома, где недавно скрылся привратник, и теперь, пройдя через сени, оказались в небольшой комнате, скорее всего служившей гостиной, хотя низкий потолок и маленькие окошки, через которые едва пробивался свет, создавали ощущение сумрачности и неуюта. Из трёх настенных подсвечников горел только один. Обстановка была более чем скромной. Узкие деревянные лавки, наглухо приделанные к стене и покрытые грубым сукном, большой стол у окна со скамьями вокруг, и два сундука — вот и всё. Единственное украшение — образа в переднем углу, в красивых позолоченных окладах с жемчугом и дорогими камнями. И возле каждого образа — отдёрнутая занавеска с узорами.

— Да-а, — протянул Ваня. — Не царские палаты.

— И не купеческие, — добавил Саша.

— А где же привратник с дьяконом? — прошептала Аня.

— Наверное, в соседней комнате, — так же тихо сказал Саша. — Слышите, там кто-то разговаривает?

Все прислушались. Действительно, через закрытую боковую дверь доносились приглушённые голоса. Один явно принадлежал привратнику.

— Интересно, как он представил нас, — усмехнулся Ваня.

— Важно не это, а то, как мы сами поведём разговор с дьяконом, — назидательно произнёс Сергей. — Держитесь спокойно, с достоинством. По возможности не надо нервничать.

Ребята согласно кивнули. Они уже готовы были довериться старшему и более опытному товарищу по несчастью. Тем более,

раз у него созрел какой-то план.

Ждать пришлось недолго. Дверь отворилась со скрипом и показалась уже опостылевшая всем похмельная физиономия. Привратник быстро глянул на четверых путников и тут же снова закрыл дверь.

— Чего это он? — удивился Ваня.

— Проверяет, здесь ли мы, — предположил Саша.

И тут боковая дверь отварилась ещё раз, и ребята увидели невысокого человека с густой бородой и в длинной чёрной рясе. На вид ему было около пятидесяти. Дьякон подошёл к гостям и добродушно улыбнулся.

— Я рад приветствовать вас в нашей скромной обители. Вижу, вы прибыли издалека, — сказал он и внимательно взглянул на девушку. Её наряд немало удивил его, но дьякон не показал виду. Затем он повернулся к привратнику: — Поди, братец, прикажи подать кушанья. Гости видно устали с дороги. Да поторопись! Скоро будут звонить к заутрене.

Привратник низко поклонился и вышел.

Дьякон сообщил, что архимандрита нет и прибудет он только через пять дней. Затем, пригласил гостей присесть и завёл неспешный разговор.

— Откуда вы прибыли и долго ли находились в пути? — таким был первый вопрос.

— Мы путешественники-исследователи, — начал рассказывать Сергей, — объездили много разных земель в поисках редких видов животных. Наша экспедиция, организованная Русским географическим обществом при личном участии его президента Петра Петровича Семёнова, должна была завершиться на границе Монголии и Китая. Собрав, по возможности, полный материал о животном и растительном мире тех мест, мы должны были вернуться в Россию. Но случилось так, что когда мы пробирались по безлюдным пустыням Монголии, на нас напал отряд диких кочевников. Они взяли в плен почти всех наших людей, и только нам четверым удалось бежать. Мы долго блуждали среди пустынь и горных кряжей, ведь карта осталась у начальника экспедиции, который тоже попал в плен. Запасы продовольствия подошли к концу, и мы думали, что погибнем в горах. Но совершенно неожиданно, когда силы были уже на исходе, на пути возник отряд китайских всадников. Нас накормили и предложили следовать вместе. Мы согласились, так как ничего другого нам не оставалось.

Отряд проводил нас до ближайшего населённого пункта и передал в руки властей. Те отнеслись с пониманием к нашей ситуации и отправили с провожатыми в Жэхэ, где есть русское

представительство. Выяснив всё и разобравшись, нам посоветовали направиться в столицу, чтобы уже под защитой наших посланников-дипломатов решать вопрос о возвращении на родину. Нам дали китайских провожатых, и мы выдвинулись в путь.

Вместе с нами в Пекин ехал некий православный священник. В одну из ночей мы остановились в пустынном месте. Развели костёр, устроились на ночлег. Казалось, ничто не предвещало беды. Ночь была тихая, звёздная, только ветки в костре трещали. И вдруг вдалеке показались какие-то люди. Их было много. Сперва мы подумали, что это обычные путники, так же, как и мы, следовавшие в Пекин, однако позже, когда китайские провожатые закричали и бросились бежать, стало ясно, что это настоящие местные разбойники. Священник, оставшийся вместе с нами был довольно почтенного возраста, он не мог бежать. И посоветовал нам уходить пока не поздно, но мы не хотели оставить его один на один с разбойниками. Мы подхватили батюшку под руки и тоже бросились бежать…

— Ваше благоразумие и искреннее желание помочь человеку очень похвально. Грешно было бросить беззащитного, — промолвил дьякон.

Всё время, пока Сергей рассказывал, дьякон сочувственно качал головой и вздыхал. Аня, Саша и Ваня сидели молча и во все глаза смотрели на Сергея. Он так складно плёл сюжет, придумывал такие убедительные детали, что ребятам уже казалось, будто всё это действительно с ними произошло.

Сергей хотел продолжить повествование, но тут вошла молоденькая китаянка с подносом, прислужница дьякона, и стала расставлять по столу глиняные горшки.

— Прошу, — сказал дьякон. — Прошу отведать наших скромных кушаний.

Ваня хотел сразу плюхнуться на лавку, но Аня тихонько пнула его в бок. Прежде, чем сесть за стол, дьякон, прочитал молитву.

Угощения были скромные: горячая уха из рыбных потрохов и риса с прибавлением большого количества перца, шафрана и корицы; кислая капуста, свекла с постным маслом и уксусом; твёрдо сбитый мягкий горох с постным маслом и пресные лепёшки. Из напитков — холодный квас.

Сначала подумали с тоской: «Неужели всё это можно есть?» Но потом, чтобы не обижать хозяина, налили себе в миски ухи и приступили к трапезе. Ко всеобщему удивлению, супчик оказался довольно вкусным. Ваня даже добавки взял.

И лишь когда гости насытились, дьякон попросил

продолжить рассказ.

— Так вот, — напомнил Сергей, — мы остановились на самом драматичном моменте нашей печальной истории. Священник был человеком преклонного возраста, мы не могли быстро убегать от разбойников, и те в скором времени настигли нас. Завязалась драка, но силы были неравные. Лихоимцев, причём вооружённых ножами, оказалось много. Нас четверых они связали и стали обыскивать, ища драгоценности. А один, самый бессовестный, схватил батюшку и стал срывать с него нательный золотой крест. Священник отчаянно сопротивлялся, и тут разбойник ударил его ножом.

— Ах, демоны неразумные, — покачал головой дьякон. — Ничего святого для них нет. Разве они дети божьи? В священном писании сказано: «Не убий!», а они убивают и обрекают свои души на погибель. Гореть им в адском пламени за свои злодеяния!.. Эх, разбойников сейчас много развелось. По дорогам ездить опасно. После бунта тайпинов, всех причастных к восстанию казнили или осудили на вечное изгнание в дальние провинции. Некоторым удалось бежать, они объединились и теперь промышляют разбоем. Недавно с одним нашим человеком случилось подобное несчастье. Он вёз товар в другой город, так нечестивые весь товар отобрали, а самого чуть не убили. Слава Господу, жив остался.

Дьякон тяжело вздохнул, а Сергей опустил глаза. Наверно, ему было стыдно за свой обман. Особенно за то, что так удачно, так правдоподобно приплёл батюшку. Но другого выхода не было, и теперь уже приходилось врать дальше:

— Когда разбойники поняли, что у нас особо нечего брать, они оставили нас на дороге и ушли восвояси. Священник был ранен, и мы, завязав рану, повели его в ближайшую деревню, чтобы оказать помощь. Но когда мы дошли, он был уже очень плох. Добрые люди приютили его, обещали ухаживать. Мы даже хотели остаться и подождать, пока ему ни станет лучше, но он подозвал нас к себе и прошептал: «В полах моего платья есть потайной карман. Там — очень важный секретный документ. Я вёз его в столицу с тем, чтобы передать архимандриту. Возьмите его и обещайте, что сделаете это вместо меня и сделаете прежде, чем обратитесь в посольство». Мы дали такую клятву, и теперь будем ждать приезда архимандрита. Пока не выполним просьбу, мы просто не можем улаживать свои дела.

Сергей закончил рассказ. Дьякон сидел в задумчивости, искренне не зная, что и сказать теперь. И чтобы окончательно убедить его в своих честных намерениях, Сергей тихонько попросил Аню достать посмертный указ Сяньфэна. Он очень

надеялся, что дьякон не знает китайского языка, зато наверняка знает, как выглядят важные документы. А указ Сяньфэна выглядел весьма внушительно. К тому же на нём стояла императорская печать.

Аня, не мешкая, вытащила из сумочки свиток и подала Сергею. Генетик солидно, неторопливо развернул бумагу и показал дьякону. Тот, понимающе закивал, и выражение лица его сделалось очень серьёзным.

— Сей документ надлежит сберечь до приезда архимандрита, — весомо проговорил он. — Вы поступаете разумно и честно, исполняя волю просящего. Я прикажу отвести вам комнаты, и вы можете жить здесь столько, сколько понадобится.

— У нас есть ещё одна просьба, — осмелел Сергей. — Наша одежда не слишком подходит для простого человека.

— Воистину на вас странные одежды, — подтвердил дьякон. — Я сразу обратил на это внимание. Но когда вы поведали свою историю, я предположил, что все путешественники, занимающиеся изысканиями, в своих экспедициях носят удобное, но не совсем привычное для горожанина обмундирование. Я прикажу принести для вас самую обыкновенную одежду.

— Мы благодарим вас за гостеприимство и понимание, — сказал Сергей с чувством.

Потом он встал из-за стола и низко поклонился. Ребята последовали его примеру.

— Не благодарите, — ответил дьякон. — Помощь ближнему — это благо для всех и долг каждого христианина.

Зазвонили к заутрене.

— Отдохните с дороги, — предложил дьякон, поднимаясь со своего места. — Я отдам все нужные распоряжения. Сейчас сюда придёт служанка, она и покажет вам ваши комнаты, — с этими словами дьякон направился к выходу, и вскоре гости остались в комнате одни.

— Слушайте, — в отчаянии произнёс Сергей, — оказывается, это так тяжело — врать человеку, который тебе верит и желает добра! Да ещё кому? Священнослужителю! Я чуть со стыда не сгорел. Никогда не думал, что это так мерзко. Чувствую себя настоящим негодяем и даже сомневаюсь, правильно ли поступил.

— А мне кажется, у Вас здорово получилось, — искренне похвалил Ваня. — Блестящая актёрская работа! Да и литературная, если угодно. Вы посмотрите с этой стороны и рассудите философски: никому же не сделали никакого вреда. Безобидное враньё — это и есть сочинительство и актёрство.

— Конечно, — поддержала Аня. — За что вам себя ругать? Эта ложь — как инстинкт самосохранения. Думаете, было бы лучше рассказать правду? Мол, прибыли из будущего, да ещё по чистой случайности завладели посмертным указом императора Сяньфэна… Такая правда не принесла бы ничего хорошего. Дьякон от греха подальше сообщил бы о нас в посольство. В общем, прямой путь в тюрьму.

Сергей пожал плечами:

— Может, и не сообщил бы, если б мы его попросили.

Аня усмехнулась.

— Думаете, священники-миссионеры исполняют здесь только свой непосредственный долг — обращение китайцев в истинную веру? Нет, находясь за границей, священнослужитель всегда участвует в политических интригах на благо родины, а иногда и непосредственно выполняет задание разведки.

— Точно, точно, — подхватил Ваня. — Об этом много написано. Взять хотя бы такой известный исторический факт, как похищение секрета фарфора. Французскому монаху-иезуиту удалось посетить закрытый город, где находилась императорская фарфоровая мануфактура. Это было где-то в начале XVIII века. Хитрец очень тщательно изучил технику производства «твёрдого» фарфора из каолина. И, несмотря на бдительность китайских властей, умудрился послать образцы сырья естествоиспытателю Реомюру. Французы сами делали фарфор, но не такого качества — его называли «мягким». А благодаря этому промышленному шпиону начали и твёрдый производить.

— Да у китайцев просто всё подряд воровали! — Саша вспомнил что-то своё. — Ещё в VI веке, Китай тогда не был по-настоящему закрытым, один несторианский монах тайно вывез в Константинополь коконы шелкопрядов.

— Нам-то не нужны ни шёлк их, ни фарфор, — заключил Ваня, возвращаясь к тому, с чего начали. — А вот, узнав нашу правду, они бы наверняка захотели выведать все секреты будущих поколений. И «Фаэтона» мы бы точно лишились. Это вам не Древний Египет, где можно прикинуться полубогами. Тут уже до нашего века рукой подать. Одно неосторожное движение — и вся история наперекосяк. А вы говорите врать не надо… Эх, Сергей!..

Все молча согласились, и генетик, миролюбиво улыбнувшись, сказал:

— Ладно, считайте, что вы мою совесть успокоили. Сейчас не тот случай, когда нужно говорить правду.

— И ругать себя за праведную ложь, — добавил Ваня.

— Любопытный каламбурчик, — усмехнулась Аня. — Праведная ложь! Звучит красиво.

— А так и получается. Но если хочешь, могу предложить вариант: ложь во спасение. Причём, спасение не нас четверых, а всего человечества! — торжественно объявил Ваня и покосился на генетика.

— Вот только о спасении человечества не надо, прошу вас, — мгновенно откликнулся Сергей.

— Так Вы же сами об этом писали в своём дневнике, — удивился Саша.

— Грешен. Писал. Но я уже переболел этим. Умерев и воскреснув, я стал другим. Понимаете? Сегодня я спасаю лично себя и хочу быть честен в этом хотя бы перед вами…

За дверью раздался шум, и все сразу притихли. В комнату вошла всё та же молоденькая китаянка, неся большую плетёную корзину с бельём. Она низко поклонилась и на плохом русском языке пригласила гостей следовать за нею.

Они пересекли двор и остановились перед другим небольшим домом — вероятно, постоялым двором. Внутри обнаружилась достаточно большая гостиная, обставленная, впрочем, точно так же, как у дьякона: широкий стол с лавками, скамейки у стен и задёрнутые шторки образов в переднем углу. Правда, на стене ещё висел календарь, который сразу привлёк внимание Ани. Пока мужчин повели в одну из четырёх боковых комнат, она буквально кинулась к календарю и стала жадно изучать его. «Ну вот, теперь всё ясно, — кажется, она произнесла это вслух. — Сейчас осень 1880 года».

Китаянка разложила бельё и одежду в комнатах мужчин и лишь тогда показала комнату для девушки. А затем низко поклонилась и вышла.

Глава 15
КОВАРНЫЕ ИНОЗЕМЦЫ

Ли Ляньин вышел из покоев Цыси и распорядился:

— Поднести яства Великой Императрице в зал Радости и Долголетия!

Евнухи тут же засуетились. Приказ главного евнуха по цепочке передали в императорскую кухню.

А Цыси в это время вызвала своих фрейлин и служанок, чтобы те подготовили её к выходу из покоев.

В смежной комнате находилась туалетная императрицы, где на полочках стояло несколько десятков флаконов с различными ароматическими жидкостями: моющими, увлажняющими и прочими. Умывшись тёплой водой, Цыси взяла у служанки мягкое полотенце, предварительно увлажненное особой жидкостью из мёда и цветочных лепестков и, промокнув лицо, велела принести ярко-розовую пудру с сильным цветочным запахом. Затем одна из фрейлин подвела ей глаза и накрасила губы.

Из гардеробной служанки принесли несколько больших лакированных коробок, обвязанных жёлтым шёлком. В них хранились платья-халаты императрицы. Одна из фрейлин достала бледно-зелёный халат из атласа, расшитый иероглифами «долголетие». Другая — накидку в виде сетки из жемчужных нитей, отделанную нефритовыми кисточками. На правом плече с верхней пуговицы свисал шнурок с восемнадцатью большими жемчужинами, которые чередовались с плоскими кусочками прозрачного нефрита. А возле самой пуговицы был прикреплён огромный рубин, от которого спускалась жёлтая шёлковая кисточка, увенчанная ещё двумя крупными жемчугами.

Служанка тут же принесла к этому наряду украшение для волос, хранившееся в маленькой чёрной лаковой шкатулке. Это был пион необычайной красоты из коралла и нефрита. Он выглядел, как живой, и его лепестки даже подрагивали от прикосновения.

Цыси посмотрела на наряд и отвергла его. Тут же фрейлина раскрыла следующую коробку и достала голубой халат, на котором было вышито сто драгоценных бабочек. Рядом уже стояла другая фрейлина, держа в руках раскрытую маленькую шкатулку с драгоценностями — именно для этого платья-халата. Там были браслеты из жемчуга и нефрита, украшенные бабочками, и нефритовые кольца — тоже с бабочками. А ещё в одной маленькой коробке лежала великолепная заколка-бабочка

из нефрита и коралла.

Императрица отвергла и этот наряд. Фрейлины предложили ещё несколько других, и в результате, через некоторое время Цыси в сопровождении свиты величественно выплыла из своих покоев в синем, расшитом аистами, шёлковом халате. Поверх него красовалась фиолетовая накидка с жемчужной бахромой, а на ногах сверкали расшитые жемчугом маньчжурские туфли на толстой подошве. Волосы, собранные в двойной пучок, украшали ажурные золотые шпильки с жемчугом и роскошная заколка в виде аиста — тоже из жемчуга, обрамлённого серебром. А ещё — жемчужные серьги, причём по две в каждом ухе. Цыси никогда не снимала их, это был подарок императора Сяньфэна. Особого внимания заслуживали нефритовые кольца на пальцах и браслеты — по нескольку на каждом запястье. Для сохранности длинных ногтей на средних пальцах и на мизинцах имелись ажурные золотые наконечники-футляры длиною сантиметров по восемь. Все знатные женщины отращивали длинные ногти, причём длина их была прямо пропорциональная знатности. Очень длинные ногти означали, что дама по-настоящему богата и вовсе не утруждает себя работой.

В зале Радости и Долголетия уже толпились придворные. Как только императрица вошла, они тут же согнулись в низком поклоне со словами:

— Желаем благополучия Великой императрице!

Цыси молча проследовала мимо и села в своё любимое кресло из сандалового дерева. Придворные внимательно наблюдали за выражением её лица, пытаясь разгадать, в каком она расположении духа. Лицо было спокойно и непроницаемо, только глаза, пронзительно жёсткие, подозрительные, выдавали настроение повелительницы Поднебесной. По спинам придворных пробежал холодок, каждый мечтал побыстрее покинуть зал, чтобы не попасть под горячую руку.

Несколько десятков евнухов, двигаясь вереницей, внесли семь столов различного размера и множество жёлтых лакированных коробочек, расписанных синими драконами. В этих коробочках находились кушанья для императрицы.

Евнухи расставили столы около большой невысокой лежанки, обогреваемой изнутри, она называлась каном. Самый низенький стол водрузили непосредственно на кан, так чтобы он стоял вровень с остальными. Принесённые с императорской кухни лаковые шкатулки с кушаньями передали младшим евнухам в белых нарукавниках. Те раскрывали шкатулки и доставали изящные миски, плошки, вазочки, супницы… Один из евнухов, прежде чем поставить еду на стол, приподнимал серебряные

крышки и пробовал всё без исключения.

На каждый стол поставили по шестнадцать блюд. Здесь были жареные голуби и утки в соусе, говядина на пару со специями, варёные потроха, баранина со шпинатом и соевым сыром на пару, мясное филе с капустой, тушёная утка с трепангами в соусе, тушёное мясо с ростками бамбука, жареные овощи в кисло-сладком соусе, солёные соевые бобы, ломтики капусты, поджаренные в соусе с перцем, мясные бульоны, тонко нарезанные копчёности, всевозможные каши, варёный рис со специями и соусом, сдобные булочки и многое-многое другое. На низенький стол, водружённый прямо на кан, евнухи поставили всего несколько блюд, особенно любимых Цыси. Вся посуда на столах была из жёлтого фарфора с драконами и надписями: «Десять тысяч лет жизни». На каждом блюде и в каждой чашке лежала серебряная пластинка, с помощью которой также проверялось, не отравлена ли пища.

И вот все блюда расставлены. Один из евнухов громко объявил:

— Снять крышки!

Четыре младших евнуха тут же сняли серебряные крышки, положили их в коробки и унесли. А старший подошёл к императрице и, преклонив колено, произнёс:

— Приглашаю Великую императрицу к трапезе!

Цыси подошла к кану и села на свой низенький трон. Фрейлины, служанки и придворные, низко поклонившись, удалились, остались только те, кто прислуживает за столом.

У Цыси совсем не было аппетита. Она попробовала лишь несколько блюд, стоявших ближе всего, и приказала подать маисовую похлёбку, которой всегда завершала трапезу. Похлёбку заранее разлили в семь чашек. Евнух выбрал среднюю — не самую горячую, но и не самую холодную, двумя руками поднял её на уровень своей правой брови, медленно подошёл, встал на колени и подал чашку императрице.

По завершении трапезы Цыси в сопровождении фрейлин и евнухов отправилась в своём паланкине в павильон Небесной Чистоты. Там она вместе с императрицей Цыань каждое утро просматривала государственные бумаги.

Павильон Небесной Чистоты находился в Центральной части дворцового комплекса в Запретном городе. Апартаменты Цыси — в западной части, поэтому Цыси иногда называли императрицей Западного дворца. В восточной части находились апартаменты Цыань и, соответственно, её называли императрицей Восточного дворца.

Апартаменты обеих императриц занимали огромное

пространство, имели множество павильонов, залов, садов и парков — все со своими названиями согласно предназначению.

В павильоне Небесной Чистоты Цыси уже ждал главноуправляющий с несколькими жёлтыми коробками, в которых лежали доклады губернаторов, генерал-губернаторов и членов Государственного совета. Увидев приближающуюся императрицу, главноуправляющий встал на колени и преклонил голову. Цыси прошла мимо него и остановилась возле двух тронов, стоящих рядом. По статусу Цыси была ниже Цыань и не имела права первой садиться на трон, хоть и носила такой же титул Великой императрицы. Надо было ждать. Один из евнухов тут же принёс кресло, чтобы императрица не стояла.

Однако ожидание затягивалось, и Цыси уже стала нервничать. «Я не пожелала ей сегодня доброго утра, — думала она. — Может, Цыань гневается и нарочно заставляет меня ждать? Но как она смеет так унижать меня? Сколько ещё терпеть?!»

Эти унизительные ритуалы страшно досаждали Цыси, однако она ничего не могла с этим поделать.

Наконец, в зал вошёл главный евнух Цыань и, опустившись на колени, произнёс:

— Великая императрица Цыань не сможет присутствовать в связи с плохим самочувствием.

Затем он встал и, пятясь, вышел из зала.

«Она не хочет встречаться со мной, — мелькнуло в голове у Цыси. — Она думает, что указ Сяньфэна у меня. Наверняка она уже знает, что её евнух, который нёс указ князю Гуну, убит. Пусть будет так. Мне это сейчас на руку».

Цыси села на трон и приготовилась читать доклады сановников. Главноуправляющий вместе с одной из фрейлин опустились перед ней на колени. Согласно установленным правилам он не мог лично вручить документ императрице, поэтому, достав его из коробки, протянул фрейлине, а та уже передала Цыси. Прочитав доклад, Цыси через фрейлину вернула его обратно. И так происходило, пока императрица не прочла все документы. Затем она отправилась на аудиенцию в павильон Соприкосновения Неба и Земли.

Там её уже ждали князья и сановники. Трон находился в центре зала, и по обеим сторонам стояла императорская охрана из одних аристократов. Цыси расположилась на троне, а сановники стали по очереди приближаться к ней и докладывать о государственных делах. Выслушав всех, императрица отдала необходимые распоряжения и удалилась в свой дворец. Сановники и князья были несколько удивлены столь короткой

аудиенцией. Обычно после доклада Цыси дотошнейшим образом расспрашивала каждого чиновника. Сегодня же почти не вникала в суть проблем. Она хотела вообще отменить аудиенцию, так как сейчас её беспокоил только пропавший указ Сяньфэна, но, подумав чуть-чуть, Цыси решила, что это вызовет слишком много ненужных вопросов.

У себя во дворце она сразу направилась в павильон Изысканного Изящества. Там, в одном из залов её ждали Ли Ляньин и Цынь Чжун — тот, который следил за подозрительными «тенями».

Цыси отпустила всех фрейлин и евнухов, оставшись наедине с этими двумя. Ли Ляньин и Цынь Чжун встали на колени перед креслом императрицы.

— Старая Будда должна быть довольна своим рабом Цынь Чжуном, — сказал Ли Ляньин. — Он принёс хорошие вести.

— Пусть говорит, — распорядилась она.

Цынь Чжун низко поклонился и дрожащим от волнения голосом произнёс:

— Ваш раб проследил, куда направились подозрительные люди.

— Так это были люди?! — усмехнулась Цыси.

Цынь Чжун растерялся. Он не понял, гневается императрица или шутит, поэтому для надёжности ударился лбом об пол и тихо пропищал:

— Да простит меня Великая Императрица, если жалкий раб чем-то не угодил ей.

— Продолжай, — спокойно произнесла Цыси. — Что за люди? К какому роду принадлежат и сколько их было?

Цынь Чжун понял, что императрица не гневается, и поднял голову.

— Эти люди… — заикаясь, проговорил он, — их было четверо. Трое мужчин и одна молодая девушка. Они не нашего рода… — евнух запнулся. — То есть Ваш покорный раб хотел сказать, что они чужеземцы. Язык, на котором они говорили, рабу непонятен… Ваш раб, крадучись, следил за ними и видел, куда они пошли.

— Куда?! — с нетерпением воскликнула Цыси.

— Они отправились на Северное подворье к русской православной миссии.

Цыси прищурила глаза. Она услышала очень неприятную вещь. «Неприятную» — ещё мягко сказано. Она и предположить не могла, что в это дело вмешаются иноземцы. Китайцев можно просто схватить, бросить в тюрьму и пытать. Однако подозрительные люди оказались русскими, и дело осложнялось

… Вообще, она не понимала, как представители другого государства могли узнать о её планах и планах Цыань. Всё, что касалось указа Сяньфэна, хранилось в строжайшем секрете.

Императрица решила посоветоваться с Ли Ляньином.

— Ты можешь идти, — сказала Цыси Цынь Чжуну, — но пока стой за дверью. Ты можешь понадобиться мне. И смотри, чтобы никто не входил сюда.

Цынь Чжун, кланяясь, попятился из зала.

Оставшись наедине со своим главным евнухом, Цыси подозвала его поближе и почти шёпотом спросила:

— Что ты об этом думаешь?

— Всё это очень странно, — задумчиво произнёс Ли Ляньин. — Может, иноземцы случайно оказались там?

— Случайно?! — выкрикнула Цыси с гневом и встала с кресла. — Иноземцы(!) ночью(!) случайно гуляли по городу? Они же знают наши законы. Нет, это не простое совпадение — оказаться у дома князя Гуна именно в это время! И не забывай, что у мертвого евнуха Цыань не было указа. Куда он мог деться? Я уверена, чужаки унесли его с собой. Я всегда говорила, что коварным иноземцам нельзя доверять. Они так и норовят влезть в наши внутренние дела. Дай им волю, они сами начнут управлять Поднебесной!.. Но как они узнали? Как пронюхали про указ?!

— Почтенная Будда, как всегда права, — сказал Ли Ляньин и низко склонил голову. — Надо разузнать всё про этих иностранцев и… — он понизил голос до шёпота, — может, выкрасть указ или тайно захватить их самих. А лучше всего выкрасть указ и… убить их. Чтобы пресечь слухи, самое разумное — избавиться от свидетелей.

— Убить свидетелей? — императрица задумалась. — Это не так-то просто. Может возникнуть международный скандал, что грозит большими неприятностями.

— Есть масса способов избавиться от них, не прибегая к открытой расправе, — вкрадчиво произнёс Ли Ляньин. — Нападение разбойников, например. Или можно обвинить их в каком-нибудь преступлении, к примеру, в воровстве. Или подсыпать им яду. Да мало ли средств для устранения ненужных людей!

Цыси надолго задумалась. В словах евнуха был определённый резон. «Допустим, указ взяли иностранцы, — размышляла она. — Тогда они становятся опасными свидетелями. И если даже выкрасть у них документ, но оставить в живых, они смогут всем разболтать о нём, а это очень подорвёт мой авторитет. Все узнают, что моё положение непрочно, и позиции Цыань усилятся. Этого нельзя допустить, я должна крепко держать власть в своих

руках!»

— Меня беспокоит вот что, — произнесла Цыси, выходя из задумчивости. — Что, если кто-нибудь из русских ждал этих неизвестных в Северном подворье, и указ уже передали нужному человеку?

— Нет, Цынь Чжун рассказывал, что они долго стучались в ворота, прежде чем войти, а привратник всё не открывал, вероятно, допытываясь, кто они такие. Значит, — заключил он, — их никто там не ждал. Значит, это их временное пристанище.

Цыси посмотрела на него с интересом.

— А ты не глуп, — одобрительно произнесла она. — Что ты предлагаешь?

— Надо послать туда Цынь Чжуна, пусть всё узнает и доложит.

— Нет, — грозно произнесла императрица. — Пока он будет всё узнавать, чужеземцы могут передать указ или вообще уйти оттуда. Надо действовать сразу и быстро.

Ли Ляньин задумался. Прошло достаточно много времени, прежде чем он вновь нарушил молчание.

— У вашего раба есть план, — сказал он и подошёл совсем близко к Цыси.

— Говори быстрей, — с нетерпением произнесла императрица.

Ли Ляньин наклонился почти к самому её уху и еле слышным шёпотом изложил все свои соображения. Цыси, внимательно выслушала его и, одобрительно кивнув, приказала:

— Позови Цынь Чжуна.

Глава 16
ОНА ЧТО-ТО СКРЫВАЕТ…

Когда молодая китаянка вышла из комнаты, отведённой для девушки, Аня закрыла дверь на крючок, подошла к кровати и, упав ничком, закрыла глаза. Воспоминания нахлынули на неё и захватили сознание. Вся прошлая жизнь за считанные минуты пронеслась перед мысленным взором. Сердце сжималось от боли и ненависти к той, чья судьба оказалась сейчас в её руках. «Я сделаю всё, чтобы этот посмертный указ привели в исполнение, — в отчаянии думала Аня. — Пусть даже изменится история! Зло должно быть наказано!..»

О, как ужасны были последние минуты жизни её предшественницы! Сердце буквально разрывалось, дышать стало трудно, из глаз покатились крупные слёзы.

«Она должна умереть, должна, должна…» — твердила про себя Аня.

Стук в дверь оборвал её мысли. Пришлось вскочить, быстро вытереть слёзы и открыть стучавшему.

— Ты зачем нас пугаешь? — спросил Ваня. — Стучим тебе, стучим, а ты не слышишь.

Аня смутилась, не зная, что ответить. Ваня внимательно смотрел на неё.

— Почему у тебя глаза красные? Ты что, плакала?

— Нет, нет, — поспешно ответила она. — Просто мы все не выспались, и вообще, у меня болит голова.

— Могу дать хороший совет, — с предельной серьёзностью сказал Ваня.

— Какой ещё совет? — Аня взглянула на него с интересом.

Ваня встал как по стойке «смирно» и проговорил не своим голосом:

— Если у тебя болит голова, представь, что ты бетонный столб, который не может ощущать боли.

— Дурака валяешь? — немного обиженно спросила Аня.

— На самом деле — нет. Попробуй представить, что ты бетонный столб, который не ощущает боли, — повторил он.

Аня вдруг покатилась со смеху. Очевидно, представила. Сергей и Саша, стоявшие у Вани за спиной, тоже рассмеялись.

— Не знаю, над чем вы смеётесь, но это — один из стандартных приёмов аутотренинга. Меня учил очень хороший психолог. И теперь, если я мобилизую своё воображение и отключусь от реальности, то могу представить себя кем угодно.

На самом деле помогает. И, между прочим, — он хитро покосился в сторону Ани, — сейчас тоже некоторым помогло.

Аня перестала смеяться и, пожав плечами, сказала:

— Может быть. Но даже если я очень сильно напрягусь, всё равно не смогу представить себя бетонным столбом.

— Это дело вкуса, — не спорил Ваня. — Можешь представить себя облаком и тоже не чувствовать боли.

Аня вежливо улыбнулась.

— Знаешь, — сказала она, — спасибо, конечно, за совет, но лучше я всё-таки останусь человеком.

— А вот и неправильно, — настаивал Ваня. — Полный отрыв от реальности — очень интересное упражнение.

— Слушай, — вступил в разговор Саша. — А ты-то кем себя представляешь, когда отрываешься? От реальности. По полной.

— Да ну вас, — надулся Ваня, — я же серьезно говорю. А не хотите заниматься аутотренингом — и не надо.

— Мы просто хотим вместо головной боли испытывать радость и восторг, — выдал Саша красивую фразу. — Правда, Анют?

— Да, — подхватила Аня, — а для этого надо быть человеком и только человеком.

— Вовсе нет, — Ваня решил спорить до конца. — Собаки, например, тоже радуются: машут хвостом, подпрыгивают…

— Ну, если тебе нравятся собачьи радости, тогда, конечно, — уколола его Аня. — А я не хочу махать хвостом и подпрыгивать.

Ваня вздохнул и произнёс с упрёком:

— Очень примитивный подход. Так можно любую идею с ног на голову поставить. Но если хочешь человеческий пример, пожалуйста: представь себя Клеопатрой, коварной обольстительницей, покоряющей мужские сердца.

— Очень сомнительная радость, — фыркнула Аня. — Не знаю, какие эмоции испытывала Клеопатра, но делала она всё это ради власти. Понимаешь, то, о чём мы рассуждаем, слишком зыбко и очень индивидуально. Одной — мужчин обольщать, другому — вилять хвостом, третьему — вообразить себя бетонным столбом… и всё это радость. Какое тут может быть общее определение? А мне, например, для радости достаточно предаться приятным воспоминаниям.

— Ну и предавайся на здоровье! — махнул рукой Ваня. — Разве я против? Просто хотел помочь советом. Вот и всё.

— Да ты не обижайся, Вань, — Аня сменила гнев на милость. — У каждого свой аутотренинг, психология — это не математика, общих законов она не терпит. У тебя, например, богатое воображение, а у меня — память хорошая.

Ваня немного даже растерялся: он был, как всегда, готов к долгой словесной перепалке, но получалось по-другому.

«Что это с ней? — думал Ваня. — Откуда такое великодушие?.. От головной боли? Которую она придумала…»

Ваня чувствовал, что причина гораздо глубже, но в чём тут дело, понять пока не мог и просто радовался неожиданным тёплым словам со стороны Ани.

Саша тоже был удивлён, что разговор окончился миром, и его это порадовало. Однако сейчас, прежде всего, им нужно было обсудить сложившуюся ситуацию и решить, что же делать с этим проклятым указом.

— Итак, — сказал Саша, присаживаясь на скамейку и обхватив руками сумку, где лежал «Фаэтон», — мы должны чётко продумать все наши дальнейшие действия. Пусть Аня расскажет как можно подробнее об императрице Цыси, раз уж мы взялись решать её судьбу.

— Логично, — подхватил Ваня. — И заодно, Анют, обязательно расскажи, кем ты была в этой жизни, чтобы мы знали, так сказать, источники информации.

— Да пожалуйста, удовлетворю я ваше любопытство! — сказала Аня, едва сдерживая нахлынувшие чувства: — Моя предшественница здесь — драгоценная наложница ныне здравствующего императора Гуансюя.

— О, как, — с уважением произнёс Ваня. — Кажется, это очень высокое звание. А потом ты не стала случайно императрицей?

Аня опустила глаза, ей совсем не хотелось говорить об этом, тем более в таком, полуироничном тоне.

— Сейчас 1880 год, — сообщила она всем. — Императору Гуансюю только девять лет и он, соответственно, ещё не женат и не имеет гарема. Вместо него правят две императрицы: Цыси, которой сейчас сорок пять лет, и Цыань, она ещё старше.

— А ты? — перебил её Ваня. — Сколько тебе сейчас лет и живёшь ли ты во дворце? То есть, я хотел сказать не «ты», а твоя предшественница.

— Сколько моему двойнику лет — не трудно догадаться. Чжень — так её зовут — ещё маленькая девочка, ровесница Гуансюя. Она из хорошей, очень знатной семьи. И наложницей она станет только через девять лет.

— Хорошо, — сказал Саша. — Вернёмся к политике. Страной правят две императрицы. Как это получилось?

— Очень просто. Цыань была законной женой императора Сяньфэна, а Цыси его наложницей… — Аня вдруг замолчала.

— Ну? — спросил Ваня.

Аня молчала, как школьница, не выучившая урок.

«Если я раскрою свои личные причины ненависти к Цыси, — прикидывала она, — вряд ли добьюсь желаемого результата. Нет уж, расскажу только то, что им можно знать…»

— Эй, ты чего молчишь? — Ваня уже начал тревожиться.

— Да у них тут всё так запутано… Не знаю, с чего начать, — выкрутилась девушка.

— Начни с самого начала, — посоветовал Саша то ли в шутку, то ли всерьёз.

— Ну, хорошо, — в глазах Ани сверкнула какая-то неуместная отчаянная решимость — прямо, Жанна д'Арк на допросе. — Я постараюсь ничего не упустить из «славного» прошлого императрицы Цыси. Впрочем, для неё сегодня это будущее. Мне легче всего рассказывать о тех событиях, которые ещё не наступили, да и вы хотите услышать всё из первых уст, а не какие-то древние сплетни. Что я могла видеть, когда была совсем маленькой?

— Точно, — согласился Ваня. — Я, например, абсолютно не помню, что со мной происходило, скажем, в три года.

Аня посмотрела на него странно, она была вся поглощена своими мыслями.

— Короче, я буду рассказывать то, что помню и знаю сама о Цыси, а вы уж делайте вывод, как поступить с указом.

— Хорошо, — поддержал её Саша, — мы слушаем очень внимательно.

— Итак, через девять лет, то есть в 1889 году я стану драгоценной императорской наложницей. Вернее, не я, а моя предшественница по прошлой жизни Чжень Фэй, — Аня помолчала, и добавила с грустью: — Император очень любил свою драгоценную наложницу Чжень.

— Почему же он тогда не женился на ней? — простодушно спросил Ваня.

— Дело в том, — вздохнув, объяснила Аня, — что жён и наложниц императору согласно традиции выбирает мать. В данном случае — как раз императрица Цыси. Именно она настояла, чтобы женой стала не Чжень, а дочь её брата — хотела утвердить свой род как правящую династию. Сам Гуансюй был ей племянником, сыном сестры. А сестру свою она выдала замуж за великого князя Чуня, брата императора Сяньфэна. Видите, какой замкнутый круг получается: Гуансюй — сын её сестры, а его жена — дочь её брата. Короче говоря, женой императора стала его двоюродная сестра… Но Гуансюй не любил эту девушку. Она была некрасива и не слишком умна. Гуансюй хотел сделать своей женой Чжень — обаятельную, статную, образованную. Она

прекрасно сочиняла стихи, рисовала, обладала живым умом и многими знаниями. И ей тоже очень нравился император.

Гуансюй обратил на неё внимание ещё в пятнадцать лет. Она просто очаровала императора. Он так и назвал её сразу: красавица. У Чжень была старшая сестра, которую тоже выбрали драгоценной наложницей. И она была хороша, но император однозначно предпочёл Чжень… — Аня помолчала, потом задумчиво произнесла: — Как странно рассказывать о себе в третьем лице!

— А ты не думай об этом, — посоветовал Саша. — Рассказывай так, как тебе удобнее.

— Ну, и что же было дальше? — Ване не терпелось узнать главное.

— Жена, звали её Лун Юй, не обладала властью над Гуансюем, поэтому даже если наложница ей не нравилась, она никак это не показывала. Дело в другом. То, что император игнорирует Лун Юй, страшно сердило Цыси. Та неоднократно наставляла его на путь истинный, но Гуансюй только кивал, а делал по-своему.

— А почему кто-то смел делать императору замечания? — возмутился Ваня.

— Не кто-то, а Цыси. Она являлась его приёмной матерью. А сыновняя почтительность в крови у китайцев. Они все с благоговением относятся к родителям. Принципы сыновней почтительности заложены ещё древним философом Конфуцием — непререкаемым авторитетом для всех китайцев. Его книги входят в обязательную программу обучения, жители Китая цитируют их наизусть и следуют правилам неукоснительно.

— Ну-ка, ну-ка, — ядовито сказал Ваня, — и что это, например, за правила такие? Может, они и нам сгодятся?

Аня сердито сверкнула глазами в его сторону и продолжила:

— Конфуций говорил: из всех обязанностей человека, на первом месте стоит сыновнее благочестие. Нет ничего существеннее почитания отца, а для выражения этого почитания нужно ставить его на одну высоту с Небом. Дети, в случае нужды, должны жертвовать жизнью ради родителей. А в случае убийства кем-либо отца или матери, сын должен спать на траве, имея щит вместо изголовья. Он не должен думать ни о чём, кроме мести. Сын не имеет права жить под одним небом с убийцей, и где бы ни встретил его — на рынке или во дворце — должен убить немедленно. А сын, знающий о преступлении отца, обязан его скрывать, иначе нарушит сыновнее благочестие. Тот же, кто не любит родителей, а любит других людей, есть бунтовщик против добродетели… И это, ещё далеко не полный перечень постулатов

Конфуция о сыновней почтительности. Могу добавить, что за нарушения этих принципов полагалось суровое наказание. За брань или оскорбление родителей детьми назначается удавление. Так же смертная казнь полагается за донос на мать или отца, деда или бабку. Близкие родственники, скрывшие преступление друг друга, не подлежат суду. И совершивший преступление ради своих родителей или близких родственников тоже не подлежит наказанию. Короче говоря, родителям предоставлены все права на детей, а дети должны всю жизнь подчиняться родителям.

— Очуметь! — не удержался Ваня.

— И это ещё не всё! — Аня по-настоящему увлеклась рассказом. — К примеру, отец имеет право за непослушание посадить сына в тюрьму, может подвергнуть сына телесным наказаниям, даже если он сам является отцом взрослых детей. Сын обязан платить долги отца при жизни и после смерти. Если кто-нибудь из родителей заболел, сын должен ухаживать за ними, воздерживаясь от сытной пищи, прогулок и всякого веселья. А в случае смерти отца или матери обязан уйти со службы и в течение трёх лет оплакивать умершего. Правда, срок сокращается до нескольких месяцев, если сын является важным чиновником…

— Понятно, можешь не продолжать, — великодушно разрешил Ваня. — Вряд ли нам подойдут такие правила.

— Могу ещё добавить напоследок, — сказала Аня. — Отец вправе продать своего ребёнка другому человеку за долги.

— Ну, и слава богу, что мы родились не в Китае!

— Хуже другое, — осторожно подправил Саша это бодрое заявление, — мы сюда попали и пока ещё не можем вернуться назад.

— Поэтому слушайте меня, — строго напомнила Аня. — Теперь вам ясно, почему Гуансюй не мог вот так просто отстранить Цыси? Она постоянно донимала его советами, а юный император не смел заткнуть ей рот. Грубовато, конечно, говорю, но у меня для этой женщины других слов нет. Ей мало было обычной сыновней почтительности. Она привыкла к абсолютной власти, и после достижения Гуансюем совершеннолетия, императрица-регентша лишь формально передала ему бразды правления, а на деле вмешивалась во всё, включая личную жизнь императора. Окружила его евнухами-шпионами, следящими за каждым шагом, и была страшно недовольна, что Гуансюй всё свободное время проводит с драгоценной наложницей Чжень, вместо того чтобы оказывать предпочтение жене. Цыси несколько раз вызывала к себе Чжень и сурово отчитывала, мол, та не даёт императору заниматься государственными делами, даже била её бамбуковыми палками… На самом же деле, её сильнее всего

бесили политические разногласия, ведь император был на стороне реформаторов. В отличие от Цыси, он прекрасно понимал, что стране нужны серьезные перемены. И наложница Чжень полностью поддерживала его. А Цыси раздражало, что император находится под влиянием реформаторов и не слушает её советов. Все вокруг должны были подчиняться ей и только ей. Она боялась, что Гуансюй выйдет из-под контроля, и тогда её власть кончится. Она станет просто императрицей в отставке, от которой уже ничего не зависит… Наверно, я длинно говорю, — извинилась Аня. — Вы меня перебивайте, если я буду повторяться. Просто я хочу, чтобы вы поняли, какая она. Управлять чужими жизнями, наслаждаться неограниченной властью, вершить судьбы миллионов — вот главное, что ей было нужно. Во дворце все перед ней трепетали. Один лишь суровый взгляд приводил в ужас любого. Без такого патологического удовольствия она уже не мыслила своей жизни… И тут вдруг непокорный Гуансюй пытается отодвинуть её от власти, не слушает советов, выходит из-под опеки! Она не могла этого допустить…

Аня остановилась, чтобы перевести дух, и Саша вставил реплику:

— Вам эта ситуация ничего не напоминает?

Сергей не понял, о чём он. А Ваня с Аней переглянулись и выдохнули хором:

— Египет!

— Вот именно, — сказал Саша. — Тутанхамон и Аи. Всюду одно и то же. Борьба за власть. Тутанхамон вырос и сам захотел править, но визирю Аи это не понравилось.

— Удивительная вещь — власть! — философски произнёс Ваня. — Разные эпохи, разные люди, а сценарий везде один: стоит человеку хоть на мгновение ощутить силу власти, и он уже ни за что не согласится добровольно расстаться с ней!

— Да-а, власть, как наркотик, — подхватил Саша, — попробуешь — и уже не сможешь оторваться. Всем хочется управлять чужими судьбами.

— Ну, положим, не всем, — возразила Аня. — Есть люди, которые совершенно не жаждут власти и даже бегут от неё. Точно вам говорю. Ну, да ладно, давайте вернёмся к моей истории. Не задерживаясь на подробностях, скажу: Гуансюй процарствовал недолго.

— Что, умер в расцвете лет? — предположил Саша.

— Нет, был посажен под домашний арест императрицей Цыси в небольшом дворцовом павильоне Иньтай, на островке посреди озера Наньхай в Запретном городе. Это случилось в 1898 году.

Ему было тогда двадцать семь лет.

— Ну, ничего себе! — возмутился Ваня. — А разве так можно? Император всё-таки!

— Сейчас объясню, но вначале несколько слов о предыдущем императоре Тунчжи, сыне Цыси.

И Аня в красках живописала всю эту жуткую историю о смерти молодого человека. Ведь во дворце ходили упорные слухи, что Тунчжи умер, потому что Цыси запретила давать ему лекарства. Но особенно потрясла ребят страшная смерть от голода его молодой жены Алутэ, ждавшей ребёнка.

— Так вот, Тунчжи умер в 1875 году, правил он вообще чуть больше года, и Цыси выбрала нового императора под девизом «Гуансюй» — «блестящее наследие». Ему тогда шёл пятый год, а значит, Цыси могла официально управлять страной ещё шестнадцать лет, до совершеннолетия Гуансюя… Теперь вернусь к событиям 98-го года, то есть к заточению Гуансюя. Я очень хорошо помню всё, что происходило в это время во дворце, ведь я была уже взрослой. К тому же, император посвящал меня в свои дела, всё время советовался со мной. А ситуация в стране накалилась до предела. При дворе образовались две группировки. Первая — сторонники Цыси, они противились реформам; вторая, в которой видное место занимал наставник императора, наоборот, склонялась к осторожным реформам. Я забыла рассказать: у императора был замечательный, незаурядного ума наставник-учитель Вэн Тунхэ, прекрасно понимавший, что страна на грани развала. Ну, смотрите сами, — Аня начала перечислять: — «Опиумные» войны с иностранцами привели к тому, что Китай выплатил огромные контрибуции и потерял часть своих территорий, в частности, Гонконг. На этом наступление иностранных держав не закончилось. Иностранцы стремились упрочить своё положение в Китае и хотели захватить ещё часть территорий. В 1882 году разразилась война с французами на территории Вьетнама. Вьетнам являлся колонией Китая. В результате, в 1885 году Китай лишился своих прав на северный Вьетнам. Вот вам ещё одно поражение Китая.

Правда, именно после этого правительство в лице Цыси — Гуансюю ещё не исполнилось восемнадцать — вынуждено было под натиском реформаторов приступить к установке телеграфной связи. А также принять решение о строительстве железных дорог. Но первым делом, — Аня усмехнулась, — Цыси провела железную дорогу у себя в Запретном городе.

— Это не оригинально, — заметил Сергей. — Так поступали все властители во всех странах и во все эпохи. Ладно, продолжайте, Аня. Вы интересно рассказываете. В наше время это

называлось политинформация, только было намного скучнее.

— Едем дальше! — объявила Аня, подбодренная такой оценкой. — 94 — 95-й годы — война с Японией из-за Кореи, которая считалась зависимой от Китая. И тоже — полнейший провал: выплата огромной контрибуции, потеря прав на Корею и уступка Тайваня японцам. Вывод напрашивался сам собой: маньчжурское правительство оказалось неспособным защитить страну. Китай терял колонии, и это был сигнал бедствия… Начала проявлять активность Германия. Англия, Франция, Япония, Россия уже оторвали свои куски у Поднебесной, так и немцы решили не отставать: в 98-м, воспользовавшись убийством в провинции Шаньдунь двух немецких миссионеров, германцы направили к берегам Китая военную эскадру. Захватили город Циндао и окружили область Цзяочжоу. Китай был вынужден сдать Цзяочжоу Германии в аренду под военно-морскую базу. После этого у нас в России решили, что Амурского и Уссурийского краёв недостаточно, и получили в аренду часть Ляодунского полуострова с городами Дальний и Порт-Артур сроком на двадцать пять лет — тоже под военно-морские базы.

— Знаем, знаем, что было дальше, — грустно покивал Ваня. — В 1905-м после русско-японской войны право аренды перешло к Японии, которая долго не расставалась с этими территориями. И только в 45-м Порт-Артур и Дальний опять стали нашими, пока ещё через десять лет Хрущёв ни подарил их…

— …коммунистическому лидеру Китая Мао Цзэдуну, — закончил за него Саша. — Да-а, у нас при коммунистах любили делать широкие жесты от имени государства.

— Тот же Хрущёв, — вспомнил Ваня, — отдал наш Крым Украине, а ведь его ещё Потёмкин кровью завоёвывал. Казалось: какая разница — Украина или Россия? Но после распада СССР мы остались с носом. Эх, некому было сказать тогда: «Что же ты, царь липовый, казённые земли разбазариваешь! Так никаких волостей не напасёшься!»

— Ну, царь-то был не такой уж и липовый, — не согласился Сергей.

— Да все они липовые, — проворчал Саша.

— Ребята, — напомнила Аня. — Мы про Китай говорим. Я продолжаю. Следующими в очередь встали опять Англия и Франция. Англия арендовала на девяносто девять лет часть полуострова Цзюлун — рядом с Гонконгом. А Гонконг, если вы помните, уже был колонией Англии. А Франция — кусок побережья напротив острова Хайнань. В общем, Китай из великой империи превращался в зависимую территорию, разделённую на

сферы влияния. Только слепой мог не видеть, что перемены необходимы. Гуансюй пытался проводить реформы, но слишком робко. А Цыси всеми силами сопротивлялась. Она рассуждала так: «Чтобы иностранные державы не одолели Поднебесную, нужно просто сталкивать их лбами». Цыси очень любила всяческие интриги и предпочитала применять эти методы в политике, натравливая одни государства на другие. Её казалось, что только при помощи интриг можно восстановить былую мощь Поднебесной. Несколько раз она пыталась сместить императора, распространяя слухи о его «плохом здоровье». Страсти всё накалялись, группировки боролись за лидерство. В народе началось брожение. Учёные умы, видя всё ухудшающую ситуацию, писали меморандумы в правительство. Например, один из них Кан Ювэй прибыл в Пекин для участия в государственных экзаменах на получение высшей учёной степени, и это совпало с завершением японо-китайской войны. Он составил меморандум, адресованный маньчжурскому императору Гуансюю, где призывал не подписывать унизительный для Китая мирный договор с Японией. А так же предложил перенести столицу вглубь страны и, что самое важное, провести ряд реформ для модернизации и усиления Поднебесной. Многие участники государственных экзаменов поставили свои подписи под этим меморандумом.

Дальше события разворачивались ещё стремительнее.

В 1898 году, а Гуансюю было тогда двадцать семь лет, его учитель-наставник Вэн Тунхэ добился аудиенции у императора для Кан Ювэя. Встреча происходила в Павильоне Небесной Чистоты в Запретном городе. Гуансюй тщательным образом ознакомился с трудами Кан Ювэя о выходе Китая из кризиса. В частности, тот рекомендовал императору повторить опыт Японии, которая в данный момент процветала.

Напомнил и о реформах в России, проведённых в своё время Петром I. У Кан Ювэя был специальный труд «Записки о реформах царя Петра Великого». Вообще он выступал за умеренные реформы под лозунгом: «Единство маньчжуров, китайцев, монарха и народа». Призывал к созданию сильной армии, распространению образования, привлечению талантливых людей к управлению, ратовал за развитие науки и промышленности по европейскому образцу. После таких бесед император убедился в правильности своей политики. Кан Ювэй и Гуансюй стали друзьями-единомышленниками.

— А Цыси это всё прохлопала? — удивился Ваня. — Она же следила за каждым шагом императора.

— Выходит, что так. Император Гуансюй встретился с Кан Ювэем, когда императрица Цыси уехала в загородную летнюю

резиденцию, что в двадцати километрах от Пекина, и там предавалась развлечениям. Летний дворец — огромный ансамбль с жилыми зданиями, парками и павильонами, раскинувшимися по берегам искусственного озера, — был выстроен вновь для императрицы Цыси вместо прежнего, безжалостно разрушенного англо-французскими войсками во время второй «опиумной» войны. Дворцы в резиденции построили в 1888 году между франко-китайской и японо-китайской войной на средства, выделенные военно-морскому флоту и предназначенные для закупки судов за границей.

И будто в насмешку, рядом с озером вырос в придворном парке павильон из белоснежного мрамора в форме пришвартованного к берегу колёсного парохода. Да что там! В 93-м Цыси и вовсе упразднила адмиралтейство… «за ненадобностью».

— Вот это сильно! — оценил Ваня. — Логика понятна, между прочим: всё уже проиграли, терять нечего, так хоть погулять красиво.

— Так вот, — продолжала Аня, — пока Цыси там гуляла, Кан Ювэй и Гуансюй в тайне разработали план реформ. Кан Ювэй, возымев большое влияние на императора, настраивал его против Цыси и утверждал вполне справедливо, что она растрачивает огромные государственные средства на возведение посмертного мавзолея для себя и на обустройство то же летнего дворца. А деньги были нужны на реорганизацию армии и промышленности. К тому же Китай только что выплатил контрибуцию Японии.

Мавзолей для Цыси строили в тихом месте в восточных горах, покрытых девственным сосновым лесом — это примерно в семидесяти километрах от Пекина. Рядом находилась могила Сяньфэна. Строительство обошлось в два с лишним миллиона лянов серебром, что было значительно дороже любой из девяти гробниц предшествующих маньчжурских императоров. Могильный курган Цыси по форме напоминал курганы предков, однако выделялся размером и богатой отделкой.

Аня помолчала, вспоминая что-то, и добавила:

— А за год примерно до заточения Гуансюя Цыси вдруг решила переделать свою уже почти построенную гробницу. По её мнению, столбы из тикового[14] дерева оказались недостаточно массивными и внушительными… Но бог с ней, с гробницей, вернёмся лучше к Кан Ювэю. Считая расточительность Цыси по-настоящему опасной, он предлагал покончить с её властью — окружить летний дворец, арестовать императрицу и заточить на одном из островов озера Наньхай в Запретном городе. В итоге император Гуансюй с 11 июня по 21 сентября 1898 года издал

множество указов, составленных участниками движения за реформы. Но планы смещения Цыси были раскрыты… Его предали! 21 сентября Цыси лично прибыла в Запретный город, приказала арестовать Гуансюя и заточить его на острове Иньтай. А сторонников реформ, четырнадцать приближенных к Гуансюю евнухов и его личную охрану она казнила.

Кан Ювэю удалось бежать. Он укрылся в японском консульстве. Цыси решила использовать это бегство с пользой для себя. Она велела отправить телеграммы в крупные города, что Кан Ювэй убийца императора, что он дал императору отравленные пилюли, а сам бежал. Наконец, она приказала схватить его и казнить на месте.

— Хитрая бестия! — почти с восхищением сказал Саша. — Пустила слух о смерти императора, чтобы занять его место по праву и одновременно предъявила народу убийцу Сына Неба. Ловко!

— Но и Кан Ювэй оказался не прост: бежал в Гонконг при содействии англичан. Ведь иностранцы игнорировали указ Цыси, и это приводило её в бешенство.

— А может, этот Кан Ювэй был английским шпионом? — предположил Ваня. — И в его планы входило развалить Китай при помощи слабовольного Гуансюя, а потом сдать Поднебесную иностранцам. Неспроста же он драпанул к англичанам!

— Вообще, я бы на месте Кан Ювэя подкатывал не к Гуансюю, а к Цыси, — стал рассуждать Саша. — Ведь именно у неё была реальная власть. Но он выбрал императора. Шушукался с ним тайно, планы разрабатывал. Понятно же было, если их раскроют — обоим каюк. Неужели не боялся? Ведь у Цыси повсюду были шпионы. Или за родину боролся не щадя жизни?

— Патриот или шпион, — резюмировал Ваня.

— Да что вы на него окрысились, — возмутилась Аня. — Как бы он обратился к Цыси? Он китаец, а не маньчжур! Она бы его и слушать не стала. Тем более, у Кан Ювэя в одном из пунктов реформ говорилось о признании всех национальностей Поднебесной *равноправными* . Этого Цыси допустить не могла. Китайцы бы тогда пролезли в Государственный совет, и получили высшие военные должности. А там, глядишь, и свергли бы пришлую маньчжурскую династию. Нет, императрица Кан Ювэя и на порог бы не пустила. А к иностранцам он убежал, потому что больше некуда. Они единственные могли его защитить. В нашем мире, между прочим, тоже неугодные властям люди ищут политического убежища за границей.

— Так ведь и Гуансюй — маньчжур. Чего же он якшался с китайцем? — не унимался Ваня. — Мог он предположить, что

китайцы, просочившись в высшие эшелоны власти, свергнут маньчжуров и образуют новую китайскую династию?

— Не думай, что Гуансюй был этакой овцой, которую ведут на закланье, — возмутилась Аня. — Он был чрезвычайно образован и умён. К реформам подходил осторожно. И всё понимал. Не стал бы он давать такую власть китайцам. Ладно. Не будем отвлекаться. Короче, Цыси обвинила Кан Ювэя в убийстве императора. Однако в смерть Гуансюя практически никто не поверил. Цыси предвидела такой вариант, поэтому, отобрав у императора печать, опубликовала от его имени указ, вводивший регентское правление. Якобы император оказался не в силах управлять страной и решать политические вопросы, в общем, вновь «попросил» Цыси взять власть в свои руки. Последовали аресты по всему Пекину. Реформаторов казнили, их сторонников увольняли, отправляли в отставку. И, естественно, все указы, изданные в летний период вместе с Кан Ювэем, были объявлены недействительными.

— А Гуансюй? — спросил Ваня.

— Место его заключения бдительно охраняли евнухи. Их старались менять каждый день, опасаясь, что кто-то проявит симпатию к императору и поможет ему бежать. Цыси неоднократно пускала слухи о «тяжелой болезни Гуансюя», и представители иностранных держав, зная, что она способна убить императора, даже направили во дворец своих врачей для освидетельствования больного. На его стороне было много сочувствующих, но это не помогло.

— Мне кажется, знаешь, почему не сумели ему помочь, — высказал Саша вдруг посетившую его мысль, — слабовольный он какой-то, этот твой Гуансюй.

Ваня закивал в знак согласия. Ведь он уже говорил об этом.

— Да не в том дело, — обиделась Аня. — Я же говорю, его предали. В первую очередь, генерал Юань Шикай. Гуансюй доверился ему: рассказал о планах ареста Цыси, заручился поддержкой его войск, а тот донёс на него императрице, переметнувшись на её сторону.

— Да уж, у кого армия, то есть сила, у того и власть, — глубокомысленно заключил Саша и вдруг вспомнил: — Постой! А там же ещё была вторая императрица. Как её — Цыань? Она что, никакой роли не играла?

— Практически никакой, — сухо сказала Аня. — Она не могла противостоять Цыси.

— Почему? — удивился Саша.

— Императрица Цыань умерла… — ответы Ани становились всё более странными. — В общем, умерла и всё… Это долгая

история, а нам уже пора…

— Куда нам пора?! — опешил Ваня.

— Ну, то есть я хотела сказать, что нельзя же так долго сидеть и разговаривать, я и так вам очень много рассказала… Я больше не могу.

— Вот те раз! — не унимался Ваня. — Ты же прервалась на самом интересном месте. Что было дальше? С Гуансюем, с тобой…

Аня неловко отвела взгляд и произнесла тихим, бесцветным, будто и не своим голосом:

— А дальше… дальше я ничего не помню.

— Как это может быть? — искренне не поверил Ваня. — Ты же была молодой. И по голове тебе ничем не били. Или как раз били?

Аня оглянулась на него быстро и сердито, а потом сказала опять в сторону и ещё тише прежнего:

— Не помню.

— Ты нас обманываешь! — возмутился Ваня. — Когда мы попали во Францию, я лично вспомнил всё до конца. И Сашка в Египте точно так же. Правда, Саш?

— А я не помню, — упрямо повторила Аня.

Ваня уже готов был закричать, но Саша остановил его:

— Слушай, не дави на неё. Ну, не помнит она сейчас. Всяко бывает. Может, потом вспомнит.

У Ани чуть не сорвалось с языка: «И потом не вспомню!» (в глазах это очень ясно читалось), но девушка взяла себя в руки и спокойно произнесла:

— У вас тоже не сразу всё получалось. Дайте мне время.

— Хорошо, — согласился Ваня. — Допустим, мы уже составили некоторое представление о Цыси. Теперь надо решить, что делать с указом.

— Правильно, — согласился Саша. — Императрица Цыси — конечно, не безобидная овечка. Но изменять историю мы не должны ни в коем случае — это аксиома. И если Цыси, по твоим воспоминаниям, будет жить и здравствовать ещё очень долго, значит, этот указ здесь и сейчас сработать не должен.

Аня чуть не задохнулась от нахлынувших на неё чувств:

— Ты сам не понимаешь, что говоришь!

— Я не понимаю?! — Саша аж подскочил на месте от такой неожиданной реакции. — Да что с тобой, Анюта? Ты заболела? У тебя губы дрожат. И руки. А я говорю об элементарных вещах. Разве нет? Ты же сама рассказала, что Цыси будет править ещё много лет. Мы просто обязаны действовать с учётом этого. А как иначе не изменить историю?

Аня молчала всё более загадочно. Потом вдруг проговорила:

— Ладно, извините… Просто все эти воспоминания… Тяжело очень…

— Ты главное успокойся, — Ваня уже ни с чем не спорил. Единственное, чего ему теперь хотелось, это помочь Ане. Но как?

— Я совершенно спокойна, — ответила Анюта совершенно другим голосом, словно только что проснулась, а всё что говорилось до этого вообще не имело к ней отношения. — Вы лучше скажите: почему мы попали в мою прошлую жизнь именно в тот момент, когда указ Сяньфэна вынесли из дворца? Почему мы оказались именно в том месте, где убили евнуха и именно в тот час?

Все ошарашено молчали. Даже Ваня не нашелся что ответить, а лишь растерянно пожал плечами.

— А я вам объясню! — торжественно объявила девушка. — Потому что судьба нам дала шанс поступить справедливо.

— Что именно ты называешь справедливостью? — насторожился Саша.

— А вы ещё не поняли? Во имя справедливости мы должны освободить Поднебесную от гнёта императрицы Цыси.

— Звучит пафосно, — прокомментировал Ваня. — А смысл?

— Какого ещё тебе надо смысла? — опять начала злиться Аня. — Мы говорим о справедливости!

Саша чувствовал, что разговор не получается, и попытался уступить Ане, как больному ребёнку, сделать вид, что поверил ей и уточняет лишь детали.

— Если я тебя правильно понял, — медленно произнёс он, — ты хочешь, чтобы этот указ был обнародован?

— Конечно! Я хочу, чтобы Поднебесной управлял император, как это и должно быть. Я хочу, чтобы не было больше ни одной невинной жертвы.

Сергея так и распирало всё это прокомментировать, однако он сдерживался, будучи новым человеком в компании, ведь в чужой монастырь, как известно… Да и отношения у них ещё с Москвы сложились, мягко говоря, непростые.

Саша и Ваня задумались надолго, если не сказать, что просто впали в ступор. Каждого терзали сомнения. «С одной стороны, Аня права, — думал Саша. — Цыси — чудовищная фигура, заслужившая самого сурового наказания. Но с другой стороны, есть железное правило: не вмешиваться в ход истории. Впрочем, кто это правило придумал? Откуда они вообще взяли, что такое правило существует и работает? Тут надо всё хорошенько обдумать…».

А Ваня размышлял о другом: «Аня что-то скрывает. Не

помутилась же она рассудком в самом-то деле! Почему она так настаивает, чтобы указ привели в исполнение вопреки всем нашим обычным правилам? Замешаны личные интересы её предшественницы? Но отчего они вышли на первый план, задавив индивидуальность самой Анюты? Неужели в своей прошлой жизни она так сильно любила этого Гуансюя, что ради него готова поломать всю человеческую историю?! Пусть весь мир исчезнет, лишь бы Гуансюй остался на свободе, а она — рядом с ним. Жуть! Достоевщина какая-то…»

У Вани даже мурашки пробежали по коже. Он вдруг понял, что ревнует Аню к императору из её прошлой жизни!

«А может, не в этом дело? — промелькнуло в голове. Сомнения продолжались. — Может быть, она сама хочет сесть на место Цыси? Ведь Аня говорила, что император очень любил именно её, а не свою жену. Значит, убрав с дороги Цыси, она вполне могла стать императрицей. Вопрос: а как же жена Гуансюя? Её тоже можно убрать, чтобы не мешалась под ногами? Как у них тут всё просто!.. Хотя, зачем убирать? Если указ приведут в исполнение сегодня, то и жениться императору на племяннице Цыси не придётся… Нет, нет, — оборвал он сам себя. — Не может быть, чтобы Аня так пеклась о своём величии в прошлой жизни! Здесь что-то другое… Первая версия правдоподобнее. Она любит этого слюнтяя-императора, который не смог постоять за себя. Вот и не захотела дальше рассказывать. И всё равно это ужасно подозрительно…»

Но, быть может, внимательнее всех Анину историю слушал Сергей, почти не перебивая вопросами. Ему нужно было вжиться в незнакомую эпоху, ведь он собирался здесь остаться. И для начала генетику вполне хватало той информации про нынешний Китай, какую успела сообщить Аня. А заботили его теперь совсем другие проблемы. «Какая хорошенькая китаянка прислуживала нам! — думал он. — Что-то в ней есть такое, чего лишены наши женщины… — он всё пытался понять, что же именно, и вдруг догадался, вспомнив свою бывшую жену. — Ну, конечно, во всём виновата эмансипация! Наши женщины слишком самостоятельные, деловые. Они нас ни во что не ставят. А эта… — он невольно улыбнулся собственным мыслям, — такая внимательная, приветливая, наверно, с детства воспитана в уважении к мужчинам… Определённо она мне нравится! Я бы смог разделить с ней свою жизнь… Однако, — он вернулся с небес на землю. — Что затеяли эти ребята? Зачем они взяли указ? Ищут приключений? Но ведь это так опасно! А мне совсем не хочется рисковать своей жизнью. Дать им добрый совет? Так ведь не послушают. Ну и ладно. Сам я ни во что не полезу. Лучше

займусь своей личной жизнью».

— Эй! Ну, что вы молчите? — нарушила гнетущую тишину несколько удивлённая Аня, она ждала более бурной реакции. — Вы поняли смысл моего предложения? Обнародовать указ Сяньфэна и покончить с властью Цыси.

— А конкретно каким образом? — деловито поинтересовался Сергей.

— Элементарным! Передать его в Государственный совет тем людям, которые настроены против политики императрицы. Я даже знаю, кому именно. Не беспокойтесь, вам не придётся идти во дворец. Да вас туда и не пустят. Впрочем, все нужные нам знатные персоны живут за пределами Запретного города. Мы совершенно спокойно можем к ним попасть. И если указ обнародуют…

— Дальше понятно, — перебил её Саша. — Но знаешь, Анюта, какой бы плохой ни была императрица, я всё же не хотел бы становиться убийцей. И потом, давай рассуждать логично. Указ — двадцатилетней давности, враги Цыси давно могли его обнародовать. Однако… не сделали этого. Вероятно, были причины.

Аня хотела возразить, но Саша остановил её:

— Стоп! Указ находился у тех, кто недолюбливает Цыси — ясно, как божий день — иначе его бы уже не было. Вот и думай, почему его не предали гласности?

— Конечно, — включился Ваня. — Мы не политики, и не в нашей власти вершить чужие судьбы. Мы, совершенно посторонние люди из другой эпохи, попали сюда случайно и вдруг решаем всё поставить вверх дном. Логично ли это? И потом, согласись, Анюта, то, что ты рассказываешь про Цыси — не более чем твоя версия. Откуда мы можем знать, что это правда? Что если ты преследуешь какие-то свои цели и описываешь Цыси совсем не такой, какая она есть на самом деле?

Аня буквально покраснела от злости, и Ваня понял, что немного переборщил и с откровенным недоверием, и с чуточку слишком резким тоном. Всё это просто взбесило девушку: ведь она рассказала чистую правду! Разве она посмела бы обмануть своих друзей!

— Ты вообще в своём уме! — крикнула она прямо в лицо Ване. — Какие такие цели я преследую?! Да, я ненавижу Цыси! И у меня есть на то причины. Да ты найди хоть одного человека, кто любил бы её! Думаешь, император Сяньфэн просто так написал этот указ?!

Саша поднял вверх руки и крикнул:

— Прекратите ругаться!

В наступившей тишине стало слышно, как Аня почти беззвучно всхлипывает от обиды, а Ваня виновато пыхтит. Разрядить обстановку взялся Сергей:

— Право же Аня, я верю каждому вашему слову. Но у меня есть своё мнение: надо вернуть указ тем людям, которым он принадлежал до нашего появления. Они лучше знают, как им распорядиться. А мы едва ли имеем право столь радикально вмешиваться в историю.

— Точно! — подхватил Саша с энтузиазмом. — Это очень здравая мысль. Но как бы нам узнать, кому именно убитый евнух нёс сегодня этот указ.

Опять наступила пауза, и все посмотрели на девушку.

— Ну, конечно, я знаю, кому этот евнух нёс указ — проговорила Аня, ни на кого не глядя.

— Кому? — в один голос спросили Ваня и Саша.

— Князю Гуну, брату умершего Сяньфэна. Мы обнаружили труп именно возле его дома. Сейчас я это точно вспомнила и могу объяснить, почему евнух нёс указ именно ему.

Она замолчала, но все трое терпеливо ждали продолжения.

— Когда-то давно мне рассказывали о неком секретном указе, хранящемся у императрицы Цыань. О нём много сплетничали во дворце. Теперь я всё это сопоставила и поняла: мы держим в руках тот самый указ. Сяньфэн оставил его Цыань, чтобы она могла держать в узде драгоценную наложницу. Возможно, Цыань просто из жалости к Цыси не хотела его обнародовать. Но вероятнее другое: ей действительно было удобно, что страной управляет Цыси, а указ она хранила у себя в качестве охранительной грамоты, иначе Цыси давно устранила бы её… А события развивались так: Цыси узнала, где хранится указ и попыталась раздобыть его. Цыань, чтобы уберечь себя, решила передоверить документ князю Гуну. Он недолюбливал Цыси и был всегда на стороне законной императрицы.

— И всё же, — спросил Ваня, — я не понял, почему Цыань оказалась такой сердобольной. Обнародовала указ и убрала бы свою соперницу сразу? К чему такие сложности? Цыси на её месте, думаю, не церемонилась бы.

— Ты не понимаешь, — стала объяснять Аня. — Цыань держалась у власти только за счёт Цыси. Это Цыси устроила так, что правили две императрицы. Цыань никогда не смогла бы сделать подобного и не сумела бы удержаться на троне. Это Цыси всех держала в страхе, а Цыань всегда находилась за её спиной, только по статусу была выше. И Цыань это вполне устраивало.

— Так, — деловито подытожил Саша, — значит, указ принадлежал Цыань, но к ней мы, скорей всего, не попадём.

Остаётся князь Гун, которому и надо передать указ. Я правильно понял?

— Да, — согласилась Аня торопливо.

Чувствовалось, будь её воля, она бы передала этот указ ещё кому-то, но, на худой конец, вариант с князем Гуном тоже вполне устраивал девушку.

— Ну, и как нам встретиться с этим князем? — Саша решил взять быка за рога. — Не думаю, чтобы он просто так разгуливал по улицам.

— Давайте подойдём к дому и перекинем указ через забор? — предложил Ваня то ли в шутку, то ли всерьёз.

Ане было совсем не до шуток, и она ответила резко, наслаждаясь при этом своей компетентностью и возможностью уесть Ваню:

— Это полная глупость! Ты представляешь, кто его подберёт во дворе? Да кто угодно! У князя полно слуг. Не думай, что все они пекутся исключительно о своём хозяине. В доме обязательно есть и вражеские шпионы.

— Значит, будем искать личной встречи с князем? — уточнил Саша.

— Конечно, — кивнула Аня и вдруг добавила: — А указ до той поры будет лежать у меня.

Глава 17
ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ

Последнее заявление Ани все трое мудро оставили без комментариев, и несколько затянувшееся молчание нарушил, как всегда, самый легкомысленный из них — Иван:

— Ну и как же мы будем прорываться к князю Гуну?

— Рассказываю, — с удовольствием стала объяснять Аня. — Мы отправимся на Жемчужную улицу в чайное заведение «Яшмовое сияние» Там любят собираться главные слуги влиятельных вельмож. Туда же частенько заходят евнухи, чтоб немного отвлечься от дворцовых интриг. Это заведение, можно назвать «элитным», так как бедняку просто не по карману посетить его. Только там мы и сможем встретить кого-нибудь из слуг князя Гуна. В дом-то нас не пустят — это очевидно.

— Хорошо, — согласился Саша. — Но как мы узнаем, кто из присутствующих в чайном заведении слуга князя Гуна?

— Ну, это совсем не сложно, — сказала девушка. — Китайцы очень разговорчивые. Важно только правильно повести беседу. Сложнее будет другое: правильно составить письмо князю. В нём нельзя упоминать об указе: что если, например, слуга умеет читать? А, с другой стороны, написать надо так, чтобы князь захотел с нами встретиться. Необходим тонкий, но совершенно недвусмысленный намёк.

Ваня почесал в затылке:

— Ничего себе задачка! Для русского человека я бы ещё что-нибудь придумал: какую-нибудь цитату из классики или общеизвестный анекдот. Но для этих, таких непохожих на нас китайцев… У меня даже мыслей никаких нет. А у тебя, Саш?

Саша напряжённо думал, глядя в одну точку, потом сказал:

— Насчёт классики это правильная идея. Тут нужна какая-нибудь аллегория. Но это только Аня может придумать. Она ведь в своей прошлой жизни была весьма начитана.

Аня молчала ещё дольше Саши, обдумывая текст будущего письма. Наконец, лицо её просияло:

— Мне нужна бумага, кисточка для письма и тушь.

Саша и Ваня озадаченно переглянулись. Быстрее них сориентировался Сергей:

— Это не составит особого труда. Я пойду и разыщу ту девушку-китаянку, которая нам прислуживала за столом.

— Но вы же не знаете китайского, — удивилась Аня. — Может, лучше я?

— Нет, — возразил Сергей. — Служанка знает русский. Правда, неважно, но, думаю, мы поймём друг друга.

— Как хотите, — пожала плечами Аня.

Сергей, быстро поднявшись, вышел из комнаты.

— А знаете, — сказал вдруг Саша, — я с самого первого путешествия всё ломаю голову над тем, как же происходят эти наши перемещения во времени.

— Спроси у Сергея, — рассеянно откликнулась Аня, занятая своими мыслями.

— А разве в его дневнике недостаточно написано? — спросил Ваня.

— Конечно, недостаточно! — воскликнул Саша. — Он же генетик. А я говорю о физических основах процесса.

— Ну, — заметил Ваня с усмешкой, — тогда надо было не в Китай лететь, а беседовать с теми сексотами на мосту — они весьма сильны по части *физической* подготовки…

— Шутник, — лениво улыбнулся Саша. — А хотите, поделюсь своими соображениями на этот счёт? У меня тут целая теория сложилась.

— Валяй, — согласился Ваня. — Пока этот генетик ходит за чернильницей, ты успеешь пересказать всю теорию относительности Эйнштейна. Есть у меня подозрение, что Сергей не слишком быстро вернётся…

— Так вот, — начал Саша, — помните, в том дневнике было сказано, что информацию о прошлых жизнях хранит сама последовательность нуклеотидов в спящих генах, и этой последовательности соответствует определённый набор волн реликтового излучения[15].

— Реликтового? — переспросила Аня. Слово показалось ей странным в этом контексте.

Ваня снисходительно улыбнулся и хотел отпустить очередную шутку, но Саша метнул в его сторону строгий взгляд и спокойно стал объяснять:

— Это космическое электромагнитное излучение, возникшее сразу после Большого Взрыва, в первые пять минут жизни Вселенной — вследствие образования и резкого охлаждения однородного первобытного вещества, состоящего на две трети из водорода, и на треть из гелия. По интенсивности реликтового излучения определяют время, прошедшее с момента Взрыва, то есть возраст Вселенной.

— Но ведь теория Большого Взрыва, то есть рождение Вселенной из так называемой точки сингулярности — это не более чем гипотеза, — солидно вставил Ваня, демонстрируя свою эрудицию.

— Да, но эту гипотезу поддерживает большинство учёных. Внимание! — поднял руку Саша. — Перехожу к главному. Плотность реликтового излучения уменьшается с расширением Вселенной. А теперь предположим, что человеческая клетка — это универсальный датчик реликтового излучения, сохраняющий информацию о его плотности в одном из спящих генов. Тогда дешифровка нуклеотидного кода и позволит определить эпоху, в которую существовал обладатель данного гена.

— Понятно, — оживилась Аня, генетика была ей намного ближе. — Но пока ещё никому не удалось полностью разгадать нуклеотидный код, поэтому, путешествуя во времени, мы свои прошлые жизни выбираем наугад.

— Ну да, — согласился Саша, — засекаем в спящем гене показатель реликтового излучения, однако не знаем, к какой эпохе он принадлежит.

— Погоди, насколько я понимаю, — включился Ваня, — в Секретной Лаборатории накопили определенную статистику случайных попаданий в прошлые жизни и нашли принцип соответствия дат и нуклеотидного кода. То есть, похоже, они разгадали эту тайну. А дальше — дело техники. Пишется специальная программа, и, расшифровывая очередной код в спящем гене случайного человека, сразу находят точку на заранее построенной шкале времени. И вот уже можно путешествовать не абы куда, а в конкретный исторический момент, например посылать агентов вдогонку за нами…

— Однако, Саша, кажется, хотел рассказать нам о физическом механизме перемещения в прошлое. Разве не так, Ветров? — спросила Аня.

— Ну, если вы дадите мне сказать…

— Дадим, — пообещал Иван. — Только можно я вопрос сформулирую конкретный? А то ты всё начинаешь от царя-косаря. Сам прибор «Фаэтон» — это ключ. А где дверь в прошлое? Как она устроена?

— Пожалуйста, отвечаю конкретно, — немного обиженно начал Саша. — Смысл моего предположения вот в чём: мы путешествуем во времени сквозь тоннель, названный кротовиной и образовавшийся вокруг локальной чёрной дыры в микромире.

Друзья уважительно помолчали, потом Ваня сказал:

— Это ты красиво задвинул! Теперь объясни.

— Чёрные дыры — это же астрономия? — уточнила на всякий случай Аня. — Мы что, в прошлое через космос летаем?

— Да нет, — улыбнулся Саша. — Чёрные дыры существуют не только в макро-, но и в микромире. Как бы это вам попроще…

— А не надо проще, — посоветовал Ваня. — Мы, чай, тоже не

лаптем щи хлебаем. Если что — спросим.

— Ну, хорошо. Чёрные дыры — это последняя стадия жизни звёзд. Израсходовав энергетические ресурсы, звезда сжимается, и происходит взрыв, называемой вспышкой сверхновой…

— Это мы знаем, — не удержался Ваня. — Ты ближе к теме.

— А ближе некуда. Если масса звезды после взрыва меньше двух солнечных, сжатие останавливается. Если же коллапсирует вещество большей массы, процесс идёт дальше и звезда ужимается до микроскопических размеров. Сила гравитации такого объекта уже способна удерживать свет — то есть звезда становится невидимой. Потому и называется чёрной дырой.

— Здорово! — умилилась Аня. — Вроде и есть звезда, а увидеть нельзя.

В лице девушки Саша нашёл благодарного слушателя и рассказывал теперь только ей, потому что Ваня откровенно скучал: мол, кто ж не знает таких элементарных вещей?

— Привожу пример: чтобы навсегда оторваться от поверхности планеты или звезды, нужна так называемая вторая космическая скорость, — продолжил Саша. — Если скорость меньше, тело вернётся обратно, не преодолев силы тяготения. Вот ты кидаешь мяч в небо — и он падает назад. Ракета же, развив первую космическую скорость, выходит на околоземную орбиту, а, достигнув второй, покидает околоземное пространство, то есть полностью преодолевает притяжение Земли. Естественно для каждого небесного тела своя вторая космическая скорость — в зависимости от массы. У Земли — это одиннадцать и две десятых километра в секунду. У Луны — две и четыре десятых, у Солнца — примерно шестьсот двадцать километров в секунду. Можно посчитать массу, для которой вторая космическая скорость превысит скорость света. Это и будет чёрная дыра — звезда с гравитационной силой, удерживающей свет.

— В общем, — сказал Ваня, — если очень сильно растолстеть, станешь невидимым.

Аня хихикнула, оценив шутку, но видно было, что Сашин рассказ увлёк её, и настроена она серьёзно.

— На самом деле всё посчитано, — объяснял Ветров. — Если Солнце увеличить в пятьсот раз по диаметру, оно начнёт коллапсировать, и свет от него уже не сможет оторваться. Или наоборот, скажем, Землю сжать до диаметра в один сантиметр при той же массе — вот вам ещё одна чёрная дыра.

— Я только не пойму, — встрял долго терпевший Ваня, — как это связано с путешествием во времени?

— Да погоди ты! Я просто хотел, чтобы Аня всё поняла, — начал оправдываться Саша. — Ведь в этом вся соль. Ну, а теперь

про механизм. Если ты попадёшь непосредственно в зону действия чёрной дыры, она тебя поглотит безвозвратно. Но вокруг неё есть область, где, строго по Эйнштейну, четырёхмерное пространство-время сильно искривлено. То есть там и время течёт по-другому, и геометрия не евклидова. Вплоть до того, что пространство может стать одномерным, а время трёхмерным и *обратимым* . На последнее слово прошу обратить особое внимание. Потому что именно эта пограничная зона, где притяжение чёрной дыры ещё не фатально, но уже происходит искривление пространства-времени, и является тоннелем, через который можно попасть в прошлое.

Ветров шумно выдохнул и сделал паузу, как бы давая возможность слушателям законспектировать самое главное. А слушатели, хоть и не писали ничего, но терпеливо ждали продолжения.

— Теперь представьте себе космонавта, подлетающего к чёрной дыре. Видеть её он не может и, допустим, даже не подозревает, что его ждёт. Мы же наблюдаем за его кораблём с Земли. Так вот, по мере приближения к пресловутой пограничной зоне, которая, кстати, называется сферой Шварцшильда, с точки зрения земного наблюдателя, корабль летит всё медленнее и в момент пересечения сферы останавливается совсем. При этом у космонавта время идёт, как обычно, и вообще ничего особенного не происходит.

— Весёлая история, — сказал Ваня.

— Ну да, если космонавт в этот момент не даст задний ход, корабль со страшной скоростью устремится к верной погибели. Его засосёт чёрная дыра. А мы с Земли ещё долго будем наблюдать застывший в пустоте корабль…

— Жуть какая! — поёжилась Аня. — Но это всё про космос. А мы-то как с чёрными дырами связаны?

— Да, — поддержал её Ваня, — что ты астрономию любишь — это понятно, но мы-то здесь при чём?

— Да на Земле этих чёрных дыр — как грязи! — удивился Саша их непонятливости. — А не видим мы их, потому что они микроскопические и нестабильные. Бывают побольше и поустойчивей. В истории не раз отмечались случаи внезапного и необъяснимого исчезновения людей, а то и целых кораблей и самолётов.

— Бермудский треугольник, — догадалась Аня.

— В том числе. Одно из самых убедительных объяснений всех катастроф в этом регионе как раз такое: эти несчастные пересекали границу сферы Шварцшильда и проваливались в чёрную дыру.

— Вопрос один: откуда она там взялась? Откуда вообще на Земле чёрные дыры?! — Ваня взял быка за рога.

— Элементарно! Я описал вам макромодель возникновения чёрных дыр в космосе, а есть ещё и микромодель, по сути аналогичная. Это уже доказано учёными. Вокруг нас идет непрерывный процесс образования и исчезновения локальных чёрных дыр, размеры и время жизни которых настолько малы, что современные приборы далеко не всегда их фиксируют. Отмечаются лишь очень незначительные флуктуации гравитационного поля. Вообще, лучи света вблизи чёрных дыр слегка отклоняются от своей траектории. В космических масштабах это фиксируется телескопами, и по отклонению луча определяют координаты невидимой чёрной дыры. Кстати, она ведь не только поглощает энергию, но и теряет её за счёт мощного гравитационного излучения…

— Вернись-ка ты с небес на Землю, — попросил Ваня.

И тут в дверь постучали.

Оказавшись во дворе, Сергей Борисов огляделся и направился в небольшой домик, где, по его предположениям, жила прислуга. Он вспомнил, что как раз возле этого маленького строения, какая-то другая китаянка стирала бельё.

Сергей осторожно постучал в дверь. Ответа не последовало. Постучал ещё — эффект тот же. Он огляделся по сторонам, соображая, где ещё могла находиться прислуга, но во дворе было пусто, не у кого даже спросить. Он потоптался ещё немного, всё время оглядываясь по сторонам, и совсем уж было отчаялся, когда в ворота неожиданно вошла та самая китаянка. Вид у неё был немного взволнованный, щёки горели румянцем, и шла она, торопливо семеня маленькими ножками, будто спешила куда-то.

Сергей загляделся: всё в ней было так необычно! Густые чёрные волосы, убранные в двойной пучок, искрились и переливались на солнце удивительным золотым блеском. Яркий алый цветок в волосах светился, будто огонёк, притягивая заворожённый взгляд. Чёрные брови, как два разбегающихся соболя, выгнулись изящными дугами, придавая лицу несказанное очарование. Маленькие красные губы были похожи на бабочку, присевшую отдохнуть: казалось, она вот-вот вспорхнет и улетит. А из-под чуть опущенных ресниц смотрели тёмные, раскосые, но всё же большие шоколадные глаза. И походка была странной: она словно и не шла, а плыла, покачивая бёдрами. Сергей стоял и таращился на неё во все глаза, как неопытный юнец, забыв не только о правилах приличия, но вообще обо всём на свете. А она, как мираж, как сказочное видение, медленно приближалась к

нему, приобретая всё более реальные черты, но не становясь от этого менее прекрасной.

Наконец, девушка поклонилась и застыла в ожидании. Сергей всё так же растерянно молчал. Он действительно забыл, зачем пришёл сюда. Сердце бешено стучало, и ему казалось, что это биение слышит не только он, но и она, застывшая в грациозной позе услужливого почтения. Сергей откашлялся и произнёс хрипло, тихо, не своим голосом:

— Доброе утро.

Девушка склонила голову ещё ниже. Он растерянно переступил с ноги на ногу. «Наверно, не понимает», — подумалось в отчаянии.

— А… к-как вас зовут? — запинаясь, сделал он вторую попытку.

— Фэйянь, — тихо проговорила девушка.

Сергей облегчённо вздохнул и повторил задумчиво и как бы смакуя каждый звук:

— Фэйянь… Красивое имя.

— Фэйянь — это… «летающая ласточка», — перевела девушка.

— А ты и, правда, похожа на ласточку, — сказал Сергей.

Девушка залилась краской, бросила быстрый взгляд на мужчину, стоящего перед ней и тут же опять опустила глаза. Сергей перехватил этот взгляд, и его сердце заколотилось с новой силой. Он даже не представлял, о чём ещё говорить. Да и нужны ли вообще какие-то слова? Девушка тоже молчала и только перебирала в маленьких красивых ладонях деревянные чётки.

— Ты такая милая! — наконец-то выдавил он из себя.

Фэйянь подняла взгляд и пристально посмотрела на Сергея. «Какой он странный! — говорили ее глаза. — Совсем не похож на грубых иноземцев: благородное лицо, улыбка приятная. Но почему он так смущён? Неужели я ему понравилась?» Этот вопрос, заданный самой себе, застиг девушку врасплох: она не должна была поддаваться чарам незнакомца, но с ней происходило что-то невероятное.

— Фэйянь, — произнёс Сергей ещё раз тихо, смущённо.

И ей показалось, что в его устах имя её звучит как-то по-особенному нежно.

— Фэйянь, у меня к тебе просьба.

Девушка посмотрела на него удивлённо. Видно, не поняла. К ней никогда не обращались с просьбами, ведь она была служанка.

— Мне нужна кисточка для письма, бумага и тушь, — помогая себе жестами, объяснил Сергей.

Служанка кивнула и исчезла за дверью маленького домика.

Не прошло и минуты, как она вернулась, держа на небольшом подносе всё необходимое.

— Спасибо, — сказал Сергей и попытался взять у неё поднос, да так неловко, что все предметы едва не попадали на землю.

Фэйянь удержала поднос и спросила:

— Куда отнести? — её голос звенел, как колокольчик, а лёгкий китайский акцент придавал словам смешную мягкость.

— Туда, — он махнул рукой в сторону дома для гостей.

Торопливо перебирая ножками, Фэйянь направилась в указанную сторону. Сергей какое-то время стоял на месте и, любуясь, смотрел ей вслед. Затем, опомнившись, побежал вдогонку.

— Фэйянь, ты давно работаешь здесь? — запыхавшись, проговорил он.

— Четыре года.

— А где живёт твоя семья?

— На краю города, — ответила девушка.

— У тебя большая семья? — продолжал он светскую беседу.

— Нет, не большая. Брат старший и мать. Отец умер.

Сергей ещё о многом хотел расспросить её, но они уже подошли к дому. Опередив девушку, он галантно открыл ей дверь. Фэйянь очень удивилась, но ничего не сказала. В комнате было пусто. Тогда они двинулись к Ане. Из-за двери слышалась оживлённая беседа, и Сергей вежливо постучал. Фэйянь, войдя в комнату, низко поклонилась, поставила поднос и тут же вышла. Сергей смотрел, как она уходит по коридору, и всё лучше понимал: ему совсем не интересно, о чём они тут говорят. Не сказав ни слова, он развернулся и побежал следом за служанкой.

— Что это с ним? — Аня была в недоумении. — Куда он помчался?

— Любви все возрасты покорны, — прокомментировал догадливый Ваня.

— Глупости какие! — хмыкнула девушка. — С чего ты взял?

— Запомни, — поучительно сказал Ваня, — три вещи невозможно скрыть: любовь, деньги и заботы.

— И чей это афоризм?

— Не помню, — честно признался Ваня, — но у генетика нашего на лице всё написано.

— Надо же! А я ничего такого не заметила.

— Ты просто ненаблюдательная, — съязвил Ваня. — А ещё говорят, у женщин интуиция. Выходит, не у всех.

— У меня голова сейчас другим занята, — строго сказала Аня. — Мне совершенно не интересно, кто там в кого влюбился. Это ты как старый сплетник, как бабка на завалинке, ей богу.

Лучше б о деле думал!

— Ну, начинается! — вздохнул Ваня. — А тебе главное гадостей наговорить. Причём здесь бабка на завалинке? Да для нашего дела ничего нет важнее, чем внимательно наблюдать за людьми, следить за каждым изменением в лицах, в словах, в обстановке и на основании этого вырабатывать свою линию поведения. Разве я не прав? А у тебя всё одни эмоции. Эх, вы, женщины!..

— Ну, конечно, — фыркнула Аня, — я ничего не понимаю, зато ты самый умный и, как политически подкованный эскимос, разрабатываешь для бедуинов Сахары инструкцию по спасению от жары. Успехов тебе в этом благородном деле! Продолжай следить за лицами влюблённых, следопыт. А мне некогда — я письмо обдумываю.

Ваня обиженно запыхтел, и ответил ей Саша:

— Знаешь, Анют, обдумывать письмо — это, конечно, дело. И оленья упряжка в песках Сахары — тоже красивый образ. Но, как это ни смешно, сегодня наш эскимос прав. Его устами говорит голос разума. Советую прислушаться.

— Ага, вот только шнурки поглажу и сразу начну прислушиваться! — Аня уже завелась и не могла остановиться. — Если Ваня Оболенский — голос разума, тогда я — английская королева.

— Нет, — спокойно возразил Ваня. — Английской королевой ты будешь в следующий раз, когда мы отправимся в Лондон. А сейчас ты драгоценная наложница, но можешь и, по-моему, хочешь стать императрицей.

— Что ты сказал?! — подскочила Аня.

— Всё! Хватит вам скандалить! — Саша встал между ними и поднял руки, как рефери на ринге. — Вы что, не можете нормально общаться?

Аня и Ваня уставились на своего приятеля и вдруг ответили в один голос, как будто много раз репетировали:

— Конечно, можем!

— Фантастика! — восхитился Ветров. — Тогда зачем вы ругаетесь?

— Я не ругаюсь, — с обидой проговорила Аня, — я просто защищаюсь, ведь я всегда оказываюсь жертвой.

— Что?! — возмутился Ваня. — Ты — жертва?

— Да! — выкрикнула Аня. — Я! Жертва! Жертва твоего отвратительного поведения!

Ваня сумел сдержаться и снова заговорил Саша:

— Вот я смотрю на вас, и мне кажется, что вы муж и жена, которые прожили лет двадцать в браке, и объединяют вас только

общие дети и повседневные заботы. Вы так надоели друг другу, что уже не можете нормально общаться, вас всё друг в друге раздражает и бесит. Скандалите по любому поводу, причём инициатива, — он строго посмотрел на Ваню, — принадлежит мужу, а главное звуковое оформление, — перевёл взгляд на Аню, — жене. И кому всё это надо, спрашивается?

Саша не часто говорил так цветисто и пространно. Поэтому друзья смотрели на него во все глаза и слушали, не перебивая.

— Всё! — объявил Ваня торжественно. — Теперь я умолкаю навсегда.

— Трудно было придумать более глупую фразу, — проворчала Аня, по привычке оставляя за собой последнее слово, но было уже ясно, что перепалка закончена — оба выдохлись.

Ваня сделался не только нем, но и глух. Он сидел угрюмый и мысленно занимался самобичеванием: «Правильно говорил Сашка: не умею я с девушками общаться, тем более, если они мне нравятся. Женщинам что нужно? Комплементы. А я? Оспариваю каждое её слово, да ещё обидеть норовлю. Сашка прав. Я всегда первый начинаю. Надо кардинально менять тактику поведения… Подумать только, в нашем первом путешествии в прошлое какой-то средневековый рыцарь за три дня сумел растопить её холодное сердце. Неужели я хуже него? Неужели не смогу сказать что-нибудь вроде: „О, я хочу быть птичкой, порхающей возле твоей шляпки!..“ Во, бред-то! И откуда это вылезло? А если так: „Ты нежная, благоухающая ночная фиалка, на залитой солнцем поляне моей души…“ Это уже лучше, только ночной фиалке вряд ли понравится на ярком солнце… Господи, я же столько стихов ей посвятил! Но ни одного не прочёл ни разу, потому что там сплошная тоска и самокопание, а комплиментов нет совсем… Может, рискнуть всё-таки?»

Саша и Аня тем временем тихо переговаривались между собой. И когда Ваня стремительно, даже с лёгким стуком опустился перед девушкой на одно колено, та от неожиданности вздрогнула и чуть не вскрикнула.

— Ты что? — выдохнула она оторопело.

— Я… я хочу… — Ваня запнулся, лицо его выразило смятение, потом стало чрезмерно серьёзным, печальным, даже трагичным — целая буря чувств и всё это без малейшей фальши. Он вспоминал свои лучшие строки, перебирал их в памяти, отбрасывал одну за другой… Вдруг в его глазах мелькнула какая-то сумасшедшая искра озарения пополам с восторгом. И он вмиг стал другим: одухотворенным, взрослым, настоящим…

И начал читать по-актёрски раскованно и чётко:

Анюта, сжалься надо мною.
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворись! Ведь этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

Сколько поколений влюблённых заменяли пушкинскую Алину на все подходящие по размеру женские имена и невзначай подправляли «вы» на «ты»?! И сколько раз эти волшебные строки оказывали своё ни с чем не сравнимое действие?..

Аня смотрела на него во все глаза и отказывалась понимать, что происходит. Но ей было удивительно приятно слушать эти вечные стихи с их неподдельной печалью и мягким юмором, с их робкой надеждой и отчаянной самоуверенностью. Потом она покосилась на Сашу. Тот сидел молча, опустив голову и глядя в сторону, как человек, ощущающий себя третьим лишним. И тогда к Ане вернулась способность к иронии и самоиронии.

— С тобой всё в порядке? — заботливо спросила она у Вани.

— Более чем, — ответил он с достоинством и, поднимаясь с колена, широко улыбнулся, страшно довольный собою.

— Неплохо для начала, — сухо прокомментировал Саша. — Любимый Пушкин на все случаи жизни. Продолжай в том же духе.

Аня странно посмотрела на них обоих и ничего больше не сказала. «Один „не смеет требовать любви“, другой — рекомендует продолжать в том же духе — оба с ума сошли! — думала она. — Чего им от меня надо, в конце концов?»

Она представила себе, как задаёт этот вопрос вслух, как ребята на него отвечают, и ей сделалось смешно. Улыбка получилась доброй, открытой, искренней. И все трое почувствовали себя счастливыми, как никогда.

Саша прекрасно знал, что Ваня неравнодушен к Анюте, он даже сам давал ему советы, как покорить сердце девушки. Но сегодня вдруг осознал со всей ясностью, что если Оболенскому это удастся, он, Александр Ветров отнюдь не порадуется. Да, ему тоже очень нравилась Аня, но кто бы мог подумать, что настолько? Нет, он совершенно не готов был уступать её своему лучшему другу!..

Но он не сочинял стихов и в остроумии уступал Ивану. В чём заключались его главные достоинства? Медицинские навыки?

Успехи в теннисе? Интеллект? Эрудиция? Умение простым языком объяснять сложные вещи?.. Ну, как же он забыл! Ведь их прервали в тот момент, когда Аня так увлеклась его теорией…

— А я вам самого главного не успел рассказать, — объявил Саша.

— Про что? — не поняла Аня.

— Ну, как же, про чёрные дыры и наши путешествия во времени.

— Слушай, правда! — обрадовалась девушка. — Я и не думала, что эта физика может быть такой интересной, когда она касается тебя непосредственно. Мы остановились на том, что у нас повсюду маленькие такие чёрные дырочки — прямо хватай их горстями и путешествуй во времени.

— Точно! — улыбнулся Саша. — Почти так и есть.

Ваня смерил ревнивым взглядом их обоих и нарочито зевнул, дескать, ему эта тема уже наскучила.

— Короче, — сказал Саша, — в микромире чёрные дыры живут очень недолго. Но если их искусственно стабилизировать, искривление пространства-времени фиксируется. Для этого необходим внешний источник реликтового излучения, совпадающего по энергии с гравитационным излучением чёрной дыры. Тогда она получает энергетическую подпитку и продолжает жить.

— Ты хочешь сказать, что внешний источник — это генератор, встроенный в «Фаэтон»? — спросила Аня.

— Молодец! — похвалил Саша. — Я пришёл именно к такому выводу. Главной частью нашего прибора является генератор именно реликтового излучения. И модулировано оно в соответствии с нуклеотидным кодом конкретного индивида. Поэтому образовавшаяся внутри сферы Шварцшильда кротовина — это туннель, на концах которого находятся разные точки пространства-времени. Искусственное реликтовое излучение способно воздействовать на кротовину вокруг чёрной дыры, обеспечивая её стабильность, нужный размер и форму для перемещения достаточно крупных объектов.

— Я всё поняла! — удивилась Аня. — А точное время и место «Фаэтон» назначает путешественнику, выбирая из бесчисленного множества чёрных дыр именно ту, какую нам надо, по совпадению частот?

— Ну, конечно, Ань, — ответил Саша. — В этом ты уже лучше меня разбираешься. Собственно, единственный абсолютный показатель вселенной, определяющий шкалу времени — это реликтовое излучение, а изобретатели «Фаэтона» просто сумели увязать его с генными кодами. Всё гениальное просто. А вообще-

то, — добавил он, немного помолчав, — если до конца выстроить физическую модель, получается, что никакого перемещения на самом деле не происходит. Потому что у кротовины вход является выходом и наоборот. Объекты, оказавшиеся в зоне действия стабильной чёрной дыры, как бы существуют одновременно в двух разных точках пространства-времени…

— Сашка, стоп! — перебил его Ваня. — Это страшно интересная мысль. Напомни мне потом, мы должны к ней обязательно вернуться. Но сейчас… Видишь, Аня уже не слушает тебя. Она права. Есть проблемы поважнее. Анюта! — окликнул он девушку, — ты придумала, что написать в письме?

— Да я давно уже всё придумала, — улыбнулась Аня. — Иначе не болтала бы тут с вами! А ну, давайте сюда кисточку и тушь!

И она стала аккуратно вырисовывать иероглифы.

Глава 18
ЧАЙНАЯ «ЯШМОВОЕ СИЯНИЕ»

— Я начинаю ощущать себя голливудской звездой, — сказал Саша. — Чуть ли не каждый день мы примеряем новые костюмы. Да и жизнь вокруг больше похожа на кино.

— Ага, — согласился Ваня, — только камер что-то не видно. И никто не обеспечивает нам безопасность в этом кино. А главное: гонорары где? Где наши миллионные гонорары?!

Они все трое рассматривали одежду, принесённую служанкой.

— Ну, и как вам национальные китайские костюмы? — спросила Аня.

— Нормально, — ответил Ваня, — уж не хуже египетских платьиц.

— Слушайте, — вдруг вспомнила Аня, — а куда девался Сергей? Его тоже не мешало бы переодеть и взять с собой.

— Его в другом месте переоденут, — усмехнулся Ваня.

— В морге, что ли? — не понял Саша.

— Зачем так мрачно? Сергей Борисов, конечно, не самый приятный человек, подлянку нам устроил будь здоров. Но смерти я ему не желаю. Я имел в виду, что он может сразу одеваться в свадебный костюм.

— Да ну вас, дураки, — сказала Аня. — Я, правда, считаю, что он нам нужен.

— Зачем? — пожал плечами Саша. — Без него, что ли, не справимся? Я только вот о чём подумал: если он не собирается возвращаться в наше время, значит, теперь мы будем одни разгребать эту кашу с Секретной Лабораторией, в частности с людьми, которые встретят нас на мосту.

— Вот именно! Я же говорю, он нам нужен, — быстро ввернула Аня. — Генетика отпускать нельзя. Либо тащить его с собой в наше время, либо пусть всё расскажет про документы на «Фаэтон».

— Я бы не стал его никуда тащить, — рассудил Ваня. — Зачем злить человека? Да и не просто это: удерёт он — и все дела. Пусть лучше расскажет про злосчастный диск с документацией. Ему-то теперь что? Для нашего времени он всё равно умер — второй раз и теперь окончательно.

— Не скажи, — задумался Саша. — Секретная Лаборатория запросто направит сюда свой десант, найдёт нашего Сережу и выцепит его обратно. Так что не будет он нам ничего говорить.

Даже не надейтесь.

— Значит, заставим, — нахмурился Ваня.

— Как? — развела руками девушка. — В бочку с известью будем сажать?

— В бочку не обязательно, — произнёс Ваня. — Но нас же трое, а он один.

Саша потер ладонью лоб, помолчал и сделал вывод:

— Нет, силой, мы от него ничего не добьёмся. Однако я попытаюсь убедить его, что, помогая нам, он помогает и себе тоже, если действительно хочет навсегда выйти из игры. Главное, чтобы Сергей не сбежал от нас раньше, чем мы успеем нормально поговорить.

— А что, он вполне может смыться, — покивал Ваня. — У него так лихо всё началось с этой молоденькой китаянкой.

— Ты хочешь сказать, что мы его больше вообще не увидим? — усомнился Саша. — Да нет, так быстро дела не делаются.

— Тем более в Китае, — поддержала Аня. — Может, у этой служанки уже есть жених. Впрочем, не стоит гадать. Никуда он не денется. Пусть пока воркует со своей китаянкой, а мы пойдём в город, чтобы вручить письмо. Потом займёмся нашими московскими проблемами.

— А не опасно оставлять Сергея одного? — забеспокоился Ваня.

— Для кого опасно? Для него или для нас? Не дёргайся ты, — посоветовала Аня. — Точно говорю. Никуда он не денется. Языка не знает, да и китайские женщины не настолько наивны, чтобы довериться первому встречному. Если честно, я вообще сомневаюсь, что он здесь останется.

— И то верно, — согласился Ваня. — Я бы ни за что не остался, что бы ни угрожало мне в своём мире. Ты таких ужасов понарассказывала про эти казни! И как здесь зарабатывать на жизнь? Без языка, без навыков…С голоду помрёшь и всё.

— Ну, если б я был на его месте, — сказал Саша, — сбежал бы в Россию, это не так уж и далеко. А там сейчас не самые худшие времена…

— Похоже, он так и сделает, — предположила Аня.

— Тогда зачем китаянку охмурять? — не понял Ваня.

— А ты не допускаешь, что она ему просто понравилась? — ответила девушка. — Сам же и говорил о любви, а вовсе не о корыстном расчёте.

— И потом, — поддержал Саша. — Пока он от службы безопасности по кустам бегал, не до женщин было, носа никуда не показывал, вот и соскучился. А тут такая молодая, красивая…

— Ты считаешь, она красивая? — пожал плечами Ваня. — Не знаю, я бы предпочёл русскую девушку… Вот, Аню, например.

Аня вздохнула, улыбнулась натянуто и ничего не стала отвечать.

— Слушайте, хватит уже об этом генетике! — возмутился Саша. — Займёмся, наконец, нашими делами.

Он решительно встал и удалился в свою комнату, держа в руках китайскую одежду. Ваня нехотя последовал за ним.

Через некоторое время все трое стояли в гостиной и внимательно рассматривали друг друга.

Саша и Ваня смотрелись как братья-близнецы: короткие синие хлопчатобумажные куртки с длинными рукавами и широкие синие штаны. Оба держали в руках халаты и какую-то тесьму.

— Чудны?е такие! — рассмеялась Аня. — На китайцев вы похожи, как я на папуаса, но, в общем-то, это и не важно. Некоторые иностранцы, долго прожившие в Поднебесной, тоже носят китайские наряды. Это удобно, хоть и не очень красиво.

— А с этим что делать? — спросил Саша про предметы, оставшиеся в руках.

— Халат обязательно наденьте. Только бедные простолюдины ходят в одних рубахах. Халат полагается плотно застегнуть на левой стороне шеи и под мышкой.

Это оказалось совсем не сложно.

— Так, — одобрительно кивнула Аня. — Очень хорошо. Правда, тебе, Вань, халатик коротковат, даже коленей не прикрывает. Ну, ладно, не беда. Хорошо ещё, что такие длинные и широкие рукава. Почти не видно, что он маловат.

— Не видно, и слава богу. А куда эту тесьму девать?

— Тесьмой перевязывают на уровне щиколоток низ шаровар, чтобы они не болтались. Но лучше бы вам этого не делать, потому что сразу откроется очень странная обувь.

— Ботинки — ещё туда-сюда, — Ваня покосился на Сашу. — А вот мои кроссовки…

— Они так и так будут видны, — сказала Аня. — И носки тоже. Костюмчик маловат, конечно. Как будто школьная форма, оставшаяся с позапрошлого года. Но придётся пережить. Других вариантов нет.

Ваня осмотрел себя с ног до головы, поморщился и вдруг заявил:

— Нет, я, пожалуй, сниму этот клоунский наряд и надену свои привычные шмотки.

— Только попробуй, — показала ему кулак Аня. — Тогда будешь сидеть тут на пару с генетиком.

— Ну и ладно, — насупился Ваня, — подыщу и себе какую-нибудь служаночку.

Саша понял, что пора спасать ситуацию и быстро сменил тему:

— Эй, а я-то как выгляжу?

— Вполне прилично, — ответила девушка. — Да на самом деле и ты, Вань, неплохо смотришься.

— Не надо, не надо меня жалеть! — преувеличенно громко заговорил Ваня, чувство юмора вернулось к нему в полной мере — стоило ли переживать из-за такой ерунды, как внешний вид? — Скажи уж честно, что выглядим мы оба совершенно по-уродски.

— Вы просто ничего не понимаете в китайской моде девятнадцатого века, — Аня заботливо поправила на Ване халат, потом повернулась к Саше:

— Ты чего это запихиваешь себе в носки?

— Зажигалку. На всякий случай. Я бы и перочинный ножик взял, но, боюсь, ходить будет неудобно. В этих китайских вещах нет карманов. Жутко неудобно!

— А не лучше ли всё положить в сумку? — удивилась девушка.

— Некоторые вещи должны быть всегда под рукой, — назидательно объяснил Саша. — Пока сумку расстегнешь —время будет упущено. А тут, поднял ногу и выхватил нужную вещь.

Аня пожала плечами.

— Вечно вы, мужики, выдумываете всякую ерунду. Зажигалка в носках! Ты же не куришь. Или хочешь поджечь какой-нибудь храм? Но тут Китай, а не Греция…

— Мало ли, — уклончиво ответил Саша. — Пусть останется хоть зажигалка. И ножик бы пригодился, но он точно будет мешать при ходьбе. А ещё я забыл у тебя спросить. Там, в корзине, были какие-то непонятные шляпы, похожие на горшок. Мы их не стали брать. Да и малы они нам.

— Вы их мерили, что ли? — усмехнулась девушка.

— А что, из них надо было воду пить? — испуганно переспросил Саша.

— Да нет, это все-таки головные уборы, — засмеялась Аня.

— Это не головные уборы — это жуть какая-то! Мне, например, совершенно не идёт, — заявил Ваня.

— Ребят, вы чего, на подиум собрались? Идёт — не идёт… Что за ерунда?

— Да не буду я напяливать этот горшок! — упёрся Ваня. — Что хочешь со мной делай — не буду.

— Ань, а, правда, можно без них обойтись? — поинтересовался Саша. — Или это совсем неприлично? Просто

удобство в одежде для нас очень много значит.

— Ладно, — сжалилась над ними девушка. — Это не главное.

Сама она была одета в просторный халат-ципао со стоячим воротником, длинными рукавами, застёжками на правую сторону и небольшими разрезами по бокам, сделанными специально, чтобы не стеснять движения. Из-под длинных пол чуть выглядывали шаровары зелёного цвета. Халат тоже был ярко-зелёного цвета с изящной вышивкой в виде цветов.

— А ты ничего так выглядишь, — оценил Ваня. — Только причёсочка никуда не годится. Волосы слишком длинные. Надо убрать в пучок, как у той китаянки.

— Ладно, это не проблема, — на удивление мирно ответила девушка, уже закручивая волосы и досадуя, что в комнате нет зеркала. — Может, пойдём уже?

— Послушайте! — вдруг вскинулся Ваня. — А на какие деньги мы будем рассиживаться в этом чайном заведении?

— Резонный вопрос, — признал Саша. — Что делать-то? — и он посмотрел на Аню.

Та подумала немного, потом взяла у Саши сумку и стала копаться в ней.

— Вот, нашла, — протянула она пустую пластиковую бутылку из-под кока-колы.

— Ну, и что это? — уставились на неё ребята.

— Китайцы очень любят хитрые иноземные штучки. Торговцы с удовольствием покупают всякие диковинки.

— Думаешь, эта пластиковая… безделица заинтересует их? — с недоверием спросил Ваня.

— Корнет Оболенский, вы так изящно ввернули слово «безделица» вместо более простых и привычных народу терминов, я просто восхищён! Но ваша эрудиция в области органической химии… Да знаешь ли ты, что теория полимеров только зарождается? Именно сейчас, над ней работает Бутлеров у нас, в Казанском университете. Кажется, он как раз ещё жив, — с некоторым сомнением добавил Саша. — Но главное, никакого производства пластмасс нет ещё и в помине — ни в России, ни в Европе. А конкретно этот материал называется ПЭТ — наверняка слышали такое слово в рекламах? Полностью оно звучит так: полиэтилентерефталат. Представляете, помню! Сам не ожидал. Так вот синтезировали его не раньше пятидесятых годов двадцатого века. Первые бутылки из ПЭТа начали делать американцы только в 1977 году, а широкое распространение такая тара вообще получила лишь после 1990-го.

— Короче, это полная экзотика для тутошних китайцев — волшебная бутылка из мягкого невесомого стекла — примерно

так они должны её назвать, — резюмировал Ваня. — И что, попросим за неё миллион юаней?

— Во-первых, не юаней. Юани[16] — это бумажные деньги, их введут только через девять лет, в 1889-м. Сейчас нет бумажных денег. Есть круглые монеты с квадратными дырочками достоинством в десять, сто, пятьсот, и тысяча цяней. Или ещё их называют «кэш». Кстати, английское cash — наличные — имеет китайское происхождение и обозначает круглые бронзовые монеты с квадратными дырочками. Ещё имеют хождение медные монеты — туцзыр, то есть мелочь.

— И сколько кэшей может стоить пустая бутылка? — поинтересовался Ваня.

— Много за неё не получишь — не искать же специалиста, который даст настоящую цену. Кстати, если б такой нашёлся, он мерил бы уже серебром, а не бронзовыми монетами. Например, мы могли бы получить парочку лянов. Это большие деньги. За один лян дают полторы тысячи медных монет. На такую кучу денег мы бы здесь хорошо развернулись.

— Что за ляны такие? Сколько это в рублях? — заинтересовался Ваня.

— Ляны — это как бы золотые и серебряные деньги, но весовые, то есть слитки. Они до сих пор очень популярны здесь. Один лян — это унция, чуть больше тридцати граммов. Например, когда Китай проиграл Японии, та запросила триста миллионов лянов серебром в качестве контрибуции. А строительство гробницы Цыси обошлось казне в два и три десятых миллиона лянов серебром.

— Тогда два ляна — это совсем мизер, — деловито произнёс Ваня. — Мы, конечно, не японцы, миллионы просить не будем. Хотя… за такое ещё не сделанное, но весьма полезное изобретение… — Ваня мечтательно поднял глаза к небу. — Ну-у, минимум тысяча лянов могла бы считаться хорошей ценой.

— Боюсь, что специалист даст нам не хорошую цену, а хорошее местечко в здешней тюрьме, — Саша решил поставить точку в этом обсуждении.

— И то верно, — согласилась Аня, — поэтому мы продадим её как игрушку первому попавшемуся торговцу, но вырученных денег вполне хватит, чтобы попить настоящего китайского чаю в «Яшмовом сиянии».

— Название, однако, с претензией, — заметил Ваня.

— А если еще учесть, — добавила Анюта, — что находится чайная на Жемчужной улице… Китайцы очень любят поэтичные названия. Практически в каждом городе имеются и Жемчужная, и Яшмовая, и Нефритовая, и Цветочная, и Драконовая улицы,

обязательно Ворота вечного мира или Пяти духов. Даже в своих собственных садиках перед домом они дают имена, например, беседкам: «Отблеск красоты» или «Благоухание весны».

Однако за воротами северного подворья друзей встретило отнюдь не благоухание весны, а душные, пыльные, узкие улицы, наполненные суетой, громкими криками зазывал, звоном бубенцов, колокольчиков и прочим шумом. Толкотня была ужасная: бегали посыльные ребятишки; разъезжали телеги, доверху заваленные всевозможным товаром; причём в телеги были впряжены люди, которые, обливаясь потом, тащили эти переполненные повозки, но выглядели вполне довольными; и словно плыли мерно колыхавшиеся паланкины состоятельных горожан. Из-под разноцветной материи паланкина выглядывало непроницаемое полное достоинства лицо чиновника или просто знатного человека. Измождённые носильщики паланкина выкрикивали в толпу: «Тай тоу!», что означало — подними голову, или «Цзе гуан!» — одолжи свету. Толпа расступалась, и паланкин, важно покачиваясь, двигался дальше.

На улице не было праздно шатающихся людей, все были заняты каким-нибудь делом, поэтому никто особо не обращал внимания на трёх молодых людей европейской наружности в китайских нарядах.

— Муравейник, — констатировал Саша.

— Точно, — согласился Иван

Вдруг Аня радостно крикнула, показывая на одну из ярких вывесок:

— Вот то, что нам нужно!

И они зашли в специальную лавку, хозяин которой скупал у иноземцев, а потом продавал своим собратьям, всякие диковинки. Были тут простые медные лампы европейской работы; канделябры с завитками; маленькие скульптуры ангелочков и юных полуобнажённых дев греческого эпоса, кстати, пользующихся большим спросом; зонтики, не бумажные как у китайцев, а настоящие ситцевые и шёлковые; и даже большие бронзовые часы, правда, неисправные. А также всевозможные шкатулки, украшенные пышным позолоченным орнаментом, и масса всяких мелких предметов: шпильки, заколки, пуговицы, кисеты, банки, пузырьки, жестянки от консервов, бутылки (разумеется, стеклянные) и даже одна кружевная перчатка. Хозяин повертел в руках пустую пластиковую бутылку и выложил на прилавок три бронзовых монеты по десять цяней с квадратной дырочкой.

И тут Ваня проявил невиданные коммерческие способности. Он резко забрал назад бутылку и стал отчаянно мотать головой.

Потом попросил Аню:

— Скажи ему, что я прошу двадцать таких монет.

— Сколько?! — удивилась Аня.

— Ты скажи, скажи.

Аня сказала, Китаец сразу добавил ещё две монетки. Ваня собрался уходить. В результате третьего и последнего действия в этом спектакле они сторговались на десяти монетах.

— Ну ты даёшь! — Саша похлопал друга по плечу. — Прирождённый бизнесмен. Откуда такие способности?

— Торговаться я ещё на Кавказе учился, когда отдыхал там. Первую цену всегда называют несуразную, в расчёте на простака.

— Ты просто молодец, Ваня! — похвалила его и Анюта. — Трёх монет нам могло не хватить, чтобы посидеть в чайной втроём.

— Выходит, нас всё-таки надули, раз это такие маленькие деньги, — сказал Ваня, изображая обиду. На самом деле видно было, как он доволен собой.

— Да нет, просто эта чайная, можно сказать элитная, и цены там соответствующие, — объяснила девушка.

Меж тем они уже свернули на Жемчужную улицу, и, прошагав по ней совсем немного, увидели странную картину. Как раз возле чайной «Яшмовое сияние» образовалась изрядная толпа. Собравшиеся пронзительно кричали и непрерывно размахивали руками, как спортивные болельщики.

— Что здесь случилось? — спросил Саша. — Анюта, ты понимаешь, о чём они кричат?

— Надо подойти поближе и посмотреть, — ответила девушка. — Тем более что нам всё равно туда.

— А мы не влипнем в какую-нибудь нехорошую историю? — проявил небывалую для него осторожность Ваня.

— Нет, — успокоила Аня. — Там просто спорят о чём-то или ссорятся, а у китайцев в таких случаях всегда собирается толпа зевак, жаждущих дать совет.

— По-моему, это не только у китайцев, — философски заметил Саша.

— Ты не понял. Китайцы совершенно особенным образом относятся ко всяким подобным событиям. Они никогда не пройдут мимо ссорящихся. При этом в драку вступают крайне редко. Они могут безумно долго пререкаться, привлекать каждый на свою сторону всё новых и новых прохожих, но практически никогда дело не доходит до рукоприкладства, как у нас. Самое большее, на что они способны, это поднести руку с горизонтально вытянутым средним пальцем к носу соперника — жест обозначает презрение и ненависть.

Когда ребята подошли к толпе, китайцы, увидев, что они иноземцы, перестали кричать и поспешно расступились, шарахаясь, как от прокажённых. И глазам вновь пришедших открылось то самое зрелище, которое вызвало у всех столь бурные эмоции. Посреди улицы стоял достаточно богато одетый человек с открытым ртом. Он издавал жалобные протяжные стоны, похожие на мычание, по щекам его текли крупные слёзы, словом, видно было, как он жестоко страдал.

— Что это с ним? — не понял Ваня.

— Подождите, — сказала Аня. — Я сейчас выясню.

И обратилась с вопросом к одному из зевак, для начала немного склонив голову в традиционном приветствии. Китаец заворожено смотрел на европейскую девушку, столь хорошо владеющую его родным языком. Иноземцы, даже прожившие годы в Поднебесной, всё равно не могли так безупречно говорить по-китайски.

Ведь китайский язык невероятно сложен для европейца. К примеру, одно и то же слово, произнесённое с разной интонацией, может иметь разные смыслы. Всего голосовых тонов четыре: ровный, повышающийся, понижающийся и входящий. Причём есть ударение — это само собой, есть вопросительная или повелительная форма — это тоже всем знакомо, а есть интонация — как особый способ, особый тон произнесения слова. И гамма этих тонов соблюдается всеми китайцами, независимо от разницы в наречиях. Если тональность слова выбрана неверно, оно приобретает абсолютно другой смысл. Помимо тональной гаммы, существуют и другие тонкости. Например, есть звуки и слоги, отличающиеся лишь придыханием. Слог «па» можно произнести, просто как «па», а можно с придыханием: «п-а». И это тоже в корне меняет смысл. Для многих европейцев такие языковые трудности оказываются непреодолимыми. Европейское ухо зачастую просто не улавливает разницы в интонациях. Но сами китайцы считают, что их язык совершенен, называют его первым в мире. Европейцы добавляют: «по трудности», и в этом они совершенно правы.

— Ну вот, этот китаец просто неудачно зевнул, — сообщила Аня, выяснив все подробности. — Теперь он не может закрыть рот и страдает от невыносимой боли. Зеваки убеждены, что в него вселился злой дух. Только никто из толпы не знает наверняка, чего этот дух хочет, вот они и спорят. Надавали несчастному разных советов, а кто-то даже побежал за местной колдуньей, умеющей читать нужные заклинания, освобождающие от злого духа.

Саша покачал головой и подошёл вплотную к несчастному

китайцу с открытым ртом. Тот в испуге отпрянул и замахал руками.

— Похоже, он думает, что ты в сговоре с этим духом, — прошептала Аня за спиной Саши.

— Ну да, — ухмыльнулся Ваня. — Чакры ему порвёшь и в астрал выбросишь.

— А сам в нирвану уйду, — поддержал шутку Саша, а потом обратился к Ане со всей серьёзностью: — Скажи ему, чтоб не дёргался. Тогда я легко вправлю его челюсть.

— Ты действительно сумеешь? — с тревогой спросила Аня.

— Если честно, практики давно не было. Мама только один раз доверила мне поставить на место вывихнутую челюсть. Но до этого я несколько раз видел, как это делают другие — предельно простая операция. Ты же знаешь, мои родители регулярно заставляют меня проходить «курс молодого бойца». Чему я только ни обучался по врачебной части! Конечно, они правы: всё это ещё не раз пригодится в жизни… Ладно, скажи этому типу, чтоб успокоился, а то ещё ненароком руку мне прокусит.

Аня довольно долго втолковывала перепуганному насмерть китайцу суть их предложения. Наконец, он утвердительно закивал головой. Зеваки с огромным интересом наблюдали.

Саша решительно обхватил левой рукой затылок китайца и коротким движением правой вдвинул челюсть на её законное место. Несчастный вскрикнул не столько от боли, сколько от неожиданности, и громко клацнул зубами, словно хотел откусить пальцы своему избавителю. Но Саша вовремя отдёрнул руку. В тот же момент из толпы вынырнула зловещего вида старуха в грязной одежде и быстро-быстро затараторила, показывая кривым пальцем на иноземцев.

— Она говорит, что это мы накликали беду, — стала переводить Аня, — что не надо было ни в коем случае допускать иноземцев до этого несчастного, который…

— Да пошла она!.. — Саша махнул рукой и, раздвинув толпу, направился ко входу в чайную.

— Правильно, пошли, — направился вслед за другом Ваня. — А то ещё эта ведьма *нам* чакры порвёт.

Сашу догнал тот самый, осчастливленный им китаец и, непрерывно кланяясь, залепетал слова благодарности. Это можно было понять без всякого знания языка, однако Аня вовремя подоспела с переводом:

— Его зовут Цай Сянь. Между прочим, занимает весьма ответственную должность — помощник начальника ведомства принятия прошений. Он говорит, что не раз слышал о невероятных способностях иноземных лекарей, творящих чудеса.

А однажды они вылечили его сестру от болезни кожи. Поэтому он хорошо относится к иноземцам и сейчас приглашает нас всех троих в чайную, чтобы в знак благодарности угостить вкусным завтраком.

— Отлично, — сказал Ваня, — ещё и денежки сэкономим! Передай ему, что мы принимаем приглашение с искренней радостью.

Перед дверью китаец учтиво поклонился, пропуская гостей вперёд.

Чайная «Яшмовое сияние» представляла собой одноэтажное, довольно приземистое кирпичное здание, со стенами красного цвета и изящной деревянной резьбой в виде переплетающихся цветов. Края зелёной традиционно изогнутой черепичной крыши тоже были украшены резным орнаментом. А над самым входом висела яркая табличка с названием. В широко распахнутых дверях тихо покачивались на ветру разноцветные бамбуковые занавески.

Внутри было немного сумрачно. Курильницы источали всяческие благовония, а от больших букетов в напольных вазах распространялся по всему помещению лёгкий цветочный запах. В соседнем зале играли музыканты, и слышался приятный голос певца. На каменных кушетках, покрытых пёстрыми бамбуковыми циновками, сидели, поджав ноги, хорошо одетые люди. Возле каждого — низенький бамбуковый столик с закусками. Официант в белом халате то и дело подливал им в невысокие чашки вино или тёплую рисовую водку и менял блюда.

— И это чайная? — изумился Ваня. — Натуральный ресторан.

Спасённый от мук Цай Сянь подвел гостей к свободному столику и предложил садиться. На жёсткой бамбуковой подстилке с поджатыми ногами было не слишком удобно, но приходилось привыкать. Тут же подбежал официант, чтобы принять заказ. И пока китайцы обсуждали меню, Ваня шепнул друзьям:

— Давайте спросим его, не знает ли он кого-нибудь из слуг князя Гуна.

— Ну, ты даёшь, Ванька! Тебя где воспитывали? — возмутилась Аня. — Так даже в Москве не делают. Об этом мы его спросим в самую последнюю очередь. Здесь обязательно нужно соблюдать церемонии. Он угощает — мы ведём непринуждённую беседу, а уж к делу переходим в самом конце.

— Китайская церемония! — сказал Ваня как выругался. — Времени-то у нас немного — ещё неизвестно, что ждёт впереди…

Тем временем официант принёс чашки с чаем. Напиток был цветочный, очень ароматный, с лепестками розы и жасмина.

— Китайцы всегда начинают трапезу с чая им же и

заканчивают, — пояснила Аня.

Затем подали сладости: яблочную пастилу, жареные грецкие орехи и очищенные корешки.

— Сладости, по мнению китайцев, возбуждают аппетит, — прокомментировала Аня.

По ходу чаепития и поедания сладостей, Аня вела вполне непринуждённую беседу с Цай Сянем. Речь шла, конечно же, о медицине. Аня неплохо знала эту тему по своей прошлой жизни. Они обсуждали, например, произведения Хуа То, который считался непререкаемым авторитетом в медицине Китая. Жил он в период трёх царств[17] и был искуснейшим врачом. Он не останавливался даже перед операциями, когда считал их необходимыми для спасения жизни. Однажды, во время междоусобной войны, один из участников сражения был ранен в руку отравленной стрелой. Хуа То спас воину жизнь, сделав надрез и вымыв оттуда яд. Но, к сожалению, именно смелость в медицине и стала причиной его собственной гибели. Один из князей, прознав о мастере врачевания, попросил Хуа То приехать к нему и вылечить от страшных головных болей. Врач, осмотрев пациента, пришёл к выводу, что болезнь слишком серьёзна и предложил операцию на черепе. Князь был в ярости. Он заподозрил врача в покушении на убийство. Хуа То был немедленно схвачен, а через несколько дней ему отрубили голову. Рукописей уцелело немного, но они до сей поры пользуются большим успехом у медиков Поднебесной.

Аня переводила ребятам не всю беседу, однако в этом месте сочла нужным пояснить, что многие открытия Хуа То актуальны не только в девятнадцатом, но и в двадцать первом веке. Не обязательно быть узким специалистом в истории медицины, чтобы знать это поистине великое имя. Она вот слышала, хоть и изучает не медицину, а биологию.

А другого китайского врача по имени Сунь, уже более позднего периода, даже возвели в боги и построили храмы в его честь. Он был настолько знаменит, что буквально вся Поднебесная знала о нём. Сунь лечил даже императорских особ и весьма успешно.

Но вообще, китайским врачам работать было очень сложно. Всевозможные традиции и церемонии мешали иногда элементарно осмотреть больного. Например, если врач приходил к больной женщине, он не имел права видеть её. Из-за занавески больная протягивала руку, врач щупал пульс, а потом родственники рассказывали о симптомах болезни.

— Наверно, так и возникла применяемая по сей день знаменитая восточная диагностика по пульсу, — предположила

Аня, вкратце пересказав ребятам и эту историю.

Цай Сянь сетовал, что у них очень много врачей-шарлатанов, ведь не учат никого специально, дипломов не выдают. Любой может одеться соответствующим образом, обзавестись корешками и настойками, сделать умное лицо и легко выдаст себя за врачевателя.

— Особенно обманывают народ в деревнях, — поведал Цай Сянь. — На рынках мнимые лекари восседают с деловым видом и рассказывают о чудесах исцеления при помощи якобы прекрасных лекарств. Легковерные деревенские жители часто попадаются на эту удочку.

— Да, мы встречали таких шарлатанов по дороге в Пекин, — закивала головой Аня.

— Но в городе есть и достойные китайские врачи, — продолжил Цай Сянь. — Они пользуются заслуженным авторитетом. И о чудесах иноземных лекарей наслышаны многие, лечение у них не такая уж и редкость сейчас. Я очень уважаю ваших врачей, они вылечили мою сестру…

Цай Сянь явно пошёл по второму кругу и в итоге опять стал благодарить Сашу, а тот в ответ лишь вежливо улыбался.

После сладкого официант принёс закуски: бобы в кислом соусе, чеснок в уксусе, бобовый сыр, маленькие кусочки говядины с уксусом и перцем и ещё несколько блюд тоже в остром и кислом соусе.

Разговор перешёл на искусство. Поводом стала популярная ария, которую исполняли музыканты в соседнем помещении.

— Цитра — поистине чудесный инструмент, — восхищённо произнёс Цай Сянь. — Она обладает восьмью совершенствами: чистота звука, звонкость, таинственность, изящество, грусть, величие, тоска и размеренность. Когда искусный музыкант играет на цитре, достигается высшая, непревзойдённая и на редкость выразительная красота звучания.

Аня кивала и улыбалась, иногда пересказывала что-то друзьям. Цай Сянь говорил о любимом музыкальном инструменте, почти как о человеке.

— Самую первая цитру выточил самый первый император Китая — Фу Си, — продолжил он свой рассказ. — Это было так давно, что и представить невозможно. Император видел, как животворное начало великих звёзд упало в полёте на древний платан, как фениксы слетались на это могучее дерево. А феникс — царь среди птиц. Обитая на платане, он вкушает лишь плод бамбука и пьёт из сладких источников. Фу Си повелел срубить древний платан и рассёк дерево на три части, которые соответствовали трём созидательным силам природы: небу, земле

и человеку. Затем император ударил по верхней части и прислушался. Звук был слишком звонок. Ударил по нижней — слишком глух. Тогда он ударил по средней части, и этот звук устроил его. Фу Си положил кусок дерева в вечно текущую воду и вымачивал семьдесят два дня, что соответствовало семидесяти двум периодам года. Может быть, вы не знаете, что по старому лунно-солнечному календарю год делился на семьдесят два пятидневных периода? Так вот, потом он вынул дерево и высушил его в тени. Наконец, выбрав счастливый день и час, Фу Си с помощью искусного мастера разрезал дерево и выточил из него цитру. И назвал её янтарной. О, как она великолепно звучала! Её струны по желанию играющего то плакали, то весело звенели, то звучали возвышенно и величественно, как звучат мысли в текущей воде… — Цай Сянь пересказывал красивую древнюю легенду и сам рассуждал очень поэтично, а потом вдруг завершил весьма прозаической фразой: — Сначала на цитре было пять струн, а затем, уже гораздо позже, прибавилось ещё две.

Наконец, официант принёс основные блюда: жареную рыбу, утиные языки, раков в чесноке с сахаром и рыбьи мозги, приготовленные фирменным способом. Цай Сянь очень оживился и так энергично объяснялся с официантом, что постоянно размахивал руками.

Ваня, увидев кушанья, невольно поморщился, и Сашка ткнул его в бок:

— Хватит рожи строить! Лопай, что дают. Наверняка это вкусно.

— Но я не привык к такой пище, — промямлил Ваня. — Отравлюсь ещё! Мой желудок не выдержит этих деликатесов.

— Думаешь, я приучен к китайской кухне? Ну, ты хоть сделай вид, что ешь, — раздражённо произнёс Саша.

— Крепитесь, ребята, — ехидно улыбнулась Аня. — То ли ещё будет! Знаете, что сейчас заказывает наш новый знакомый?

— И что же? — умирающим голосом спросил Ваня.

— Самое дорогое и изысканное угощение. «Ласточкино гнездо» называется.

— Кусок засохшей глины пополам с помётом, — предположил Ваня мрачно.

— Нет. Это такой… ну как бы суп. Он действительно делается из гнёзд морских ласточек особой породы. На высоких береговых утёсах Южного Китая птички лепят гнёзда из своей слюны. Чтобы достать их, нужно быть настоящим альпинистом, потому что скалы там отвесные. Крестьяне в поисках ласточкиных гнёзд карабкаются по ним с риском для жизни. Поэтому блюдо и ценится так высоко, а к тому же у него совершенно

специфический вкус.

— А готовят-то его как? — не понял Саша.

— Само гнездо имеет форму полушария и состоит из почти прозрачного, хрупкого вещества желтоватого цвета — застывшей слюны ласточек. Сначала гнездо замачивают в холодной воде на четыре часа, затем промывают и варят на сильном огне минут пять. Дальше опять промывают и опять варят, уже минут пятнадцать и в курином бульоне. Но это не всё. Бульон сливают, наливают новый и варят дальше, добавляя туда мелко нарезанное сырое белое мясо курицы и варёный окорок. Разваренное гнездо превращается в вязкие нити. Суп приобретает интенсивный жёлтый цвет. Ну, и конечно под конец, чтобы украсить блюдо добавляют измельчённый зелёный лук и кусочки варёного окорока. Что интересно, всякие популярные у нас приправы: корицу, гвоздику, укроп, лавровый лист, горчицу китайцы всегда считали совершенно непригодными для употребления в пищу. Зато охотно добавляли к блюдам лук, чеснок, анис, апельсиновую корку, ростки бамбука, красный имбирь и его корень, карри и различные перцы.

— Ты нам зубы не заговаривай. Это ласточкино гнездо я всё равно есть не буду. Даже двадцать раз вываренное, — заявил Ваня с видом героя, идущего на казнь.

— Да ты хоть попробуй, — по-доброму посоветовала Аня. — Когда ещё придется? В Москве это безумно дорого.

— Если б я хоть не слышал, из чего это делается… А так… Боюсь, меня вырвет прямо на стол.

— Фу, какой ты противный! — осудила Аня. — Человек хочет нас отблагодарить. Заказывает изысканное и очень, заметь, очень дорогое блюдо. А ты нос воротишь и ещё грозишься всем нам испортить аппетит.

— Вань, веди себя по-взрослому, — строго сказал Саша. — Хлебнёшь один раз из пиалы и все дела. Только не забудь расхвалить это блюдо, и чтобы улыбка была натуральная, а не вымученная.

Ваня сделался мрачнее тучи. Ему совсем не хотелось есть суп из засохших ласточкиных слюней. Но отказываться было действительно неприлично.

— Знаешь что, — сделала сердитое лицо Аня, — будешь есть, что дают. Это, к твоему сведению, очень вкусные блюда. Если бы тебя потчевал бедный китаец, он бы тебе предложил совсем другое меню.

Ваня удивлённо поднял брови.

— Гордись, — продолжила Аня, увлекаясь, — всё это доступно только богатым. Бедняк накормил бы тебя мясом собаки

или кошки, варёными кошачьими глазами, сушёными лягушками, поджаренной саранчой, плесенью, которая растёт на деревьях, древесными почками, личинками насекомых… Соусы и приправы были бы весьма однообразны, но обильны, и под ними ты бы не узнал, где что, не отличил бы плесень от личинок, а лягушек от кузнечиков. В качестве холодной закуски тебе бы подали гороховый сыр с толчёным гипсом. Да, да, не удивляйся, в него подмешивают гипс для густоты. А самым изысканным блюдом были бы консервированные яйца — мертвенного зелёного цвета и с отвратительным специфическим вкусом. Их сначала варят вкрутую, а потом консервируют в извести…Ещё рассказывать?

— Как хочешь, — ответил Ваня равнодушно. — Я давно заметил: когда начинает мутить от конкретной гадости, нужно подумать о чём-то ещё более омерзительном, и тошнота проходит. А недавно мне знакомый психолог объяснил, что это известный, даже стандартный метод. Так что спасибо, я уже спокоен как танк и готов дегустировать ласточкины сопли.

— Слюни, — поправил Саша.

— Какая разница? — пробурчал Ваня. — Главное, я согласился. Но за это избавьте меня, пожалуйста, от рыбьего интеллекта, так красиво оформленного зеленью вот тут, на столе.

— Хорошо, — сжалилась Аня. — Рыбьи мозги разрешаю не есть.

Обсудив всё с официантом, довольный Цай Сянь вновь вернулся к беседе с иностранцами.

Меж тем Ваня настраивал себя, как перед схваткой на ковре, он почти медитировал: «Представлю себя китайцем. Я — китаец, я — китаец, я с детства обожаю ласточкины гнёзда… Нет, не получается. Может, тогда внушить себе, что это простой российский суп, борщ, например? Да, так будет легче. Главное, закрыть глаза в самый ответственный момент и отключить обонятельные и вкусовые рецепторы…»

Наконец, пресловутый суп принесли. Цай Сянь расплылся в улыбке. Аня качала головой и восхищённо говорила:

— О, какое чудесное, изысканное блюдо! Право, мы не заслужили столь высокого почтения!

Китаец, все так же улыбаясь, быстро заговорил:

— Вы мои гости и спасители. Я оказываю вам почтение с величайшей радостью. Мне очень хотелось угостить вас чем-то особенным и тем самым отблагодарить за оказанную мне поистине бесценную услугу…

Они довольно долго занимались этим перетягиванием каната. Аня убеждала его, что не стоило так утруждать себя, а он, с милой улыбкой, повторял, что будет чувствовать себя

виноватым, если не окажет должного почтения гостям.

Ваня и Саша смотрели на них с лёгким недоумением: «Сколько можно улыбаться друг другу и говорить ничего не значащие слова?» Они просто не знали, что согласно китайскому этикету именно так и должна проходить беседа. Хозяин сажает гостя на самое почётное место, потчует лучшими кушаньями, а гость всё время говорит, что не стоило так беспокоиться и ему, дескать, ужасно неловко.

Ваня взял пиалу с супом и, напрягая все мышцы лица, выдавил из себя жалкую улыбку. Носом он старался не дышать, чтобы не учуять «превосходного» запаха. Сделав небольшой глоток, он уже приготовился подавлять рвотный спазм, но, к великому удивлению, обнаружил, что суп и в самом деле весьма неплох. Вкус, конечно, специфический, но… не противный, даже приятный. Он отхлебнул ещё разок, а затем ещё и ещё…

— Уважаемый Цай Сянь, — начала Аня, когда суп был съеден и официант подал пирожки с шафраном и жасмином, рисовые лепёшки с грецкими орехами, пресные хлебцы и горячий кисель, — вы — почтенный человек, занимаете такую ответственную должность — помощник начальника ведомства принятия прошений. Так? Не знаете ли вы кого-нибудь из служащих князя Гуна?

— Конечно, знаю, — закивал Цай Сянь.

— У нас есть письмо для достопочтенного князя, и мы хотели бы передать его через надежного человека.

— Зачем вам передавать письмо через чужие руки? Не лучше ли попросить аудиенции у самого князя? — спросил Цай Сянь.

— Но мы недолго пробудем в столице и вряд ли сможем ждать, когда достопочтенный князь предоставит нам аудиенцию, ведь он очень занятой человек. А нам бы хотелось, чтобы прямо сегодня князь Гун получил письмо.

Цай Сянь опять закивал головой.

— Если у вас такое срочное дело к князю, тогда, конечно, лучше передать письмо через посыльного. Я буду рад помочь вам. Подождите меня немного. В соседнем зале наверняка обедает кто-нибудь из челяди князя Гуна.

Цай Сянь поднялся и пошёл в соседний зал.

— Ну что? — друзья посмотрели на Аню.

— Он нам действительно поможет, — ответила она. — Саш, дай мне письмо.

Цай Сянь вернулся не один. Новый китаец поклонился и спросил:

— Уважаемый Цай Сянь сказал, что у вас имеется письмо для князя Гуна. Я с удовольствием передам ему послание, — и он

протянул руку.

Аня вручила бумагу и добавила:

— Это очень, — она сделал акцент на слове «очень», — очень важно для него. Если достопочтенный князь захочет поговорить с нами, мы живём в северном подворье русской миссии.

Китаец поклонился и, улыбнувшись, произнёс:

— Я обязательно передам все ваши слова достопочтенному князю.

Когда китаец ушёл, Цай Сянь, довольный тем, что сумел отблагодарить услугой за услугу, стал беседовать ещё оживлённее. Его всё больше приводила в восторг девушка, так хорошо говорившая по-китайски и знающая в совершенстве конфуцианские книги, классическую поэзию, древние легенды и вообще всё, что касалось Поднебесной.

Уже за чаем он, не удержавшись, спросил:

— Откуда вы так хорошо знаете труды наших древних философов, сказания, легенды, богов? А ваше знание языка? Я ещё не встречал ни одного иноземца, так хорошо говорящего по-китайски. Всё это поистине удивительно!

Аня растерялась на секунду, но быстро сообразила, что ответить.

— Китай — моя вторая родина, — и это была почти правда. — Я выросла в Поднебесной, потому хорошо знаю язык и всё остальное.

— А в какой провинции вы росли? — допытывался китаец.

— Гуандун, — быстро соврала Аня.

В провинции Гуандун жило много иностранцев, особенно в Гуанчжоу.

— А-а, — протянул Цай Сянь. — Я так и думал.

Обед подошёл к концу, но Аня ещё долго благодарила Цай Сяня, а он, довольный, всё кланялся и повторял, что счастлив был пообщаться с почтенными иноземными гостями. На прощание он сказал, что будет рад ещё раз увидеть своих новых друзей, и назвал им свой адрес.

Выйдя из чайной, ребята двинулись к северному подворью.

— Здорово получилось! — сказал Ваня. — Сашка — молодец! — и он хлопнул друга по плечу. — Если бы не твои медицинские познания, как бы мы искали служащих князя?

— Всё равно нашли бы, — рассудила Аня. — Просто это потребовало бы намного больше времени и усилий… Ну, и обед был бы попроще, — добавила она с улыбкой.

У ворот русской духовной миссии ребята увидели Сергея. Он стоял рядом с молоденькой китаянкой и мило беседовал с ней.

— Воркуют голубки, — ядовито прокомментировал Ваня.

— Наверно, и не заметил, что мы уходили, — добавил Саша.

— Да бог с ним, — сказала Аня, — пусть делает, что хочет. А я, например, мечтаю полежать. Устала ужасно! Мы не спали, как следует, кажется, уже дня три.

— Точно, — подтвердил Ваня. — Я бы тоже вздремнул.

Увидев приближающихся иноземцев, китаянка что-то сказала Сергею и быстро пошла им навстречу. Сергей нехотя поплёлся следом. Видно было, что он совсем не рад появлению ребят. Он действительно не знал, куда они ходили, мысли его были заняты совсем другим. Фэйянь, только Фэйянь. Она нравилась ему всё больше: её внешность, очарование, спокойствие, застенчивость, уважительное отношение к нему, готовность услужить… «Что за прелестное создание!» — думал он. И ему казалось, что он ей тоже понравился. Иначе почему она так стеснительно опускала глаза и краснела? «И ещё, — вспомнил он. — Она сказала, что у неё нет жениха. Вот здорово! Значит, у меня есть шанс».

— Вам подать обед? — спросила Фэйянь по-русски.

— Нет, спасибо, мы уже пообедали, — ответила по-китайски Аня.

Китаянка искренне удивилась, а Ваня попросил Аню:

— Скажи, пусть она принесёт попить. После экзотических китайских кушаний всё пересохло в горле.

Аня передала просьбу, и служанка поспешила выполнять её, а гости тем временем направились в свои комнаты.

— Мы были в городе и передали письмо одному из служащих князя Гуна, — сообщил Ваня Сергею.

— В городе? — удивился тот. — А почему мне ничего не сказали?

— Мы вас не нашли, — сухо ответил Ваня.

Сергей промолчал. Они уже вошли в дом и сели вокруг стола в гостиной.

— А вы не хотите есть? — заботливо спросила Аня. — Мы-то пообедали.

— Я тоже, — ответил Сергей и добавил, немного поколебавшись: — Аня, я хотел бы поговорить с вами. Один на один.

Ребята настороженно переглянулись.

— Но это очень личное, — как бы оправдываясь, объяснил генетик.

— А-а, понятно, — протянул Саша, хотя ничего ему не было понятно, как, впрочем, другим.

— Вы прямо сейчас хотите поговорить? — спросила Аня.

— Когда вам будет удобно, — заскромничал Сергей.

— Тогда давайте позже, я очень устала и хочу отдохнуть.

— Ладно, — согласился он.

Фэйянь принесла им чёрного чая и воды.

— Рекомендую чай, — сказала служанка уже по-китайски. — Я вижу, вы устали, а он бодрит.

Аня придвинула к себе кружку с тёплым ароматным напитком, и ребята последовали её примеру.

— Выпейте и вы, — протянула Фэйянь чашку Сергею.

Тот не посмел отказаться и галантно поблагодарил девушку.

Служанка поклонилась и вышла. Ребята ещё посидели немного, потом стали расходиться по комнатам.

— Что-то меня этот чай не взбодрил, — зевнула Аня. — Пойду, всё-таки посплю часок. Если что, разбудите. Ладно? Дверь закрывать не стану.

— И меня в сон потянуло, — сказал Саша. — Точно нам всем пора отдохнуть.

Глава 19
ЗАГАДОЧНОЕ ПИСЬМО

Князь Гун пребывал в ужасном расположении духа. Сегодня утром на аудиенции у императрицы Цыань он узнал ужасную новость. Тайно посланного к нему ночью доверенного евнуха нашли убитым.

— Это сделали люди Цыси, — чуть не плача, прошептала императрица. — Теперь моя жизнь в опасности. Цыси наверняка уничтожила указ. Я уже не смогу сдерживать её. Она стала всесильна. Что нам делать?!

Эта новость сразила князя, он действительно не знал, что делать, и столь непривычная ситуация безумно раздражала его.

«Если Цыси завладела посмертным указом Сяньфэна, Цыань, и правда, в опасности, — размышлял он. — Может, поговорить с Цыси? Нет, бесполезно, она сделает вид, что впервые слышит об указе. Она же хитра, как лиса-оборотень… Вот только почему Цыси вела себя так странно сегодня утром! На её лице не было торжества, — вспомнил он. — Почему? Если ей в руки через столько лет попал вожделенный указ?.. Главноуправляющий сказал, что доклады губернаторов и членов Государственного совета Цыси читала невнимательно и никаких распоряжений и комментариев к ним не дала. В павильоне Соприкосновения Неба и Земли аудиенцию закончила быстро, ни во что не вникая, и поспешно удалилась в свои Западные апартаменты. Совсем не в её духе… Что-то здесь не так… К тому же одна из её служанок проговорилась мне, что слышала, как императрица беседовала со своим главным евнухом Ли Ляньином и его помощником Цынь Чжуном о каких-то иноземцах. И очень гневалась. Что это значит? Пока император Гуансюй слишком мал, иноземцам во дворце аудиенция не назначается… Неприятные письма от послов? Я бы знал о них. Международные дела в моём ведомстве… Поведение Цыси очень странно: должна бы ликовать, а она раздражается из-за каких-то иноземцев… Или просто служанка что-то напутала? Ох, уж эти легкомысленные женщины, болтающие без умолку и любящие делать вид, что во дворце им всё известно…»

Его мысли прервал вошедший слуга. Князь посмотрел на него очень недовольно:

— Что тебе нужно? Я же велел не беспокоить меня!

Слуга упал на колени, лепеча дрожащим голосом:

— Великий господин, ваш начальник канцелярии просит принять его. Говорит, что принёс письмо для вас от неких

иноземцев.

— От иноземцев? — ещё более сердито переспросил князь. — Какое мне дело до них сейчас?

— Он говорит, что письмо срочное и должно заинтересовать вас.

— Заинтересовать? — удивился князь.

— Начальник канцелярии говорит это со слов самих иноземцев… Но… к тому же письмо какое-то странное.

— Чем странное?! — ещё немного и князь Гун просто рассвирепел бы. — Что ты несёшь такое?!

Слуга замялся.

— Не смею знать, — еле слышно проговорил он.

— Ладно, впусти его.

И слуга ушёл.

«Что за напасть сегодня? — думал князь. — Просто повсюду иноземцы! Не многовато ли для одного дня?..»

Начальник канцелярии с поклонами вошёл в комнату и протянул князю письмо. Тот развернул свиток и прочёл буквально следующее:

«Если ты скачешь в поле
На скакуне строптивом,
Но нет у тебя поводьев,
Чтоб сдерживать бег ретивый.
Если ты в лёгкой лодке
Несёшься вниз по теченью,
Но у тебя весла нет,
Чтоб править надёжно ею…[18]

Человек, у которого всё это есть. Чэн Тан»

Князь ещё раз пробежал глазами по строчкам, всё более удивляясь, и уже хотел разозлиться… Но что-то вдруг остановило его. Тень сомнения пробежала по лицу. Он развернул письмо и в третий раз прочёл его, уже досконально вчитываясь в каждый иероглиф. «Это очень не простое письмо, — окончательно осознал князь. — В нём есть глубокий внутренний смысл».

Начальник канцелярии смотрел на своего господина во все глаза, и, конечно, сразу заметил перемену в его лице.

Князь нервными шагами ходил по комнате, и размышлял, размышлял, будто и не замечая присутствия другого человека…

«Они написали письмо с помощью образов, понятных только мне и никому другому. Значит, я должен догадаться о его втором смысле… Чэн Тан, Чэн Тан, человек у которого всё это есть, —

повторял он про себя. — Иноземцы подписались китайским именем. Почему?… — князь остановился, лицо его сделалось красным от напряжения. — Почему они подписались китайским именем?! Оно что-то означает? — Снова зашагал по комнате. — Ну, конечно! — чуть не крикнул он вслух, — Чэн Тан — это имя не обычного китайца, а исторического лица».

Князь Гун должен был хорошо помнить биографию этого значительного персонажа из далёкого прошлого Поднебесной. Последний правитель династии Ся — Цзе-ван бесчинствами и жестокостью восстановил против себя народ и влиятельных князей. Чэн Тан пытался образумить правителя, но тот остался глух к его советам. И тогда, в 1784 году до нашей эры Чэн Тан возглавил восстание и сверг императора с престола. После чего побеждённый император Цзе-ван покончил с собой…

«Итак, жестокий император, кончающий жизнь самоубийством… самоубийством… — это слово так и звенело в голове у князя. — Чэн Тан — человек, одолевший императора, и, он же — человек, у которого есть то, чего нет у меня, — Гун ещё раз взглянул на письмо, пытаясь убедиться в справедливости своей догадки. — *Но нет у тебя поводьев, чтоб сдерживать бег ретивый… Но у тебя весла нет, чтоб править надёжно ею…* Ну, да, конечно!»

Князю вмиг стало всё понятно. Кончающий самоубийством император — это прообраз Цыси.

«У них есть то, чего нет у меня, — мысли спешили, наталкиваясь одна на другую. — У них есть то единственное, что способно сдерживать „бег ретивый“ и позволяет „править надёжно“. И это — посмертный указ Сяньфэна!»

Он даже вспотел от такого открытия. И попробовал ещё раз вспомнить только что минувшее утро: «Цыси была взволнована и рассеяна. Её мысли занимали иноземцы. Значит, служанка сказала правду. Итак, у Цыси нет указа! Это самое главное. Но как же он попал к иноземцам?»

Князь посмотрел на своего служащего. Тот стоял не живой не мёртвый, бледный от волнения и шелохнуться боялся, только внимательно следил за господином всё это время.

— Когда иноземцы передали тебе письмо? — строго спросил князь.

— Сегодня во время обеда. Они сказали, что это очень важно, и я сразу же поспешил к вам.

Князь кивнул одобрительно и продолжил допрос:

— А кто они?

— Я не знаком с этими людьми. Я обедал в чайной «Яшмовое сияние», и мне их представил хороший знакомый Цай Сянь —

помощник начальника Ведомства принятия прошений.

— А он откуда их знает?

— Говорит, что познакомился только что. Иноземцы спасли его от страшных мучений.

Князь Гун удивлённо поднял брови.

— Цай Сянь зевнул неудачно, — поторопился объяснить служащий, — его челюсть перестала двигаться, и страшная боль пронзила всё тело. Никто не знал, что с ним, и только проходящие мимо иноземцы сумели помочь. Один из них, вероятно, хороший лекарь.

«Интересно, куда они шли? — сразу подумал князь. — Этот Цай Сянь попался им вроде случайно, но он и представил им моего служащего. Значит, скорее всего, они шли в „Яшмовое сияние“, чтобы найти там кого-нибудь из моих людей. Многие знают, что именно в этом заведении обедают слуги самых влиятельных персон».

— Сколько было иноземцев?

— Трое. Двое молодых людей и девушка. Именно девушка великолепно говорит по-китайски, её спутники, похоже, не знают нашего языка.

— И больше они ничего тебе не говорили? — допытывался князь.

— Ах, да! — вспомнил начальник канцелярии. — Они же велели передать, что если вы захотите поговорить, они будут ждать посыльного в северном подворье, где живут русские миссионеры.

— Значит, они русские, — сказал князь. — Очень любопытно! Так… Ты сейчас же пошлёшь к ним посыльного с письмом от меня. Впрочем, лучше сам сходи туда. Посыльный не знает, как они выглядят. А свои фамилии они называли?

— Нет, — ответил служащий.

— Значит, тем более пойдёшь туда сам, а я назначу им встречу на завтрашнее утро.

Князь подошёл к резному столику, выдвинул ящик с принадлежностями для письма, достал бумагу и написал:

«Вы хотели посетить мой сад и полюбоваться лотосами. Завтра утром я пришлю паланкин за вами».

Начальник канцелярии взял письмо и, кланяясь, удалился.

А князь решил прогуляться в саду. Там, в тени платанов, ему никто не будет мешать. Письмо иноземцев он взял с собою, чтобы — в который уж раз! — перечитать его и хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию.

Глава 20
ВСЕ ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

Аня проснулась оттого, что кто-то тряс её за плечо.

— Вставай, к нам пришли, — говорил Саша не громко, но в самое ухо.

Аня вскочила и удивлённо захлопала глазами:

— Что-то случилось?

— Пришёл тот самый китаец, которому мы передали письмо. Он ждёт нас в гостиной.

— А Ванька где? — спросила Аня.

— Уже там. Развлекает китайца, — добавил он без тени улыбки.

— Развлекает? — не поняла девушка. — Интересно, чем?

— Свежими анекдотами, надо полагать.

Аня тяжко задумалась, одновременно поправляя одежду и приглаживая свои длинные волосы, потом сказала:

— Знаешь, Саш, с юмором у тебя всегда было неважно. Или это я ещё не проснулась.

В гостиную они вошли вместе. Китаец учтиво поклонился и Аня взяла у него письмо. Саша и Ваня в нетерпении наклонились к девушке, словно и впрямь могли что-то разобрать в этих иероглоифах.

Аня быстро пробежала глазами послание и перевела ребятам. Те сразу догадались, что князь понял их и ответил в том же стиле. Он приглашал их на аудиенцию завтра утром. И это было хорошо.

— Передайте вашему господину, — начала Аня, — что мы многократно кланяемся и с удовольствием принимаем его приглашение. А также просим достопочтенного князя не беспокоиться и не присылать за нами паланкин, мы доберёмся самостоятельно. Но, вне всяких сомнений, мы чрезвычайно признательны и благодарны за такое внимание к нашим персонам.

Китаец откланялся и вышел.

— Вот видите, сработало! — чуть не закричала Аня на всё подворье. — Сам князь Гун примет нас завтра.

— Завтра, так завтра, — равнодушно откликнулся Ваня. — С чего такой восторг? И вообще, ты знаешь, мне вся эта затея с указом не нравится. Чует моё сердце, попадём мы, как кур в ощип.

— Не нагнетай, — строго сказал Саша. — Мы всё уже обсудили. Правильно? И что решили? Лучше отдать указ тому,

кому он должен принадлежать.

— Да ладно, — пожал плечами Ваня, — решили, значит решили. — Потом, помолчав, добавил: — Анют, а ты случайно не вспомнила, что за события произошли с тобой в прошлой жизни, после того, как императора Гуансюя посадили под домашний арест?

— Нет, — как отрезала Аня.

— Странно, — произнёс Ваня всё тем же деланно равнодушным тоном. — Просто никак не возьму в толк эту историю с указом. Ну, смотри: мы всегда попадаем в свою прошлую жизнь в переломный для предшественника момент. В средневековой Францию моему двойнику угрожала смерть в замке, осаждённым крестоносцами, и его сожгли бы на костре вместе с другими катарами, если б мы не сделали того, что должны были сделать. А мы ещё и бесценные реликвии спасли — было, за что рисковать жизнью. В Древнем Египте — спасали вдову Тутанхамона от верной смерти, да и Сашин предшественник в той заварухе отделался лёгким испугом — судьба его резко изменилась к лучшему. Короче, опять всё получилось, как надо. И наш друг Серёжа Борисов, сам написал в дневнике, что попал в свою прошлую жизнь, когда его двойника убил инквизитор…

— К чему ты клонишь? — перебила Аня, потому что ей надоело всё это слушать.

— К тому, что указ Сяньфэна и твоя прошлая жизнь очень крепко связаны. Ты просто обязана вспомнить, почему мы попали именно сюда и в момент убийства евнуха. Пока ты ничего не рассказала нам об этой связи. Только упорно настаиваешь, чтобы мы отдали указ кому-нибудь из противников Цыси. Твой-то интерес в чём? Никак не пойму. Ты безумно любила этого слабовольного Гуансюя? Хочешь, чтобы его не посадили под домашний арест когда он повзрослеет и станет владыкой Поднебесной?

Ваня сделал паузу, но Анюта упрямо молчала, опустив глаза.

— Хорошо, я уже понял, — не унимался Ваня, — ты хочешь, чтобы Цыси умерла прямо сейчас. Тогда, возможно, сама станешь императрицей. В этом, что ли, дело? Ты хочешь власти? — в душе у Вани накопилось много всякого, но он специально говорил коротко, самую суть, и очень старался не обидеть Анюту. Очевидно, старался зря.

— Что ты несёшь? — возмутилась девушка. — Мы отдаём указ князю Гуну только потому, что все вместе так решили.

— Вместе? — саркастически улыбнулся Ваня. — Если учесть, что сперва ты требовала отдать указ в Государственный совет,

наше «совместное» решение — просто вынужденный компромисс, единственно разумная уступка твоему фанатизму. Спасибо Сергею, который предложил передать указ князю. Я помню, какое у тебя было при этом недовольное лицо. Скажи, наконец, почему ты хочешь смерти Цыси? Неужели из корысти?

— Это что, допрос? — Аня покраснела, и губы её дрожали.

— Да! — с вызовом произнёс Ваня. — Мы прибыли из двадцать первого века и должны быть против смертной казни в любой форме. Я уж не говорю о том, что смерть Цыси, о которой ты мечтаешь, перевернёт всю историю вверх дном…

— Откуда ты знаешь? — почти истерично выкрикнула Аня. — И какое твоё дело, хочу я смерти Цыси или нет?!

— Вот те на! — опешил Ваня. — Сама-то поняла, что сказала? По поводу изменений в истории я сейчас спорить не буду. Мы в школе Китай изучали плохо. Я об этой Цыси сегодня узнал. Так что тебе видней, что там, в будущем должно получиться. Просто обидно очень и непонятно, когда ты скрываешь от своих друзей самое важное.

— Ничего я не скрываю! — Аня чуть не плакала. — Всё, что надо, я рассказала. Теперь мы отдадим указ князю Гуну — и делу конец.

— Да? — ехидно переспросил Ваня. — А я, например, боюсь, что при встрече с князем ты наговоришь ему каких-нибудь пакостей, и он обнародует указ, то есть казнит Цыси. А мы и знать не будем — языками, понимаешь, не владеем… Может, ты и в письме написала совсем не то, что прочла вслух? Например, что мы отдадим указ только при условии, что его обнародуют или…

— Ну, знаешь!.. — Аня чуть не кинулась на него с кулаками. — Совсем с ума сошёл. Хватит ерунду говорить! Хватит давить на меня!! И запомните, вы, все!!! Никаких корыстных целей я не преследую!.. Честное слово!! — она, наконец, не выдержала и расплакалась.

Тут Ваня понял, что перегнул палку. Искренность, с которой были сказаны последние слова, не вызывала сомнений.

— Всё! — сказал Саша. — Хватит об этом. Фактически дело уже сделано. Вспять его не повернёшь. А в остальном разберёмся позже. Не плачь, Анюта, — прибавил он довольно сухо, потому что тоже не очень понимал, что с ней происходит.

Аня быстро встала и ушла в свою комнату. Они остались вдвоём.

— И всё-таки, — Ваню прямо распирало, — какое отношение имеет указ к её бывшей судьбе? Ты не боишься, что, действуя вслепую, мы наломаем тут дров? Лично я сильно не уверен, что сейчас мы поступаем правильно, идя на поводу у Аньки,

жаждущей смерти Цыси. В этом случае, если рассуждать логически, история точно изменится.

— Знаешь Вань, если рассуждать логически, история должна меняться от любого, даже самого микроскопического вторжения в прошлое. Ты ведь тоже технарь, ты должен понимать, о чём я. Однако мы уже третий раз летим в разные эпохи, а в нашем времени все по-прежнему. Не говоря уж о том, что Секретная Лаборатория гоняет туда людей ротами, если не батальонами. Значит, всё намного сложнее. Я думаю, разобраться в физических основах путешествий во времени нам ещё предстоит…

— Если честно, — сказал Ваня, — за всю вселенную и нашу с тобой реальность я тоже, знаешь, как-то спокоен. На подсознательном уровне чувствую: тут всё в порядке будет. Меня сейчас совсем другое волнует: что с Анютой случилось? Всё-таки она обманывает нас.

— Сам не пойму, — растерянно откликнулся Саша.

— Может, этот указ вообще не стоило трогать!.. Наверняка он имеет прямое отношение к её прошлой судьбе.

— Да, — согласился Саша. — Аня ведёт себя странно, чего-то не договаривает. Но силой мы у неё ничего не выпытаем.

— Эх, женщины, женщины, — вздохнул Ваня с видом прожжённого ловеласа. — С ними всегда так. Никакой логики — всё на эмоциях. Ах, как они любят всякие тайны, интриги, на пустом месте готовы разыграть спектакль!

А юная женщина по имени Аня сидела в соседней комнате и плакала. Потом немного успокоилась, открыла сумочку, достала зеркальце и расческу. После сна её длинные русые волосы были похожи на кучу соломы. «Ну и видок у меня!» — подумала девушка. Вдруг какая-то неясная мысль больно кольнула в сердце. «Что-то ещё не так?» — пронеслось в голове. Она бросила зеркальце на кровать и ещё раз открыла сумку…

Когда Аня ворвалась в гостиную, где разговаривали друзья, вид у неё был совершенно невообразимый: заплаканная, растрёпанная, переполошённая.

— Его украли! Украли!! Украли!!! — кричала она, не переставая.

Саша и Ваня вскочили и бросились навстречу:

— Что такое?!

— С тобой всё в порядке?

Она уткнулась Ване в плечо и зарыдала. Тот просто опешил.

— Да что случилось, Аня?! — тревога на Сашином лице готова была превратиться в страх: поведение девушки с самого начала настораживало, а теперь… Она рыдала во весь голос и не могла произнести ни слова.

— Успокойся, — гладил её по голове Ваня. Он совершенно не представлял, что говорят и делают в таких ситуациях. Ведь ему ещё никогда не приходилось успокаивать девушку, у которой случилась истерика.

Вдруг Аня замолчала и резко оттолкнула Ваню от себя.

— Ты чего? — не понял он.

Она смотрела на него глазами, переполненными гневом.

— Это ты его украл! — выкрикнула она Ване в лицо. — Ты! Ты!.. — и снова заплакала.

— Что я украл? — растерялся Ваня.

— Сам знаешь что! Указ Сяньфэна!

Ваня вытаращил глаза и, наконец-то, понял, что произошло.

— Ну, ничего себе… — пробормотал он.

— Ты же говорил, что не хочешь ввязываться в эту историю! — сквозь слёзы причитала Аня. — Говорил? Признавайся: говорил? Вот это ты и украл его! — крикнула она ещё раз и убежала в комнату ребят.

Саша и Ваня рванулись следом. А девушка уже схватила Ванину сумку и отчаянно трясла её над кроватью, продолжая при этом плакать навзрыд. Ребята молча наблюдали за ней. Потом Аня взяла сумку Саши и проделала с ней то же самое. Не найдя указа, села посреди беспорядочно наваленных вещей, закрыла лицо руками и разразилась новыми рыданиями.

Друзья присели рядом в полной растерянности.

— Я знаю, ты разорвал указ и выбросил, — бормотала Аня сквозь слёзы, — но так не делают, так нельзя, мы должны были вместе решить…

Саша взял её за руку:

— Ты, главное, успокойся, и тогда мы всё обсудим.

— Чего тут обсуждать? — всхлипывала девушка. — Это Ванька украл указ! Пусть признаётся!

— Ань, я его не брал, — сказал Ваня как можно спокойнее. — Честное слово.

— Грош — цена твоему слову. Кроме тебя — некому! — припечатала она.

— Да подожди ты, — рассердился Саша. — Давай спокойно разберёмся. Итак, у себя в сумочке ты указа не нашла. А когда ты его последний раз там видела?

— Когда ложилась спать, — быстро ответила Аня.

— Точно помнишь? Не могла ты его потерять, пока мы ходили по городу?

— Нет. Я абсолютно точно помню. Придя в свою комнату, я лазила в сумку за носовым платком. Указ там лежал!

— Хорошо, ты только не нервничай, — ласково произнёс

Саша. — Значит, указ пропал, когда ты, то есть когда мы все спали.

— Я-то спала, а Ванька прокрался ко мне и вытащил указ, — безапелляционно заявила Аня. — Заметьте, дверь у меня была не заперта, и я именно вам двоим об этом сказала.

— Но я тоже спал, — начал оправдываться Ваня, — и никуда не ходил, Почему ты мне не веришь?

— А кто тогда взял? — обиженно прошептала Аня.

— Восхитительная логика! — съязвил Саша. — Если не знаешь, обвиняешь первого, кто под руку подвернулся. Ну, ты молодец! Давай всё-таки исходить из презумпции невиновности. Иван говорит, что не брал указа, и мы пока верим ему. Итак, мы все трое спали. Никто никого не будил.

— А может, он притворялся спящим, — не унималась девушка.

— Да подожди ты, Анюта! — Саша пытался обращаться с ней мягко и заботливо, как с больным ребёнком, но периодически не выдерживал и начинал сердиться. — Повторяю: мы все спали. Кстати, и Сергей тоже. Лично я проснулся от стука в дверь. Причём мы её, как и ты, Аня, не запирали. Что было дальше? Я встал, открыл привратнику, тому самому, который нас пускал, когда мы только пришли сюда.

— Такой полупьяный? — уточнил Ваня.

— Ну да, — ответил Саша. — Только теперь он был трезвый. Стучал, между прочим, довольно долго. Сам мне сказал, что еле достучался. Странно, конечно, что мы так крепко спали. Ты ещё позже меня поднялся, правильно?

— Да, и ничего тут странного нет. Устали все жутко, — вздохнул Ваня.

— Вообще, да, — согласился Саша. — Так вот, когда я открыл дверь, привратник доложил, что к нам пришли. Я спрашиваю: «Кто?» Он говорит: «Какой-то китаец». Ну, я попросил его проводить китайца в гостиную, а сам растолкал тебя и говорю: «Разбуди Сергея. Что он не встаёт? А тот спал на соседней кровати, как убитый.

— Знаете, что он сказал мне, генетик наш высоколобый, когда проснулся? — продолжил Ваня этот рассказ. — «Вы, говорит, тут сами разбирайтесь с этим китайцем и указом, а мне до всего этого дела нет. Вы, что называется, приехали и уехали, а мне ещё в этой стране жить, и очень долго. Не хочу в политику лезть».

— Понятно, — кивнул Саша. — На встречу с посыльным Сергей не пошёл и исчез в неизвестном направлении.

— Почему же в неизвестном? — усмехнулся Ваня. — В очень

даже известном. Уверен, отправился к своей красотке.

— Пусть к ней, — махнул рукой Саша. — Мы же не это сейчас обсуждаем, не отвлекайся. Сергей ушёл первым, потом мы с тобой, Вань. А китаец уже был в гостиной, и ты остался с ним, когда я пошёл будить Аню. Аня, ты помнишь, как я пришёл к тебе?

— Ну, — озадаченно посмотрела на него Аня. — Я только не понимаю, для чего ты всё это рассказываешь.

— Мы должны вычислить, кто мог войти в твою комнату, пока ты спала. А для этого необходимо вспомнить каждую мелочь.

— Вы все у меня под подозрением, — хмуро откликнулась Аня. — И ты, и Ванька, и Сергей — каждый мог войти и взять указ. И, что интересно, у каждого есть мотив. Ванька прямо говорит, что не хочет давать хода этому указу; ты — скорее всего, тоже боишься изменить историю; а генетику указ очень даже может пригодиться — ведь это огромная ценность для того, кто остаётся жить в Китае. Продать его кому-нибудь из влиятельных персон — и можно вообще не работать. Нет, неспроста он так быстро смылся, как только все проснулись. Очевидно, побежал прятать указ.

— Допустим, — согласился Саша. — Все под подозрением — это красиво. Как у Агаты Кристи. Но в таком случае надо учитывать и остальных персонажей. Привратник — чем тебе не вор? Он сюда заходил. Двери были открыты. Прежде чем стучать, он дёргал ручку, и вот, обнаружил, что мы все спим. Пошарил в наших сумках в поисках ценных вещей, нашёл только указ, ну, и стащил его.

— Притянуто за уши, — раскритиковала Аня. — Привратник, как пить дать, не знает китайского языка. Зачем ему брать «филькину грамоту»?

— Его мог попросить об этом дьякон, — продолжил Ваня Сашины логические выкладки. — Дьякон-то видел указ, вот его и разобрало любопытство.

— Наверно, он тоже не знает языка, хотя… — задумалась Аня. — Кто-нибудь из китайских слуг мог и перевести ему документ.

— Ну вот, ты уже сомневаешься, — удовлетворённо констатировал Саша.

А Ваня по-настоящему увлёкся этим расследованием:

— Указ мог взять и посыльный китаец. Какое-то время он один оставался в гостиной.

— Нет, — возразил Саша. — Этот ничего не знал об указе. Его просто прислал князь Гун с весьма иносказательным письмом. И

даже в нашем письме не было ни слова о конкретном документе, который можно украсть.

— Если б мы ещё знали, что было в этих письмах на самом деле, — тихо пробурчал Ваня.

Аня метнула в него короткий испепеляющий взгляд, а Саша поморщился и назидательно произнёс:

— Наши враги, которые на самом деле украли указ, больше всего заинтересованы в том, чтобы мы перестали друг другу доверять. Нельзя так вести себя. Давайте будем последовательны в своих рассуждениях.

— Ну, хорошо, — согласился Иван. — Пусть Аня сказала правду. Теперь смотрите: если князь Гун, прочитав стихи, догадался об указе, он вполне мог поделиться этой догадкой и со слугой: не рассказывать о сути, а просто попросить его при случае выкрасть указ.

— Как версия принимается, — кивнул Саша, — но вероятность мала. Китаец совсем недолго был один, да и не знал он, кто из нас спит, кто не спит — риск слишком большой.

— И всё же пока не будем вычёркивать его из списка подозреваемых, — настаивал Ваня.

— Вообще-то, — заявила вдруг Аня, — ко мне в комнату мог войти, кто угодно: и сам дьякон, и любой из слуг, и…

— …и случайные гости любого из них, — издевательски продолжил Саша. — Нет, Анюта, тебя бросает из крайности в крайность. Так мы похитителя не вычислим. Надо искать среди тех, кто видел указ или слышал о нём и мог быть уверен, что документ у нас. Похититель очень рисковал, когда шарил в комнатах, и должен был хорошо представлять, ради чего рискует. Это не был случайный воришка. Ведь у тебя ничего больше не пропало?

— Нет, — подтвердила девушка.

— Вот и думайте, кому нужен указ.

— Дьякону, — напомнил Ваня одну из самых первых версий. — Он указ видел. Интерес на лицо. А исполнителем мог быть любой слуга, тот же привратник, например.

— Итак, первый подозреваемый — дьякон, — резюмировал Саша. — Второй — генетик, тут Аня права, мотивы вполне серьёзные. Третий — слуга князя Гуна.

— Четвёртый — Ванька, — упрямо добавила Аня.

— Но ты же обыскала мою сумку, — возразил Ваня. — Хочешь продолжить обыск? Давай я полностью разденусь. Для доказательства невиновности готов даже на промывание желудка!

Но Аня юмора не воспринимала.

— Мне твоё поведение кажется подозрительным, — заявила

она.

— Ань, да ты с ума сошла! — Саша ещё раз попробовал сгладить конфликт. — Оболенский, конечно, ведёт себя отвратительно. Но это у него врожденный дефект. Ты забыла, что ли?

— Ребята, мне сейчас не до шуток, — вздохнула Аня.

— Тогда поехали дальше, — предложил Саша. — Кто ещё знал об указе или видел его?

— Китаянка, которая обслуживала нас за столом, — сказал Ваня. — Я, правда, не помню, была ли она, когда Сергей показывал указ дьякону?

— Нет, — в один голос сказали Саша и Аня.

— Её точно не было, — повторила девушка.

— Но она могла подслушивать за дверью, — добавил Саша, — поэтому её отметать не будем. Итак, подозреваемых четверо: дьякон, генетик, посыльный Гуна и служанка.

— Пятеро, — поправила Аня. — Иван тоже под подозрением.

Саша устало улыбнулся:

— Хорошо, пусть будет пятеро. Но я бы всё-таки выделил дьякона и генетика.

Ваня походил по комнате и решительно заявил:

— Давайте для начала прижмём генетика к стенке и выбьем из него правду.

— Это верно, — согласился Саша. — А уж потом поговорим с дьяконом. Правда, тут будет сложнее: он не признается, даже если брал.

— Значит, проникнуть ночью в его комнату и поискать, — сказал Ваня.

— Думаю, он запирает свой дом на ночь, — нахмурился Саша.

— Тогда пролезть заранее и спрятаться, — не сдавался Ваня. — Я могу это сделать.

— Ладно, — Саша не спорил. — Подумаем ещё. Давай сперва разберёмся с генетиком.

— А ещё надо спросить привратника, не заходил ли сюда кто посторонний, — резонно добавил Ваня.

— Мысль хорошая, в принципе, — одобрил Саша. — Но если честно, не представляю, как эти посторонние могли прослышать об указе.

— Пошли, — сказал Ваня. — Спросить всё равно не вредно. Сам же призывал всё делать последовательно.

Привратник заверил их, что кроме того самого китайца, других незнакомых людей сегодня не было. Только прихожане пожаловали к обедне, так ведь он каждого в лицо знает.

— Православных в Китае мало, — стал объяснять привратник. — Посольские, да албазинцы.

— Что за албазинцы? — насторожился Ваня, у него сразу появился блеск в глазах, как у настоящего детектива.

— Так это ж потомки наших казаков, уведенных в плен ещё императором Канси. Давно это было.

И привратник не поленился рассказать вкратце, благо был почти трезвым, то есть пребывал в том миролюбивом состоянии, когда голова уже не болит, а язык ещё не заплетается.

— Ещё в самом начале XVII века русские охотники и золотоискатели стали осваивать Приамурские территории. Город Албазин как раз и был русским воеводством на Амуре. Ну, император Канси, видя такое дело, решил послать против албазинцев пятнадцатитысячный отряд. Город был укреплён отлично, но войска там стояли немногочисленные. И в 1685 году Албазин пал, крепость была разрушена. Часть казаков отпустили, но сорок пять мужчин а также нескольких женщин с детьми увели в плен. Канси поступил с албазинцами более чем гуманно: холостым назначил жён-китаянок, всем пожаловал земли в столице, зачислил в восьмизнамённое цинское войско и даже разрешил построить часовню и проводить богослужение.

— Эта часовня вот здесь стояла, в самом центре подворья, — показал рукою привратник. — А сейчас, вы сами видите, тут Храм Сретения Господня. И знаете, на чьи деньги, заместо убогой часовенки, такую церкву выстроили? Китайское правительство не поскупилось. Некоторые албазинцы со временем отошли от веры, их потомки стали китайцами в полном смысле. А другие сохранили христианские традиции. Таких немного, но очень хорошо, что эти люди есть. Жаль, что не каждый день заходят.

Ваня терпеливо выслушал явно избыточную для них информацию и сказал:

— Про албазинцев я понял. Это были ваши старые знакомые, которые давно не захаживали. А посольские?

— А вот посольских как раз и не было, — развёл руками привратник. — Иногда ещё приходят родственники к слугам-китайцам, но редко, они всё больше сами к ним бегают. Сегодня никого из китайцев не было.

— На хитрюгу этот привратник не похож, — заключил Саша, когда они отошли уже достаточно далеко. — Вряд ли это он залезал к нам. И прихожан здешних тоже подозревать трудно.

— Согласен, — кивнул Ваня, — пошли разыскивать генетика.

Однако разговор с Сергеем Борисовым не дал практически ничего.

— Да вы что, ребята? Зачем мне нужен этот указ?! —

возмущался он. — Я что, похож на вора или на психа, который готов хранить у себя опасные для жизни документы?

Говорил он весьма убедительно, но… одна деталь смутила ребят. Когда они только сообщили ему, что посмертный указ Сяньфэна пропал, Сергей как-то очень фальшиво удивился, а вообще был совершенно спокоен. То ли его эта проблема не волновала вовсе, то ли он что-то знал, но не хотел говорить. Короче, все вопросы так и остались без ответов.

— Плохие мы детективы, — посетовал Ваня. — Не так надо было начинать беседу с генетиком. Мы ему сразу всё выложили, а надо было задавать наводящие вопросы.

— Какие, например? — полюбопытствовал Саша.

— Ну… — Ваня задумался, — например, где он был и что делал в то время, когда похитили указ, и кто это может подтвердить.

— Более глупого вопроса ты, конечно, не мог придумать, — ухмыльнулась Аня. — Он бы тебе ответил, что спал, а подтвердить это можете вы с Сашкой. Потому что тоже спали. Или не спали, а все дружно прикидывались.

— Ну, опять начинается, — вздохнул Ваня. — Я понял: ты сама и припрятала этот указ, чтобы тайком от нас передать его не князю Гуну, а кому-нибудь из ярых противников Цыси — для обнародования. А потом разыграла перед нами трагикомедию с морем слёз. Браво! Сцены больших и малых театров ждут тебя!

Это было довольно жестоко со стороны Вани, но, в конце-то концов, сколько можно терпеть обидные реплики в свой адрес?

— Да ты… да ты… — Аня буквально задохнулась от обиды. — Ты просто мерзавец!

— Вот она классическая двойная мораль: одним можно всё, другим — ничего, — Ваня с достоинством повернулся к Саше. — Согласитесь, господин Ветров, моя версия тоже имеет право на существование.

Саша улыбнулся, но почёл за лучшее промолчать. И Ваня подытожил:

— Так что подозреваемых у нас уже не пять, а шесть. Или у тебя есть алиби, Анюта?

— У тебя его тоже нет, — заявила Аня.

— Есть. Мы были вместе с Сашкой и Сергеем.

— Вы все спали. Это не алиби. Правда, Саш?

Саша опять всё так же молча улыбнулся.

Тогда Ваня сделал очень серьёзное лицо, обхватил голову руками и воскликнул:

— Как же мы опростоволосились! Надо было брать генетика «на понт».

— Как это? — не поняла Аня.

— Ну, сказать, что я или Сашка видели, как он заходил к тебе и копался в твоей сумке.

— Так он бы всё равно отрицал свою вину, — пожал плечами Саша.

— Ты не понимаешь! — с жаром сказал Ваня. — В этом случае по его реакции мы бы сразу всё поняли.

— Не уверен, — засомневался Саша. — Генетик очень не прост. К нему надо найти новый подход. А пока предлагаю проверить дьякона.

— Только не надо забираться к нему в дом и сидеть там до ночи под диваном, — сразу сказала Аня. — Это может закончиться большими неприятностями.

Ребята не стали спорить. Аня что-то опять сникла, в глазах её заблестели слёзы.

— Нет, мы теперь не отыщем указа, — проговорила она вдруг в отчаянии и, не удержавшись, расплакалась.

— Ну что ж ты так убиваешься? — Саша не понимал, как помочь девушке и ужасно страдал от этого. — У нас ещё есть время. Подумаем, приглядимся к людям, расспросим слуг… — всё это звучало полнейшей бессмыслицей, но надо же было хоть что-то говорить!

Аня внезапно изменилась в лице, вытерла слёзы и сказала:

— Я сама пойду и поговорю со слугами. Спрошу, не входил ли кто в дом для гостей за последние три часа. Это хорошая идея.

И, не дожидаясь других мнений, быстро, едва не бегом, направилась к дому прислуги. Прошло около получаса. Аня вернулась совсем грустной и доложила бесцветным голосом:

— Никто ничего не видел. Никто ничего не знает. Всё это бесполезно.

— Но ты хоть скажи нам, Анюта, — Саша старался предельно осторожно подбирать слова, — этот… указ… настолько… важен для тебя?

— Очень важен, — начала Аня.

А потом долго смотрела на Сашу оценивающим взглядом, словно перебирала в голове какие-то варианты.

И Ваня то ли не выдержал затянувшегося молчания, то ли решил провести психологический эксперимент. Он спросил коротко и резко:

— Почему?

Ответ последовал мгновенно и прозвучал ещё более резко:

— Потому!

Саша был так разочарован, что Аня даже попыталась исправиться, добавив лично для него:

— Я уже говорила об этом. Вы просто мне не верите…

И быстро-быстро пошла к дому.

— Олух царя небесного! — накинулся Ветров на Ивана. — Это ты спугнул её! Сейчас можно было выпытать самое главное! Она так переживает!.. Она хотела рассказать, а ты опять орать начал: «Почему, почему»!

— Нет, Сашка. Не во мне дело. Здесь что-то не так… Пошли, нельзя её сейчас одну оставлять.

— Конечно, нельзя, — согласился Ветров.

Глава 21
ИГРА ПО ПРАВИЛАМ ИЛИ ВИЗИТ В РАЙСКИЙ САД

Несмотря на то, что выспались днем, ночью тоже спали неплохо — всё-таки перенервничали все. А, проснувшись утром, на свежую голову приняли однозначное решение: к князю Гуну идти надо.

— Он ждёт нас с указом, — рассудил Саша. — Не придём — будет крайне подозрительно.

— Согласен, — подтвердил Ваня. — Надо играть по правилам. Если не прийти, он решит, что мы отдали указ кому-нибудь другому.

— И, скорее всего, — подхватил Саша, — затеет охоту на нас. Куда мы тут денемся от его клевретов? Лучше уж добровольно сдаться и рассказать всё по-честному. Хотя от подозрений нас это, конечно, не избавит. Как же всё нескладно получилось!..

Завтракали молча. Настроение у всех было прескверное. Последняя фраза Саши насчёт возможных подозрений князя никому не давала покоя. Если не поверит — пиши пропало!

Улицы Пекина встретили их ещё более невообразимым шумом, чем накануне. Ребята продирались сквозь толпу и про себя возмущались: «Почему здесь народищу тьма, а улицы такие узкие?»

— Знаете, — озвучил общие мысли Саша, — я где-то читал, что если всё население Китая дружно прыгнет с двухметровой высоты, то это вызовет землетрясение силой в четыре с половиной балла по шкале Рихтера.

— А, по-моему, на все двенадцать баллов тряханёт! — проворчал Ваня.

— Да нет, — сказал Саша, — это же не случайная цифра. Ещё в 1969 году геофизик Дэвид Стоун проделал соответствующие расчёты, а в 2001-м эту гипотезу экспериментально проверили в Англии: попросили миллион детей по всей стране прыгать в течение минуты. В результате — трёхбалльное землетрясение, которое, естественно, разрушений не принесло. Так вот, при помощи этого нехитрого трюка миллиард китайцев вполне может погубить пол-Америки. Договорились, подпрыгнули — и всё: экономике США нанесён невосполнимый ущерб. Земля-то круглая, поверхностные волны от прыжка будут расходиться во все стороны внутри земной коры, и максимума достигнут как раз

в Штатах. Считайте сами: вес среднего китайца — шестьдесят пять килограммов, энергия одновременного удара от миллиарда китайцев составит примерно полтора триллиона джоулей, что соответствует землетрясению в те самые четыре с половиной балла. Но это разрушения невеликие. Чтобы усилить эффект, надо сделать следующее: когда волна обежит вокруг планеты и вернётся обратно в Поднебесную, китайцы уже должны ждать на двухметровой высоте, чтобы вновь прыгнуть. Так, прыжок за прыжком можно вызвать достаточно сильное землетрясение в Америке. Правда, и сами китайцы пострадают, но в гораздо меньшей степени. Что приятно: никакого ядерного оружия не надо. Всё просто, дёшево, и, — он поднял указательный палец, — экологически чисто.

— Вот уж не знала, что ты в душе террорист и поджигатель войны, — проворчала Аня. — От Ваньки можно чего хочешь ожидать, а от тебя…

Ваня покосился на девушку. Лицо её было совершенно серьезным. Похоже, несчастья последних двух суток окончательно задавили в ней чувство юмора. А Ваня со своим пока не расставался:

— Да уж, — сказал он, — учитывая, что население Китая растёт сумасшедшими темпами, такое «оружие» будет с каждым годом всё актуальнее. Кстати, Ань, сколько народу живёт сейчас в Китае? Ты случайно не знаешь?

— Больше четырёхсот миллионов человек, — буркнула девушка. — Побольше, чем в Европе и Северной Америке вместе взятых.

— Ого! — присвистнул Ваня.

— И заметьте, — добавил Саша, — китайцы необычайно законопослушны. Если прикажут прыгать, они прыгнут без возражений, не вдаваясь в дискуссии, как русская интеллигенция.

Ваня вдруг обратил внимание, что Анюта идёт и всё время оглядывается.

— Что ты крутишь головой, как сова? — подколол он девушку её же любимой фразой.

— Мне кажется, за нами следят, — прошептала она, хотя шептать на шумной улице было совсем не обязательно — тут хоть надорвись в крике, никто тебя не подслушает.

— Тогда тем более не стоит так часто оборачиваться, — рассудил Ваня.

— Я просто хочу убедиться, что уже видела вчера этого китайца, — объяснила Аня. — Трудно сказать наверняка — столько лиц мелькает! Но интуиция мне подсказывает: это слежка.

— И почему твоя интуиция не подсказала тебе вчера, что указ похитят? — грустно улыбнулся Ваня. — Спрятала бы хоть под подушку…

— Моя интуиция спала вместе со мной, — огрызнулась Аня. — Ей тоже иногда отдыхать нужно.

— Интуиция, к твоему сведению, никогда не спит, — назидательно произнёс Ваня. — Ведь это наше подсознание. Оно работает всегда.

— Ты мне голову не дури: «сознание», «подсознание»! Говоришь красивые слова, а сам, наверное, не понимаешь, что это такое. Психолог-самоучка! То у него медитация, то бетонным столбом себя представляет… Вот представь себя хорошенько и молчи, как столб.

— Зря ты так, — обиделся Ваня. — Если я о чём-то говорю, значит понимаю. Твой разум — это сознание. Разум — своего рода цензор, который нас контролирует, опираясь на привычную логику. А подсознание — это и есть интуиция, предчувствие. Если угодно, знание без понимания. Могу привести пример. Идёшь по сосновому лесу, кругом пахнет хвоей, хрустят сухие ветки, где-то кукушка кукует, красиво так, тихо, благостно. Вдруг ты увидела белку. Она прыгает с ветки на ветку. Ты останавливаешься около высокой сосны, поднимаешь голову вверх и ищешь глазами зверушку. И тут тебе на голову падает тяжеленная сухая ветка…

— И убивает наповал, — мрачно завершила девушка. — А в сознании перед смертью проносится: «Эх, дура я, дура, зачем под ёлкой остановилась?!»

Ребята невольно рассмеялись, радуясь, что чувство юмора у Ани всё-таки сохранилось, хоть и несколько черноватое.

— Ну, во-первых, не под ёлкой, а под сосной, — поправил Ваня, отсмеявшись. — Ты слушаешь невнимательно. А, во-вторых, я же ещё ничего не объяснил. В любой ситуации сознание способно распознать и запомнить только самый сильный сигнал. В данном примере: «Не стой под сосной, это опасно, может упасть ветка». А в подсознании сохраняются и все остальные сигналы, связанные с падением ветки. И то, что в это время пела кукушка, и то, что пахло хвоей, и ветки хрустели под ногами… Подсознание запоминает всё. В результате: для сознания — будь осторожен, подходя к сосне; для подсознания — опасайся деревьев, и хруста веток, и голоса кукушки, и запаха хвои… Понимаете разницу?

— Ну, и что? — спросила Аня.

— А вот что. Проходит много лет, ведь речь не идёт о смертном случае, и упавшая ветка благополучно забыта. Ты опять гуляешь по лесу, причём, по совершенно другому. Послышалось

далёкое «ку-ку», пахнуло хвоей, хрустнули ветки… И тебя охватывает беспричинное волнение. В чём дело? Сознание начинает подавлять тревогу: чего бояться? Тишь да гладь кругом. Но интуиция даёт сигнал — предчувствие беды. Подсознание всё помнит и боится! «Нечего бояться, — повторяет сознание и начинает перетолковывать предчувствие по-своему, опираясь на логику. — Наверно, от избытка свежего воздуха разболелась голова. Или просто устала». И мы заставляем интуицию умолкнуть, «гасим» её: «Всё это ерунда. Где тут опасность?»

— Забавно, — сказал Саша.

— Можно и другие примеры привести. Ты разговариваешь с неприятным тебе человеком и подсознательно запоминаешь его мимику, жесты, тембр голоса. И если, вдруг, в ком-то из знакомых подсознание отметит один из этих признаков, человек покажется неприятным без всяких видимых причин.

— Ну, хорошо, а как же случаи предчувствия, когда людям удавалось избежать катастрофы? — наконец, и Аня увлеклась темой. — Они вдруг отказались лететь на самолёте или не сели на «Титаник» — были же такие. Где они могли получить подсказку? Из каких ячеек памяти сумели выудить нужные признаки?

— Сложный вопрос, — ответил Ваня. — Но ответ на него, наверняка, есть. Помните, мы читали дневник генетика? Там было про «спящие гены», которые отвечают не за строение клетки, а несут информацию о прошлых жизнях. Скорее всего, именно в прошлых жизнях тех людей и были аналогичные ситуации…

— Ну да, — включился Саша, — например брат моего дедушки был потенциальным пассажиром суперлайнера «Максим Горький», разбившегося в тридцатые годы. Попасть на тот рейс было очень почётно, но он забыл включить будильник и проспал свою смерть. Очевидно, в свою первую авиакатастрофу, — с каменным лицом добавил Саша, — дядька угодил в прошлой жизни, где-нибудь в Древнем Египте.

— А вот зря смеёшься, — миролюбиво улыбнулся Ваня и тут же придумал ответ: — Может, он был изобретателем, придумал какие-нибудь крылья из папируса и сильно покалечился, пытаясь взлететь.

— Красивая гипотеза! — оценила Анюта.

— А так и получается! — оживился Ваня. — В прошлой жизни происходило что-то, чисто внешне похожее: корабль, море, птицы в небе… И, вообще, многие философы, признающие реинкарнацию, то есть переселение душ, уверены, что человек, рождаясь вновь, всякий раз проживает похожую жизнь. Каждому дано пройти некие испытания. Не сумел с первого раза — в

следующей жизни всё повторится заново, но уже приобретён опыт, которым можно воспользоваться, если слушать своё подсознание — ведь только там хранится память о событиях прошлых жизней.

— Между прочим, — решил добавить Саша. — Всё это хорошо известно медицине. Есть много разных фобий: клаустрофобия — боязнь замкнутого пространства, страх высоты, гидрофобия, то есть боязнь воды и так далее. Для борьбы с ними психиатры частенько пользуются гипнозом. Вводят пациента в транс, то есть отключают сознание. И начинает работать подсознание. Тут и выясняется, что причины скрыты в далеком детстве, о событиях и впечатлениях которого пациент благополучно забыл. И бывают случаи, когда человек так глубоко уходит в себя, что вспоминает уже прошлую жизнь. К примеру, он там утонул, вот и боится теперь воды. Или страдает клаустрофобией, так как был живьём замурован в стену или закопан в могилу.

— А казнённый в бочке с известью терпеть не может свежепобелённых потолков, — чувство юмора у Ани оставалось весьма своеобразным.

— Далась тебе эта бочка! — удивился Ваня. — По-моему у них тут есть казни и пострашнее.

— Да не в казнях дело, — объяснила Анюта. — Просто мне не нравится такая примитивная логика. Может, оно всё так есть. Но хочется думать, что это не закодированное подсознание, а мой собственный ангел-хранитель, он-то и подсказывает, как жить, он и бережёт от опасностей. Могу я в это верить?

Ваня ответить не успел. Совсем рядом раздались уже знакомые ребятам гортанные крики: «Тай тоу!» и «Цзе гуан!».

— Какого-то большого человека в паланкине везут, — предупредила Аня.

Все прижались к стенам. Мимо двигалась целая процессия: восемь носильщиков с роскошным паланкином и впереди — слуга с гонгом, который время от времени ударял в него и кричал, оповещая толпу о своём приближении.

— Нет, это не мандарин, то бишь, комендант города, — сказала Аня. — У мандарина процессия пошикарнее. Впереди, кроме человека с гонгом, шли бы ещё глашатаи и куча охранников с цепями и кнутами. А здесь всего два охранника, да какие-то женщины-служанки. Это просто какой-нибудь крупный чиновник.

Паланкин поравнялся с ребятами, и под атласным, расшитым цветами балдахином они увидели не чиновника, а женщину, сидевшую спокойно и надменно, как статуя. Её кукольное лицо

было так сильно напудрено и нарумянено, что казалось это и не лицо вовсе, а маска. Чёрные блестящие волосы — уложены в замысловатую причёску и украшены белыми цветами, то ли настоящими, то ли очень искусно сделанными. А неподвижные, будто стеклянные глаза, казалось, не видели ничего вокруг.

— Мумия какая-то, — недовольно буркнул Ваня.

— Здесь так принято, — объяснила Аня. — Знатные люди должны держать себя с достоинством и надменностью.

— Постойте! — вдруг сказал Ваня. — Они остановились вон у того особнячка. Давайте посмотрим, как мумия будет слезать с паланкина.

— И охота тебе тратить на это время? — спросила Аня.

— Охота. Интересно же! Где ещё увидишь, как мумия оживает?

Саша усмехнулся, Аня только плечами пожала, а Ваня заторопился к паланкину. Совсем близко стоять было опасно. Охранникам это не понравилось бы.

Носильщики опустили свою ношу, и две служанки тут же подбежали помогать хозяйке — подхватили её, как пушинку и аккуратно поставили на землю. Знатная дама постояла немного, отдавая распоряжения слугам, а потом как-то очень неуверенно пошла, семеня маленькими ножками и покачиваясь из стороны в сторону. Служанки заботливо поддерживали её с двух сторон, словно боялись, что она упадёт. В общем, видно было, что без их помощи дама не сможет нормально передвигаться.

— Что это с ней? — удивился Ваня. — Совсем больная тётенька.

— Нет, она абсолютно здорова, — грустно улыбнулась Аня. — Если не считать, что специально изуродовала себя ради красоты.

— Ты имеешь ввиду этот древний обычай… — стал вспоминать Саша.

— Ну да. Я говорю об идеале китайской красоты. Здесь любая знатная дама идёт и качается, как тростинка. А как ещё ходить на этих малюсеньких ножках? Да вы взгляните на её ступни. По-моему, это ужасно, — скривилась Аня.

— Да, — присмотрелся Саша. — Размер ноги просто детский. И форма ступни какая-то странная. Как она вообще ходит? Не понимаю.

— Такая ножка называется «золотой лотос». Абсурдный идеал женщины-китаянки — быть не в состоянии твёрдо стоять на ногах и падать буквально при дуновении ветерка из-за маленьких ступней. И форму ножка должна иметь дугообразную, как цветок лотоса или как молодой месяц. Чтобы получить такую ступню,

девочкам в шести-семилетнем возрасте подгибают к подошве все пальцы на ногах, кроме большого, и туго перебинтовывают. Девочки всё время носят эти бинты, лишь изредка меняя повязки. Процедура жутко болезненная, они не то что ходить — они спать нормально не могут. Боли просто невыносимые! Не случайно у китайцев есть поговорка: «Красота требует страданий». В итоге, нога перестаёт расти, неестественно изгибается, четыре пальца, прижатых к ступне, атрофируются, становятся совершенно плоскими. Если разбинтовать такую ногу, вид её просто ужасен: кожа красная, морщинистая, к искривлённой стопе лепятся плоские, безжизненные отростки.

— Бр-р-р! — поёжился Саша. — И зачем это нужно?

— Я же говорю, для красоты, — ответила Аня. — Без этого китайская женщина не сможет удачно выйти замуж.

— И что, все женщины вот так над собой издеваются? — спросил Ваня.

— Нет, конечно. Маньчжуры, например, вообще ничего подобного со своими девочками не проделывают, понимают, что для здоровья это вредно. Однажды маньчжурский император даже выпустил указ о запрете бинтования ног, но… бесполезно. Китайские женщины так и продолжают уродовать свои ноги. Правда, бедные не делают этого, так как работают наравне с мужчинами, например, в поле. «Золотой лотос» — привилегия знатных китаянок. И если китайские мамаши достаточно усердно добиваются «идеальной красоты» своих дочерей, девочки, вырастая, совсем не могут ходить самостоятельно — их носят на руках служанки.

— Конец XIX века, а тут дикость какая-то! — не переставал удивляться Саша. — Уж лучше нос прокалывать, как это делают папуасы.

— А также россияне, немцы, французы и прочие весьма цивилизованные поклонники пирсинга в XXI веке, — добавил Ваня.

— Так я и говорю — лучше, — не спорил Саша. — А эту жуть кто мог придумать?

— Мода на «золотой лотос» существует очень и очень давно. Могу рассказать легенду на этот счёт, — предложила Аня.

Они уже шли дальше по улице. Знатная китаянка давно скрылась в своём доме.

— Говорят, у императора династии Тан была наложница по имени Яо Нян. Император повелел у себя во дворце сделать из золота лотос высотой больше полутора метров. Внутри цветок выложили нефритом и украсили драгоценными камнями. А Яо Нян император приказал туго забинтовать ступни, чтобы они

напоминали молодой месяц, и в таком виде танцевать перед ним внутри цветка. Танцующая наложница была настолько легка, грациозна восхитительна, что, казалось, она порхает по лепесткам лотоса. Рассказывают, что с того времени и началось бинтование ног. Все мужчины хотели видеть своих жён с ножками, как у Яо Нян в виде молодого месяца. Так название и возникло — «золотой лотос».

— Хорошо хоть маньчжуры не переняли этого варварского обычая, — сказал Ваня. — Может, запретят, наконец, и для китайцев тоже?

Аня только плечами пожала.

Да, именно Цыси в последние годы своего правления издаст указ о запрещении бинтования ног — для всех. Не потому что вдруг станет хорошей и правильной — просто время такое наступало, Цыси вынуждена была идти на уступки реформаторам, и, разумеется, долгий период её правления был отмечен не только кошмарами мракобесия, но и серьезными шагами по пути прогресса. Например, первый университет в Пекине открылся тоже при Цыси. Но Аня могла это знать только из книг, прочитанных на русском языке — её предшественница Чжень последних лет правления Цыси не застала. Да и так уж ли это важно? Ведь никакие благородные начинания не искупят тех страшных жестокостей, что совершала эта женщина в течение десятилетий.

— Я этих китайцев вообще не понимаю, — ворчал Ваня. — Законы — суровейшие, еда…, — он запнулся, — специфическая, идеал красоты, мягко говоря, варварский.

— А религия? — подхватил Саша, — Настолько всё непривычно!

— Разумеется, — согласилась Аня. — Просто во всём надо разбираться. В Китае три основных религии: конфуцианство, даосизм и буддизм.

— Извини, — перебил Саша, — я вспомнил одну историю. Американский психолог встречался с тибетским гуру и попросил изложить суть буддийского учения в нескольких фразах, а лучше в одной. «Я могу это сделать, — ответил тот, — но чтобы понять сказанное мною, вам потребуется много лет». «Всё равно скажите», — настаивал психолог. «Пожалуйста, — согласился учитель. — Суть в том, что вас реально не существует».

Аня и Ваня невольно остановились и внимательно посмотрели на Сашу, очевидно, хотели удостовериться, что он всё-таки существует.

— Интересная мысль, — проговорила Аня.

— Мысль интересная, — откликнулся Ваня с неясной

интонацией. — Для нас с вами сейчас это особенно актуально: вроде мы есть, а вроде и нет нас — случайные, временные гости из другой эпохи.

— Это точно, — кивнула Аня. — Но, всё-таки, Саш, что он имел ввиду: «Нас реально не существует»?

— Я, вообще-то, не буддист, однако попробую изложить свою точку зрения. Практически во всех религиозных учениях присутствует мысль о первичности сознания, а не материи. Например, в индуизме есть Брахма, который сотворил мир из самого себя усилием воли. И в особом психологическом состоянии — «майя» — нам только кажется, что мир реален. На самом деле всё это — иллюзия. Смысл жизни каждого индуиста — освободиться от этих чар. А буддизм вырос из индуизма. И буддисты также утверждают, что мир — это не реальность, а наше воображение, причём воображение постоянно меняющееся. Страдание, например, возникает только из желания удержать то, что кажется нам реальностью. Поэтому цель буддиста — забыть про иллюзорный мир и уйти в небытие, в нирвану.

— Кстати, для этого и придумана медитация, — вставил Ваня, — Ты можешь представить себя кем угодно, изменить реальность, расширить сознание. Ты можешь путешествовать вне времени и пространства, слиться с Единым разумом или, как его ещё называют, Супер-Сознанием. Мы созданы Им и возвращаемся к Нему, соединяемся с Ним.

— Эта теория не для меня — махнула рукой Аня. — Сознание расширять как-то страшновато, уйдёшь в вашу нирвану и назад дорогу не найдёшь. А мне ещё хочется пожить в этом иллюзорном мире. Мне он нравится.

Тем временем они свернули на перпендикулярную улицу и вскоре подошли к большим красивым воротам. Аня постучалась. Привратник открыл им и долго смотрел изучающим взглядом.

— Проходите, — сказал он, наконец, пуская иноземцев во двор. — Мой господин ждёт вас в саду. Следуйте за мной.

И повёл ребят по извилистым дорожкам. Сад занимал огромное пространство и был поистине чудесен! Воздух наполняли нежнейшие ароматы цветов, росших тут в изобилии. Проходя мимо клумб с хризантемами, ребята невольно приостановились, залюбовавшись. Три сорта были особенно хороши.

— Это — «перья аиста», это — «подстриженный бархат», — показывала Аня, — а этот сорт называется «сиши».

— Странное название, — заметил Ваня, — что оно означает? Похоже на суши, японскую еду. Кстати, она на вид очень привлекательна. Может, это после поражения в войне китайцы

назвали свои хризантемы в честь любимого кушанья победителей? В качестве контрибуции.

— Сам ты суши. Во-первых, Японо-китайская война ещё только будет, через четырнадцать лет. А во-вторых, более глупого вывода я ещё не слышала. Это всё равно, что имя золотоордынского хана Батыя произвести от слова «батька» (звучит-то похоже) и заключить отсюда, что он не монгольский хан, а потомственный казак.

— Слушай, а «батька» — это лихо, — оживился Ваня. — Значит, никакого нашествия и не было… Кто это придумал?

— Да мало ли остроумных людей… — уклончиво ответила Аня. — Вернёмся лучше к цветам. Хризантемы сиши назвали так в честь знаменитой красавицы Си Ши, жившей в глубокой древности, в V веке до нашей эры. Существует предание: якобы правитель удела Юэ, потерпевший поражение от правителя соседнего удела У, решил прибегнуть к хитрости и подослал победителю свою наложницу — красавицу Си Ши. Пленившись её красотою, правитель княжества У забросил все дела и предавался исключительно любовным утехам с прекрасной Си Ши. Вскоре войска его были разбиты. Таким образом, красота Си Ши стала причиной гибели целого княжества.

Друзья всё шли и шли по дорожкам и, казалось, парку не будет конца. Они миновали несколько маленьких прудиков, обрамлённых зеленью кустов, бирюзовым бамбуком и раскидистыми деревьями, ветви которых причудливо переплетались друг с другом. Посреди этой зелени возвышались красочно расписанные беседки-террасы с яркими салатовыми, лазурными и красными черепичными крышами, с резными перилами и перекладинами. Каждая беседка имела своё имя: «Беседка радости и веселья», «Беседка мелодичных звуков», «Беседка весеннего аромата»…

— Ну, просто какой-то райский сад! — восхитился Ваня. — Настоящий Эдем. Вот в таком месте можно жить.

Дальше тропинка уводила в чащу сосен. Чуть вдалеке виднелись небольшие искусственные горы, засаженные яркими цветами и бамбуком. А за сосновым парком и искусственными горами — это всё называлось «Садом вдохновения» — открывался большой пруд, сплошь покрытый розовыми и тёмно-красными лотосами. Их были тысячи и тысячи. Они плавно покачивались на воде и источали тонкий, дивный запах. Утки плавали парами, грациозно лавируя меж цветов. По берегам росли изящные ивы и пышные акации, отражения которых окрашивали воду в бирюзовый цвет. Маленькие ворота с табличкой «Нефритовый пруд»,как бы приглашали войти в этот чудесный уголок парка.

Неподалеку возвышалась беседка с поэтичным названием «Беседка кружевных облаков» — вся в инкрустациях и ажурной резьбе. А на окнах её колыхались шёлковые бирюзовые занавески, расшитые розовыми лотосами. К этой беседке привратник и повёл ребят. У дверей попросил остановиться, а сам скрылся внутри. Потом вышел и произнёс церемонно:

— Мой хозяин ждёт вас.

Ребята вошли в беседку с лёгким трепетом. Многое для них зависело от этой встречи.

На каменной тахте, покрытой узорчатым бамбуком, сидел, поджав ноги, князь. На вид ему было чуть больше сорока. Худощавый, лицо чисто маньчжурское, вытянутое, в отличие от круглых китайских лиц. Волосы, как и положено, спереди выбриты, а сзади — длинная коса. Рядом стоял слуга и обмахивал господина веером. Второй прислуживал за столом. К тахте, на которой восседал князь, был придвинут бамбуковый стол и на нём расставлены закуски в расписных фарфоровых блюдах, а в красивых сосудах налито вино. На соседнем столике лежали фрукты: персики, груши, дольки арбузов и дынь. На полу в огромных фарфоровых вазах стояли букеты розовых и красных лотосов. В высокой курильнице чуть дымились изысканные благовония.

Князь Гун сразу пригласил гостей к столу. Слуга тут же поставил ещё одну кушетку и подготовил приборы для еды.

— Как вам понравился мой сад? — вежливо поинтересовался князь.

— Сад просто чудесный, — сказала девушка. — Никогда мы не видели столь восхитительных хризантем и лотосов.

— Да, хризантемы сейчас в полном цвету, — подтвердил князь, и разговор плавно потёк в этом русле.

Беседа шла неспешно, и Аня успевала переводить слова князя друзьям. Когда о цветах было сказано уже достаточно, Гун приказал слуге, отвечавшему за стол:

— Вели подать обед.

Затем обратился к тому, что с веером:

— Ты можешь идти. В ближайшее время ты мне не понадобишься.

Когда слуги ушли, благодушное лицо князя сразу сделалось серьёзным.

— Я прочитал ваше письмо и понял о чём идёт речь, — спокойно проговорил он.

Аня тяжело вздохнула и начала свой рассказ с того момента, как ими был обнаружен труп евнуха. О том, что они из будущего, она, естественно, упоминать не стала.

— Мы совершенно случайно оказались в этом месте рано утром, — объяснила она.

У князя хватило такта не уточнять, как именно они оказались на месте преступления. Он прекрасно понимал, что девушка не хочет и не будет рассказывать об этом. Дальше Аня поведала историю с пропажей указа. Она всё рассказала в деталях, только не стала акцентировать внимания на Сергее и дьяконе, которые были для неё главными подозреваемыми. «Ни к чему это. Не надо разжигать межнациональных конфликтов, тем более что мы скоро отправимся назад, в наше время, а они останутся здесь», — подумала Аня.

Князь слушал очень внимательно, иногда задавал вопросы.

— Почему вы решили, что указ нужно передать именно мне? — спросил он.

Аня знала, что князь задаст этот вопрос, поэтому была готова к нему.

— Раненый евнух шёл именно к вашему дому, — объяснила она. — Когда он упал около ваших ворот, мы подбежали и хотели ему помочь, но он уже не подавал признаков жизни. В руках у него был указ, — в этом месте ей пришлось соврать, иначе князю пришлось бы объяснять, зачем они обшарили труп. — Я прочитала документ и сразу поняла, насколько он важен. Оставлять документ рядом с убитым евнухом мы не решились. Мало ли кто найдёт его!

— Из вашего письма я понял, что вы знаете, кому принадлежит этот указ, и какую политическую роль он играет, — сказал князь и процитировал несколько строчек: — «Если ты скачешь в поле на скакуне строптивом, но нет у тебя поводьев, чтоб сдерживать бег ретивый…», — здесь речь идёт об императрице Цыси, а указ — это поводья, которые смогли бы сдерживать её. Ведь вы это имели в виду, когда писали письмо?

Аня кивнула, но не стала объяснять, откуда они так хорошо осведомлены о дворцовых интригах.

Князь помолчал немного, всё-таки ожидая каких-то объяснений, но не услышав ничего, продолжил:

— Меня очень беспокоит эта кража. Указ, в конечном счёте, нужен только одному человеку, — он не стал называть имя императрицы, — и я догадываюсь, чьи люди выкрали его. Искать вора бесполезно — он сам себя обнаружит, если… вы будете внимательны, — и князь испытующе посмотрел на них.

Когда Аня перевела эти слова друзьям, они просто оторопели:

— Что значит — сам себя обнаружит? Кто обнаружит? Как? — выпалил Саша.

— Чушь какая-то! Я ничего не понял! Объясните! —

потребовал Ваня.

Аня преобразовала всю эту бурю эмоций в один короткий вопрос:

— Почему?

— Потому что дама, — он опять не стал называть вслух имя Цыси, — которой нужен указ, не оставляет свидетелей в живых. Вы видели указ и даже держали его в руках, значит, вы не должны существовать. Тем более, вы — иноземцы, — немного погодя добавил он.

Ваню прошиб холодный пот. Саша тоже изменился в лице. Только Аню, казалось, совсем не тронули слова князя. Она давно знала характер императрицы и ни чему не удивилась. К тому же, она была уверена: указ похитил генетик. Либо дьякон. Либо, на худой конец, Ванька.

— А откуда она, — Саша тоже по инерции не стал называть имя императрицы, хоть и говорил по-русски, — откуда она могла узнать, что указ попал к нам? Разве той ночью за нами следили? Мы никого не видели.

Аня перевела вопрос.

— Хорошо обученные люди умеют следить так, что никто не заметит, — сказал князь.

Ваня ещё раз похолодел. Саша сделался ещё бледнее.

— У меня к вам просьба, — осторожно начал князь, сочувственно глядя на иноземцев. — Я очень признателен вам за искреннюю помощь, которую вы хотели оказать мне, но раз уж так получилось, нижайше прошу вас сообщать мне обо всём подозрительном, что произойдёт с вами в дальнейшем. Если вы даже просто почувствуете что-то неладное, оповестите меня об этом.

— О, мы непременно сообщим вам, если заметим хоть малейшую подозрительную деталь, — заверила его Аня.

Князь удовлетворённо кивнул.

«Что-то он не слишком переживает, что указ похищен, — подумал Саша. — Может, это его слуга, приходивший к нам, и похитил указ?.. Или просто у них не принято показывать свои чувства на людях?»

— Сейчас подадут обед, — напомнил князь. — Прошу отведать моих кушаний.

Ждать пришлось недолго. Слуги внесли первые блюда. Как всегда, трапеза началась с чаепития. Затем подали закуски, в числе которых были и знаменитые солёные утиные яйца чёрного цвета. Ваня этой отравы ещё не пробовал и, конечно же, был тронут редкой возможностью продегустировать такую экзотику. Но Аня всё-таки настояла, чтобы он отведал сие изысканное

угощение.

— Я ещё от ласточкиного гнезда не отошёл! — жалобно пропищал Ваня.

— Ешь давай! — распорядилась Аня. — Отказываться неприлично. Соображаешь, кто перед нами? Это сам князь Гун. Ты должен попробовать всё!.. — и она мило улыбнулась князю, не понимавшему по-русски, но тонко чувствовавшему интонации.

«Это она нарочно, — понял Ваня. — Мстит мне за всё!»

После закусок подали горячее блюдо из трепангов[19]. Ещё один настоящий деликатес. Удивительно, но это блюдо понравилось Ване. Впрочем, отдельные морепродукты он любил и раньше. А тут и пахло приятно, и по вкусу не сильно отличалось от кальмаров или мидий.

Следующим номером Ваня попробовал хвосты омаров, фаршированные свининой, китайскими грибами и водяными каштанами.

Аня, видя, что Иван, наконец, улыбается, предложила ему неожиданное испытание — утиные языки в кислом соусе. Ваня держался молодцом. Он уже стал потихоньку привыкать к традиционной китайской кухне. И даже с удовольствием попробовал суп из акульих плавников[20].

Дальше пошли в ход жареные рыбьи пузыри, раки в чесноке с сахаром и даже какие-то жареные луковицы лилий или других незнакомых растений.

Увидев, что Аня кладёт на салатный лист непонятную смесь, Иван, окончательно осмелев, решил и это продегустировать. Смесь оказалась измельчёнными устрицами, смешанными с ростками бамбука, грибами, водяными каштанами, сельдереем, сваренными на курином бульоне, с добавлением обжаренных кусочков свинины с грибами. И было это всё весьма недурно.

Варёные потроха новоиспечённый гурман проглотил на раз, а мясо с ростками бамбука съел как простой бифштекс с картошкой. Но возникла другая проблема: когда слуга подал пекинскую утку — традиционное китайское блюдо, — места в желудке уже не осталось.

— Жаль, что в меня больше не влезает, — пожаловался Ваня и помолчал немного. — Пекинская утка[21]! — мечтательно произнёс он. — Пожалуй, это то самое блюдо, которое я съел бы с превеликим удовольствием.

Наконец, после утки принесли ещё пирожки с разными начинками, булочки и пресные хлебцы. И, разумеется, чай. Как всегда.

Ваня и Саша так объелись, что почти не могли двигаться. Им совсем не хотелось уходить. Да и князь им очень понравился.

Великолепный собеседник, воспитанный, образованный. К тому же в обществе князя ребята чувствовали себя спокойно и безопасно. Какая-то положительная аура исходила от него… Однако обед подошёл к концу.

А как только гости ушли, попрощавшись и поблагодарив хозяина, князь подозвал одного из слуг:

— Поди, проследи за ними, да не упускай из виду. Возьми с собою кого-нибудь ещё. И докладывайте мне немедленно обо всём, что увидите и услышите. Внимательно смотрите по сторонам. За ними могут следить другие.

Вот какие наставления выдал своему слуге князь Гун.

Глава 22
ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

На обратном пути в северное подворье Аня заметила всё того же подозрительного китайца. Теперь уж было ясно, что он неотступно следует за ребятами. Из толпы он особо не выделялся: обычная синяя хлопчатобумажная рубаха, синие шаровары, соломенная шляпа с широкими полями. Но что-то всё-таки выдавало в нём человека не бедного.

«Веер», — вдруг поняла Аня. Она так обрадовалась своему открытию, что и не заметила, как произнесла это слово вслух:

— Веер.

— Что веер? — не понял Ваня.

— За нами следят, — прошептала девушка.

— А при чём тут веер? — спросил теперь Саша.

— Вон, видите китайца в простой деревенской одежде: синей рубахе и синих штанах? Это именно он шёл за нами от самого подворья. А теперь посмотрите на его веер. Издалека можно и ошибиться, но веер не бумажный — это точно. По-моему, он из сандалового дерева и с резным рисунком. Такие носят только состоятельные люди.

— А не могла ты перепутать этого китайца с другим? — засомневался Ваня. — По-моему, они все на одно лицо.

— Китайцы так же думают про иноземцев, — усмехнулась Аня. — Нет, Вань, я-то хорошо умею отличать их.

— Тогда дело плохо, — загрустил Саша. — И кто же, ты думаешь, послал его следить за нами?

Аня задумалась, и вместо неё ответил Иван:

— Наверное, тот, кто стащил указ. Помните, как сказала мисс Дулитл в «Пигмалионе»? «Кто шляпку свистнул, тот и тётку пришил»… Слушайте! — осенило Ваню. — Может, подойти к нему и по-простому так, по-нашему вытрясти, на кого он работает?

— Ага, — кивнула Аня, — и тебя сразу упекут в тюрьму. А нас вместе с тобой.

— Значит, давайте делать вид, что мы не замечаем слежки, — предложил Саша. — Пусть проводит нас до подворья, а мы потом потихоньку проследим за ним.

— С нашими лицами потихоньку не получится, — вздохнула Аня. — Мы слишком выделяемся.

— У меня идея! — ещё раз осенило Ваню. — Давайте пойдём пустынными переулками. Он, естественно, за нами. И там мы без

свидетелей разделаемся с ним. Выбьем из него всё, что он знает.

— Где ты тут видел пустынные переулки? Везде народу полно. Муравейник он и есть муравейник, — сказала Аня. —Разве что пустыри на окраинах — они заняты кладбищами. Ещё можно пойти в парк, там людей поменьше.

— Да ну вас, это плохой вариант, — покачал головой Саша. — Китаец сразу догадается, что его раскрыли. И вообще, даже если он и пойдёт за нами по пустырям, наверняка будет держаться на почтительном расстоянии. А как только захочешь с ним разобраться, он сбежит. Ты уверен, что сумеешь догнать его?

— Откуда я знаю, — скривился Ваня.

Дальше, до самого подворья они шли молча. Только уже у ворот Саша сказал:

— Знаете, что я думаю? Не надо торопиться. Если он за нами действительно следит, куда он денется?

Китаец в синем по-прежнему маячил за спиной, и возразить было нечего. А очень скоро им всем стало не до него.

Войдя к себе в комнату, Саша и Ваня обнаружили письмо.

«Не ищите меня. Я нашёл свою судьбу и покидаю вас, чтобы начать новую жизнь.

Сергей»

Печатные буквы на листе бумаге были выведены не ручкой или карандашом, а кисточкой и тушью, как обычно писали китайцы.

Ребята тут же ринулись в комнату Ани. Та пробежала письмо глазами, и лицо её буквально перекосилось от злости.

— Всё ясно: это он украл. Вот мерзавец! Я так и думала.

— А, по-моему, ты думала, что это я украл, — кротко проговорил Ваня.

Аня даже не среагировала.

— Надо срочно догнать генетика и отобрать у него указ! — она импульсивно вцепилась в Сашину руку и потащила его к выходу.

— Да подожди ты! — выдернул руку Саша. — Бог с ним, с указом.

— Ты что такое говоришь?! — закричала Аня.

— Я говорю: успокойся немедленно! Сейчас важнее совсем другое. Пока мы носились с этим твоим указом, самое главное забыли. Как мы вернёмся назад без информации о документах?! Генетик сбежал навсегда, и мы даже не успели толком поговорить. Вот ослы! Об этом надо было думать в первую очередь!

— Так мы и думали, — сказал Ваня, — помню, как обсуждали. Но разве всё предусмотришь?

— «Обсуждали»! — передразнил Саша. — Теперь уже поздно копытами стучать и крыльями хлопать.

— Делать и то другое одновременно способен только пегас, — ядовито заметил Ваня. — Ты намекаешь на моё увлечение поэзией?

— Да ни на что я не намекаю! — разозлился Ветров. — Я просто в отчаянии!

— Слушайте, ребята, — Ваня единственный сохранял спокойствие. — Если вы оба начнёте биться в истерике, моих поверхностных знаний по психологии будет явно недостаточно. Придётся применять навыки самбиста.

Саша нехотя улыбнулся.

— Рано впадать в отчаяние, дру?ги мои! — Ваня почувствовал прилив вдохновения — ещё чуть-чуть и он заговорит стихами. Нет, не время… — Надо просто разыскать этого непутёвого Сергея. Куда он тут денется так быстро? Экспрессы до Шанхая ещё не ходят. Самолёты в Нью-Йорк тем более не летают.

— Я же сразу сказала: надо догнать его, — напомнила Аня. — Тем более, что мы знаем, с кем он ушёл.

— Ну, конечно! — хлопнул себя по лбу Ваня. — Он убежал с этой молоденькой китаянкой, как её… Фэйянь.

— Глупо, — припечатал Саша. — Зачем китаянке убегать? У неё здесь хорошая работа.

— Так он же украл указ, — торопливо стала объяснять Аня, — продал его кому-нибудь за большие деньги, скорее всего, людям Цыси. А убежал, потому что боится Цыси — она ж его убьёт как свидетеля. И нас боится — мы его сразу вычислим. Вчера уже к стенке прижали. А китаянку с собой прихватить — не проблема. Они наверняка уже придумали, как распорядиться деньгами. Уедут в далёкую провинцию, купят дом, обзаведутся хозяйством…

— Ну, у тебя и фантазия! — выдохнул Ваня. — Ты всё про своё: указ, указ… Может, он ушёл, чтобы нам про документы на «Фаэтон» не рассказывать. И потом, в записке очень туманно сказано: «Я нашёл свою судьбу…» Про китаянку там ни слова.

— Так, — хмуро резюмировал Саша, — чтобы развеять эти сомнения, давайте разыщем служанку — задача куда как проще. А потом, конечно, будем искать Сергея.

Начали с привратника.

— Я сегодня до полудня не работал, — сообщил он. — Здесь дежурил старый китаец. Однако я слышал, как дьякон говорил

старой служанке, будто Фэйянь отпросилась на несколько дней. Её мать тяжело заболела. А ваш приятель всё время волочился за нею, за девушкой-то. Надо думать, вместе они и ушли.

Ребята хотели выяснять, где живёт мать китаянки, но привратник не знал и отправил их к дьякону.

Тот весьма удивился, что гостей интересует служанка.

— Да наш четвёртый товарищ ушёл вместе с ней, — объяснил Саша. — А он нам очень нужен.

— У девушки больная мать, — сказал дьякон. — Ваш приятель, вероятно, хочет помочь ей. Лучше будет, если вы подождёте, когда он вернётся.

Но ребята настаивали, мол, Сергей нужен им срочно и, в итоге, дьякон уступил: с большой неохотой, но всё же дал им адрес.

— Ничего не понимаю, — сказал Саша. — Зачем генетик потащился вместе с ней? Фэйянь отпросилась всего на несколько дней, а в записке, если я правильно понял, смысл такой, что Сергей ушёл навсегда. — Он достал записку: — Ну вот: «Не ищите меня. Я нашёл свою судьбу и ушёл, чтобы начать новую жизнь».

— Надо идти к её матери. Только там всё и выясним, — предложил Ваня.

— А вам не кажется странным, — вдруг спросила Аня, — что дьякон не хотел давать нам адрес?

— Так он же объяснил, — напомнил Ваня.

— Да ничего он не объяснил! Так, пустые слова, — Аня взяла письмо у Саши из рук. — А эти слова, написанные тушью и печатными буквами? У него что, ручки не было? Он скрывал свой почерк? Чушь какая-то!

Теперь Ваня взял письмо, чтобы рассмотреть его повнимательнее.

— Ты хочешь сказать, что это письмо вообще написал не он?

— Вот именно, — кивнула Аня. — Знаете, что я думаю? Дьякон не хотел давать адрес матери, потому что знал, что служанка пошла совсем не туда. В общем, указ прикарманил дьякон.

Саша покачал головой.

— Опять ты со своим указом. Не вижу связи. Даже если дьякон и взял его, причём тут Фэйянь?

— Странно, что вы не понимаете, — нахмурилась Аня. — Это же так просто. Пока нас не было, генетик каким-то образом узнал, что указ у дьякона. Возможно, ему сказала эта самая китаянка. Допустим, она видела документ, когда убиралась у дьякона в комнате. Ну, и Сергей стал настаивать, чтобы дьякон вернул указ.

— Немыслимая какая-то ситуация, — поморщился Саша. — Генетик ни за что не стал бы ввязываться в это дело, тем более давить на дьякона.

— Не надо так плохо думать о человеке, — возразила Аня. — Может, он хотел реабилитировать себя перед нами, ведь мы его подозреваем и сказали об этом. Или в нём совесть проснулась… А дьякон уже разобрался, что это за документ, и решил не отдавать его. Вот он и упрятал Сергея, а заодно и служанку в какой-нибудь подвал, а потом распустил слух, что у неё заболела мать.

— Это сильно, — усмехнулся Саша. — Скажи уж сразу, что дьякон убил их.

— За такой документ можно и убить, — совершенно серьёзно ответила девушка. — Тем более, кто Сергея искать-то будет, кроме нас? Никто. Ни дипломатические работники, ни купцы. За нас тоже никто не заступится.

— Опять фантазируешь, — усмехнулся Саша. — Полчаса назад ты утверждала, что именно генетик украл указ, что он подлец и так далее, а сейчас у тебя всё наоборот. Дьякон — злодей, а генетик — жертва. Да ещё китаянка до кучи.

— Ну, а ты как объяснишь это странно написанное письмо?

Саша пожал плечами.

— Вообще-то зря ты отметаешь Анину версию, — заступился вдруг Ваня. — Всё может быть. За этот документ действительно могут и убить.

— Ну, хорошо. Давайте всё-таки отправимся по указанному адресу.

Они вышли за ворота и направились к дому матери Фэйянь. И опять за ними неотступно следовал тот самый подозрительный китаец. Он довольно удачно скрывался в толпе и, очевидно, был уверен, что его не замечают. Вообще, если б не бдительность Ани, ребята и впрямь не обратили бы на него внимания.

Путь оказался довольно долгим. Дом матери Фэйянь находился в южной части города, на самой окраине, и представлял собой весьма убогое зрелище: маленький, с небрежной кладкой, кирпич неважного качества, крыша то ли соломенная, то ли тростниковая. Окна выходили в маленький внутренний дворик с небольшим огородом. Войдя в ворота, друзья сразу наткнулись на стену-ширму, поставленную прямо напротив входа.

— Это чтобы злой дух не проник, — объяснила Аня. — Суеверные китайцы считают, что если поставят ширму перед входом, наивный дух испугается и повернёт обратно.

Мать Фэйянь вышла из дома и с удивлением уставилась на

незнакомцев. Выглядела она как абсолютно здоровый человек.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Ваша дочь здесь? — спросила Аня.

— А зачем она вам? — женщина испытующе смотрела на незнакомцев.

— Мы хотим кое-что спросить.

— Да кто вы такие? — не выдержала китаянка.

— Понимаете, — начала объяснять Аня, — ваша дочь работает в северном подворье у русских миссионеров, а мы там живём. Сегодня утром она сказала, что ушла навестить больную мать. Но вы, как я вижу, вполне здоровы.

Старая китаянка растерялась. Она захлопала своими маленькими глазками и быстро запричитала что-то маловразумительное.

Саша дёрнул Аню за руку:

— Эй, ты не перестаралась?

— Да нет, я не сказала ей ничего такого. Просто женщина нервничает. — И Аня повернулась к китаянке: — Так мы можем увидеть вашу дочь? Или её нет дома?

— Её нет дома, — словно эхо откликнулась старая китаянка.

— Где же она?

Старуха замялась:

— Я не знаю. А что вы хотели спросить у неё?

Аня поняла: или мать что-то скрывает, или Фэйянь сюда не приходила. И вдруг придумала, какой нужен аргумент:

— Если вы не скажите, где ваша дочь, она просто потеряет работу.

Мать Фэйянь искренне испугалась и замахала руками.

— Ой, ой, не выгоняйте её с работы! Иначе я умру с голоду. Только она и помогает мне. Я скажу вам честно всё, что знаю, но я не представляю, где она сейчас. Фэйянь не приходила ко мне. Если не верите, зайдите в дом и посмотрите.

Аня повернулась к ребятам и быстро перевела весь их диалог.

— Спроси у неё, — попросил Саша, — есть ли ещё какие-нибудь близкие родственники, к кому она могла пойти?

Аня перевела вопрос.

— Есть старший брат, но она редко бывает у него, — поспешно произнесла старуха. — Он сам обычно приходит. Последний раз вся наша семья собиралась месяц назад на осенний праздник Дэнгао.

— А что это за праздник? — тихо спросил Саша.

— Ну, состязания воздушных змеев, — несколько раздражённо пояснила Аня, не до этого сейчас было! — Дэнгао значит «восхождение вверх». Этот праздник появился ещё при

первых маньчжурских императорах, и до сих пор все собираются на горках и запускают змеев. И верят, что они приносят счастье. Чиновники, например, участвуют в соревнованиях в надежде на восхождение по служебной лестнице.

— Слушайте, это какое-то сумасшествие, — сказал Ваня. Они уже попрощались со старой китаянкой и шли обратно. — Мы здесь провели всего полтора дня, а у меня такое ощущение, что полтора месяца. Завтра в полдень мы, наконец-то, окажемся в своём времени.

— До завтрашнего дня ещё надо дожить, — резонно возразила девушка. — И до завтрашнего дня мы должны вычислить похитителя указа.

— Ну, хорошо, допустим, я ничего не понимаю, — пробормотал Ваня. — Но ты хоть объясни, что происходит.

— А чего тут непонятного? — пожала плечами Аня. — Дьякон стащил указ, а служанку и генетика спрятал в подвале или… убил.

Саша с сомнением покачал головой.

— У тебя нет доказательств, одни догадки. Ты с этим указом носишься, как… с писаной торбой и все свои версии строишь исключительно на его значимости.

Аня остановилась и с возмущением спросила:

— А ты-то сам как объяснишь исчезновение генетика и китаянки? Вот лично у тебя есть версии?

— Какие ещё версии? — устало произнёс Саша. — Сначала нужно выяснить все обстоятельства дела, а уж потом версии выстраивать. Если служанка не пришла к матери — это вовсе не означает, что её держит в подвале дьякон.

— Ну, а что это означает? — Аня обиженно надула губы.

— Вариантов масса на самом деле, — ответил Саша. — Например, китаянка действительно ушла с генетиком, но в дом к матери приводить его не захотела, чтобы не было разговоров. И они отправились искать жильё для себя.

— Что за чушь ты говоришь! — рассмеялась Аня. — Ушли искать жильё! Ха-ха. На какие шиши? У генетика денег нет. У китаянки, думаю, тоже. У неё мать живёт в убогом доме. Если б были какие-то сбережения, она бы первым делом помогла матери, а не покупала дом себе. Вы что забыли, о чём я рассказывала? У всех китайцев в крови почтительное и в наивысшей степени трепетное отношение к родителям. И потом, о намерении создать семью Фэйянь сразу же оповестила бы мать, они бы вместе решали, где жить, и, скорее всего, молодые не покинули бы старуху мать.

— Да что ты на меня набросилась? — обиделся Саша. — Я

только предположил.

А Ваня смотрел на них и улыбался. «Ну, вот и Сашка стал спорить с Аней! А то всё меня одёргивал…» Не переставая улыбаться, он ехидно напомнил девушке:

— А кто нам рассказывал, что генетик продал указ за большие деньги людям Цыси и увёз молодую невесту в далёкую провинцию? Ты сама-то помнишь, что говоришь?

Анюта обиделась не столько на слова, сколько на эту улыбку:

— Чему ты радуешься? Обругать кого-то всегда проще. А ты свою версию предложи!

— Не буду, — сказал Ваня. — По большому счёту, я как раз с тобой согласен. Дьякон ведёт себя очень подозрительно. Помните, вчера ночью я хотел залезть к нему в дом, а вы мне не дали? Зря! Может, тогда и генетик бы не пропал.

— Короче, вы как хотите, а я сейчас приду и устрою скандал этому дьякону. Я его выведу на чистую воду! — распалялась Аня.

— Да ты с ума сошла! — возмутился Саша. — Только скандалов нам и не хватает. А если он невиновен?

— Как это невиновен? — Аня уже не могла остановиться. — Очень даже виновен!

— У тебя нет доказательств, — Саша старался оставаться спокойным.

— У меня полно доказательств!

— Каких? У тебя одни догадки.

— Вот женщины, — усмехнулся Ваня. — Хлебом их не корми, дай поскандалить.

— И ты туда же, — сникла вдруг Аня. — Ну, почему вы все такие…

Оба сразу смягчились.

— Ну, извини, — сказал Саша, — если я что не так сказал.

— Версия твоя, правда, бездоказательна, — грустно пояснил Ваня, — хоть я и поддерживаю её.

— Давайте сначала всё выясним. Я предлагаю действовать, — подвёл черту Саша. — Помните, привратник сказал, что утром дежурил старый китаец. Надо найти его и спросить, не видел ли он, как выходили служанка и Сергей.

— Точно! — поддержал друга Ваня. — Мы про старого китайца совсем забыли.

Они уже подходили к северному подворью и больше не ругались между собой. Они торопились выяснить всё до конца. И даже не вспомнили про того человека, который продолжал следить за ними.

Глава 23
ОБВИНЯЕМЫЙ ВСЕГДА ВИНОВЕН?

Сюрпризам не было конца. Прямо в воротах привратник встретил их со словами:

— Вас дожидается человек.

— Какой человек? — спросили все трое едва ли не одновременно.

— Чиновник из местных. Сказал, что у него к вам серьёзное дело. Служанка проводила его в дом, где вы живёте, и попросила подождать.

Ребята переглянулись растерянно: к чему теперь готовиться?

Посетитель сидел за столом в гостиной и пил чай. Прислуживала ему старая китаянка. Вид у этого чиновника был совсем несолидный. Аня сразу обратила внимание на одежду, по которой безошибочно определялся ранг. Коричневый сатиновый халат с длинными рукавами украшала четырёхугольная нашивка на груди. «Утка, — отметила девушка. — Седьмой ранг. Не очень-то значительная фигура». И бронзовый шарик на маленькой круглой остроконечной шапке подтверждал принадлежность к тому же рангу. Увидев иноземцев, чиновник встал и слегка наклонил голову.

Ребята в ответ повторили его движение.

Китаец немного потоптался, видимо обдумывая, как начать разговор, а потом, понизив голос, доверительно произнёс:

— Почтенные господа, мне очень неприятно говорить такое, но я вынужден сделать это.

Аня ощутила внутри легкий холодок дурного предчувствия, и быстро перевела друзьям эту фразу. Оба насторожились.

А чиновник выдерживал паузу. Его маленькие узкие глазки внимательно следили за лицами иноземцев.

— Пути небесные всеведущи и справедливы, — поведал китаец и опять помолчал немного. — Мне ужасно неприятно говорить об этом, — повторил он, — но на вас поступила жалоба в ямынь[22].

— Какая жалоба? — испуганно пролепетала Аня.

— Вас обвиняют в том, что вы похитили украшение, — отчеканил он. — В связи с этим, я должен препроводить вас в ямынь, где будет учинён допрос. Если вы не захотите пойти добровольно, вас будут сопровождать служащие ямыня.

Аня буквально захлопала глазами и стала слегка заикаться от волнения. По-русски это звучало бы так:

— Н-но м-мы ничего не брали. Честное слово!

Чиновник удивлённо взглянул на неё. Саша и Ваня, не понимая ничего без перевода, уже начали впадать в панику.

— Да что случилось? — Саша схватил девушку за плечо. — Кто он? Что ему нужно?

Аня, едва не плача, коротко объяснила про жалобу, про украшение, про ямынь и про угрозу ареста.

— Какая чушь! — возмутился Ваня. — Объясни ему, что тут явное недоразумение. И пусть убирается обратно в свой, как его… ямынь.

— Он не уйдёт, — в отчаянии сказала девушка.

— Ладно, скажи, пусть обыщет нас, — не унимался Ваня. С этими словами он взял Анину сумку и вытряхнул содержимое на стол. Затем, взяв свою, проделал с ней то же самое. И уже протянул руку за Сашиной сумкой, как вдруг остановился…

На столе, среди прочих вещей, лежала ажурная золотая шпилька, украшенная нефритом и жемчугом. Ваня был в ярости:

— Откуда она взялась в моей сумке?! — кричал он, размахивая шпилькой. — Мне её подложили!

Китаец подошёл к Ване, взял у него из рук украшение и стал изучать.

— Да, это именно тот предмет, который был тщательным образом описан в жалобе, — и он посмотрел на Ваню. — Всё сходится. Шпилька лежала в Вашем мешке, а Вы утверждаете, что не брали украшения, — покачал головой он. — Да уж, Вы должны признаться в своей вине, тогда суд, возможно, смягчит наказание. А я просто вынужден препроводить Вас в ямынь, — и он сделал шаг в сторону Вани.

Ваня готов был наброситься на чиновника, положение спас Саша.

— Подожди, — шепнул он. — Надо разобраться, — и, повернувшись к Ане, попросил: — Переведи, пожалуйста, мои слова служителю ямыня.

Аня посмотрела немного растерянно:

— Что ты хочешь у него спросить?

— Одну очень простую вещь: кто написал жалобу?

Однако и ответ оказался очень простым:

— Этот человек просил не оглашать своего имени, так как боялся возмездия с вашей стороны. Вы, иноземцы, можете жестоко отомстить невинному человеку.

— Но ведь перед судом должны предстать и обвинитель, и обвиняемый, — настаивал Саша. — С кем мы будем судиться? Вы должны назвать нам имя жалобщика.

Китаец развёл руками.

— Если написавший жалобу предпочёл не встречаться с вами лицом к лицу, мы вынуждены разбирать дело без него. Тем более, вы только что признали: этот предмет не ваш, — и китаец торжественно вытянул руку, в которой сжимал шпильку.

— Я беру свои слова обратно, — нашёлся Ваня. — Их вообще неправильно перевели на китайский. Короче, это украшение моё!

— Тогда вы должны доказать, что оно ваше, — спокойно произнёс чиновник, — должны представить свидетелей, которые видели, как вы покупали эту шпильку или, как вам её дарили…

— Но почему мы должны представлять свидетелей? — не понял Саша. — Пусть человек, написавший жалобу, сам докажет, что это его украшение.

— Написавший жалобу, уже представил доказательства, и эти доказательства неопровержимы.

— Да что же это такое! — возмутился Ваня. — Где презумпция невиновности? Пусть они сначала докажут, что я брал эту чёртову шпильку!

Аня с грустью посмотрела на Ваню.

— В глазах китайского суда, — обреченно произнесла она, — обвиняемый — это уже виновный, участь его предрешена.

— Что за бред? Не пойду я ни в какой ямынь, потому что я ничего не крал! — твёрдо заявил Ваня.

— Мы пойдём вместе с тобой, — сказала Аня, — и будем там доказывать твою невиновность.

— Зачем?! — не понял Ваня.

— Будем просить судью, чтобы он представил нам человека, написавшего жалобу, — Саша всё гнул свою линию и поинтересовался: — Когда назначено разбирательство?

— Завтра утром, — ответил чиновник, выслушав перевод, сделанный Аней.

— Завтра утром… — повторил Ваня задумчиво. —Слушайте, в ямынь я пойду один, а вы займитесь-ка расследованием. Вечер и ночь перекантуюсь как-нибудь в этой чёртовой тюрьме, — вздохнул он. — А вы уж постарайтесь найти мерзавца, подсунувшего мне шпильку.

— Ты, главное, не волнуйся, — начала успокаивать Аня. — В крайнем случае, обратимся к князю Гуну. Я думаю, он поможет.

— Вряд ли, — махнул рукой Ваня. — Нужны мы ему!.. Выручать каких-то иноземцев, которые даже указ потеряли.

Лицо у служащего ямыня становилось очень недовольным, когда иноземцы подолгу переговаривались между собой на родном языке. В итоге он не выдержал и прервал их:

— Вы можете обратиться в ваше посольство. Правда, не думаю, что там помогут. Раз вы живёте в нашей стране, должны

чтить наши законы и подчиняться им, — чиновник ещё немного поразмыслил и добавил: — Русские дипломаты могут написать прошение императору, в котором выскажут просьбу о выдаче преступника, то есть Вас, — и он посмотрел на Ваню, — с тем, чтобы наказать по своим законам. Если император удовлетворит прошение, то Вас выпустят на свободу, оговорив условия наказания.

Аня перевела.

— Э-эх! — печально протянул Ваня. — В посольство обращаться бесполезно. Как объяснить, кто мы такие, откуда взялись? Лучше сделаем, как решили. Я иду в тюрьму, а вы уж постарайтесь спасти мою шкуру, — и он жалобно взглянул на друзей. — Кстати, какое наказание полагается за воровство?

Аня задумалась, вспоминая.

— Всё зависит от судьи. Обычно — пятьдесят ударов бамбуковыми палками. Но могут вынести и другое решение. Всё от судьи зависит.

Ваня инстинктивно напряг все мышцы, словно перед схваткой, но всё равно ощутил, как покрывается холодным потом.

— Пятьдесят ударов? — переспросил он вмиг охрипшим голосом. — Бамбуковыми палками?! Наверно, спина будет изодрана в клочья… — И добавил после паузы как-то очень спокойно: — Могу не выдержать.

Ребята не очень поняли, какой смысл он хотел вложить в эту короткую фразу, но Аня торопливо зашептала:

— Можно дать взятку судье. Здесь все берут взятки. Вообще, это просто бич Китая! Бороться со взяточниками бесполезно. Однако в нашем случае это шанс. За деньги можно купить решительно всё, даже полное освобождение преступника.

— Так надо прямо сейчас и дать! — обрадовался Ваня. И тут же спохватился. — Ой! А где мы деньги-то возьмём?

— Пока не знаю, — пожала плечами Аня, — но есть другой вариант, подешевле: найти какого-нибудь бедняка, и тот за определённую плату согласится быть наказанным вместо тебя. Около ямыня всегда такие крутятся.

— Слушайте, выбирать вам, — сказал Ваня, — но постарайтесь всё-таки избавить меня от этого наказания. Я умею терпеть очень болезненные удары, но пятьдесят раз подряд ещё никогда не пробовал. Могу не выдержать, — повторил он.

— В каком смысле? — решил уточнить Саша, и наверно, зря.

— Да просто помру под этими палками, — сердито буркнул Ваня и с этими словами пошёл к выходу, потому что китаец уже поторапливал жестами.

— Эй, подождите! — крикнул Саша. — А где находится этот

ямынь?

Чиновник на русскую реплику даже не обернулся, а переводить Анюта не стала

— Я знаю, куда его поведут, — грустно сообщила она.

— Мы не должны терять ни минуты, — сказал Саша, когда они остались вдвоём. — Надо вытаскивать Ваньку из тюрьмы. Прежде всего, давай продумаем самый худший вариант. Допустим, мы не нашли подложившего шпильку. Тогда самое разумное — обратиться к князю. Прямо ранним утром отправимся к нему за помощью. Правильно?

Аня кивнула.

— А если князь откажет, будем его шантажировать.

— Что-что? — не понял Саша.

— Шантажировать. Мы ведь можем разболтать всем о существовании посмертного указа Сяньфэна. А скандалов никто не любит…

— Думаешь, сработает? — усомнился Саша. — Ну, в конце концов, прибегнем к варианту со взяткой. Продадим всё, что есть ценного, и выкупим Ваньку.

— У меня есть золотое кольцо с рубином. Подарок Анри из Средневековой Франции, — произнесла Аня совершенно трагическим голосом. Видно было, как ей будет больно расставаться с этой реликвией, но жизнь друга…

— Погоди, у меня найдутся всякие мелочи, которые заинтересуют китайцев, — благородно предложил Саша. — Авторучка, например. Надо только как следует поторговаться, чтобы не продешевить.

— Верно! — оживилась Аня. — Ручки-самописки из Европы уже известны им, не такие, конечно, как твоя. А за эту диковинку нам могут дать приличные деньги.

— Ладно, — подытожил Саша. — Варианты продумали. Теперь давай попробуем разобраться в случившемся. Итак, нам подбросили украшение специально, чтобы убрать с дороги. Мы кому-то мешаем. Это факт. Я уверен, что все события: похищение указа, исчезновение генетика с китаянкой, обвинение в воровстве — звенья одной цепи.

— Согласна. Следующий важный вопрос: когда они подсунули шпильку? И почему именно Ване?

— Ну, давай рассуждать: мы знаем точно, что шпильки не было в сумках, когда мы искали в них указ. Помнишь, ты вбежала к нам и мы всё перетряхнули? Не было там украшения.

— Да, и я бы у себя заметила, — подтвердила Аня.

— Значит, шпильку подложили либо ночью, либо, когда мы

шли к князю. На улице, в толкучке ничего не стоило сделать это.

— Ещё его могли подложить слуги князя, пока мы обедали, — вспомнила Аня. — Сумки-то оставались при входе в беседку. Они подавали кушанья и всё время ходили мимо.

— Маловероятно, — засомневался Саша. — Князю-то какой в этом смысл?

— Ошибаешься, — сказала Аня. — Ни князю, ни Цыси — никому не нужны лишние свидетели, тем более иноземцы. А вдруг мы сами найдём указ и не отдадим ему? Скорее всего, он тоже послал следить за нами, чтобы не упустить похитителя. Он же сам сказал, что укравшие документ не оставят нас в покое. А могло быть и так: человек князя пошёл за нами и, конечно, заметил того типа в синей одежде. В общем, секретные агенты обнаружили друг друга, а мы стали просто не нужны им.

— А шпильку князь подложил заранее? Так, на всякий случай? — усмехнулся Саша.

— Ничего смешного! — обиделась девушка. — Он мог это сделать. Всегда есть риск, что мы будем мешать, и очень удобно, если можно легко избавиться от нас в случае необходимости. Сам подумай, если б не жалоба, мы так и ходили бы с этой шпилькой довольно долго. Часто ты заглядываешь в свою сумку? Или Ванька. Вот потому и подбросили мужчине.

— Ну, не знаю, — проворчал Саша и тяжко вздохнул. — Как-то непохоже, чтобы князь. Особа, приближенная к императору, такой ерундой занимался: подложить заранее шпильку, с тем, чтобы в нужный момент написать жалобу и избавиться от нас, послать своего агента следить за нами, за другим агентом…

— Ветров! Да ты себе не представляешь, какие интриги плетутся при китайском дворе! Тебе и не снились! А я вот хорошо знаю. Китайцы продумывают сценарий до мелочей — не подкопаешься! Они большие мастера в этом деле, поверь мне.

— Ладно, поехали дальше. Кто ещё мог подложить шпильку? Под подозрением, как обычно, все? Я лично склоняюсь…

— Подожди! Послушай меня! Сейчас я тебе изложу свои мысли, — перебила его Аня. — Первый подозреваемый — дьякон. Он похитил указ, запер генетика с китаянкой в подвале, и, наконец, подложил нам шпильку, потому что знал, что мы сразу начнём искать Сергея и, не дай бог, действительно найдём. Второй подозреваемый — сам генетик. Украл указ, сбежал с подругой, чтоб не искали — написал письмо. Допустим, действительно написал сам. Он ещё лучше понимает, что мы станем искать его. Причины сразу две: указ в этом мире, документы на «Фаэтон» — в том. Чтоб мы его не выследили, решает упрятать Ваньку в тюрьму. Классический отвлекающий

маневр: пока мы тут разбираемся, он уже далеко. Логично? — Аня перевела дух. — Третий подозреваемый — князь. Забрать указ мог человек, приходивший с письмом от него, пока мы спали. А по поводу шпильки, я уже объясняла.

— Ну, а пропажа генетика и китаянки как с князем связана?

Аня думала недолго:

— А никак. Это другая история. Генетик просто ушёл, прихватив с собой любимую женщину. Может такое быть?

Саша промычал что-то невнятное.

— Хочешь ещё один сценарий? — не унималась девушка. — Допустим, генетик с китаянкой пошли прогуляться. Во время прогулки их похитили люди, которые следят за нами. Ну, подручные того самого китайца в синем. Стали требовать указ, а он не у Сергея. Остаемся мы. Вот нам и подложили шпильку — с целью обменять друга на указ. Они предложат забрать жалобу, чтобы получить указ.

— Но у нас нет указа, — грустно констатировал Саша. — Это — во-первых. Во-вторых, генетик и китаянка не могли прогуливаться. Дьякон сказал, что она ушла навестить больную мать. Однако, к матери так и не приходила.

— Правильно, — Аня уже увлеклась и стала сочинять дальше. — Генетик и китаянка пошли к матери. Дьякону она сказала, что мать заболела, а на самом деле, Фэйянь повела генетика, чтобы представить его своей мамаше. Так вот, до дома они не дошли. Их перехватили по дороге.

— Стоп, — сказал Саша, — ты не учла одну вещь: указ был похищен до того, как исчез генетик с китаянкой. Кто же они, эти таинственные бандиты, не знавшие, что у нас уже выкрали указ? И кто его выкрал?

— Его мог украсть дьякон или человек князя, а преследователи — это люди Цыси, и они ещё не знали об этом. Вот и следили за нами. Иначе, зачем следить, если документ уже украден? А когда они похитили генетика, тот ничего не мог сказать про указ, они вернулись к нам и подсунули шпильку…

Саша схватился за голову.

— От твоих версий мне уже дурно делается.

— Предложи свои, — обиделась Аня.

— Значит так. Версии — потом. Напоминаю главное: мы должны найти старика-китайца, который дежурил в то утро. Он должен был видеть, как выходили Сергей и Фэйянь.

— Точно! — вскочила Аня. — Пошли.

Они выбежали во двор и старого китайца нашли практически сразу в домике прислуги. Да, Фэйянь с этим русским путешественником, поведал он, действительно выходила в то

утро из ворот подворья.

— Вот видишь! — победоносно заявила Аня. — Значит, верна моя последняя версия. Их похитили по дороге.

— Куда ты спешишь всё время с выводами? — пожурил Саша и задумался. — Итак, дьякон, отпадает.

— Почему это? — Аня решила взять реванш. — Где твоя логика? И куда ты спешишь с выводами? Генетик с китаянкой могли уйти и без указа — чисто по своим делам, а дьякон…

— Нет, — задумчиво произнёс Саша, — здесь что-то не так. И логика нам не поможет. Скорее уж интуиция. Чует моё сердце, генетик связан и с этим указом, и с этой чёртовой шпилькой. Надо искать Сергея.

— А если их, правда, похитили?

— А если нет? Никто нам пока ничего об этом не сообщал. Кроме тебя. И даже если их похитили, глупо ждать, пока нам пришлют записку, мол, отдайте указ — вернём вашего приятеля. Надо действовать, проверять все возможные варианты, куда могла пойти китаянка… Я, знаешь, что думаю? Всё-таки именно генетик вытащил у тебя указ.

— А шпильку кто подсунул?

— Тоже он. Попросил у своей китаянки и…

— Нет, ты что! — замахала руками Аня. — Это украшение слишком дорогое. Его не могла носить простая служанка.

Саша загрустил.

— Всё очень странно, — медленно проговорил он. — Но есть одна задумка. Помнишь, мать Фэйянь рассказывала, что у неё есть ещё сын. Давай проверим, не пошла ли Фэйянь к брату.

Аня покачала головой.

— Зачем ей идти к брату, да ещё с иноземцем? И мать говорила, что её дети редко видятся друг с другом. Не вижу смысла во всей этой волынке.

— Смысла тут ни в чём нет! — рассердился Саша. — А проверять надо! Куда ещё-то идти? А так заодно и посмотрим, следит ли за нами наш постоянный синий друг. Если — да, может, по ходу дела дадим ему по башке и потом побеседуем? Хоть какая польза будет от этой прогулки…

— Что-то ты очень расхрабрился, — настороженно покосилась на него Аня. — Ладно, пойдём к брату Фэйянь.

— Пойдём, — решительно поднялся Саша. — А храбрость — это от отчаяния. Просто нам уже терять нечего. Почти всё потеряли. Значит, пора драться!

Глава 24
В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Для начала было необходимо выяснить адрес брата служанки, и Саша с Аней снова отправились к матери Фэйянь. Удивительно, но на этот раз за ними никто не следил. Или, как объяснял князь Гун, следили уж очень хорошо обученные люди.

— И куда делся этот китаец в синем? — недоумевала Аня.

— Может, освоил, наконец, маскировку?

— Маловероятно. Он всё время прятался, но достаточно неуклюже. Теперь его просто нет у нас за спиной. Похоже, я была права.

Саша пожал плечами и предпочёл не уточнять, какую из сотни версий она теперь имеет ввиду.

— Конечно, ты права. Но брата Фэйянь проверить надо.

Спорить больше не хотелось, они прибавили шагу и практически молча быстрее, чем за полчаса достигли цели.

Пожилая китаянка встретила их ещё более неприветливо:

— Я же говорила вам: здесь не было моей дочери!

— Простите, но теперь мы хотим узнать, где живёт ваш сын, — как можно спокойнее сказала Аня.

— Вот ещё! Зачем он вам? — и глянула на них подозрительно и злобно.

— Возможно, ваша дочь пошла к нему, — честно объяснила Аня.

— Этого не может быть, — твёрдо заявила женщина и повернулась, чтобы уйти.

— Подождите! — крикнула девушка. — Вы должны сказать нам, где живёт ваш сын, иначе мы обратимся к властям. Ведь ваша дочь исчезла, и если вы не желаете помочь нам разыскать её, мы подадим жалобу в суд, то есть обвиним вас в преднамеренном сокрытии сведений, представляющих интерес для суда. Вот!

Аня прекрасно знала, что все китайцы панически боятся суда. Любое упоминание о нём приводит их в ужас. И девушка не ошиблась.

Старая китаянка обернулась, и видно было, как страх борется в ней со злостью. Ей совсем не хотелось участвовать ни в каком разбирательстве, рискуя потерять репутацию.

Сохранение чести и достоинства — неизменная забота каждого китайца. Даже чувствуя за собой вину, житель Поднебесной употребляет невероятные усилия, чтобы избежать

положения, когда его могут прилюдно обвинить. Это называется «потерять лицо». Само слово «лицо» у китайцев несёт в себе не только тот смысл, что у других народов, оно куда более многозначно. «Потерять лицо» — значит утратить честь, и нет бо?льшего несчастья, поэтому о «сохранении лица» заботятся изо всех сил. Китайцы, как актёры: каждый играет свою роль, причём так, чтобы выглядеть с самой лучшей стороны. И роль должна соответствовать статусу. Жизнь китайца — театр. Всё по правилам режиссуры. Не подчиняешься — «теряешь лицо», и люди начинают с презрением относиться к тебе. Тот же мандарин, выезжая на улицу, должен чинно восседать в своём паланкине с надменным выражением лица. Если вдруг он пренебрежёт этим правилом и, допустим, улыбнётся кому-нибудь по дороге — он тут же «потеряет своё лицо». Аналогично и с простыми китайцами. Обвинённые в неблаговидном поступке, пусть даже понапрасну, они тут же «теряют лицо» и, как следствие, уважение своих родных и знакомых.

Всё это Аня рассказала Саше уже потом, в пути объясняя, почему старая китаянка так покорно пролепетала:

— Не надо писать жалобу. Хотите знать, где живёт мой сын? Я с удовольствием дам вам адрес.

Ребятам опять пришлось пробираться сквозь снующие во все стороны толпы. Через несколько кварталов они свернули на узенькую улицу с романтичным названием «Благоухающая весна».

— Ничего себе благоухание! — удивился Саша. — Тесная, пыльная, грязная, ни единого кустика на ней.

— Принцип такой: поэтичное имя компенсирует убогий внешний вид, — объяснила Аня. — В Китае часто именно для этого дают красивые названия.

— Что-то в этом есть, — проговорил Саша. — Такие унылые проулки! Они совсем не похожи на улицы, где живут состоятельные китайцы. Здесь даже торговцы выглядят, как нищие. Так пусть хоть красивым словам порадуются!

Аня грустно улыбнулась и сочла нужным пояснить:

— Вообще, южная окраина, где мы с тобой находимся, это практически самая бедная часть города.

А проходя мимо цирюльника, Саша остановился, возмущённый:

— Что за ужас творит этот изверг?!

На табурете, предназначенном для клиентов, сидел уже немолодой китаец. Цирюльник с невероятной ловкостью брил ему… ресницы. Одной рукой он держал вывернутые веки, а другой — водил по ним кривоватым обломком железа. Клиент, на

удивление, был совершенно спокоен. Закончив с растительностью на глазах, цирюльник перешёл к ушам.

— Это варварство какое-то, — простонал Саша. — Как можно терпеть? Брить ресницы — опасно, глаза могут воспалиться. И потом, у этого цирюльника вместо бритвы какой-то невнятный кусок железа.

— Но, согласись, — вступилась за китайского умельца Аня, — он делает свою работу весьма ловко.

— Да какая разница! — возмущался Саша. — Одно неверное движение — и лишишься глаза.

— У них все движения верные. Брить ресницы, волосы на ушах и вообще всю лишнюю растительность — древний обычай, — пояснила девушка.

— Идиотский обычай, — продолжал настаивать Саша.

Цирюльник тем временем добрил уши и принялся расчёсывать волосы клиента. Росли они только на макушке. Остальная часть головы была тщательно выбрита, скорее всего, этим же цирюльником. Народный умелец аккуратно заплёл косу и стал осматривать клиента, любуясь своей работой. Потом получил с него деньги и, посадив на табурет следующего, с невозмутимым видом стал нагревать воду. Для этой цели служил небольшой переносной горн с углями. Угли он раздувал мехами, а сверху был поставлен медный таз с водой. Когда над водою появлялся пар, цирюльник принимался точить железный обломок на ремне. Наконец, доставал полотенце, намачивал один конец в кипящей воде, и, слегка отжав, растирал им голову клиента, оставляя сухой лишь макушку, где росла коса. Коса никогда не брилась. Процедуру смачивания головы горячим полотенцем цирюльник повторял несколько раз. И это продолжалось до тех пор, пока волосы на голове не теряли жёсткость. Теперь можно было приступать к бритью. Взяв обломок железа, цирюльник ловко водил им по голове. А закончив, снова брался за ресницы…

— Пошли, — подтолкнула Аня Сашу. — Не будем терять времени, тем более что дом брата Фэйянь уже совсем рядом. Осталось только улицу перейти. Видишь зелёные ворота? Нам туда.

И вот они уже в нетерпении переминаются с ноги на ногу у зелёных ворот.

— Сколько можно стучать! — возмущался Саша. — Почему никто не открывает? Дома что ли нет никого?

Он приготовился постучать ещё раз со всей силы, но тут за воротами послышался шум. Заскрежетал замок, и створка чуть приоткрылась. Молодой китаец, лет двадцати пяти, увидев иноземцев, сразу отшатнулся назад и потянул ворота на себя.

— Что вам нужно? — спросил он, пристально вглядываясь в лица ребят через оставленную узкую щёлочку.

— Нам нужен брат Фэйянь, — ответила Аня. — Он здесь живёт?

Китаец молчал. Его крошечные глазки ещё больше сузились и с ненавистью уставились на ребят.

Саша и Аня переглянулись, подумав оба об одном и том же: «Что ж он молчит? Глухой, что ли?»

Аня приблизилась к воротам и переспросила очень громко:

— Здесь живёт брат Фэйянь?

Китаец от неожиданности чуть не прыгнул назад.

— Вы кто? — прошипел он.

— А вы кто? — опять крикнула Аня прямо в лицо бестолковому молодому человеку. Его тупость уже начинала раздражать.

«Идиот какой-то, — думала она, — не может ответить на прямой вопрос!»

— Чего вы хотите? — снова спросил китаец.

Аня, уже теряя терпение, повернулась к Саше и высказала по-русски всё, что думает об этом представителе рода человеческого. Затем, вздохнув, продолжила беседу на китайском:

— Ска?жите вы, наконец, — грозно произнесла она, — здесь ли живёт брат Фэйянь?!

— А что вам от него нужно? — не унимался упрямый китаец.

— Собственно, мы разыскиваем саму Фэйянь, — объяснила Аня.

— Её здесь нет, — отрезал странный тип и попытался закрыть дверь, но Саша, быстро сориентировавшись, поставил ногу аккурат в щель двери, не дав возможности противному китайцу захлопнуть ворота. Тот, разозлившись, навалился на дверь всем телом и даже ткнул своей ногой Сашину.

— Уходите! — кричал он. — Уходите немедленно!

Сашу возмутила эта грубая выходка, и он навалился со своей стороны. Китаец попытался удержать ворота, однако силы оказались неравными.

Ветров уже ступил на «вражескую» территорию, и, поскольку китаец продолжал бессмысленно держать дверь, велик был соблазн двинуть упрямцу кулаком в лоб, однако Саша благоразумно сдержался.

— Я сейчас буду кричать на всю улицу, что меня хотят ограбить! — заорал китаец, покраснев от злости, как варёный рак.

— Ненормальный какой-то, — прокомментировала Аня по-русски. — Может, пойдём отсюда? А то ещё, правда, орать начнёт.

— Ну, уж нет, — заупрямился Саша. — Не для того пилили

через весь город. Давай «дожмём» его до конца. Он меня просто бесит! Нашёл чем испугать! Он и так уже орёт. А кто его слышит? Шум ведь кругом.

И, толкнув дверь, Саша двинулся прямо на китайца. Тот испуганно попятился. Ветров, словно колокольня, возвышался над тщедушным китайцем, всем своим видом давая понять, что не отступит. Китаец, опомнившись, выпятил грудь, встал в воинственную позу и грозно прокричал:

— Вы нарушаете закон, врываясь в мои владения!

Аня перевела его слова Саше.

— Скажи ему, что нам плевать на этот закон! Мы не уйдём отсюда, пока он не расскажет, где Фэйянь.

Китаец помолчал немного, видно обдумывая сложившуюся ситуацию, а потом вежливым голосом произнёс:

— Почтенные господа, я действительно не знаю, где моя сестра. Она не приходила ко мне.

— А когда вы её видели последний раз? — спросила Аня.

Китаец перемялся с ноги на ногу и как-то неуверенно ответил:

— Очень давно. Даже не помню когда.

— А вы вспомните, — настаивала Аня.

— Наверно, на Новый год, — сказал брат Фэйянь.

Аня в замешательстве взглянула на Сашу, даже забыв перевести последнюю реплику.

— Что он сказал?

— Говорит, что видел сестру только в Новый год, — начала объяснять Аня. — Сейчас осень. А Новый год у них по лунному календарю в начале весны. Странно. Мать говорила, что сын приходил на состязание воздушных змеев. А это было всего месяц назад. Кто из них врёт?

— Спроси у него, — посоветовал Саша.

Аня сразу обвинила китайца в обмане, объяснив, что верит его матери. Китаец быстро-быстро закачал головой.

— Нет, она ошиблась, — стал уверять он ребят. — Я не видел сестру очень давно. Это правда.

Аня внимательно смотрела на китайца, но определить, врёт он или нет, было чрезвычайно сложно. Жители Поднебесной вообще люди закрытые: по выражению их лиц ничего и не скажешь. Они играючи меняют «маски» и прекрасно владеют собой — вот качества, отличающие их от европейцев. Китайцы в любой ситуации «сохраняют лицо». А свои подлинные чувства прячут глубоко внутри. Единственное, что может их выдать — это глаза. Выражение глаз трудно скрыть, Аня это знала, и потому пристально всматривалась именно в узкие противные щёлочки

брата Фэйянь, а тот всё норовил отвести взгляд.

— Он ничего не скажет, — наконец, сделала вывод Аня. — Он такой же лживый, как они все. Его не выведешь на чистую воду.

— А если побить? — простодушно предложил Саша.

— Китайцы очень выносливы, — вздохнула девушка. — Бей, не бей — бесполезно. Они приучены к лишениям, жестокостям и пыткам. Если китаец не хочет говорить, он и будет молчать, что бы ты ни делал. Пойдём отсюда. Мы ничего не добьёмся.

— Как это пойдём? Мы же ничего не выяснили, — опешил Саша.

— У меня есть идея получше, — бодро сказала девушка.

Ребята резко повернулись и пошли прочь. Китаец с видом победителя закрыл ворота.

— Что за идея? — спросил Саша с нетерпением.

— Не стоит далеко уходить от дома, — Аня остановилась. — Сейчас всё объясню, только скажу тебе сначала одну очень важную вещь.

— Я слушаю, — насторожился Саша.

— Тебе не кажется странным, что он ничего не стал расспрашивать про сестру? Ведь мы её ищем, значит, что-то произошло. Правильно?

— Ну, — согласился Саша.

— Тут два варианта: либо сестра ему совершенно чужой человек, либо он знает сильно больше нашего. Я бы на его месте переполошилась и в первую очередь спросила: «Что с сестрой, почему вы её ищите?» А он — ни слова о ней! Дальше. Он сказал, что видел Фэйянь в Новый год, мать говорит совсем другое. По-моему, врёт этот противный братец.

— Ты права. Он вёл себя очень странно. Но, может, все китайцы такие… — он искал подходящее слово, — жестокосердные?

— Да нет же! Семья у них на первом месте, поэтому я и говорю: поведение более чем странное.

— Ладно. Так что за идея? — напомнил Саша.

— Видишь цирюльника? Он сидит прямо напротив нужного нам дома. Я думаю, он здесь с самого утра. Если что-то видел, сможет сказать нам за определённую плату. Кое-какие деньги у нас есть от проданной пластиковой бутылки, так что — вперёд!

— Тут столько народу толчётся! Разве мыслимо кого-то конкретного заметить и запомнить? — усомнился Саша.

— Ты не прав. Во-первых, китайцы очень наблюдательны. Во-вторых, он же не всё время работает. Вряд ли у него клиенты в очереди стоят. Вон, посмотри, он и сейчас скучает. А, в-третьих, генетик — иноземец, трудно не обратить на него внимания. Тем

более в бедном квартале, где иностранцы — редкие гости.

Саша согласился с этими доводами, и они вернулись к цирюльнику. Аня вытащила из сумки несколько монет, протянула ему, и тот взял, удивленно глядя на иноземцев.

— Будете бриться?

— Нет, — быстро ответила Аня. — Мы хотим спросить вас кое о чём. Вы сидите тут с самого утра?

— Да, — ответил цирюльник.

— Очень хорошо. Значит, сумеете нам помочь. Мы ищем своего друга, тоже иностранца. Нам сказали, что утром он приходил вот в этот дом, — и Аня показала на зелёные ворота.

Китаец улыбнулся.

— Да, один иноземец заходил туда вместе с молодой китаянкой.

— А выходил он из дома или нет? — Аня даже дыхание затаила, боясь поверить в удачу.

— Нет, не выходил, я бы заметил. Иноземца всегда издалека видно.

— Вы уверены в этом? — переспросила она.

Цирюльник сделал обиженное лицо.

— Мои глаза, — недовольно произнёс он, — видят всё, что происходит вокруг. Я не настолько стар, чтобы не заметить, что делается у меня под носом.

Это действительно была удача!

— Он видел генетика! — зашептала Аня, хотя они уже отошли достаточно далеко. — Сергей вместе с Фэйянь вошёл в дом брата и остался там!

Эмоции переполняли девушку, а Саша задумался.

— Значит, брат Фэйянь обманул нас. Но зачем? Выходит, всё-таки генетик стащил указ.

— А шпилька? — напомнила Аня.

— Про шпильку пока непонятно, — развёл руками Саша. — Знаешь, что надо сделать? Подождать, пока стемнеет, а это уже скоро, и проникнуть в дом брата Фэйянь.

— Как?

— Элементарно! Перелезем через забор. Он низкий. На улице уже никого не будет. Китайцы, как я понял, рано возвращаются домой и по ночам спят. Привратника и других слуг в этой жалкой лачуге, я думаю, нет. Он же сам открывал ворота. Так что засады не будет. Если же этот противный китаец нас обнаружит, поверь мне, он даже пикнуть не успеет.

— Ну, давай попробуем, — согласилась Аня.

До ночи они решили гулять по улицам и потихоньку

разведывать обстановку. Когда же окончательно стемнело и люди разошлись по домам, Аня и Саша осторожно подкрались к дому брата Фэйянь. На всякий случай они прихватили доску, найденную на пустыре за несколько кварталов от «Благоухающей весны». Оглядевшись, Саша приставил доску к стене и вскарабкался наверх. Спрыгнув на ту сторону, он тихо позвал:

— Никого нет. Перелезай.

Девушка не менее ловко повторила Сашин манёвр.

— Пошли, — шепнул он.

Подкравшись к дому, ребята заглянули в одно из окон.

— Ни черта не видно, — посетовал Саша. — Окна закрыты бумагой. Китайцы стёкол, что ли не делают?

— Тихо! — Аня прикрыла ему рот рукой. — Я слышу разговор.

И она потащила Сашу за руку к другому окну. Действительно, через бумагу можно было услышать приглушённые голоса. Аня сосредоточенно вслушивалась. Один из голосов принадлежал противному брату. Другой был женский и очень походил на голос самой Фэйянь.

— Что они говорят? — прошептал Саша.

Аня приложила палец к губам и изо всех сил напрягла слух. Брат и сестра говорили очень тихо, но кое-что из их разговора Ане удалось понять. Саша всё время делал знаки, мол, переведи хоть что-нибудь, но девушка лишь мотала головой, и глаза её умоляли: не мешай! Вдруг послышался новый голос, говоривший по-русски. Конечно, это был генетик Борисов, и Саша так вздрогнул от неожиданности, что потеряв равновесие, едва не наделал шума.

— Тихо ты! — цыкнула Аня, а ещё через минуту вдруг схватила Сашу за руку и потащила обратно к забору.

— Ты чего? — не понял он.

— Быстрее! Сматываемся! — прошептала она.

Они перемахнули через стену, забрали доску и побежали в маленький переулочек, где можно было затаиться и отдышаться.

— Да что случилось-то? — в нетерпении спросил Саша.

Аня заговорила очень быстро:

— Сейчас к ним явятся какие-то люди, которые отведут в тихое место генетика и Фэйянь. Её брат сказал, что оставаться в доме опасно.

— Наверно мы не понимаем главного, — Саша наоборот говорил медленно. — Что за тайны мадридского двора? Почему в доме опасно? Они боятся нас или кого?

— Не знаю, — пожала плечами девушка. — Я пересказываю только то, что услышала. Они говорили очень тихо.

— Ладно, подождём. Как только выйдут, идём следом, да? Может, удастся схватить генетика. Главное, чтобы сопровождающих было немного.

Аня недоверчиво покосилась на Сашу, но решила не комментировать это лихое заявление. Все-таки Сергей — не китаец и однажды уже демонстрировал свои физические возможности. А чтобы нейтрализовать сопровождающих, даже совсем немногочисленных и мелких китайцев, всё равно надо иметь хоть минимальный опыт спецопераций, а не уличных драк. «Но что взять с этих мужчин! — думала Аня. — Все они любят покрасоваться».

Ребята ждали довольно долго, краем глаза наблюдая из-за угла за зелёными воротами. Наконец, послышались шаги. К дому подошли пятеро и тихо постучались.

— Много их, — расстроился Саша. — Боюсь, не справлюсь.

Аня только молча покачала головой. Потом сказала:

— У нас задача пока несложная: проследить, куда их поведут.

Ворота приоткрылись, и пятеро китайцев бесшумно проскользнули во двор.

— Слушай, — испуганно прошептал Саша. — А если в доме есть другой выход…

— Нет, — уверенно сказала Аня. — Участок с трёх сторон примыкает к чужим.

Через некоторое время ворота снова приоткрылись, появилась голова, с опаской осмотревшаяся по сторонам, а затем через распахнутые ворота на улицу вышли семеро, в том числе Фэйянь и генетик. Направились они в противоположную от Саши и Ани сторону.

Ребята осторожно покинули своё укрытие и мелкими перебежками двинулись за удаляющейся группой. Всякий раз, отлипая от одних углубленных в стене ворот и устремляясь к другим, они предельно внимательно озирались и вслушивались. Хорошо ещё, что ворота здесь были именно такими — наподобие ниш.

А выйдя на пустырь, группа остановилась, и китайцы начали что-то оживлённо обсуждать. Говорили тихо, и в отдалении, за кустами, нельзя было разобрать ни слова.

— Ждут, что ли, кого-то? — попробовал угадать Саша.

— Или ругаются, — предположила Аня.

Внезапно сзади послышался шум. Саша дёрнулся, но даже обернуться толком не успел, так как на его голову обрушился тяжёлый предмет, и он потерял сознание. Второй человек набросился на девушку и сразу зажал ей рот и нос пропитанной чем-то тряпкой. Аня замахала руками, пытаясь вырваться, но

очень быстро обмякла и тоже отключилась.

Глава 25
ЗАКОН МЁРФИ

Саша открыл глаза и первое, что увидел, — потолок, оклеенный синей бумагой. В некоторых местах виднелись потёки воды, и там бумага свисала клочьями, оголяя тонкий камышовый переплёт. Саша пошевелился, прислушиваясь к шорохам, скосил взгляд и поморщился: куча полугнилой соломы, кривые стены… Потом совсем чуть-чуть повернул голову, чтобы оглядеться, и тут же ощутил резкую боль, от которой потемнело в глазах. «Вот гады, — подумал он. — Чем это они меня так шарахнули?» Руки оказались связанными за спиной, но Саша напрягся и попробовал встать. Безнадёжно! Тело не слушалось, а голова на любое движение отзывалась нестерпимой болью.

И тут сзади послышался слабый голос:

— Сашуня, ты живой?

— Живой, — еле слышно выдавил из себя Саша.

— Меня привязали, я не могу тебе помочь, — всхлипнула девушка.

Её руки были связаны спереди, да так, что между ними оказалась вертикальная балка, подпирающая потолок. Впрочем, Аня могла вставать, садиться и передвигаться вокруг балки.

Саша сделал ещё одну попытку встать и, стиснув зубы, перевалился на бок. Полежал немного, ожидая, когда отступит боль, и с неимоверным усилием сделал ещё одно движение, чтобы увидеть Аню.

— Ну, как ты? — спросила девушка.

— Голова побаливает, — как можно небрежнее ответил Саша. — А ты как?

— Ничего, — прошептала она.

— Кто нас захватил, как думаешь?

Аня пожала плечами.

— Не знаю. Мне сунули в лицо тряпку с чем-то вроде эфира, а дальше я ничего не помню, только недавно очнулась.

Саша молчал, обдумывая ситуацию.

— Что делать-то будем? — Аня выглядела совсем потерянной, хоть и была почти в своей стране.

— Знать бы для начала, кто нас похитил… — задумчиво проговорил Саша.

— Для начала надо освободиться, — рассердилась Аня, будто это Саша был во всём виноват, а потом огляделась ещё раз по сторонам и вдруг расплакалась.

— Ты что? — испугался Саша.

— Наши сумки, — бормотала она сквозь слёзы. — Где наши сумки? Их здесь нет! У нас отобрали сумки, а там «Фаэтон»! Как же мы вернёмся домой?

Саше стало как-то не по себе. Действительно, сумки отсутствовали! Потеря машины времени — это было самое страшное. Следовало срочно что-то предпринять! Саша даже про боль забыл.

За дверью послышались шаги. Аня испуганно смотрела на вход, а Саша не стал переворачиваться ещё раз. Вошёл китаец, одетый во всё чёрное: длинная кофта со стоячим воротничком, поверх неё — шёлковый халат ниже колен, застёгнутый спереди на петли, и широкие шаровары. Никаких знаков различия! На голове — маленькая шапочка из чёрного атласа с чёрным шариком, сплетённым из шёлковых нитей. Нижнюю половину лица закрывал чёрный платок. И хотя у китайца не было даже нашивок на одежде, Аня сразу поняла, что это не какой-нибудь оборванец. Шёлковая ткань одежды — уже признак достаточно высокого положения, да и атласных шапочек у бедняков не было. Обычный крестьянин носил на голове хлопчатобумажный платок или соломенную шляпу с широкими полями.

Вошедший оглядел ребят презрительным взглядом и сурово произнёс:

— Где указ?

Аня испуганно захлопала глазами и пролепетала:

— Какой указ?

Китаец сверкнул на неё глазами и прошипел злобно:

— Указ, который вы похитили.

— Мы ничего не похищали, — сказала Аня невинным голосом. — Мы вообще не понимаем, о чём Вы говорите.

Китаец помолчал немного, а потом жёстко произнёс, чеканя каждое слово:

— У меня нет времени на пустые разговоры. Говорите, куда вы спрятали посмертный указ императора Сяньфэна!

— Да нет у нас никакого указа, и не было никогда! — выкрикнула Аня.

Китаец вплотную подошёл к девушке. Та привстала и отшатнулась назад. Он схватил её рукой за горло и больно сжал. Аня вскрикнула от неожиданности. Саша сделал попытку подняться. Китаец бросил на него взгляд и усмехнулся.

— У вас есть время до рассвета, — прошипел он прямо в лицо девушки. — Как только первый луч солнца проникнет в мою комнату, я приду сюда, и вы мне расскажите всё! Если же я не услышу ответа на свой вопрос, вы будете умирать долго и

мучительно. Ваше тело подвергнется жесточайшим пыткам! От него будут отрезать всякий раз по чуть-чуть, и вы умрёте только тогда, когда будет отрезан последний, сотый кусочек, — с этими словами он разжал пальцы и выпустил из рук шею девушки.

Аня опустилась на колени и сжалась в комок.

Китаец быстро вышел из комнаты, и слышно было, как он закрывает дверь на засов.

Девушка тихо заплакала.

— Чего он хотел? — спросил Саша.

— Указ, — сквозь слёзы проговорила она и пересказала весь диалог.

— Кто он такой? — Саша хотел понять главное.

— Я так и не поняла. Но, мне кажется, я уже слышала этот голос.

— Где? В своей прошлой жизни? Или здесь, в эти дни?

— Да не помню я… Надо что-то делать! — вновь разрыдалась она. — Я не хочу умирать, тем более в мучениях. Я домой хочу! Я больше не могу здесь находиться!..

«Знакомая песня, — с грустью подумал Саша. — Совсем недавно Аня уже плакала так же в Древнем Египте. Только здесь всё как-то намного страшнее… Да, прав был Мёрфи, когда вывел свой знаменитый закон: всё, что может произойти плохого, обязательно произойдёт, Частным случаем этого закона является знаменитый „закон бутерброда“: бутерброд всегда падает маслом вниз. Что нужно сделать, чтобы избежать этого? — Ветров принялся рассуждать, так как подобная интеллектуальная гимнастика его всегда успокаивала. — Либо не ронять бутерброда, а сразу съесть, либо вообще его не делать, либо, наконец, намазать хлеб маслом с обеих сторон. В нашем случае, какие были варианты? Сразу отдать указ кому следует, либо не брать его вовсе, либо… сделать дубликат? Ну да, снять ксерокс или отсканировать, — от последней мысли ему сразу стало смешно, хотя обстановка совсем не располагала к юмору. — И всё же: если бы мы не взяли указа у мёртвого евнуха, то и не попали бы в такую переделку? Или…»

Саша не захотел думать дальше, тем более не стал произносить этого вслух, он слишком хорошо помнил, чья тут была инициатива. А ещё больше расстраивать сейчас Анюту не стоило.

Вместо этого Саша сказал:

— Не всё так плохо. У меня есть идея.

Аня тут же перестала плакать и поглядела на друга с надеждой.

— Какая… идея? — робко, словно боясь спугнуть кого-то,

спросила она.

Сделав над собой очередное усилие, Саша пополз в сторону девушки. Аня с жалостью следила за ним, но помочь ничем не могла. Добравшись до девушки, Саша перевернулся на спину, в изнеможении откинул голову и прикрыл глаза. В висках гулко стучало, на лбу выступили капельки пота.

— Может, тебе лучше пока не двигаться? — сочувственно проговорила Аня.

Саша открыл глаза и старательно повернул к ней лицо.

— Послушай, Анют, помнишь, когда мы переодевались в китайскую одежду, я засунул себе в носок зажигалку? Ты ещё смеялась тогда надо мной.

Аня радостно кивала, уже догадываясь, в чём суть идеи.

— Жаль, ножик не положил, — вздохнул Саша. — А ведь хотел. Ну, да ладно. Зажигалка тоже ничего. Сейчас я подползу к тебе ещё ближе, а ты попытайся вытащить её. Сам я этого сделать не смогу — руки связаны за спиной, а у тебя — спереди, и ты вполне можешь действовать.

— Ты — гений! — с восторгом выдохнула Аня.

Саша подполз к Ане, и вскоре зажигалка оказалась у неё в руках. Потом перекатился на бок и подставил свои руки, обмотанные верёвкой:

— Поджигай.

Аня щёлкнула пьезо-кристаллом — к счастью, зажигалка работала.

— Потерпи, если вдруг обожгу тебя, — сказала она заботливо.

Пламя не быстро «разъедало» путы. Аня даже испугалась, что корпус перегреется или кончится газ. Но вот Саша почувствовал, как верёвки слабеют, ещё чуть-чуть… и они, наконец, лопнули. Он размял затёкшие кисти, приподнялся и произнёс, довольный:

— Получилось. Теперь твоя очередь.

С Анютой вышло даже быстрее.

— Что дальше? — спросила она.

— Сначала… уйдём отсюда.

— А «Фаэтон»? — забеспокоилась девушка.

— Сначала… выберемся… отсюда, — повторил Саша, каждое произнесённое слово стучало у него в висках, ему всё ещё было очень нехорошо, — а потом… выкрадем… прибор.

— Но как?

— Придумаем. По обстоятельствам… Далеко… уходить… не будем.

Аня тяжело вздохнула. Она совершенно не представляла, как всё это можно сделать.

— Они могут испортить «Фаэтон»! — всполошилась она. — Начнут его ковырять, пытаясь разобраться в устройстве. Тут же не Древний Египет!

— Не паникуй. Лучше подумай. Как вылезать. Отсюда.

Аня подошла к окну. В раму вместо стекла была вставлена бумага — обычное дело в Китае. Она содрала бумагу и потрогала решётки, даже не совсем решётки — просто вертикальные перекладины.

— Они бамбуковые, как я и ожидала, довольно хлипкие. Тут во всех домах такие. Попробую сломать, — и она стала решительно их дёргать.

Не очень-то они хотели ломаться!

— Подожди, дай я попробую.

Голова у Саши кружилась, но он собрал все силы и ещё раз отчаянно вцепился в решётку.

Наконец, вдвоём им удалось победить несколько прутьев. Саша высунул голову наружу и осмотрелся.

— Вроде никого, — сказал он.

— Ты мог и не разглядеть в темноте охрану. Давай немножко послушаем.

Было удивительно тихо, слышался только шелест листьев на ветру.

— Наверно, посты с другой стороны, у входа, — прошептал Саша. — Они уверены, что развязать верёвки невозможно.

— Ну, полезли, — так же тихо ответила Аня.

Оказавшись на улице, они решили сразу подойти к другому окну и послушать. Вдруг удастся выяснить, где «Фаэтон».

Ребята прокрались вдоль стены дома и замерли под самым окном. Из комнаты доносились тихие голоса.

— Узнаёшь голос? — зашептала Аня в самое ухо Саше.

— Ещё бы. Это наш любимый генетик. А Фэйянь, кажется, плачет, и Сергей успокаивает её.

— Чтоб они провалились! — со злостью прошипела девушка. — Всё это из-за них.

— Опять ты торопишься с выводами, — проговорил Саша тихо-тихо.

Но Аня услышала и скорчила гневную рожицу.

— Сама подумай: по всему выходит, что они тоже в плену. Ладно, пошли дальше.

— Тс-с, — приложила палец к губам Аня, когда они, обогнув дом, приблизились к небольшому окошку. — Похоже, именно здесь те китайцы, которые нас захватили.

Довольно громкий голос нельзя было не узнать — они его слышали только что в своей тюремной камере:

— Их упорство приводит меня в бешенство!

— Подождём до рассвета, — отвечал другой. — Эти изнеженные иноземцы не вынесут пыток и быстро разговорятся.

— Но если мы не достанем указ, нас самих ждёт суровое наказание. Уж поверь мне.

Повисла тишина. Потом снова заговорил первый китаец:

— И всё-таки мне хотелось бы знать, что за предметы мы обнаружили в их мешках. Видел я иноземные штучки, но такие!.. Что это за ящик?

— Опять ты о своём! — сердито откликнулся второй голос. — Лучше его не трогать. Отнесём во дворец, так будет правильнее.

— «Фаэтон» здесь! — шепнула Аня. — Осталось придумать, как его выкрасть. Пошли туда, в кустах безопаснее.

Каждый шаг, как удар молота, отдавался в Сашиной голове. На траве под кустами стало немного полегче, и они принялись обсуждать план ближайших действий.

— Надо выманить китайцев из дома, — предложил Саша. — К примеру, я могу отвлечь их на себя — открою дверь и войду. Они все бросятся за мной, а ты влезешь в окно и утащишь «Фаэтон».

— И пока я буду ломать решётку, тебя уже догонят и скрутят? — грустно ухмыльнулась Аня. — Отличный вариант!

Саша вздохнул и задумался: «Да, действительно, глупость. А ломать решётку вдвоём, когда в комнате полно врагов, ещё глупее. Поменяться ролями? То есть использовать Аню как наживку? Тоже красиво!» И он совсем уж, было, придумал третий вариант, как вдруг совершенно внезапно кто-то навалился на него сзади, зажал рот и потащил к кирпичному забору. «Опять?! — не столько боль, сколько ожидание боли пронзила всё его тело. — Только по голове не бейте! — хотел закричать он, но почувствовал, как снова теряет сознание.

Так же неожиданно напали и на Аню. Сопротивляться было бесполезно.

Глава 26
САМОЕ ДЛИННОЕ КЛАДБИЩЕ МИРА

Люди в чёрном крепко связали руки Саше и Ане, а рты заткнули тряпками. Затем они все разом, как по команде, исчезли, оставив возле пленников лишь одного человека. Тот стоял, не двигаясь, будто памятник, и зорко наблюдал за иноземцами. Вид у него был воинственный: за поясом огромный меч, в руках — арбалет. А одежда вся чёрная и половину лица закрывал чёрный платок, как у того китайца, который требовал вернуть указ. Никаких знаков различая также не наблюдалось.

«Вот тебе и побег! — в отчаянии думала Аня. — Значит, они и вокруг дома посты расставили».

А Сашу другая мысль не отпускала: «Почему они нас не потащили в дом, а оставили здесь у забора?».

Со стороны дома послышался неясный шум. Ребята повернули головы и увидели два силуэта, метнувшиеся в сторону ворот. Потом за стеной раздалось ржание лошадей, топот копыт, и всё затихло.

Саша пристально всматривался в темноту, пытаясь понять происходящее. Пышный кустарник загораживал ему почти весь обзор. Место, куда их притащили, было весьма удачным для засады и наблюдения, но только если ты можешь двигаться.

«Эх, раздвинуть бы эти кусты и посмотреть, что там за суета возле дома!» — думал Саша.

Внезапно раздался слабый свист. Нет, даже не свист, а некое подобие птичьей трели.

«Условный сигнал?» — предположил Саша.

Воин, охранявший ребят, шевельнулся и подал знак иноземцам, чтобы они поднимались. Когда Аня и Саша встали, охранник вытащил у них кляпы изо ртов, но руки развязывать не стал.

— Идите к воротам, — приказал он. — Да не вздумайте кричать, иначе, опять рты заткну.

Ребята поплелись к выходу. Как будто из-под земли возникло ещё несколько воинов. Они вывели Аню и Сашу за ворота и затолкали в крытую двухколёсную повозку, полукруглая крыша которой была сделана из плетёного бамбука.

Не прошло и минуты, как в повозку посадили ещё одного человека. Это был генетик, тоже со связанными руками. Повозка тронулась и покатила по ухабистой дороге.

Аня, задыхаясь от злости, сразу набросилась на Сергея:

— Всё из-за Вас!

— Причём тут я? — вытаращил глаза генетик.

— Вы оказались гадким человеком! Украли указ и сбежали! А потом ещё подбросили нам шпильку! — с гневом говорила девушка.

Генетик смотрел на неё, и глаза его всё сильнее округлялись. Лицо выражало искренний испуг и недоумение.

— Какую шпильку? О чём Вы?! Я ничего не крал!

— Так мы Вам и поверили! — возмущалась Аня. — Это из-за Вас мы остались без «Фаэтона»! До возвращения всего часов десять, а у нас и прибора нет, и Ванька в тюрьме. Чтоб ты провалился со своей китаянкой! — от избытка чувств Аня перешла на «ты», забыв о вежливости. — Придушила бы тебя, если б не связанные руки!

— Да что Вы несёте такое?! — в отчаянии проговорил Сергей. — Я вообще не в курсе ваших дел.

Но девушка словно и не слышала его:

— Правильно говорит китайская пословица: посмотришь — человек, вглядишься — дьявол!

Сергей покачал головой.

— Давайте спокойно разберёмся, в чём Вы меня обвиняете. Клянусь, я ничего плохого по отношению к вам не делал.

— Конечно, — язвительно произнесла Аня, — преступник никогда не признается, пока улик не обнаружили.

Сергей только устало вздохнул в ответ, и Саша решил вмешаться в разговор. Не очень-то он верил генетику, но одна деталь явно смущала: китайцы, которые захватили их и так больно ударили по голове, требовали отдать указ. Значит, не нашли его и у генетика. Конечно, Сергей мог спрятать указ, или успел продать кому-то. В любом случае нужно было найти подход к генетику.

— А вот скажите, — спокойно начал Ветров, — почему Вы так неожиданно убежали от нас, оставив лишь записку?

— Я не убежал, — ответил тот, слегка раздражённо. — Я просто ушёл, чтобы действительно начать новую жизнь, о чём и написал в письме.

— Какая-то странная записка, — сказал Саша, — тушью, печатными буквами — словно и не Вы писали.

— Да я это писал, я! Просто не нашлось авторучки.

— А почему печатными буквами? — прищурился Саша.

— А Вы попробуйте написать кисточкой по-другому, — проворчал Сергей.

Саша поглядел на Аню, и та кивнула, подтверждая правоту генетика. Действительно, это сложно и долго вырисовывать

кисточкой прописные буквы.

— Хорошо, — продолжил допрос Саша. — Но почему всё так внезапно? Неужели нельзя было дождаться нашего прихода и объяснить на словах? Хоть попрощаться с нами по-человечески.

Сергей опустил глаза, вроде как стыдясь своего некорректного поведения.

— Понимаете, — стал оправдываться он, — я хотел дождаться вас, но… так уж получилось…

— Что получилось?! Молчите?! — опять завелась Аня. — Так я Вам расскажу, что получилось. Во-первых, Вы стащили у меня указ и боялись разоблачения. А во-вторых, ещё с самого начала не хотели говорить нам, где спрятали документы на «Фаэтон». Вы просто решили оставить нас с носом!

— Да не брал я никакого указа! — Сергей не выдержал и тоже начал орать. — На черта он мне сдался?! А про документы я вообще не думал! Я предложил Фэйянь руку и сердце, а она — неожиданно для меня — сразу согласилась. Я был просто в восторге! Потом Фэйянь сказала, что обязательно должна представить меня брату. И если брат даст согласие, мы сможем сразу уехать.

— Куда уехать? — удивилась Аня. — А как же её работа?

— Фэйянь сказала, что давно хотела уволиться. Ей не нравилось здесь. А брат как раз собирался в другую провинцию по делам — затеял выгодное предприятие, связанное с торговлей жемчугом. Он всегда говорил сестре, что если б у неё был муж, то его новое дело стало бы семейным. Он поселил бы Фэйянь с мужем в этой провинции, и отпала бы необходимость ездить туда-сюда. Прибыль он готов был делить пополам между семьями.

— Значит, вы хотели уехать в другую провинцию? — спросил Саша. — Тогда почему Фэйянь не сказала об этом дьякону, а отпросилась на время, якобы навестить больную мать.

— Фэйянь очень умная девушка. Она понимает, что работу найти трудно и не торопилась говорить правду. А вдруг бы я не понравился её брату? Вдруг он не согласился бы иметь со мною дело?

— Ладно. Допустим, — сурово сказал Саша. — Есть ещё один вопрос. Почему вам понадобилось уходить из дома её брата ночью? К чему такая таинственность?

Генетик пожал плечами:

— Фэйянь сказала, что так будет лучше.

— Не верю, — покачал головой Саша. — Китайцы не любят темноты, боятся злых духов, а тут преспокойненько отправляются в путь ночью. А уж как странно вёл себя брат Фэйянь, когда мы приходили к нему!..

Сергей посмотрел удивленно:

— Он ничего не говорил мне об этом. Действительно странно.

— Этот противный китаец даже разговаривать с нами не хотел, — добавила Аня. — Всё это так подозрительно! Наврал только, что не видел сестру и ничего о ней не знает. Мы, естественно, не поверили, вот и решили проследить за домом. И ночью увидели, как Вы с Фэйянь выходите в сопровождении каких-то людей. Кто они?

— Это друзья брата, которые решили проводить нас. В темноте небезопасно ходить по улицам.

— Да уж, у Вас на всё готов ответ, — возмутилась Аня. — Но и мы не лыком шиты! Мы слышали под окнами ваш разговор. Ваш будущий родственник сказал сестре, что надо уходить, так как за домом следят. И Вы, между прочим, присутствовали при этом.

— Вы ничего не перепутали? — Сергей буквально оторопел.

— Нет, — отрезала Аня. — У меня хороший слух, и я прекрасно понимаю китайский язык.

— Но я-то его не понимаю, — нашёлся генетик. — Да, мы собрались вечером в гостиной и разговаривали. Но… не об этом, как сказала мне Фэйянь. Она объяснила, что такая поспешность с отъездом диктуется интересами дела. Поставщик жемчуга просил поторопиться, иначе он просто найдёт других покупателей.

— Враньё! — усмехнулась Аня. — Предположим даже, что Фэйянь сумела всё это объяснить Вам по-русски. Но я-то слышала разговор, и если Вы действительно не в курсе, спешу Вас обрадовать. Вас просто обвели вокруг пальца.

— Но зачем? — чуть не застонал генетик, видимо, уже догадываясь, что Аня права. — Нет, я не хочу в это верить! Я очень нравился Фэйянь. На самом деле!

— Ха-ха-ха, — торжествующе произнесла девушка с расстановкой. — В Вашем возрасте стыдно быть столь наивным. А китайцы — очень коварные люди! И люто ненавидят иноземцев. Ох, вряд ли Фэйянь питала к Вам искренние чувства! Вы были нужны ей и её брату для их тёмных делишек.

— О, боже! Неужели я так жестоко обманулся! — выкрикнул Сергей с неуместным пафосом провинциального трагика.

— Успокойтесь, — Саша подозрительно покосился на генетика. — Нам ещё предстоит во всём разобраться. И дело это непростое. Но, прежде всего, надо вызволить из тюрьмы нашего друга Ваню. Ему кто-то подсунул золотую шпильку, потом его обвинили в воровстве и посадили. Кто это мог быть?

— Я ничего не подсовывал, — быстро сказал генетик. — А что за шпилька?

— Золотая, ажурная с цветочным орнаментом, с нефритом и жемчугом. Дорогая игрушка.

Сергей вдруг напрягся:

— А ну-ка опишите подробнее!

Аня в деталях описала шпильку, и Сергей схватился за голову:

— Это украшение Фэйянь. Я видел у неё эту шпильку. Господи, неужели это она подложила? Зачем?! Зачем…

Аня и Саша переглянулись. Генетик, обхватив голову руками, качался из стороны в сторону. Казалось, он вот-вот расплачется. Таким ребята его ещё не видели. Вроде сильный, уверенный в себе человек, а тут… Жалко было смотреть на него.

«Да, — подумал Саша, — вот они женские чары! Что с нами делают!..» А девушка размышляла со своих позиций: «Какие же эти мужчины слабые! Ходят надутые, важные, самоуверенные, мол, ничто нас не сломит. И вот, пожалуйста, появляется такая фифочка и превращает его в слюнтяя. Он, как последняя шавка, таскается за ней, смотрит, точно на богиню, верит любому слову и совершенно не замечает недостатков. А фифочка вертит им, как хочет, а потом, когда надоест, выбрасывает за ненадобностью. И всё! Для безнадёжно влюблённого мужчины жизнь кончается! И где его былое достоинство? Куда испарилось? Он в отчаянии рвёт на себе волосы, он не верит, что больше не нужен объекту своего обожания… Впрочем, — одёрнула себя Аня. — Влюблённые женщины точно такие же. Только с одной маленькой разницей: впадать в отчаяние из-за любви они имеют право. Ведь они — женщины, слабый пол. А в жизни получается, что мужчины тяжелее переносят эмоциональные стрессы. Выходит, это они и есть слабый пол. Противно».

Аня ещё раз взглянула на Сергея и вдруг поняла, что вся её злость и презрение куда-то улетучились. Ей было искренне жаль его.

«Хороший, в общем-то, мужик, — подумалось вдруг. — А с женщинами не везёт. Элла Вениаминовна рассказывала о его первой жене — и там ведь не сложилось… Слишком доверчивый, что ли?»

Откуда-то из памяти выскочил термин: «комплекс жертвы». Она попыталась вспомнить: «Может, Ванька рассказывал, психолог наш доморощенный… Ну да, есть такая специальная наука — „виктимология“, от латинского victim — жертва. Человек с таким комплексом всегда ощущает себя жертвой: в быту, на работе, в отношениях со случайными людьми. И обстоятельства как бы подстраиваются под него: проезжающий мимо автомобиль обязательно окатит грязью, пьяный прохожий зацепит именно его,

даже мусор какой-нибудь из окна свалится точно на голову хронического неудачника. Потому что он притягивает к себе несчастья. У него на лбу написано: „Я жертва! Мучайте меня“. Такие персонажи по многу раз наступают на одни и те же грабли, например, с завидным постоянством, выбирают себе в спутницы деспотичных эгоисток. Бесконечно страдают от причинённых обид и снова, как будто нарочно, сами напрашиваются на неприятности. Неутолимая страсть чувствовать себя жертвой живёт у них в подсознании. Может, Сергей относится как раз к этой категории?»

И почему вдруг всё это показалось Ане таким важным? Почему в невольно образовавшейся паузе она размышляла именно об этом? Ведь было так много куда более неотложных, насущных проблем!..

— Итак, — Саша нарушил затянувшееся молчание, — кое-что начинает проясняться. Шпильку подложила Фэйянь. Зачем? Ответ напрашивается сам собой — избавиться от нас. Мы ей мешали…

— Точно! — с упрямой надеждой в голосе воскликнул Сергей. — Наверно, она боялась, что вы станете разыскивать меня и попытаетесь отговорить от женитьбы?

— Да Вы с ума сошли! О чём Вы думаете? — удивился Саша. — Вы хоть понимаете, что эта шпилька очень дорогая? Для Вашей Фэйянь — целое состояние. Не каждая женщина способна расстаться с такой драгоценностью. И кстати, каким образом вообще эта роскошная вещь оказалась у довольно бедной китаянки?

— Честно говоря, — признался Сергей, — я сам удивился и спросил, откуда такое украшение. Фэйянь сказала, что это подарок.

— Чей? — заинтересовалась Аня.

— Не знаю.

— Значит так, — твёрдо произнёс Саша. — Ваню мы сможем выручить, только если нам самим удастся сбежать и найти Фэйянь,

— Сбежать! — вздохнула Аня. — Но как? Мы даже не знаем, куда нас везут и зачем. Может, собираются убить? Господи! Помоги нам! — запричитала она вдруг. — Я домой хочу! Где наш «Фаэтон»?

Девушка опять заплакала, и Саша стал её успокаивать, всё время повторяя, что никогда нельзя отчаиваться, нельзя думать и говорить о неприятностях. Наоборот надо верить в удачу и становиться сильнее, тогда они обязательно спасутся, все трое. Говорил он так убедительно, что Аня немного успокоилась.

Тогда Саша снова переключился на допрос Сергея:

— Где сейчас Фэйянь? В какой момент вы расстались?

Однако Сергей не знал, куда её увели и, вообще, не понял, что произошло. Сначала приходил один китаец и угрожал им, затем в комнату ворвались другие люди. Они-то и увели Фэйянь, а после пришли за ним.

Мутная получалась ситуация.

— Знаете, — вдруг словно проснулась Аня, — я вспомнила, где слышала голос того китайца, который угрожал нам. Конечно, в своей прошлой жизни. Это был главный евнух императрицы Цыси Ли Ляньин.

— Что ж, теперь я буду гордиться, какой большой человек шарахнул меня по голове, — усмехнулся Саша. — Или это ещё не факт? Главное мы теперь знаем: нас выследили люди Цыси. Я думаю, это случилось ещё той первой ночью, когда мы нашли мёртвого евнуха. Помните, мы услышали шаги и стали удирать? Скорее всего, человек, которому принадлежали шаги, проследил за нами. Интересная получается картина. Кто-то украл указ. Человек или целая шайка, никак не связанная с Цыси, раз её главный евнух теперь этот указ ищет. Дальше. Фэйянь подкладывает Ване в сумку шпильку и пишет жалобу в суд. Зачем? Пока нет ответа. И брат Фэйянь ведёт себя подозрительно: выпроваживает свою сестру и Сергея ночью, боясь слежки. Почему? Тоже нет ответа.

— Допустим, указ украла Фэйянь, — предположила Аня. — Впрочем, откуда она про него узнала?

— Она не могла украсть, — возразил Сергей. — Когда нас захватили, первым делом обшарили наши корзины, ничего не нашли и очень ругались.

— Да, это так, — подтвердила Аня. — Я слышала их разговор. Тогда кто украл? У Цыси указа нет, Вы, — она посмотрела на Сергея, — документа не брали, Фэйянь — в глаза его не видела… Кому ещё нужен указ?

— Из серьезных подозреваемых — только князь Гун, — рассудил Саша. — Ну, и дьякон ещё. Однако он как-то вообще не вписывается во все эти события. И если честно, меня этот указ мало волнует. Ваню надо спасти … Да и себя тоже не мешало бы, — добавил он с грустной улыбкой. — Это ж надо так влипнуть!..

— Куда же нас всё-таки везут? — задал Сергей почти риторический вопрос.

— Странно, что нас вообще куда-то везут, — резонно заметил Саша. — Китаец, приходивший туда, как его… Лянь…Линь…

— Ли Ляньин, — подсказала Аня.

— Ну да, Ли Лянь-ин, — старательно выговорил Саша. —

Непростое имечко! Он дал нам время до рассвета. Зачем ещё куда-то везти?

— Среди тех, кто заталкивал нас в повозку, его точно не было, — задумчиво произнесла Аня.

— Я тоже его не видел, — кивнул Сергей. — Что-то здесь не так… Постойте! Мы с Фэйянь слышали через стенку громкие голоса и звуки ударов. Похоже, там была драка. Потом дверь отворилась и… Ну, дальше я вам рассказывал.

— Всё ясно, — резюмировал Саша. — Мы находимся в чьих-то ещё руках. Эти, новые отбили нас у людей Цыси. Понимаете?.. Запутаешься тут с ними! А у меня ещё туман в голове после того, как по ней шандарахнули.

— Но и я ничего не понимаю, — вздохнула Аня. — Чего эти люди хотят от нас? То есть понятно чего — они ищут указ. А указа нет, и мы не знаем, где он. Но они этому не верят, и остаётся один вопрос: какие пытки будут применять, чтобы разговорить нас.

— Интересный вопрос, — оценил Саша. — Хороший вопрос. Добрый. Может, лучше сразу умереть?

— Кто же тебе позволит? — Аня продолжила упражняться в чёрном юморе.

Только Сергей был чрезмерно серьёзен:

— Послушайте! Но как это возможно — пытать и убивать граждан другого государства. Это же опасно. А если представители Российской империи найдут наши трупы? Международный скандал! Или они собираются закатать нас в бетон, пряча следы преступления?

— Они найдут, куда нас закатать, Сергей, — горько усмехнулась Аня, — если учесть, что бетон ещё не изобрели. Например, замуруют в Великую стену — такая идея вполне может посетить их. Знаете сколько трупов в этой стене?

Последний вопрос несколько отрезвил Сергея и он спросил с неподдельным интересом:

— Сколько?

— Сотни тысяч, если не миллионы. Замуровывали, как правило, живьём. Хотите, расскажу одну историю?

— Может, не надо? Наслушались уже, — пролепетал Саша голосом испуганного ребенка, но на самом деле, конечно, подыгрывая Ане. Что им ещё оставалось? Следствие зашло в тупик. Спорить больше не о чём. Только рассказывать страшные истории.

А генетик принял всё за чистую монету:

— Рассказывайте, Аня. Александр не понимает. К страшному надо привыкать постепенно. Пусть эти ваши рассказы будут как

прививка. А для меня… — он запнулся на секунду, но всё-таки сказал: — Предательство любимой женщины всё равно ужаснее любых кошмаров.

— Вот я и расскажу не тебе, а Сергею, — и Аня демонстративно повернулась к генетику. — Итак, жил когда-то в Китае могущественный император Цынь Ши-хуанди. Родился он в 259-м году до нашей эры. В то время Поднебесная состояла из множества независимых царств, которые постоянно воевали друг с другом. Вступив на престол в тринадцатилетнем возрасте, Цынь Ши-хуанди загорелся желанием объединить разрозненные государства. Не прошло и нескольких лет, как он присоединил соседние владения к своему царству, образовав империю Цынь. Ши-хуанди стал первым священным императором Китая. Кстати, имя его так и переводится — первый священный император. Он был деятелен и очень умён, правда, выделялся и ещё одним качеством — жестокостью. По тем временам это было оправдано. Большая империя требовала жёсткой руки. Он издал общий свод законов, принял единую систему мер и весов. Лишь одно не давало покоя — жившие на севере воинственные кочевые племена постоянно грабили территории Поднебесной. И Ши-хуанди решил выстроить вместо прежних земляных валов огромную стену, способную защитить жителей Поднебесной от набегов кочевников. Строительство началось с возведения сторожевых башен — по замыслу ровно двадцати пяти тысяч. Башни внушительные: и высотой, и шириной около двенадцати метров. Друг от друга их отделяло расстояние в два «полёта стрелы», и соединяла отвесная стена высотой около семи метров. Ширина же стены была такова, что по ней свободно проходила шеренга из восьми человек. А строили Великую Китайскую стену солдаты, мобилизованные крестьяне и военнопленные. Иногда её называют «самым длинным кладбищем мира». В ней захоронено как минимум четыреста тысяч человек.

Когда строительство только начиналось, Ши-хуанди много раз приезжал, чтобы лично посмотреть, как идут работы. И вот однажды, в очередной раз прибыв на «объект», император увидел очень красивую девушку. Она пришла к своему жениху — юноше-каменотёсу и принесла обед. Звали девушку Ли Су, и была она из одного недавно покорённого северного племени. Её жениха У Чжана, взятого в плен, отправили на строительство китайской стены. Ли Су приходила к нему каждый день.

Император влюбился с первого взгляда, глаз не мог оторвать от красавицы. И приказал одному из своих охранников доставить Ли Су к нему. Девушку привели, и Ши-хуанди просто потерял дар речи. Уж больно она была хороша! Никогда прежде не видел он

подобного совершенства.

Конечно, император предложил ей стать одной из его наложниц. Ли Су отказалась, потому что очень любила своего жениха и не представляла себе жизни без него. Вся свита монарха была поражена дерзостью юной красавицы. Никто не смел перечить Сыну Неба. Но император, позабыв о гордости, предложил освободить У Чжана в обмен на благосклонность Ли Су. Девушка и тогда отказала владыке. Ши-хуанди пришёл в ярость. Он велел схватить Ли Су и запереть в башне, окна которой выходили на стену. Ей объяснили, что на рассвете её жениха замуруют живьём в стену, а сама она будет наблюдать за казнью. Непреклонная Ли Су проплакала всю ночь. И Ши-хуанди тоже не сомкнул глаз. Прекрасный образ так и стоял у него перед глазами. Никого он так не любил, как эту красавицу.

На утро император решил дать Ли Су ещё один шанс: если она попросит о милости — он великодушно простит её. Если же нет — умрёт вместе со своим избранником. И никто не получит её. На восходе солнца Ши-хуанди прибыл на место казни. Девушку привели к Сыну Неба, и он сказал ей: «Я могу помиловать У Чжана, но только в том случае, если ты станешь моей наложницей». «Я прошу Вас лишь об одном, повелитель, — смиренно сказала девушка, — позвольте мне умереть вместе с женихом». Император не верил своим ушам. Уж не помутился ли он рассудком? В гневе произнёс Ши-хуанди: «В такой милости я отказать тебе не могу». Ли Су бросилась ему в ноги… «Ну, наконец-то! — подумал он, — сейчас начнёт молить о прощении и поклянётся в вечной верности». Но девушка прошептала: «Спасибо, повелитель, что разрешили мне умереть вместе с любимым». Взявшись за руки, влюблённые подошли к углублению в стене. Строители принялись за дело. И когда они закладывали последний камень, У Чжан крикнул императору: «Ты умрёшь и превратишься в прах, а наша любовь будет жить вечно!»

Прошли века, даже тысячелетия. Но люди по-прежнему помнят об этой любви. И она, действительно, будет жить вечно в миллионах сердец. И, между прочим, старинное предание гласит: кто случайно дотронется до того самого места, где были замурованы влюблённые, обретёт дар — умение любить и быть любимым.

Глава 27
БОЙЦЫ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

Наконец, повозка остановилась. Рослый китаец в чёрном заглянул внутрь и приказным тоном произнёс:

— Вылезайте и следуйте за мной.

Ступив на землю, пленники огляделись.

— Ой! — невольно воскликнула девушка. — Это же дом князя Гуна.

— Точно, — подтвердил Саша. — Интересное дело!

— Ну что ж, зато сразу ясно, кто взял указ, — Аня как всегда, торопилась с выводами. — Именно человек князя, который приходил к нам с письмом.

Сопровождающий грубо подтолкнул их к воротам:

— Хватит болтать! Быстрее, быстрее!

Опять, как и в прошлый раз, они долго шли по извилистым дорожкам сада, только теперь не к беседке, а к дому князя.

Собственно, дом состоял из нескольких построек, разделённых между собой дворами, но обнесённых общей стеной. Издалека казалась, что это одно большое здание. Главные двери вели во внешние или приёмные покои. Здесь хозяева встречали гостей и торговцев. В центральном доме, отделённом от приёмных покоев двориком, жил сам хозяин с семьёй, а позади, также через двор, располагались кухня и помещения для слуг. Все эти постройки окружал уже знакомый ребятам великолепный сад с беседками и прудами.

Подойдя к дому, они взошли по ступенькам, пересекли небольшую веранду и остановились у двойных дверей. Створки их были украшены изображением двух божеств, охраняющих вход в дом, а косяки поражали необыкновенно красивой резьбой. С обеих сторон висели ещё и красные дощечки с надписями — заклинания против злых духов.

Пока никто не встречал их, всё тот же китаец в чёрном распахнул двери и пропустил ребят во внешние покои. Аня, Саша и Сергей вошли в огромную комнату и огляделись. Освещали её высокие бронзовые светильники на треногах. В фарфоровых напольных вазах стояли букеты живых цветов. Большой кан устилали плетёные бамбуковые циновки, на низеньких столах теснились блюда с фруктами. Множество стульев, столиков, комодов выглядели скорее не как предметы обихода, а как украшения: из дорогих сортов дерева, с великолепной резьбой и инкрустацией. Фарфоровые статуэтки богов, расписные вазочки,

фигурки животных из нефрита и яшмы пестрели повсюду, оживляя интерьер и радуя глаз. А на стенах висели прекрасные рисунки, выполненные на шёлке.

Наконец, вошёл слуга, строго оглядел иноземцев и тут же удалился в соседнюю комнату. После чего оттуда вышел сам князь с весьма суровым лицом. Слуга его маячил сзади.

«Вот негодяй! — внутренне закипала Аня. — Мы, как дураки, распинались перед ним, выложили всю правду, а он…»

— Развяжи им руки, — обратился князь к воину.

Тот поспешно выполнил приказание.

— Садитесь, — разрешил князь, указывая на большой кан, и снова обратился к слуге: — Вели подать еду.

Слуга удалился через другую дверь.

— Ты тоже можешь идти, — князь махнул рукой воину, и тот исчез быстро и неслышно, как растворился.

В комнате повисла тишина. Гун пристально смотрел на своих гостей. Саша и Сергей даже отвели глаза, только Аня сумела выдержать его тяжёлый взгляд. Гордость и ненависть не позволяли ей сдаваться. Она вспомнила старый театральный афоризм: «Чем больше артист, тем больше пауза». «Держи паузу, — приказала себе Аня. — Посмотрим ещё, чья возьмёт!»

И первым не стерпел князь:

— Почему вы скрыли от меня факт исчезновения вашего друга? — он показал глазами на Сергея.

— А какое это имело значение? — небрежно ответила Аня.

— Это имело очень большое значение, — изрёк князь. — Вы недооценили опасность, которая вам угрожала.

— Вот именно, — гневно проговорила девушка. — Мы недооценили опасность, исходящую от Вас.

Гун некоторое время молча смотрел на Аню, а потом медленно проговорил:

— Если человек находится под влиянием страстей, он не следит за правильностью своего поведения. Таким же он будет под влиянием страха, удовольствия, горя и отчаяния. Человек смотрит и не видит, слушает и не слышит, ест и не чувствует вкуса.

— Если всё это про нас, то Вы ошибаетесь, многоуважаемый князь, — холодно произнесла Аня. — Нас вовсе не ослепили страсти. И мы не потеряли рассудка. Мы слушаем и понимаем, смотрим и видим. И сейчас мы видим, что человек, представившийся другом, оказался врагом. Правильно говорит ваша китайская пословица: от открытого копья защитишься, от тайной стрелы не укроешься. Мы доверились Вам, как другу, а вы воткнули нам нож в спину. Зачем вы устроили охоту на нас?

Князь нахмурился.

— Я спас ваши жизни, — тихо сказал он. — Вы должны благодарить меня.

— Что значит спасли? — удивлённо вскинулась Аня. — Ваши люди захватили нас, связали, чуть не убили. Ваш посланник с письмом выкрал у меня указ, и наверно, Вашими стараниями нашего друга обвинили в воровстве и упрятали в тюрьму. Вы хотели избавиться от нас?

— Вы ошибаетесь, называя меня врагом. Могу Вас заверить, что указа у меня как не было, так и нет. Захватили вас люди Цыси, а мои воины отбили вас у них…

— Подождите, — растерялась Аня, — я не понимаю. А у кого же теперь указ? Что вообще происходит? Разве мы не ваши пленники?

— Конечно, нет. Просто мои люди следили за вами с того самого момента, как вы ушли из этого дома.

— Зачем? — всё ещё не понимала Аня.

— Вы задаёте странные вопросы, — изумился князь. — Мог ли я целиком положиться на ваше благоразумие, довериться иноземцам? Разумеется, нет. Я должен был знать всё о вас. А также о людях, которые вас окружают. Мой человек сразу обнаружил слежку.

— И мы её заметили, — вставила Аня.

— Это был агент Цыси — мы легко выяснили это, ведь он даже не слишком скрывался. Мой человек работает тоньше, потому что для меня намного важнее оставаться в тени. Так вот, ваши передвижения показались мне подозрительными. Я выяснил, зачем вы ходили к матери служанки Фэйянь, и по моему приказу расспросили слуг в Северном подворье. Так я узнал, что служанка ушла вместе с вашим другом. Мои люди продолжали следить за вами постоянно, и ночью принесли тревожное сообщение: вас захватили люди Цыси. Я быстро выяснил, где они прячут вас, собрал небольшой отряд, и мои воины отбили вас. Из захватчиков двое сбежали, — разочарованно проговорил князь. — Но я догадываюсь, кто они.

— Один — Ли Ляньин. Я точно знаю. Хоть он и закрывал лицо, я узнала его по голосу.

— Вы так хорошо знаете Ли Ляньина, — удивился князь, — что смогли узнать его по голосу? Откуда?

Аня смутилась, поняв, что сболтнула лишнее.

— Ну, вообще-то… — замялась она, — приходилось встречаться пару раз… У меня очень хорошая память на голоса.

Князь ничего не сказал, но видно было, что ответом он не доволен.

Саша и Сергей уже устали слушать непонятные для них речи и возмущались до глубины души. Они совершенно справедливо полагали, что имеют право быть в курсе дела.

— О чём вы там говорите? — не выдержал, наконец, Саша. — Ты не забыла, что мы здесь тоже присутствуем?

— Ну, извини, — буркнула Аня и очень коротко пересказала самую суть. Потом добавила для полной ясности:

— Если бы не его «бойцы невидимого фронта», нас бы давно в живых не было. Понимаете?

— Значит, он всё-таки союзник, — сказал Саша, — Тогда спроси его, где находятся наши вещи. Главное, про «Фаэтон» узнай.

Аня перевела просьбу. Не акцентируя внимания на подробностях. Гун молча кивнул и хлопнул в ладоши. Мгновенно появился слуга.

— Почему не подают ужин? — гневно вопросил князь.

— Уже несут, — слуга стал кланяться так неистово, что казалось, он сломается пополам.

— Скажи, пусть заодно принесут вещи наших гостей.

Очень скоро на смену вышедшему слуге явились двое с сумками и корзинами в руках.

Аня вскочила и бросилась им навстречу. Выхватив обе сумки, она быстро изучила содержимое.

— «Фаэтона» нет! — сквозь слёзы произнесла она. — Я так и знала! Что же нам делать? — и уронив сумки на пол, расплакалась.

Князь растерянно смотрел на девушку.

— Что случилось? — наконец, спросил он. — У вас что-то пропало?

Он метнул грозный взгляд в сторону слуг, и те испуганно сжавшись, пролепетали:

— Это всё, что было. Мы ни к чему не притрагивались.

Тогда Аня бросилась к корзинам. Она с яростью выбрасывала на пол какие-то вещи и причитала по-русски и по-китайски вперемежку. Князь изумленно наблюдал за ней. Саша и Сергей застыли в напряжении. Наконец, Аня восторженно закричала:

— Вот он, голубчик, нашёлся! — и стала целовать серебристый прибор, не в силах сдержать слёз радости.

Князь удивлялся всё сильнее: только что безутешно рыдала, а через мгновение — дикий восторг. Такое поведение было чуждо жителям Поднебесной. И, вообще, так ярко выражать свои чувства в присутствии посторонних считалось дурным тоном. Все китайцы привыкли «сохранять лицо», держаться с достоинством, не разменяваясь на бурные эмоции. А здесь какой-то «поросячий

визг» от счастья.

А ребята словно и забыли, где находятся.

— Надо проверить работает он или нет, — сказал Саша, вместе с Сергеем подойдя к Ане. Он решительно взял прибор и открыл крышку. — Вдруг эти китайцы уже пытались его включать.

«Фаэтон» загрузился и выдал знакомую надпись:

«ВОЗВРАТ В СВОЁ ВРЕМЯ НАСТУПИТ ЧЕРЕЗ 9 ЧАСОВ»

— Ура! Работает! — подпрыгнула от радости Аня.

Саша легонько толкнул девушку в бок, наконец, сообразив, что они чуточку увлеклись:

— Слушай, — шепнул он, — на тебя смотрят, как на ненормальную. И вообще, как ты собираешься всё это объяснять?

Аня сразу взяла себя в руки, подошла к князю и искренне поблагодарила его.

— Что это за предмет? — поинтересовался он. — Я знаю, что иностранцы изобретают удивительные вещи. Но я никогда ещё не видел ничего подобного!

Саша и Аня переглянулись. Рассказать князю про компьютер? Пожалуй. Про машину времени точно рассказывать нельзя. Это в Древнем Египте можно было туману напустить о божественном предназначении волшебного ящика и запугать людей. В XIX веке этот номер не пройдет даже в Китае. Технический прогресс прокрадывался и в Поднебесную. А вообще в мире уже не одно столетие власть предержащие к любому значительному изобретению присматривались всерьёз. Учёных больше не называли колдунами, не сжигали на кострах и не обвиняли в ереси. Вовсю процветал промышленный шпионаж. Каждая страна старалась украсть у других полезные секреты.

Строго говоря, явление такое существовало с глубокой древности. Вспомнить хотя бы историю с китайской принцессой, которая отправилась к своему жениху в Индию и тайно увезла с собой величайший секрет изготовления китайского шёлка. Это — доподлинный факт, отражённый в хрониках Поднебесной. Хитрая принцесса, отправившись в путь, надела на голову чудесную шляпку с живыми цветами, а в цветах спрятала шелковичных червей. Таков был её подарок возлюбленному. Произошло это в XV веке до нашей эры и считается классическим примером промышленного шпионажа. Один раз не уберегли секрет, и технология начинает распространяться по всему миру. Так получилось с шёлком, и с фарфором. Правда, изготовление розового фарфора так и осталось для европейцев тайной.

А «греческий огонь»? Кто только не пытался выведать секрет этого смертоносного оружия древних! По описанию историков

того времени он «летел с быстротой молнии и с громовым грохотом и был похож на крылатого дракона с головой свиньи и длинным хвостом». Когда снаряд достигал цели, происходил сильный взрыв, и поднималось облако чёрного дыма. После того, как дым рассеивался, огромное пламя поглощало всё вокруг, и его нельзя было затушить водой. Якобы от воды оно вспыхивало ещё сильнее. Гасить огонь можно было только песком. Начиная с XI века, а то и раньше, все страны прилагали огромные усилия, чтобы раздобыть секрет «греческого огня». В конце концов, мусульманам удалось похитить секрет, и они использовали «греческий огонь» против европейцев в эпоху крестовых походов. Затем секрет его производства был утерян, и уже навсегда.

А какая война разгорелась за натуральный каучук! Слово «каучук» переводится как «плачущее дерево», произрастало оно исключительно в Америке. Там и открыли явление вулканизации, первые образцы резины отправили в Англию. Каучуковая промышленность превратилась в «золотое дно» для шпионов, были похищены десятки секретных формул и технологических схем.

Происходило это как раз в конце XIX века, когда промышленный шпионаж принял поистине грандиозные масштабы. Оно и понятно. Паровая машина, фотография, дизельный двигатель, телефон, радио, автомобиль — всё это пришлось именно на XIX век.

И вот в период такого бурного развития техники подарить людям секрет из XXI века! Страшно даже подумать, к чему это могло привести.

Саша и Аня поняли друг друга без слов, им даже не надо было советоваться, рискуя вызвать дополнительные подозрения. Только Сергей считал иначе:

— Скажите ему, что это изобретение будущего, которое вообще не должно существовать, — брякнул он.

— Хорошо, что Вы не говорите по-китайски, — сказала Аня. — И как только Вас держали в Секретной Лаборатории с таким длинным языком?!

Девушка поспешила, приступить к объяснениям, не затягивая эти «сепаратные переговоры»:

— Многоуважаемый князь, это новое изобретение американцев. Мы обязательно Вам расскажем о нём, но сейчас главное — спасти нашего друга. Уже близится рассвет, а на утро назначен суд. Мы не хотим, чтобы он пострадал от рук ваших палачей. Он же ни в чём не виноват.

— Я понимаю ваше беспокойство. Тогда объясните мне, что

это за история со шпилькой.

Аня по возможности кратко изложила князю суть дела.

— Так, значит, шпильку подложила Фэйянь, — задумчиво произнёс тот. — Любопытно…

— Понимаете, — быстро заговорила Аня. — Нам обязательно нужно разыскать эту девушку. Она должна забрать жалобу, только тогда нашего друга освободят. Куда ваши люди увели Фэйянь? Или её забрали люди Цыси?

Князь долго ходил по комнате и молчал. Аня уже хотела что-то спросить, но Саша одёрнул её:

— Подожди. Дай человеку подумать.

Слуги принесли ужин, расставили блюда и тихо удалились.

— Прошу к столу, — пригласил князь.

Все трое, усевшись на тёплый кан, принялись с жадностью поглощать еду. Князь Гун сидел в кресле с отрешённым взглядом, он напряжённо обдумывал ситуацию.

— Теперь я многое понимаю, — наконец произнёс он.

— Что именно? — рискнула спросить Аня.

По очередному хлопку хозяина появился слуга.

— Приведи сюда Фэйянь, — приказал князь.

Сергей, услышав заветное имя, побледнел и чуть не выскочил из-за стола. Саша был вынужден схватить его за руку и усадить обратно.

— Держите себя в руках! — сказал он.

Дверь отворилась, в комнату вошла Фэйянь. Лицо её было заплаканным, а кулаки сжаты так, что побелели костяшки пальцев. Она упала на колени перед князем и тихо запричитала, прося его о милости.

— Что происходит? — опять не выдержал Сергей, вставая, и Саша вновь остановил его.

Князь Гун неотрывно смотрел на Фэйянь, и глаза его блестели недобрым светом.

— Где указ? — грозно спросил он.

Фэйянь уткнулась лбом в пол и заплакала.

— Где указ? — повторил Гун. — Отвечай! Или я прикажу схватить и пытать твою мать, и всех твоих родственников. Они будут умирать медленно и мучительно. А ты будешь смотреть на их мучения.

— Прошу Вас, почтенный господин, не делайте этого, — сквозь слёзы молила Фэйянь. — Я всё расскажу! Только не трогайте мою мать, она ни в чём не виновата!

Служанка замолчала ненадолго, а потом подняла голову и начала рассказывать.

Глава 28
ВЗАИМОВЫГОДНАЯ СДЕЛКА

Всё началось в то самое раннее утро, когда четверо русских путешественников пришли в Северное подворье. Дьякон их любезно принял, выделил комнаты для проживания, а служанка Фэйянь прислуживала им за завтраком. Она и подумать не могла, какие события произойдут в ближайшие дни. Своей работой она была вполне довольна. Миссионеры относились к ней дружелюбно. Здесь никогда не практиковалось битьё бамбуковыми палками за оплошность или небрежность. Наказание выражалось лишь в словесном нарекании. Русские исправно платили служанке, отпускали её на праздники к родственникам и никогда не отказывали в просьбах навестить мать. Единственное, что не давало Фэйянь покоя — это то, что у неё не было жениха. Все её подружки уже вышли замуж, нарожали детей, а она оставалась одинокой. Не имея приданого, найти жениха было трудно, почти невозможно. И девушка, работая у миссионеров, пыталась откладывать деньги, мечтала собрать хоть какую-то сумму. Но у неё была старая мать, которой приходилось постоянно помогать …

В то самое утро, уже после нежданных гостей, в русскую миссию пришёл хорошо одетый китаец и, поговорив со слугами из местных, остановил свой взор на Фэйянь. Он уже успел выяснить всё про всех, и хорошенькая девушка показалась ему самой подходящей кандидатурой для осуществления хитрых замыслов. Он подозвал к себе служанку и начал издалека:

— Ты молода и хороша собою. Тебе не место здесь. Скажи, у тебя есть жених?

Фэйянь отвела глаза. Конечно, собеседник прекрасно, знал, что у неё нет жениха. А звали этого господина Цынь Чжун. Это он по приказанию главного евнуха Цыси Ли Ляньина выследил иноземцев до самых ворот Северного подворья. Императрица задумала весьма рискованный план похищения посмертного указа Сяньфэна. Роль главного исполнителя надлежало сыграть кому-то из слуг-китайцев, работающих в русской миссии, причём этот человек должен был непосредственно общаться с четырьмя иноземцами, присвоившими указ. А иначе как выкрасть документ?

— Фэйянь, — обратился Цынь Чжун к служанке, — я могу помочь тебе стать богатой. Ведь ты хочешь стать богатой?

Служанка покраснела. Конечно, она хотела стать богатой. А

кто не хотел?

— Пойдём со мной, — ласково пригласил китаец. — Я представлю тебя очень влиятельному человеку, он поможет тебе.

«Неужели моя мечта осуществится? — Фэйянь была так взволнованна! — Ведь есть же на свете люди, способные помочь бедной девушке!» Наивная, она даже не подумала, что просто так никто не станет помогать первому встречному.

Служанка кланялась и благодарила незнакомца за милость и участие в её судьбе.

Цынь Чжун вёл перепуганную молоденькую китаянку через роскошные залы западных павильонов Запретного города. В павильоне Изысканного Изящества в одном из залов их уже ждал Ли Ляньин.

Осторожно открыв дверь, Цынь Чжун вошёл вместе с Фэйянь. Девушка испуганно посмотрела на богато одетого господина, сидящего посреди зала, и поспешно опустилась на колени. Цынь Чжун подошёл к Ли Ляньину и стал что-то тихо говорить, указывая на Фэйянь. Ли Ляньин, встав со своего места, медленно подошёл к девушке и, стараясь говорить как можно мягче, спросил:

— Как тебя зовут, милое дитя?

Девушка подняла на него глаза и тихо произнесла:

— Фэн Фэйянь.

— Ты прислуживаешь в Северном подворье у русских миссионеров?

— Господин прав, — взволнованно пролепетала Фэйянь.

— Тебе нравится твоя работа?

— Иностранные господа добры ко мне. Я вполне довольна.

Ли Ляньин походил по залу, затем остановился и вкрадчиво произнёс:

— Встань, милое дитя, я хочу посмотреть на тебя.

Фэйянь поднялась с колен. Ли Ляньин осмотрел девушку с ног до головы и сообщил сладким голосом:

— Ты молода и очень красива, Фэйянь. Тебе нужен достойный жених.

Девушка молча стояла перед главным евнухом императрицы, опустив голову. Её щёки пылали, а руки теребили маленькие деревянные чётки.

— У тебя есть приданое? — спросил евнух.

Фэйянь отрицательно покачала головой и ответила еле слышно:

— Я из очень бедной семьи. У меня только мать, а отец умер.

— Без приданого тебе трудно будет найти достойного

жениха, — на лице Ли Ляньина появилось сострадание. — Но мы поможем тебе, — и он сделал многозначительную паузу.

Фэйянь бросила на него короткий любопытный взгляд и снова опустила глаза.

— Да, ты можешь получить от нас большие милости. Мы дадим тебе хорошее приданое и подберём достойного жениха, если только… — он сделал ещё одну паузу, — ты выполнишь нашу небольшую просьбу.

— Какую? — девушка быстро и настороженно подняла глаза.

— Совсем небольшую просьбу, — ответил Ли Ляньин. — Ну, так ты согласна услужить Великой Императрице?

— Великой Императрице? — испугалась Фэйянь.

— Да. Великой Императрице.

Фэйянь встала на колени и смиренно произнесла:

— Великой Императрице я готова служить без всяких милостей.

— Великая Императрица заботится о своих поданных, — торжественно объявил главный евнух. — Она очень милосердна и щедра с теми, кто служит ей.

Затем, он ещё походил по комнате, вероятно, обдумывая, как вести разговор дальше, и вдруг, остановившись, спросил:

— Ты умеешь читать?

Фэйянь растерялась: вопрос был слишком неожиданным. Она умела читать, но не очень хорошо и подумала: «Лучше сказать „нет“. Плохое чтение — это не чтение».

— Нет, — быстро произнесла Фэйянь, а потом добавила: — Но некоторые иероглифы я знаю.

Ли Ляньин улыбнулся, явно довольный ответом. Он поднял девушку с колен и спросил:

— Ты знаешь четырёх иноземцев, которые сегодня рано утром пришли в русскую миссию?

— Нет, я их не знаю, — поспешила заверить она. — Я их первый раз увидела сегодня.

— А что за дело привело их в Северное подворье? Может, ты слышала?

— Нет, господин, я ничего не знаю об этом. Они разговаривали с духовным служителем.

— Но ты прислуживала им? — уточнил Ли Ляньин.

— Да, я подавала им завтрак, а потом проводила их в комнаты.

— Значит, ты должна была слышать, о чём они говорили с духовным служителем.

— Да, но я плохо знаю русский язык, — сказала девушка, и торопливо добавила: — Да и едва ли они вели бы при мне

серьёзные разговоры.

Ли Ляньин ненадолго задумался.

— Эти четверо иноземцев, — сказал он немного погодя, — похитили у нашего человека один очень важный документ. Так вот, — он посмотрел прямо в глаза Фэйянь, — ты должна выкрасть у них этот документ.

Фэйянь от волнения заморгала глазами и тихо пролепетала:

— Выкрасть?

— Именно выкрасть. Сами они его не отдадут.

Фэйянь вдруг поняла, что попала в скверную историю. Её просят украсть у иноземцев очень важный документ! «Отказаться? — думала она. — Но это просьба Великой императрицы. И если я не сделаю этого, она уничтожит меня. А если сделаю? Я буду богата! У меня будет достойный муж! Разве не об этом я мечтала?»

В её голове возникла очень яркая картинка: одетая в красивое подвенечное платье, она приближается к дому жениха в богатом паланкине…

— Но как я сделаю это? — спросила Фэйянь.

— Ты же прислуживаешь им, — сказал главный евнух. — Понаблюдай за иноземцами, проникни в их комнаты, поищи бумагу.

— А если они этот документ носят с собой?

— Вернее всего проникнуть в комнаты, когда они спят.

— А если проснутся? — всё больше тревожилась Фэйянь.

— Подсыпь им в еду сонного зелья, ты же прислуживаешь им, — стараясь сдерживать раздражение, проговорил Ли Ляньин.

Фэйянь жутко растерялась. То, что ей надлежало сделать, было по-настоящему опасно. Мысли одна страшнее другой путались в голове: «Вдруг иноземцы схватят меня? Что они со мной сделают? Убьют? Это было бы лучше всего. А если обвинят в воровстве? Тогда меня будут судить и…»

Она закрыла глаза, невольно представляя те страшные муки, которые ей предстоит вынести. Думать дальше не было сил.

Ли Ляньин, как будто прочитав её мысли, задушевно проворковал:

— Не надо бояться. Они с тобой ничего не сделают, если ты будешь хитрой и умной. А ты же умная девушка, я это сразу понял, как только увидел тебя. — И он напомнил после паузы: — Если только раздобудешь документ, сразу станешь очень богатой. Великая Императрица пожалует тебе денег, и землю, и дом, и сама подберёт достойного жениха.

Словно в подтверждении своих слов, Ли Ляньин подошёл к небольшому столику и открыл красивую резную шкатулку, где

лежали великолепные драгоценности.

— Вот возьми, — и он протянул ей необыкновенной красоты ажурную золотую шпильку, украшенную жемчугом и нефритом и такой же великолепный золотой браслет с нефритом и яшмой тонкой работы. — Это дарует тебе Великая Императрица. А когда принесёшь документ, получишь во много раз больше.

Фэйянь взяла украшения и тут же озадаченно спросила:

— Как же я буду всё это носить? Ведь люди подумают, что я украла.

«Какая сообразительная девушка! — усмехнулся про себя Ли Ляньин. — Конечно, с её достатком она не может носить такие украшения. Все сразу обратят внимание».

— Хорошо. Оставайся здесь. Я скоро приду, — и он вышел в соседнюю комнату.

Там сидела сама императрица Цыси. Она внимательно слушала весь разговор через чуть приоткрытую дверь.

Ли Ляньин поклонился и хотел пересказать всё императрице, но та сразу подняла руку:

— Я всё слышала.

Затем подошла к столу, взяла лист бумаги, написала что-то, поставила печать и передала бумагу своему главному евнуху. Он поклонился и, пятясь, вернулся в комнату, где оставил Цынь Чжуна и Фэйянь.

— Возьми эту грамоту, здесь написано, что это подарки, — сказал Ли Линьин, протягивая бумагу Фэйянь. — Но носить украшения сейчас действительно не стоит. Никто не должен знать до поры о величайшей милости государыни. Ты меня понимаешь? — и он испытующе посмотрел на девушку.

— Я всё поняла, господин, — ответила Фэйянь. — Я спрячу подарки у себя в комнате, и никто не увидит их, пока вы мне не позволите.

— Иди, — сказал Ли Ляньин девушке. — И будь достойна милости императрицы.

Фэйянь низко поклонилась и вышла вместе с Цынь Чжуном.

Глава 29
МЫ БЕДНЫЕ ОВЕЧКИ, НИКТО НАС НЕ ПАСЁТ…

Фэйянь прервала свой рассказ и попросила воды. Князь сделал знак слуге, тот моментально исчез и через считанные секунды вернулся с красивой фарфоровой пиалой.

— Итак, — сказал князь, когда Фэйянь уже отдавала слуге пустую чашку, — выкрасть документ тебе приказала сама императрица. — Что было дальше?

Девушка справилась с волнением и продолжила.

Первым, кого она встретила, вернувшись из дворца, оказался старший из тех четверых по имени Сергей. Они долго проговорили, ведь иноземец был явно неравнодушен к Фэйянь, и она это чувствовала. Русский говорил ей ласковые слова, нежно смотрел на неё, был необычайно обходителен и, если честно, показался ей тоже очень-очень милым. Никто так не обращался с ней раньше. Никто и никогда не говорил таких удивительных слов. Русский не выспрашивал, богато или бедно живёт её семья, словно это вообще было не важно. Иноземца интересовала только сама Фэйянь.

В Китае традиционно относились к женщине как к низшему существу. По учению Конфуция на женщину следует смотреть, как на неизбежное зло, которое можно только терпеть. Возможно, философ говорил так исключительно потому, что ему не везло с женщинами. Его личная жизнь, как свидетельствуют исторические документы, не сложилась. Но почтение китайцев к Конфуцию было столь велико, что они не могли подвергнуть сомнению его слова. Жители Поднебесной придерживались правил этикета, заложенных далёкими предками.

К примеру, мужу и жене не положено показываться на улице вместе.

А если всё-таки они окажутся рядом, жена должна следовать позади мужа.

При посторонних супругам нельзя обедать вместе.

Жена не имеет права вешать платья в шкаф мужа.

Говоря о жене, муж должен называть её «презренной обитательницей внутренних покоев» и так далее.

Женщина в семье всегда имела подчинённое положение.

Покорность и ещё раз покорность — вот основная добродетель женщины. «Если я выйду замуж за птицу, — гласит китайская пословица, — я должна летать за ней. Если выйду замуж за собаку, должна бегать за ней повсюду. А если выйду замуж за брошенный комок земли, должна сидеть рядом и оберегать его». В отличие от западных женщин и мужчин, которые к тому времени в большинстве своём уже сами выбирали себе женихов и невест, китаец женился не потому, что любит, а потому, что это нужно для общих интересов рода. А о том, чтобы женщина выбирала партнёра, и речи быть не могло.

Вообще, в деле создания семьи личный выбор и вкус не играли никакой роли. Вопрос решался всецело старшими. Зачастую жених и невеста вовсе не видели друг друга до свадьбы. Но иногда юноша и девушка, случайно встретившись, начинали мечтать друг о друге, и некоторые родители, видя их пламенную любовь, соглашались на свадьбу. Однако такое благодушие являлось редким исключением из общего правила.

Относительно всяких ухаживаний, любовных записочек и прочего тоже имелись свои правила, где было записано, что ухаживать за женщиной, тем более прилюдно, считается дурным тоном. Мужчина должен ставить себя на ступень выше женщины, а несдержанное поведение роняет его авторитет в глазах соплеменников. Правда, это правило выполнялось не всеми. Молодые люди, полюбившие друг друга, писали друг другу письма, встречались, только всё это делалось в тайне от родителей.

Сергей же совсем не стеснялся ухаживать за Фэйянь прилюдно. Это было очень странно, ведь даже русские, которых она знала раньше, вынуждены были считаться с китайскими правилами. А этот представлялся человеком совершенно необычным, и девушка вдруг ясно поняла, что именно с ним она хочет связать свою жизнь. Иноземец ей нравился всё больше и больше.

Вот только как же быть с документом?

Фэйянь успокаивала себя одной мыслью: документ не принадлежал иноземцам, а значит, похищая его, она не совершит ничего плохого. Да ещё и станет богатой!

Узнав о том, что иноземцы пробудут в миссии всего пять дней, она решила действовать немедленно.

В тот же день трое из путешественников ушли в город по делам, вернулись довольные и решили немного отдохнуть.

Зайдя к ним, она спросила по-русски:

— Вам подать обед?

— Нет, спасибо, мы уже обедали, — ответила ей русская девушка по-китайски. — Принесите нам только попить.

Фэйянь впервые слышала, чтобы иноземка так правильно говорила на их языке, но задумываться над этим было некогда. «Вот он, нужный момент! — вдруг почувствовала Фэйянь. — Они такие усталые и просят пить. Я принесу им чая с сонным зельем, а они и не догадаются, от чего так крепко уснули».

Все получилось как надо. Иноземцы быстро заснули. Фэйянь, выждав положенное время, вернулась в домик для гостей и обыскала вначале сумки мужчин. Не найдя документа, перешла в комнату девушки. Странно, но документ был именно там.

Фэйянь знала, что не стоит разворачивать свиток, но, как всякая женщина, она уступила своему любопытству… О, зачем она это сделала?! Её охватил ужас! Она держала в руках смертный приговор Великой Императрицы.

Фэйянь поняла, что жизнь её оборвётся сразу, как только указ будет передан в руки владычицы.

«Меня убьют, обязательно убьют, — твердила она про себя. — Императрица не захочет оставлять свидетелей. Все эти льстивые речи про богатство — очевидная ложь. Кто я такая, чтоб оставлять меня в живых?.. А ещё иноземцы, увидев пропажу, начнут искать вора. Что же делать?»

Она решила посоветоваться с братом и, не откладывая, побежала на окраину Пекина в дом с зелёными воротами.

На этом месте Фэйянь опять прервала свой рассказ.

— Что же ты молчишь? — в голосе князя Гуна зазвенел металл. — Или не хочешь рассказывать про «Белый лотос»?

Фэйянь испуганно взглянула на князя и заплакала.

— Я не знала, я ничего не знала, клянусь Вам, не знала… — сквозь слёзы бормотала она.

— Ты не знала?! — ещё более грозно вопросил князь.

— Я не знала, — ещё раз повторила девушка. — Клянусь прахом моих предков, не знала.

— Мы давно следим за твоим братом, — сурово сказал князь. — Его тайные делишки нам хорошо известны. Мы хотели выследить всю эту шайку до последнего человечка, но обстоятельства не позволили довести дело до конца. Ты знаешь, что делают с родственниками изменников Родины?

Фэйянь упала в ноги князю и зарыдала. Князь поморщился:

— Рассказывай дальше и не вздумай лгать!

Девушка кивнула, вытерла слёзы, сделала глоток из вновь принесённой ей пиалы и заставила себя продолжить рассказ.

Брат Фэйянь, к её великому изумлению, очень обрадовался, когда прочёл документ.

— Ты даже не понимаешь, что сделала для нас! — воскликнул он и заходил по комнате, удовлетворённо потирая руки.

— Для кого — для нас? — не поняла Фэйянь. — И чему ты радуешься? Меня же убьют! Ты понимаешь это?

— Убьют не только тебя, — странно ответил брат, — но и этих иноземцев, у которых ты выкрала указ.

— Почему? — испугалась Фэйянь. — Я не хочу, чтобы их убивали.

Брат взглянул на неё удивлённо.

— Ну и пусть их убивают. Тебе-то что? Надо думать о своей безопасности.

— Я не хочу, чтобы их убивали, — дрогнувшим голосом упрямо повторила Фэйянь.

— Да что с тобой, сестрица? Почему ты так волнуешься об иноземцах?

Фэйянь вырвала у него указ и быстро проговорила:

— Я отнесу его во дворец и попрошу Великую Императрицу не трогать иноземцев.

— Да ты с ума сошла! — расхохотался брат. — Лезешь в пасть ко льву, и при этом просишь пощадить каких-то чужаков. А ну-ка признавайся, в чём дело!

Фэйянь молчала, и брату пришлось повысить голос:

— Рассказывай!

— Просто среди этих иноземцев есть один человек, который мне очень нравится, — начала Фэйянь. — Он очень-очень хороший…

— Ну и что? — перебил её брат, растерявшись от такого поворота.

— Если б он пожелал взять меня в жёны, я бы с радостью согласилась… Если, конечно, ты не будешь против, — добавила она.

Этим признанием брат был окончательно ошарашен.

— Разве не нашлось достойных среди наших соплеменников? — возмутился он.

Фэйянь опустила голову и тихо ответила:

— Мне никто не нужен, кроме него.

В полном недоумении брат несколько раз пересёк комнату из конца в конец. Потом спросил:

— А он захочет взять тебя в жёны?

— Не знаю. Но я нравлюсь ему. Даже очень. Я это точно знаю, — поспешно добавила она.

Брат опять задумался и вновь заговорил не сразу:

— Ну, хорошо. Твоему иноземцу мы поможем. Тебя спрячем. Не беспокойся, — и он забрал указ у неё из рук.

— А почему ты всё время говоришь «мы»? — напомнила сестра, она уже спрашивала об этом.

— Потому что мы — это тайное общество «Белый лотос».

— «Белый лотос»? — в ужасе проговорила Фэйянь.

Все в Китае знали об этой организации, однако поймать её предводителей правительству пока не удавалось.

После захвата маньчжурами Китая, в стране постоянно вспыхивали народные восстания. Их организаторами являлись тайные общества и религиозные секты. А основной целью было свержение маньчжурской династии, не имевшей, по убеждению бунтовщиков, никаких прав на китайский престол. Помимо этого ставилась и цель «улучшения общества». Повстанцы пропагандировали веру в изначальное равенство людей, хотели, чтоб не было бедных и богатых. Победа означала для них наступление новой, счастливой эры, связанной с приходом земного воплощения Будды Майтрейи.

В деятельности тайных организаций огромная роль отводилась мистическому ритуалу, внушающему членам общества ощущение своей силы и единства. Одним из элементов ритуала было ушу, или военное искусство. Постижение этого вида единоборства давало сектанту ощущение защищённости, возвышало его в глазах окружающих.

Рассказывают, что самое могущественное тайное общество «Триада» основали монахи буддийского монастыря Шаолинь, некогда самого знаменитого в Китае. Построен он был около 500-го года нашей эры. Согласно легенде монахи помогли танскому императору Тайцзуну в борьбе против восставшего сановника. Тринадцать монахов, вооружённые простыми деревянными дубинками, сумели разгромить целую армию мятежников и захватить в плен её главаря. В благодарность император присвоил Шаолиню почётное звание Первого монастыря Поднебесной. Когда Китай захватили маньчжуры, монахи отказались признавать новую власть. Монастырь был осаждён цинскими войсками и сожжён. Почти все его защитники погибли в бою. Избежать смерти удалось лишь «пяти старшим братьям», которые отправились в странствие по Китаю, обучая народ искусству ушу и призывая к борьбе с маньчжурами. Тогда-то и образовалось тайное общество «Триада», одним из ответвлений которого был «Белый лотос».

Тайные общества постоянно вели борьбу с цинским

правительством. Восстания вспыхивали во многих провинциях. В 1813 году общество «Небесного разума» — духовные братья «Белого лотоса» — организовали восстание в Северном Китае. Его руководитель был объявлен истинным правителем Китая, приемником династии Мин. В октябре 1813 года отряд заговорщиков, насчитывающий около двухсот человек, проник на территорию Запретного города. Однако нападение было отбито многочисленной дворцовой стражей. Цинские войска расправились с восставшими, а их предводитель был жестоко казнён. Но, несмотря на поражения, тайные общества продолжали борьбу.

Фэйянь знала о существовании «Белого лотоса», но даже предположить не могла, что её родной брат является его членом. И теперь пришла в ужас.

— Зачем ты вступил в братство? — заплакала она. — Ты должен был подумать о нас с матерью. А вдруг тебя поймают? Нас всех казнят!

— Ты не понимаешь, что говоришь, глупая женщина, — вспылил брат. — Мы настоящие патриоты своей Родины. Мы хотим счастья и равенства для всех! Мы хотим создать новый мир!

— Я не хочу слышать об этом! — закричала Фэйянь. — Ты погубишь нас всех!

— Этот документ, — и он потряс указом, — поможет нам в нашей борьбе. Всеми делами в стране заправляет императрица Цыси. А у нас оказался её смертный приговор. Ты понимаешь, что это значит? Теперь её жизнь в наших руках!

— Но мне-то что делать? — робко спросила Фэйянь.

— Приводи сюда своего иноземца, и мы спрячем вас. Не говори ему ни об указе, ни о «Белом лотосе». И главное, пусть не рассказывает своим приятелям, куда уходит. Только поторопись! Люди Цыси будут искать тебя.

— А если те трое иностранцев не отпустят Сергея? — спросила сестра. — Вдруг начнут выспрашивать его и меня.

— Сама придумай, как избежать лишних разговоров. Выбери момент и тайно уйди с ним.

— А если он не согласится? — всё больше волновалась Фэйянь.

— Не согласится — придёшь одна. Помни, твоя жизнь в опасности.

— Я постараюсь уговорить его… Если, конечно, он вообще захочет жениться на мне, — добавила она.

— Не захочет — тоже не трагедия, — махнул рукой брат. —

Мы тебе подберём более достойного жениха. И зачем он тебе нужен? Чует моё сердце — с этими иноземцами одни неприятности!

— Но я не хочу другого жениха, — заупрямилась сестра.

— Хочешь — не хочешь, сейчас не это важно. Всё зависит от решения твоего иноземца. Но учти — медлить нельзя!

— Если мы уйдём с Сергеем тайно, оставшиеся трое иноземцев наверняка начнут его разыскивать, — опять забеспокоилась Фэйянь.

Брат походил по комнате, обдумывая ситуацию, а потом доверительно сообщил:

— Я знаю, как избавиться от них. Дай-ка мне сюда вещи, которая подарила тебе императрица.

Фэйянь подала украшения. Брат покрутил их в руках и произнёс, довольный собою:

— Этой ночью подложишь шпильку в их вещи и напишешь жалобу в ямынь, что у тебя украли украшение. А браслет я оставлю у себя и постараюсь продать. Это будет твоё приданое.

— Но обвинить иноземцев в воровстве — это же нечестно по отношению к ним. Они не сделали мне ничего плохого.

— Делай, что тебе говорят, — грозно произнёс брат. — Волнуйся лучше о своей безопасности. Я и так разрешил тебе привести одного из этих иностранцев. Другой бы на моём месте даже слушать подобные глупости не стал! Иди. Уже поздно. И не вздумай проявлять самодеятельность!

Фэйянь опустила голову и медленно поплелась к выходу.

— Шпильку возьми! — крикнул ей вдогонку брат.

— Теперь мы знаем всё, что произошло в действительности, — сказала Аня.

— Она ни в чём не виновата! — поспешил заявить Сергей и добавил совсем уж лишнее. — А главное, она любит меня!

— По законам Китая её и всех других родственников брата казнят, — произнесла Аня.

Генетик побледнел, вскочил и прошептал, как безумец:

— Я не позволю её казнить!

— Что Вы сказали? — грустно усмехнулась Аня. — Кто Вас спрашивать будет? Закон для всех один. За государственную измену казнят не только виновного, но и весь его род.

— Она не виновата, — повторил Сергей. — Её заставили выкрасть указ. Она не знала, что брат — член тайного общества…

— Слушайте, — возмутилась Аня, — Вы совершенно перестали соображать! Я же русским языком объяснила — таковы законы Поднебесной. И потом, она подставила нас всех. И вас в

том числе. Вы только представьте себе, что было бы, если б люди князя не подоспели вовремя и не спасли нас!

— Всё равно, она не виновата! Она — жертва обстоятельств.

— Хороша жертва! — язвительно сказала Аня.

— Конечно, жертва, — упрямо повторил генетик. — И почему она не поделилась со мной? Я бы помог ей. У Фэйянь просто не было хорошего советчика.

— Ай-ай-ай! Какое несчастье! — Аня насмешливо покачала головой и пропела тоненьким голоском: — «Мы бедные овечки, никто нас не пасёт…»

Сергей, конечно, вспомнил овечек из старого мультфильма «Пёс в сапогах», но ему было совсем не до смеха.

— Всё равно я буду просить князя помиловать её, — с маниакальным упорством произнёс он.

— Делайте, что хотите, а мы, в первую очередь, должны спасти Ваню. И лично меня совершенно не волнует судьба этой предательницы, — девушка резко отвернулась от генетика и перешла на китайский: — Многоуважаемый князь, как я поняла, у Фэйянь есть бумага, в которой говорится, что украшения — это подарок императрицы. Если мы предъявим эту бумагу суду, то нашего друга освободят?

— Думаю, да, — ответил князь и обратился к служанке: — У тебя есть эта бумага?

— Я отдала документ брату. Он спрятал бумагу дома, в тайнике. Но где этот тайник, я не знаю, — ответила Фэйянь.

— Уведите, — приказал князь слуге, и когда дверь за ним и Фэйянь закрылась, обратился к гостям: — За вашего друга можете не беспокоиться. Этот документ мы разыщем. Я лично отправлюсь в дом брата Фэйянь. А мои люди уже там.

— Но где указ? — спросила Аня.

— Вероятно, в том же тайнике, — рассудил князь Гун. — Отдыхайте и не думайте ни о чём плохом. Слуга покажет вам ваши комнаты.

Глава 30
ПУТИ НЕБЕСНЫЕ ВСЕВЕДУЩИ И СПРАВЕДЛИВЫ

Ямынь был обнесён высокой кирпичной стеной и представлял собой целый ансамбль строений, разделённых двориками. При входе высились две фигуры с искажёнными от гнева лицами, одетые в доспехи древних китайских воинов и с алебардами в руках.

— Ну и страшны! — сказал Саша, невольно отшатнувшись.

— Это духи, охраняющие вход в судебную палату от вторжения злых сил, — пояснила Аня. — Они же — официальная эмблема власти.

У ворот ямыня стояла стража, но слуги князя Гуна предъявили какую-то бумагу и троих иноземцев тут же пропустили. Пройдя ворота, они попали в первый двор, где у самого входа, чуть сбоку стоял огромный барабан на подставке и колотушка к нему.

Аня сочла нужным пояснить:

— Любой китаец, требуя справедливости, может в исключительных случаях вызвать начальника ямыня ударами в этот барабан.

По обе стороны первого двора тянулись темницы для преступников.

— В одном из этих карцеров сидит наш Ванька, —поведала Анюта. — Но ничего, уже недолго ему осталось.

На другом конце двора, перед вторыми воротами их снова встретили бдительные стражники в угрожающих позах. Слуги князя сунули им под нос грамоту, и всех опять пропустили. В глубине второго двора находился судебный зал. Его двери были открыты.

— А что за этим двором? — полюбопытствовал Саша.

— В следующих дворах — помещения сотрудников, прислуги, охраны и, наконец, жилые покои самого главы ямыня, — сказала Аня.

Войдя в зал, они остановились недалеко от входа и отметили, что, кроме них, здесь ещё человек пятнадцать: родственники тех, кого в этот день собирались судить и просто любопытные, проникшие в суд за небольшую плату. В глубине зала за длинным красным столом восседал судья. На столе лежали кисточки для письма, рядом небольшой деревянный брусок, а также стояли

чернильницы с чёрной и красной тушью и сосуд, наполненный деревянными бирками. По обе стороны от стола маячили стражники в высоких остроконечных шляпах и с бамбуковыми палками, по форме напоминающими весло. Верхняя часть — чёрная, а нижняя, похожая на лопасть, — красная. За маленькими столиками слева и справа от судьи расположились чиновники. Перед ними лежала бумага, а кисточки для письма они уже держали в руках.

— Иноземца будут судить вторым, — сказал один из слуг князя. — Придётся подождать.

Аня тяжело вздохнула.

— Не волнуйся, — успокоил её Саша. — У тебя в руках дарственная императрицы. Предъявишь её, и дело закроют.

— И почему нельзя было просто забрать жалобу? — проворчала Аня.

— Ты что забыла? — удивился Саша. — Князь же сказал, что Фэйянь не должна появляться здесь. Это опасно: повсюду люди Цыси. Достаточно будет бумаги, ведь в ней не сказано, кому подарены украшения.

— Всё равно я что-то нервничаю, — призналась Аня. — Как там наш Ваня?..

За спинами раздался шум. Вели преступника. У входа ему развязали руки, и обвиняемый, подойдя к судейскому столу, рухнул на колени и стукнулся лбом об пол.

Судья взял со стола деревянный брусок и с силой ударил им по столу. Грохот произвёл должное впечатление на присутствующих и на преступника. Толпа тут же замолкла, а обвиняемый всем телом вжался в пол.

Процесс начался. Судья приступил к допросу преступника. Затем вызвали свидетелей. Они тоже опустились на колени перед судьёй и говорили с жаром, то и дело указывая на распластавшегося китайца.

— Может, расскажешь нам, что там происходит? — попросил Саша.

— А почти такая же история. Этого китайца обвиняют в том, что он украл у соседей мешок риса.

Прошло ещё немного времени, и судья опять ударил деревянным бруском по столу. Все замолчали и замерли в ожидании. Настало время вынести приговор. Судья запустил руку в сосуд и выбросил несколько деревянных бирок на пол. По числу брошенных бирок стражники определили, какое наказание ждёт нечастного: каждая бирка — пять ударов бамбуковыми палками.

— Приговор приводится в исполнение тут же, — пояснила Аня.

Стражники подтащили вора к низенькой скамейке. Распластав на ней, спустили ему шаровары до колен и приступили к делу. Один держал преступника за косу, другой — за ноги, а третий принялся бить тонкой бамбуковой палкой.

— Я не могу на это смотреть, — сдавленным голосом проговорила Аня и отвернулась, хотя, казалось бы, именно для неё это было наиболее привычным зрелищем.

В итоге стонущего от боли китайца отволокли к выходу и передали родственникам.

— Сейчас будут судить вашего друга, — шепнул Ане один из слуг князя.

Судья стукнул бруском по столу, и в зал ввели Ваню Оболенского.

Саша и Аня невольно так напряглись, что слуги князя даже схватили их за руки, боясь, как бы иноземцы не бросились навстречу своему приятелю.

— Стойте на месте — иначе вас выведут из зала суда, — строго предупредил тот, что держал Аню. — А Вам ещё и в качестве переводчика работать, — добавил он.

Ване развязали руки и подтолкнули в сторону судьи. Он приблизился к столу медленно, с достоинством.

— Теперь пора, — подсказал слуга князя. — Подойдите к судье и скажите, что будете переводить.

Аня так и сделала.

Тем временем один из стражников подскочил к обвиняемому и, навалившись на него, стал опускать иноземца на колени. Ваня, не слишком напрягаясь, отпихнул назойливого китайца.

— Быстро делай, что говорят! — сказала Аня другу. — Настроишь судью против себя — не выпутаемся потом, — и она сама встала на колени.

Ваня упорно не хотел подчиняться. Видно, за время, проведённое в тюрьме, крепко допекли его эти китайцы!

Судья со всей силы стукнул бруском по столу, к обвиняемому подскочили уже несколько человек и всё-таки заставили опуститься на колени. Судья удовлетворённо отложил брусок.

Началось разбирательство. Жалобу зачитали вслух. Затем судья повертел в руках шпильку, удостоверяясь, об этом ли украшении идёт речь.

Аня быстро шепнула другу:

— Не волнуйся, у меня в руках документ, который позволит освободить тебя.

Ваня взглянул на девушку недоверчиво.

И тут судья так резко ударил бруском по столу, что Аня вздрогнула от неожиданности.

— Отвечайте, обвиняемый! Вы похитили украшение?

— Говори что хочешь, — улыбнулась Аня. — Я переведу как надо.

Ваня, вопреки всякой логике, вместо того, чтобы расслабиться и начать шутить, вдруг напрягся и стал оправдываться путано и длинно. Аня прервала его и обратилась к судье:

— Уважаемый судья, он говорит, что поступившая жалоба — это ложное обвинение. Этот человек ни в чём не виноват, и обвинять его — величайшая несправедливость. Это украшение было подарено ему. В доказательство моих слов хочу предъявить Вам, уважаемый судья, документ, — и Аня протянула бумагу.

Судья взял документ и стал внимательно изучать его. По мере прочтения, его брови поползли вверх, и сам он как-то весь напрягся. Потом взглянул на иноземца, опять на бумагу и медленно произнёс:

— Пути небесные всеведущи и справедливы. А с Вами действительно поступили неправедно. Сей документ подтверждает Вашу невиновность, тем более что свидетелей кражи не было, да и сам жалобщик не пожелал явиться в суд. Податель жалобы утверждал, что боится мести с Вашей стороны, потому просил не называть его имени. Но теперь я понимаю, что опасения жалобщика заключались совсем в другом. Он боялся разоблачения. Однако лжец должен быть наказан! — и судья, стукнув бруском по столу, вынес вердикт: — Обвиняемого освободить. Подателя жалобы, за ложное обвинение — наказать, — он запустил руку в сосуд и бросил на пол несколько бирок. — Служащие ямыня примут дело к рассмотрению и заключат жалобщика под стражу, — он опять стукнул бруском по столу. — Следующий!

Глава 31
ПОМНИТЬ О ДОБРЕ И ОТВЕЧАТЬ ДОБРОМ

Выйдя из суда, Сергей взял Аню за руку и так жалобно на неё посмотрел, что она уже и без слов всё поняла.

— Помогите мне, прошу Вас, — эта короткая фраза далась генетику нелегко.

— И как Вы себе это представляете? — Аня испытывала смесь жалости с раздражением.

— Поговорите с князем Гуном. Спасите Фэйянь. Он послушает Вас. Ведь если б не Вы, он не получил бы указа.

— Но что я ему скажу? — растерялась Аня. — Вы понимаете, что её положение слишком серьёзно. Брат принадлежит к тайному обществу «Белый лотос», которое ратует за свержение маньчжурской династии. А это — государственная измена — самое ужасное преступление. За него полагается смертная казнь всем членам семьи преступника. И никакие прошения о смягчении наказания не принимаются. На изменников даже амнистии не распространяются. Таков закон.

— Тогда и я умру вместе с ней, — произнёс генетик тихо и равнодушно. И этот бесцветный голос прозвучал ужаснее, чем истошный крик.

— Вы — сумасшедший, — сказала Аня. — Вы с ней знакомы два дня.

— Три, — поправил Сергей.

— Какая разница? Найдёте себе другую возлюбленную и будете жить с ней долго и счастливо. Мало ли в Китае красивых девушек. Я, конечно, понимаю, давать совет влюблённому — это всё равно, что пытаться удержать ветер в клетке или воду в решете, но послушайте голос разума: ничего изменить нельзя.

— Мне не нужны другие девушки. Мне нужна только она, — ответил Сергей. — И Вы должны мне помочь. Потому что только Вы можете спасти её. Помогите мне освободить Фэйянь. Я сделаю всё, что Вы попросите.

— Мне очень жаль её, — сочувственно проговорила Аня, — но, боюсь, что князь не захочет даже разговаривать на эту тему.

— А я могу подсказать Вам, в каком ключе нужно вести разговор, — сказал Сергей.

— Вот как? — Аня с любопытством посмотрела на генетика.

— Вы скажите князю, что если он не отпустит Фэйянь, то всё

русское подворье, да и не только русское, будет знать о существовании указа. А это скандал. Скандалов никто не любит.

Аня мгновенно покраснела от гнева.

— Да Вы в своём уме! Это же примитивный шантаж. Я не стану никого шантажировать, тем более князя Гуна, который спас нам жизнь. Да и Вам, между прочим, тоже.

— Тогда я буду шантажировать. Вас, — сообщил генетик всё тем же страшным бесцветным голосом. — Я не скажу вам, куда спрятал документы секретной лаборатории, и у вас будут большие проблемы по возвращении в своё время.

— Попробуй только! — отсидевший в карцере Ваня был несколько взвинчен, поэтому сразу вывернул Сергею руку ловким самбистским приёмом.

Сергей смотрел на него исподлобья, как задержанный хулиган на милиционера, и угрюмо молчал.

— Да Вы просто подлец! — гневно сказала Аня. — Шантажировать людей, которые спасли Вас от смерти! Какая мерзость!

— У меня не осталось другого выхода. Вы меня вынуждаете, — бормотал Сергей всё так же монотонно. — Будьте милосердны к ближнему. Неужели Вас совсем не трогает моя судьба?

— Но раз уж Вы собрались остаться здесь и жить по китайским законам, Вам надлежит знать основополагающие принципы жителей Поднебесной, — назидательно проговорила Аня. — По мнению Конфуция, милосердие должно выказываться осмотрительно и простираться лишь до определённых пределов, и уж, в любом случае, не должно переходить в самопожертвование. Когда мудреца спросили, как должен поступить совершенный человек при виде тонущего ближнего, он ответил: «Совершенный человек вовсе не обязан его спасать, в особенности, если это сопряжено с опасностью для жизни». Вы предлагаете шантажировать князя, а это может привести к дурным последствиям. Нас могут обвинить в пособничестве изменникам…

Ваня давно отпустил руку Сергея, и тут он неожиданно для всех плюхнулся на колени перед Аней.

— Я Вас умоляю, — со слезами на глазах проговорил он, — спасите Фэйянь!

Аня посмотрела на генетика сердито и даже немного брезгливо, а затем, окончательно растерявшись, перевела взгляд на друзей. Саша развёл руками, а Ваня скорчил отвратительную гримасу.

«Неужели он, правда, так влюблён?» — думала девушка.

— Ну, хорошо, я попробую, — сдалась она.

— Но, учтите, — вмешался Ваня, — у нас мало времени. Осталось всего два часа до нашего возвращения. Поэтому утром деньги — вечером стулья или наоборот, но только деньги вперёд. Вы меня поняли? Пока мы идём к князю, вы рассказываете, где спрятали документы.

Сергей кивнул в знак согласия, он явно доверял Ане, и все отправились в дом князя Гуна.

Генетик Сергей Борисов спрятал документы в старом портфеле на чердаке дома, где жил последнее время. Но всё оказалось не так просто. Никаких бумаг, как и предполагали ребята, не было. Только DVD-диск с информацией обо всех разработках по хроно-генетике и хроно-физике, как он называл эти новые науки. И, конечно, диск невозможно было прочесть, не зная кода. А код хранился на другом носителе, с которым генетик не расставался.

— Существует система сжатия данных без потери информации, — объяснил генетик. — Есть несколько способов упаковки при помощи кодирования. Главное, что такую информацию невозможно читать без ключа. Один из способов называется «Running». Это самый простой метод упаковки. Суть его состоит в том, что вместо повторяющихся символов пишется их количество. После упаковки прочесть такую информацию можно только, зная ключ — никакой подбор невозможен.

— А другой способ называется «LZW», — вставил Ваня. — И в нём используется алгоритм кодирования последовательностей. Правильно?

Генетик посмотрел на него с уважением, и Ваня продолжил с энтузиазмом прилежного студента на экзамене:

— Если определённая последовательность символов, ну, слово там, число или слог, повторяется часто, то его можно «записать» один раз условным кодом, а дальше, в сжатом варианте делать на него ссылку. Такую сжатую информацию тоже нельзя прочесть, не зная кода.

— Совершенно верно, — кивнул Сергей. — И такой способ тоже есть. Но я воспользовался, на мой взгляд, самым хитрым из них. Это — алгоритм Хаффмана. Сжимая файл по этому методу, прежде всего надо прочитать его полностью и подсчитать, сколько раз встречается каждый символ. В сжатии принимают участие все двести пятьдесят шесть символов. Механизм описывать долго — скажу только, что, в конечном счёте, после сжатия файл уменьшается в три-четыре раза. А ключом служит так называемое «бинарное дерево». Без него восстановление невозможно.

— Итак, вы нам назвали место, где спрятали диск с закодированной информацией, — заключил Саша. — А где другой диск — с «бинарным деревом»?

— Это не диск, — сказал Сергей и, расстегнув ворот, снял с себя золотую цепочку. На ней, кроме нательного крестика, болтался ещё продолговатый серебряный кулон размером не больше жёлудя.

— Флэшка! — догадался Иван.

— Такая маленькая! — умилилась Аня.

— Я специально брал одну из самых миниатюрных. Ничего лишнего: USB-порт и шестьдесят четыре мега памяти. Хватило бы и в тысячу раз меньше. Забирайте!

Он протянул ребятам флэшку, а крестик нацепил обратно на шею.

Саша аккуратно убрал драгоценный электронный ключ во внутренний карман сумки, закрывающийся на молнию.

— Ну, что ж, — печально ухмыльнулся Ваня. — Сбылась мечта идиота, как говорил великий комбинатор. Дело теперь за малым — придумать, как мы будем удирать от целой толпы спецназовцев на Крымском мосту.

— А вот это уже ваши проблемы, друзья! — и генетик Борисов облегчённо вздохнул, быть может, именно в эту секунду осознав, что снял с шеи не маленький кулон, а тяжелейший груз ответственности.

Дальше шли молча, каждый думал о своём. Неожиданно Сергей остановился и обратился к девушке:

— Послушайте, Аня, помните, там, в русском подворье, я попросил Вас об одной услуге, но Вам было некогда.

Аня нахмурила лоб, пытаясь вспомнить этот момент.

— Ну-у, да… — неуверенно произнесла она.

— Это для Вас совсем несложно, — торопливо объяснил Сергей. — Давайте поговорим наедине.

Девушка, пожав плечами, согласилась, и они вдвоём отошли в сторону. Ваня недовольно проворчал:

— Опять тайны. Какие ещё просьбы могут быть у него к *нашей* Аньке? Мы же всё обговорили.

Саша молча развёл руками. Ему это тоже не понравилось, но раз Аня так решила…

Оба пристально следили, как Борисов что-то объяснял, размахивая руками, причём лицо у него было, как всегда, умоляюще жалкое. Аня же молчала и только снисходительно улыбалась, что несколько насторожило ребят.

— Уговаривает её остаться, что ли? — с сомнением произнёс Ваня.

— В качестве переводчика, — хмыкнул Саша.

Ваня решил, что пора ему включиться, и уже двинулся в их сторону, когда услышал Анин голос:

— Хорошо, — сказала она нарочито громко. — Если будет время…

Сергей стал благодарить её, но Аня быстрым кивком дала понять, что разговор закончен, и повернулась к Ивану.

— Пошли скорее. Князь Гун ждёт нас, а времени действительно совсем не осталось.

Привратник, завидев иноземцев ещё издалека, сразу признал их, открыл ворота и повёл в дом. Прежде чем начать разговор с князем, Аня попросила дать им возможность переодеться, а лично для себя велела слугам принести кисточку и бумагу. Ваня и Саша многозначительно переглянулись, но спрашивать ни о чём не стали: всё равно ведь она не скажет. Характер своей подруги знали они не первый год.

Вскоре один из самых знатных вельмож Поднебесной лицезрел перед собою иноземцев в их московской одежде, только Сергей остался в китайском костюме. Зрелище было непривычным для князя, но вопрос, заданный Аней, заставил его забыть об этом. Разговор получался очень нелёгким.

— Вы просите меня помиловать преступника! — негодовал Гун, с трудом сдерживая эмоции. — Вы должны знать, что по нашим законам, её ждёт смертная казнь. Она совершила не одно, а несколько преступлений: украла важный документ, обвинила в воровстве ни в чём не повинного человека, наконец, её брат является членом тайного общества.

Аня ещё раз повторила все свои аргументы:

— Она выкрала документ по приказу императрицы. Любой на её месте побоялся бы ослушаться владычицы. Значит, в этом нет её вины. А шпильку она подбросила от страха, а не от злости. Значит, и здесь не вина её, а беда. Наконец, как она может отвечать за брата, о тайных делах которого ничего не знала?

— В Ваших словах много странного, — задумчиво проговорил князь, но мы не будем сейчас рассуждать о различиях в наших законах. Я спрошу о другом. Как можете вы защищать человека, который обвинил вас в воровстве?

— Наша религия учит быть милосердными друг другу и прощать нанесённые обиды. Фэйянь девушка добрая, никогда раньше она не нарушала закон. А сейчас попала в очень неприятную историю и по молодости, по неопытности наделала ошибок. Не было рядом человека, который подсказал бы ей, как себя вести. Я просто уверена, обратись она за советом к такому человеку, как Вы, и всё бы вышло иначе. Наверняка, она уже

раскаивается в содеянном…

Аня ещё долго говорила, и князю было интересно слушать её. Ведь она не только проповедовала христианство, как это делали все русские миссионеры — она, прося князя о снисхождении, рассказывала о простых и всем понятных вещах: о доброте и благородстве, о справедливости, о невероятной любви их приятеля Сергея к молоденькой китаянке Фэйянь.

И Гун немного смягчился, заходил по комнате, нервно перебирая чётки, наконец, вымолвил с усилием:

— Ну, что же, есть такая китайская пословица: «Помнить о добре и отвечать добром».

— А по-русски говорят: «Долг платежом красен», — Анюта позволила себе такую реплику, потому что уже поняла: вопрос решён.

— Это почти то же самое, — согласился князь. — Вы пришли ко мне и рассказали про указ, правда, скрыли кое-что. Зато, благодаря вам, я пошёл по верному следу. Да, я преступлю закон, если выполню вашу просьбу, однако… — он сделал многозначительную паузу, — я всё же помогу Фэйянь избежать наказания. Я отправлю её вместе с матерью в дальнюю провинцию и дам ей денег на обустройство. Но при одном условии: она должна будет забыть и о брате, и о других родственниках. У неё будет другая фамилия и, соответственно, другое прошлое.

Все трое признали, что это идеальный вариант, и поблагодарили князя за великодушие.

— И ещё, — подчеркнул он жёстко. — Я должен быть уверен, что вы нигде никогда ни словом не обмолвитесь о том, что держали в руках указ Сяньфэна.

— Можете не волноваться за это, — заверила Аня со всей искренностью, на какую была способна. — Мы очень скоро уедем из вашей страны насовсем. Останется лишь Сергей. Но ведь его жизнь будет проходить далеко от столицы. К тому же, он умеет хранить тайны.

Князь сам не смог бы объяснить почему, но он верил этим иноземцам.

— Я отдам сейчас распоряжения на счёт Фэйянь, а Вы подождите меня здесь. У меня к вам остался один вопрос, — с этими словами он вышел из комнаты.

Сергей бросился к Ане готовый обнять и расцеловать её, но, понимая всю неуместность такой фамильярности, буквально прыгал вокруг неё, распираемый эмоциями, как собачонка после долгой разлуки с любимым хозяином.

— Вы даже не понимаете, что Вы сделали для меня! Теперь я

счастлив! По-настоящему счастлив!

— Говорят, спасение утопающих — дело рук самих утопающих. На деле выходит иначе. Это дело рук хороших людей, — философски заметила Аня. — Надеюсь, Ваше чувство к Фэйянь окажется не мимолётным увлечением. Пусть годы проверят его на прочность. А вот, возьмите, я выполнила Вашу просьбу, — и она протянула ему свиток,

— Что это? — Ваня в ту же секунду вырвал у неё из рук свиток и быстро развернул его.

Там было что-то написано красивыми китайскими иероглифами.

Аня засмеялась и ответила:

— Дурачок, это стихи… для Фэйянь, — добавила она. — Уж ты-то должен понять, любитель Пушкина! — и обратилась к Сергею: — Я думаю, ей понравится, — а потом взяла у Вани свиток и перевела для всех:

Красавица,
Мила и хороша,

Стоит под тутом,
Листья обрывая.

Трепещут ветки мягкие,
Шурша,

Кружатся листья,
Тихо опадая.

Ткань соскользнула,
Руку обнажая,

Браслетом тонким
Схвачена рука.

В причёске шпилька —
Птица золотая,

А пояс —
Изумрудная река.

Переливаясь,
Блещут жемчуга,

Мунань[23] голубоватый
Чист и нежен.

Шелка её одежд —
Как облака,

С полою лёгкой
Ветер так небрежен.

Вздохнёт —
О, запах орхидеи свежей!

Взгляд подарит —
О, солнечный восход!

И остановит экипаж
Проезжий,

О голоде
Забудет пешеход.

«Скажите,
Где красавица живёт?»[24]

— Красивые стихи, — признал Ваня.

А Сергей всё повторял неустанно:

— Спасибо, Аня, огромное Вам спасибо… — Потом вдруг поведал: — Знаете, что мы сделаем прежде, чем отправимся в далёкую провинцию?

— Что? — полюбопытствовала девушка.

— Мы пойдём к Великой китайской стене и разыщем то место, где император Ши-хуанди заживо замуровал красавицу Ли Су и её жениха У Чжана. Ведь это Вы рассказывали: кто дотронется до того самого места, получит в награду дар — умение любить и быть любимым.

— По преданию, чтобы получить дар, человек должен дотронуться случайно, — поправила Аня.

— Так никто же не знает, где именно они замурованы. Может, нам повезёт, и мы коснёмся волшебного места случайно, — решил слукавить Сергей. А потом добавил очень серьёзно: — Сердце подскажет правильный ответ. Главное, надо верить!

— Конечно, главное — верить, — согласилась Аня. И

добавила, помрачнев: — Лично я верю, что указ уже не попадёт в руки императрице Цыси и не будет больше невинных жертв.

— Кто о чём… — проворчал Ваня. — Может, всё-таки расскажешь, как этот указ связан с твоей судьбой. Ты всё время что-то скрывала от нас. Мы сразу поняли. Правда, Саш?

— Да! Теперь, когда указ в руках князя, мы имеем право знать правду?

— Конечно, ребята! Но давайте уже потом, когда вернёмся в свой мир, — сказала девушка.

— А почему не сейчас? — с подозрением спросил Ваня. — Боишься, что мы не одобрим твою позицию? Так ведь уже поздно что-либо менять.

— Дело не в этом. Просто у нас слишком мало времени. Не хочу комкать свой рассказ.

Ваня пожал плечами, а потом вдруг встрепенулся:

— А, правда, сколько нам тут осталось? Ветров, открой «Фаэтон».

Саша полез в сумку и достал прибор.

«ВОЗВРАТ В СВОЁ ВРЕМЯ НАСТУПИТ ЧЕРЕЗ 4 МИНУТЫ», — сообщила надпись на экране.

— Чуть не прошляпили! — взволнованно проговорил Ваня. — Аня, иди ближе к нам. А Вы, — он обратился к Сергею, — точно решили остаться? Может, передумаете?

— Нет, — ответил генетик твёрдо.

— Тогда отойдите подальше.

Когда в комнату вошёл князь, друзья как раз склонились над прибором.

— Я хотел спросить у Вас, что это за изобретение? Вы обещали рассказать мне.

— Сейчас увидите, — ответила Аня. — Только, пожалуйста, отойдите на безопасное расстояние — шага на три назад.

Князь интуитивно почувствовал, что это серьёзно, и сделал добрых пять шагов назад и в сторону.

— Этот прибор практически мгновенно переносит человека на любые расстояния. Сейчас мы здесь, а через несколько секунд исчезнем, и окажемся далеко отсюда, в России, в Москве. Прощайте! Спасибо Вам за всё!

Князь с огромным удивлением смотрел на этих странно одетых и очень уверенных в себе ребят, слушал прекрасную китайскую речь и не верил своим ушам.

«Что это они говорят? Такого не может быть!»

А ещё через мгновение троих путешественников стал обволакивать густой белый туман, в котором медленно растворялись их всё более зыбкие фигуры.

Ребята в последний раз взглянули на князя, на сильнейшее изумление в его глазах, и … всё исчезло.

Глава 32
НУ, ВОТ И ПОПАЛИСЬ!

Туман рассеивался, как всегда, медленно. За то время, пока ребята вглядывались, как проступают сквозь него контуры ночной Москвы, можно было подготовиться к захвату в полном объёме: ордера на арест, наручники, шприцы с соответствующим препаратом на случай сопротивления… Однако встречающие вели себя более чем странно. Двое стояли шагах в семи справа и мирно покуривали. Трое других курили шагах в десяти слева и даже не обернулись в сторону пришельцев из прошлого. Наконец, ещё четверо так и маячили по ту сторону проезжей части. Трудно было разглядеть, дымятся ли у них сигареты, видно было только, что один говорит по телефону.

— Бежим быстрей! — по инерции крикнула Аня (ведь они последние несколько дней только и делали, что бегали от агентов Секретной Лаборатории) и уже, было, рванулась с места, но Ваня остановил её.

— Стой. Куда бежать? Ты что, не видишь? Бесполезно!

— Да и незачем, — устало проговорил Саша. — Такого финала мы и ждали.

— Но… Погодите! Нас же схватят, — Аня совершенно по-детски стала вертеть головой, ища хоть какую-нибудь лазейку. Но за спиной был парапет, а внизу — Москва-река.

— Успокойся, Анюта, — взял её за руку Саша. — Флэшка у нас, «Фаэтон» тоже. Отдадим им и разойдёмся по-мирному.

Ваня покосился на друга и усмехнулся про себя: «Наивное утешение. Анюта на такое не купится».

— А почему они не подходят к нам? — спросила вдруг Аня страшным свистящим шёпотом. — Всё время гнались, гнались, а теперь стоят, как истуканы, — она вцепилась мёртвой хваткой в Сашину руку и ещё тише прошептала: — Я поняла! По моей вине мы изменили историю и теперь попали в искаженный мир, не подчиняющийся нормальной логике…

На лице девушки замер настоящий мистический ужас, и Ваня решил взять инициативу в свои руки:

— Какую чушь ты несёшь! Пойду-ка я прерву этот массовый перекур.

— Что ты собираешься делать? — перепуганная Аня схватила теперь Ивана за локоть.

— Ничего особенного: подойду и спрошу, как пройти в библиотеку.

— Не дури, — сказала Аня неожиданно спокойным голосом.

Когда бывает слишком страшно, инстинкт самосохранения, независимо от разума, сам подбрасывает спасительные идеи.

— Не дури, Ваня. Вдруг это совершенно случайные прохожие?

Оба взглянули на девушку подозрительно. То ли Аня прикидывалась дурочкой, а этим время от времени грешат все девчонки, то ли просто пыталась выдать желаемое за действительное.

— Ага, — кивнул Ваня с нарочито серьёзным лицом. — Девять человек случайно зашли покурить на Крымский мост и ни один из них не обратил внимания на трех новых персонажей, материализовавшихся из белого облачка.

— Так это смотря, что курить, Вань, — поддержал его Саша. — Если, например, опиум… Не допускаешь, что все эти мужички тоже из Китая вернулись?

Анюта сердито глянула на обоих, и Ваня выдал экстравагантную гипотезу:

— А что, если из-за какой-нибудь накладки прошло не две минуты, как обычно, а двое суток, например, или две недели. Они тут на мосту регулярно меняют посты, им уже надоело это всё, и реагировать на нас просто нету сил. Видите, вон тот тип напротив позвонил, сообщил куда надо, и скоро за нами приедут.

— Нелогично, — возразил Саша. — Чем дольше люди ждут, тем больше звереют…

Ваня пожал плечами.

— И всё-таки давайте глянем на «Фаэтоне», — предложил он, — какое сегодня число.

— Прямо здесь?! — возмутилась Аня. — На глазах у этой публики?

— Она права, — покивал Саша, — не стоит.

— Тогда пойду у них спрошу, — и Ваня решительно направился к ближайшей группе.

Уже на ходу он придумал совсем другой вопрос — накатила вдруг этакая игривость и уверенность в своей безнаказанности:

— Эй, папаша, закурить не найдется?

«Папаша» смерил его ироничным взглядом, улыбнулся и молча протянул пачку. Его напарник покосился на Ивана хмуро и как-то осуждающе. Ваня вытащил одну сигаретку и стал вертеть её в пальцах, будто не знал, для чего такая штука предназначена.

— Ты же не куришь, — сказал ему улыбчивый мужчина, как старому знакомому.

— Откуда Вы знаете?

— Работа такая.

— Понятно.

А хмурый поглядел ещё мрачнее и неожиданно чихнул.

— Если честно, — признался Ваня, — я очень пить хочу. У вас попить ничего не будет?

Хмурый полез в карман, достал плоскую блестящую фляжку.

— Коньяк будешь?

Ваня выкатил глаза и даже про жажду свою забыл:

— А вы пьёте при исполнении?!

— А откуда ты знаешь, что мы при исполнении? — спросил улыбчивый и скривился совсем уж карикатурно.

— Сами сказали: работа такая, — ответил Ваня.

— Молодец, сметливый парень, — похвалил сотрудник Секретной Лаборатории.

— Только я коньяк пить не буду, спасибо, — сказал Ваня. — Я лучше к метро сбегаю — за колой.

— Нет, — помотали головами оба сразу, а хмурый пояснил сурово: — Никто из вас никуда отсюда не уходит.

— Почему? — прикинулся простачком Ваня.

— Приказ такой.

— «Работа такая! Приказ такой!» — передразнил Ваня. — Вот заладили! Мы кого-то ждем? Тогда скажите, кого.

Хмурый промолчал, а улыбчивый сказал добродушно:

— Наберись терпения, парень!

И Ваня пошёл к своим, чтобы вкратце пересказать им столь «содержательную» беседу.

— Не нравится мне всё это, — задумчиво проговорила Аня. Потом вдруг вскинулась: — Слушайте! А может, пока они тут курят, потихоньку выкинуть «Фаэтон» в реку — и всё! Приедут, а мы ничего не видели, ничего не знаем, и вообще, оставьте нас в покое, дяденьки!

— И флэшку туда же выбросить хочешь? — тихо спросил Саша. — Чего ради тогда мы устраивали все эти скачки?

— Не знаю, — Аня была в полной растерянности. — Что же мы не подумали там, в Китае, как будем вести себя здесь?

— Это ты нас спрашиваешь? — удивился Ваня, — Да ты же в этом Китае была сама не своя. Мы там много о чем не подумали.

— О чем же? — заинтересовался Саша.

— Ну, например, о дальнейшей судьбе генетика. Нашли, понимаешь, время и место для торжественного «отлёта»! И оставили несчастного Сергея на растерзание князю. Представляете, какой допрос с пристрастием ему там сейчас учиняют, после нашего исчезновения?

— Ты не прав, Оболенский, — спокойно проговорила Аня. — Я думала об этом. Князь очень умный и гибкий человек. Он предпочтёт использовать знания генетика для своей пользы.

— К тому же, — добавил от себя Саша, — Сергей Борисов тоже не прост. Он, конечно, непрактичный в быту, но умище-то у него неординарный. И знаний вагон. Придумает что-нибудь, выкрутится. Расскажет, например, что познакомился с нами случайно, и мгновенное перемещение в пространстве сам первый раз в жизни наблюдал.

Аня и Ваня помолчали, соглашаясь с Сашей. Наконец, Оболенский изрёк:

— Ну, хорошо, и долго нам здесь вот так стоять?

— У меня спрашиваешь? — решил уточнить Саша. — Ты же разобрался, кто там среди них старший? Вот и потребуй от него объяснений.

— Как же, с этих потребуешь… — проворчал Ваня.

— Ребята, у меня идея! — воскликнула Аня. — Давайте позвоним!

— Куда?

— Да куда угодно! Ну, вот, я хотя бы маме позвоню, она же беспокоится. А заодно и проверим, позволят нам это сделать или нет.

Один из троих, стоявших слева, подскочил немедленно — Аня и двух цифр набрать не успела.

— Воздержитесь, пожалуйста, от звонков, — сказал он вежливо, но жёстко.

Анюта изящным жестом захлопнула мобильник и спросила:

— А петь и плясать можно?

Секретный сотрудник не удостоил её ответом и вернулся к своей группе.

— Знаете что, — поделился с друзьями Ваня. — У меня такое ощущение, что убивать нас сегодня не будут. А интуиции своей я привык доверять.

— Больше тебе скажу, — добавил Саша, — нас и арестовывать, похоже, не собираются. И это уже не интуиция, а логика.

— А что будет-то? — спросила Аня, но страха в её голосе не было.

— Орден дадут, — окончательно развеселился Ваня, — а ждём мы все представителя администрации президента. Или кто там вручает сегодня высшие правительственные награды?

— А что, — сказал Саша. — Мне кажется, мы отлично справились со всеми заданиями.

— Особенно Аня, — не удержался от язвительной реплики Иван. — Она на двадцать лет раньше убрала из истории зловещую фигуру императрицы Цыси.

— На двадцать восемь, — поправила девушка, и Ваня понял,

что она совершенно не злится на него. Наверно, этот мост был каким-то волшебным местом для их отношений.

— Какая разница: двадцать или тридцать? — продолжил Ваня, увлекаясь, — Главное, что ты сильно облегчила задачу китайскому революционеру Сунь Ятсену, чем приблизила светлое будущее цивилизации. Теперь коммунизм в Китае построят намного раньше, чем в России. Китай станет сверхдержавой номер один. И мы уже завтра утром с удивлением обнаружим, что всё вокруг даже в Москве — китайское.

— Оно уже и так всё китайское, — резонно заметил Саша. — Я думаю, будет как раз наоборот. Китай в результате слишком резвых коммунистических преобразований опять поделят на зоны влияния, и, как следствие, выиграют от этого Россия, Европа и Америка. Больше всех — Россия. Мы не будем ни с кем ссориться, избежим всех войн, катастроф и репрессий XX века. И прямо завтра утром увидим, что живём в совершенно прекрасном мире, шагнувшем далеко вперед по пути всеобщего прогресса…

— Мечтатели! — улыбнулась Анюта. — А я больше всего хочу добраться до библиотеки и выяснить всё про судьбу Цыси. Меня только она и волнует. А вы — абстрактные мечтатели.

Но Ваня уже слушал всё это вполуха, он смотрел на Аню, как всегда, восхищался, какая же она красивая, и всё яснее понимал, что мир, в котором они живут, совсем не так плох и без специальных изменений прошлого. Одного только не хватало ему в этом мире… И, улучив момент, он громко произнёс, удивляясь при этом сам на себя:

— Да, я мечтатель. Только я мечтаю совсем о другом…

— О чем же? — спросила Аня с любопытством.

— А можно я стихами скажу? — и он тут же начал читать:

Что ты сделала с сердцем моим?
Оно больше не слышит меня.
Мое сердце — разграбленный Рим,
Мое сердце — обитель огня.

Что ты сделала с сердцем моим?
Ты биенье его приглуши…
Я глотаю отравленный дым —
Дым пожарищ усталой души.

Что ты сделала с сердцем моим?
Я тону в океане стихов…
Я тобою, увы, нелюбим,
И вопрос мой печально не нов.

Что ты сделала с сердцем моим?
Аня, я же себя погублю!..
Чёрт с ним, с сердцем… Не дружим мы с ним.
Но тебя я все так же люблю![25]

— По-моему, это не Пушкин, — Аня вроде и пошутила по привычке, но на самом-то деле просто хотела сказать «спасибо», потому что ей понравились эти строки.

Таких стихов ей ещё никто не дарил, да и Ваня ни разу не решался прочесть. Она смотрела на него и улыбалась, счастливая, и свежий осенний ветер, трепал её распущенные волосы, а река внизу дышала прохладой и вечностью, и ночной город опрокидывался всеми огнями в черную маслянистую воду, и Ваня, ощутив кураж, предложил:

— Хочешь, еще почитаю?

Саша опять почувствовала себя третьим лишним, но потом вспомнил, что лишних на этом мосту существенно больше, так что уйти ему всё равно не дадут. И совсем уже, было, собрался сказать об этом друзьям, но тут возле них взвизгнул тормозами, огромный джип, сверкающий серебристым, лаковым, только что вымытым кузовом.

— Ну, вот и дождались, — констатировал Саша.

Из машины вышел среднего роста человек приятной наружности: короткая стрижка, черные усы, движения энергичные, спортивные. Взгляд решительный, властный, и вместе с тем на удивление добродушный.

— Ну, здравствуйте, путешественники! Садитесь в машину, не на мосту же нам с вами разговаривать!

— А вы кто? — агрессивно, но как-то очень по-детски спросила Аня.

Иван даже вспомнил сказку про «Теремок». Незнакомец, однако, ответил вполне по-взрослому:

— Я — начальник Секретной Лаборатории, которая и разработала для вас вот эту игрушку, — и он безошибочно показал глазами в сторону Вани. Именно в его сумке лежал «Фаэтон».

— Для нас?! — удивился Саша, выцепив самое главное из фразы такого легкомысленного на вид начальника.

— Но вы же им пользовались? Значит и для вас — тоже. А зовут меня Роман Каюмов.

— А по отчеству? — решил уточнить Ваня.

— Можно обойтись и без отчества, — разрешил Каюмов.

Стоявший рядом с ним круглолицый человек хохотнул.

— Я знаю, почему Николай смеётся, — пояснил Роман. — Кстати, знакомьтесь: генерал Круглов, начальник службы безопасности. Так вот, вся лаборатория зовёт меня исключительно по отчеству.

— А ему уже надоело быть Рафаэличем, — по-простецки вклинился генерал. — Давайте, ребятишки, зовите его просто Ромой!

— Короче, друзья, время позднее, — подвёл черту Каюмов. — Прибор давайте сюда. Мы вас развезём по домам, и… спокойно ложитесь спать. А завтра вот по этому адресу к десяти утра жду. — Он протянул каждому по визитке. — Мой сотовый телефон там тоже есть. И больше — никаких вопросов! Полезайте в машину!

Грузились как-то нервно, торопливо, будто штурмовали последний автобус где-нибудь далеко от Москвы, и неуспевшему грозило ночевать в поле. Вся остальная команда стремительно всосалась в невесть откуда взявшийся мини-вэн. И машины помчались по уже свободной в этот час Москве, проскакивая не только светофоры, переключённые на желтую мигалку, но и горевшие красным.

Довольно долго сидели молча. Обоим юношам страшно нравилась эта езда без правил, а у Ани она вызвала грустные ассоциации с бесконтрольной властью Цыси.

— Ребята, — вдруг сказала девушка, — я вспомнила!

— Что? Нечто, произошедшее между тобой и Гуансюем? — предположил Ваня.

— Да нет! Я вспомнила, что мне даже не придется идти в библиотеку. Дома есть отличный вузовский учебник «История Китая».

— Откуда? — удивился Рафаэлич.

— У меня мама давно, ещё в молодости Китаем увлекалась.

— В молодости? — переспросил Каюмов. — Сколько же ей сейчас? Неужели восемьдесят?

— Нет, тридцать восемь, — сказала Аня.

— Эх, ребятки, ребятки! — усмехнулся Рафаэлич. — По далеким эпохам шастаете, а ничегошеньки во времени не понимаете. Да тридцать восемь лет — это самая что ни на есть молодость!

Глава 33
«ДАО ТВОРИТ И ЖИЗНЬ, И СМЕРТЬ…»

После того, как ребята покинули Китай, произошли события, которых больше всего опасалась Аня. Ей так не хотелось, чтобы посмертный указ Сяньфэна попал в руки Цыси! Ведь это угрожало жизням многих и многих людей!

Князь Гун надёжно спрятал документ в своём доме, и вроде бы ничто не предвещало беды. Императрица Цыань была счастлива. Теперь её жизнь оказалась вне опасности. «Цыси не посмеет тронуть меня, — радовалась Цыань, — ведь я владею её смертным приговором».

Но Цыси не собиралась сдаваться. Узнав через своих шпионов, у кого находится указ, она решила во чтобы то ни стало добыть его.

— Как мне надоела эта глупая Цыань, — жаловалась Цыси евнуху Ли Ляньину. — Всем своим видом она показывает, что стоит на более высокой ступени. Когда указ снова попал ей в руки, она стала вести себя ещё более высокомерно по отношению ко мне. Как она вела себя у могилы императора Сяньфэна! — Цыси даже топнула ногой от злости.

Ежегодно две сорегентши посещали могилу императора Сяньфэна и приносили ему жертвоприношения. Так было и теперь. Но в этот год при жертвоприношении возникла размолвка между императрицами, ставшая достоянием всего двора. Это был настоящий скандал. Цыань пыталась вынудить Цыси занять третье место у могилы императора, оставив первое, как и положено, для духа первой покойной жены императора, а второе — для себя. Этот поступок Цыань до глубины души возмутил Цыси, и она заняла место рядом с Цыань. Хотя, конечно, должна была стоять третьей, так как не являлась женой Сяньфэна, а была лишь его наложницей.

— Меня возмущает и её отношение к моему покойному отцу, — злилась Цыси.

Отец её не был причислен к знатным персонам двора, хотя и принадлежал к жёлтому знамени. Он умер до того, как Цыси стала наложницей. К тому же, при жизни занимал не очень высокий пост таможенного инспектора, и что самое главное, привлекался к суду за взяточничество. Что же касается отца

Цыань, тот был весьма влиятельным лицом при дворе. Цыси хотела уравнять почести обоим усопшим родителям, однако Цыань категорически с этим не согласилась и не дала такого разрешения.

— Строит из себя невинную овечку, — продолжала жаловаться Цыси. — Её люди везде шпионит за мной. А сама она так и норовит прийти ко мне в покои в самый неподходящий момент.

У Цыси было множество любовных романов, хотя по закону Поднебесной овдовевшая женщина, тем более вдова императора, должна вести целомудренный образ жизни. За такое грубое непочтение к духу императора Сяньфэна, Цыси грозила смертная казнь. Однако она не хотела выполнять глупых, по её мнению, законов. Когда император Сяньфэн скончался, ей было всего двадцать шесть, и она не собиралась всю оставшуюся жизнь провести, с грустью вздыхая о так рано ушедшем императоре. Правда, все свои романы Цыси тщательно скрывала. Во всяком случае, пыталась их скрыть. Но разве во дворце, где повсюду шпионы, возможно что-нибудь утаить?

Цыань постоянно возмущалась поведением сорегентши, особенно если та «неожиданно» заставала Цыси не одну в её покоях. Обладай Цыань достаточно твёрдым характером, она могла бы без всякого труда унизить и опозорить Цыси, предав огласке её неблаговидные дела. Могла бы даже подать жалобу в Государственный совет на грубое непочтение к духу умершего императора, и Цыси, скорее всего, ожидала бы смерть. Но Цыань не решалась на такой шаг. Ей по-прежнему нужна была Цыси — эта своенравная, жестокая и хитрая сорегентша, которая подчинила себе всех при дворе. Без неё слабовольная Цыань не сумела бы удержаться у власти. Хотя во время недавней продолжительной болезни Цыси Цыань неплохо справилась с обязанностями правительницы Поднебесной, и это очень обеспокоило Цыси.

— Мне нужен этот указ! — кричала Цыси Ли Ляньину. — Ты слышишь меня? Документ был почти у нас в руках, это твои люди упустили его! Я прикажу казнить их.

— Старая Будда напрасно гневается, — мягко проговорил евнух. — Указ очень скоро будет в наших руках. Ваш раб подкупил одного из слуг князя Гуна, который работает в его доме. Слуга разыщет тайник и похитит указ.

— Ты что, забыл? — гневно проговорила Цыси. — Мы уже подкупали одну служанку, и та наглым образом обманула нас. Кстати, твои люди разыскали её? Эту мерзавку стоит казнить, причём медленно и мучительно.

— Её ищут, — как-то неуверенно произнёс Ли Ляньин.

— Ты должен принести мне её голову. Ты понял?

Евнух кивнул.

— Ты уверен, что этот подкупленный слуга не обманет? — спросила Цыси.

— Ваш раб ему очень много заплатил, — уклончиво ответил евнух. — Он не посмеет ослушаться.

— Ладно, посмотрим, — сказала Цыси. — Всё равно нет другого способа похитить указ. Но, смотри, — и она грозно взглянула на евнуха, — если на этот раз не добудешь указ — разжалую. Будешь подметать комнаты дворца.

— На то Ваша небесная воля, — поклонился Ли Ляньин и вышел из покоев императрицы.

Прошла осень, следом зима, но слуге, всё никак не удавалось выяснить про тайник. Цыси уже совсем отчаялась, но тут ранней весной произошла странная история. Князь неожиданно для всех тяжело заболел. Цыань забеспокоилась: «Что, если князь умрёт? Как я верну документ? Никто из его родственников не знает, где тайник». И Цыань решила передоверить указ своему брату Гуан Кэ, который был бесконечно предан сестре. Императрица послала своего доверенного евнуха Ма Ваньфу к князю с письмом. Гун, выслушав посланника, не стал возражать.

— Передай императрице, — сказал он евнуху, — чтобы она завтра прислала с тобой ещё нескольких человек для охраны. Я передам тебе документ, и ты отнесёшь его в дом Гуан Кэ.

Подкупленный слуга подслушал этот разговор хозяина и был ужасно доволен, что сможет, наконец, разузнать про тайник.

Так и случилось. После разговора с евнухом, князь пошёл в помещение, прилегающее к кабинету. Там, на одной из стен висела картина на шёлке с изображением танцующих аистов. Он отодвинул картину и вытащил из небольшой ниши ключ. Затем князь приподнял половицу, под которой открывался проход, взял свечу и спустился вниз по ступеням. В глубине узкого коридор виднелась дверь потайной комнаты, устроенной в двойных стенах здания. А в комнате стояло несколько больших сундуков с ценными вещами и документами. Отыскав нужный свиток, князь положил его в маленькую шкатулку, а шкатулку поставил на стол недалеко от двери.

«Завтра передам евнуху», — решил князь и, заперев дверь, пошёл обратно наверх.

Подкупленный слуга заметил, где лежал ключ и куда спускался князь. Ночью, когда все в доме спали, он пробрался в потайное помещение. И тут растерялся, увидев такое множество

сундуков: «Где же искать один конкретный свиток?» Поставив свечу, он начала рыться наугад. Но просмотрев кучу документов и не найдя нужного, сильно опечалился.

«Однако князь вышел пустой, у него не было в руках ничего, кроме ключа, — думал слуга. — Значит, документ здесь».

Он опять принялся искать. Слуга даже предположить не мог, что документ лежит перед самым его носом, на столике в шкатулке. Устав от бессмысленных поисков, он решил вернуться обратно и уже открывал дверь, когда его внимание привлёк маленький столик и красивая лаковая шкатулка на нём.

«Наверно, драгоценности», — мелькнула мысль. И уже без всякой надежды, так, для очистки совести, он приподнял крышку…

Цыси стояла в своей комнате и с наслаждением наблюдала, как в пламени свечи горит посмертный указ императора Сяньфэна. Ли Ляньин улыбался. Он знал, что теперь наверняка получит второй ранг…

Ранняя весна очень нравилась императрице Цыань. В сопровождении евнухов и служанок она прогуливалась в своём саду. На внутренних малых воротах сада висела белая табличка с надписью: «Сад вольных песен». Цыань пошла по извилистой тропинке, окружённой со всех сторон соснами, густой листвой зелёных акаций и голубоватых ив, и вышла к арке с надписью «Отрешение от мира». Пройдя арку, она свернула на боковую дорожку и оказалась у большого павильона. Прямо перед ним росли роскошные весенние цветы: нарциссы, тюльпаны. Тысячи веточек тамариска переплетались между собой, поблёскивая в вечернем тумане. Причудливо изогнутые сливы были в самом цвету. Всё вокруг, словно снегом, запорошило белыми чистыми лепестками. Тишина кругом и покой. Цыань прошла в маленькую беседку перед павильоном, присела на скамеечку и задумалась. Щебетание птиц успокаивало её. На душе становилось так безмятежно!

Вдруг чьи-то шаги нарушили мирное уединение императрицы. К беседке шёл евнух, его руки в белых перчатках держали красивую лаковую коробку. Подойдя к Цыань, он встал на колени и произнёс:

— Императрица Западного дворца посылает в подарок императрице Восточного дворца любимые пирожные Вашего величества, которые она не смеет есть одна.

— Как кстати, — улыбнулась Цыань. — Я что-то проголодалась, прогуливаясь по саду.

Евнух раскрыл расписную лаковую коробку. Три пирожных были в форме журавлей с длинными шеями и ногами, олицетворяющими долголетие, другие три в форме оленей, символизирующих преуспевание, остальные восемь — в форме даосских бессмертных.

Цыань подумала немного и выбрала пирожное в форме журавля. Проглотив кусочек, императрица почувствовала горечь во рту. Лицо её сразу изменилось, и она прошептала:

— Позовите придворного врача.

Слуги побежали за лекарем. Евнух, принесший пирожные, так и стоял на коленях с открытой коробкой. Он непонимающе моргал глазами, а до его слуха доносилось шептание служанок, пытавшихся привести в чувство императрицу:

— Пирожные отравлены… пирожные отравлены…

Прибежал придворный лекарь, но он уже ничем не сумел помочь.

Тело Цыань никому осмотреть не дали, придворного врача запугали до смерти, он буквально не мог произнести ни звука, когда его расспрашивали о причине неожиданной смерти императрицы. Родственников на похороны не пустили, а траур продолжался меньше месяца, причём траурной одежды не носили ни Цыси, ни сановники. Столь непочтительное поведение противоречило правилам. В Китае ещё никогда не хоронили так вдовствующих императриц. А свой отказ надеть траурное платье Цыси объяснила просто:

— Цыань была такой же сорегентшей, как и я. Почему я должна совершать челобитные перед её телом?

Неожиданная смерть императрицы Цыань, конечно, породила множество слухов. Подозрение сразу пало на Цыси и на её главного евнуха Ли Ляньина, однако документально никто ничего доказать не мог. Цыси пыталась рассеять подозрения, объясняя, что, пока она сама болела, Цыань слишком много работала и это плохо сказалось на здоровье Великой императрицы.

Став единственной регентшей, Цыси почувствовала себя по-настоящему счастливой. Теперь ей принадлежало всё! Она наслаждалась абсолютной, ни чем неограниченной властью. Ей не нужно было «сохранять лицо», она могла теперь делать всё, что захочет, и ни один человек уже не смел критиковать её поступки. Деспотичность и жестокость единовластной правительницы проявились теперь в полной мере. Её боялись все, начиная от евнухов и кончая сановниками. Перед ней трепетали! Разве не этого она добивалась всю свою жизнь? «Власть — единственная сила, перед которой падают ниц!» — победоносно говорила

императрица.

Прошло девять лет. Молодой император Гуансюй вырос, и надо было передавать ему власть. Для Цыси это было настолько тяжело, что она чуть не слегла. Взяв себя в руки, императрица решила действовать так, чтобы полностью подчинить себе императора. В марте 1889 года Цыси женила его на Лун Юй, которая приходилась молодому императору двоюродной сестрой. Этим браком Цыси хотела утвердить свой род как правящую династию, так как и Гуансюй, и Лун Юй были её племянниками. Император хотел бы, чтобы его женой стала Чжень Фэй — очень красивая и весьма образованная девушка, но судьба (в лице Цыси) распорядилась иначе: Чжень стала только драгоценной императорской наложницей.

После совершеннолетия Гуансюя, императрица-регентша формально передала ему власть, однако на деле всё время вмешивалась не только в управление страной, но и в личную жизнь императора. Она окружила его шпионами-евнухами, которые докладывали о каждом шаге Гуансюя.

Однако почти всё свободное время император проводил со своей любимой наложницей Чжень, и этим очень раздражал Цыси. Чжень во всём поддерживала императора, особенно, когда он начал сотрудничать с Кан Ювэем, сторонником реформ и противником Цыси.

Император и Кан Ювэй втайне подготовили план смещения Цыси. Но замыслы были раскрыты… 21 сентября 1898 году Цыси лично прибыла в Запретный город, приказала арестовать императора и заточить его на острове Иньтай. Сторонников реформ, четырнадцать приближённых к Гуансюю евнухов и личную охрану императора она казнила, а Кан Ювэю удалось бежать.

Отобрав императорскую печать у племянника, Цыси снова взяла власть в свои руки. Указ от лица императора Гуансюя гласил:

«Сознавая огромную ответственность, которую Мы (император) несём перед нашими царственными предками, Мы несколько раз почтительно умоляли Её Величество (императрицу Цыси) дать всемилостивейшее согласие помогать Нам своими мудрыми советами в деле управления государством. К великому счастью всех чиновников и народа Поднебесной Империи, Её Величество снизошла к нашим мольбам, и с сегодняшнего дня Её Величество будет решать все государственные дела».

Евнухи бдительно охраняли место заключения Гуансюя —

дворец Иньтай. Их меняли каждый день, боясь, что они могут проявить симпатию к узнику и помочь ему бежать. Так как место заключения находилось на острове, мост, соединявший его с императорскими дворцами Запретного города, ежедневно разводился во время смены караула. Любимой наложнице Чжень вначале разрешили приходить к императору, но потом она осмелилась высказать прямо в лицо Цыси, что та не имеет права нарушать волю Неба и держать законного правителя под арестом. Такая наглость со стороны Чжень возмутила Цыси до глубины души. Она была в страшном гневе! И наложницу перестали допускать на остров.

— Как эта ничтожная мерзавка посмела спорить со мной? — кипела императрица.

Чжень, лишившись возможности видеть императора, стала писать ему письма, но послания, конечно, не доходили до адресата.

В заточении Гуансюй ежедневно получал «Пекинскую газету», из которой узнавал, как по указу Цыси отменялись одна за другой его реформы, и делалось это от его имени. Поначалу он несколько раз пытался бежать с острова, но бдительность Цыси не позволила императору освободиться.

Прошло время, Гуансюй начал привыкать к своему положению узника. Он уже не пытался бороться с всесильной императрицей.

Находясь в изоляции, император лишь иногда покидал место своего заточения. По требованию Цыси его выводили с острова для совершения церемоний или принятия иностранных послов. Всё это делалось для того, чтобы дать понять всем, а особенно иностранцам: императрица совсем не притесняет императора, а Гуансюй здоров и невредим. Правда, на всех приёмах император сидел молча на своём троне, не произнося ни звука. Цыси, восседавшая на соседнем троне, решала все вопросы сама, лишь иногда обращалась к императору, спрашивая, согласен ли он с её решением. Все понимали, что обращение к императору было чисто символическим — только для того, чтоб не возбуждать лишних толков, мол, Цыси не советуется с законным Сыном Неба. И он, как послушный ребёнок, всякий раз соглашаясь, кивал головой. Попробовал бы он не согласиться!

Изредка наложнице Чжень всё же случалось увидеть императора, но подходить к нему ей было запрещено. Они обменивались только взглядами, и в глазах у обоих стояли слёзы.

Когда императрица выезжала в летний дворец в Жэхэ, что в двухстах пятидесяти километрах от Пекина, она непременно

брала Гуансюя с собой. А как иначе? Опальный император должен быть всегда под присмотром. И там, в Жэхэ местом заточения императора считался «Зал воды и журчащего нефрита».

Сопровождая императрицу, Гуансюй никогда не шёл рядом с ней, а всегда держался в нескольких шагах позади. Когда Цыси сидела, он на таком же расстоянии обязательно стоял у неё за спиной и не осмеливался сесть, если она сама не предлагала. Даже евнухи вели себя по отношению к императору непочтительно: например, не становились на колени в его присутствии. Ни один министр не совершал челобитные перед Сыном Неба. Наоборот, эти раболепные подданные всесильной Цыси окружили его стеной неприязни. Но самым большим унижением для императора было то, что его самого вынудили совершать челобитные перед Цыси в присутствии всего двора. Неслыханное дело! Император, божественный Сын Неба не может преклонять колени и совершать челобитные перед смертным человеком — только перед богами в храме. А тут такое унижение!

Проводя много времени в одиночестве и не имея возможности заниматься государственными делами, Гуансюй увлёкся изучением разных наук. Он много читал и даже написал несколько научных трактатов. Его увлечением было также коллекционирование часов. В его маленькой спальне, где кроме кровати, задёрнутой пологом из светло-голубой материи, не было никакой другой мебели, громоздилось невероятное количество часов всех форм и размеров. Были они как иностранного производства, так и местного, китайского.

Ещё императору нравились всякие новшества, вроде граммофонов, фонографов, музыкальных шкатулок. Все эти предметы, собранные им, заполоняли крохотную комнатку и, казалось, что это уже не спальня, а магазин диковинок. Зато в его рабочем кабинете было намного свободней и уютней. Множество книг и древних рукописей аккуратными рядами выстроились на полках, а большая карта звёздного неба удачно дополняла интерьер просторной и светлой комнаты.

Прошло два года с того момента, как императора заключили на острове Иньтай. И вот в 1900 году страну потрясло широкомасштабное народное восстание ихэтуаней, что в переводе означало «отряды справедливости и мира». Их девиз был: борьба против засилья иностранцев. Они отвергали всё пришлое и призывали возвратиться к устоям традиционной китайской жизни без иноземцев, считая это идеальным построением общества. Восстание приняло поистине масштабный характер. Ихэтуани жестоко расправлялись с иностранцами, не щадя ни женщин, ни детей. Вину за страшную засуху, охватившую многие районы

Северного Китая, полностью возложили на «иноземных дьяволов». Ихэтуани писали в своих листовках: «Дождь не идёт и земля сохнет лишь потому, что христианские церкви заслонили небо. Как только убьёшь иностранного дьявола, с неба прольётся обильный дождь». Ихэтуани призывали разрушить железные дороги, паровозы, телеграфные линии и всё, что пришло от иноземцев.

Первоначально императорский двор отнёсся к ихэтуаням как к бунтовщикам. Цыси отправила войска на подавление восстания. Иностранцы тоже не могли спокойно смотреть на уничтожение своих собратьев. Они выслали боевые соединения против ихэтуаний. В создавшейся обстановке императрица Цыси приняла решение использовать народное движение против иноземцев. Это представлялось ей самым лёгким способом избавиться от влияния иностранных держав. Выбор решения облегчался тем, что повстанцы не выдвигали лозунгов против правящей династии.

В июне 1900 года отряды ихэтуаний вошли в столицу. Правительственные войска стали брататься с повстанцами и уже совместными силами осадили иностранные посольства и миссии. Маньчжурское правительство опубликовало указ о выдаче вознаграждения за голову убитого иностранца, неважно, мужчина это, женщина или ребёнок. Иностранные миссионеры, живущие в дальних провинциях были жестоко уничтожены. Их головы выставлялись в китайских храмах! Страшная участь ожидала и секретаря японского посольства Сугияму. Ихэтуани его жестоко пытали, искололи всё тело, из кожи на спине вырезали себе пояса, а из груди вырвали сердце. Такая варварская жестокость в конце XIX века! Она была сравнима разве что с испанской средневековой инквизицией. Повсюду, где прошли повстанцы, оставались горы изувеченных трупов.

И всё же попытка Цыси расправиться с иностранцами с помощью ихэтуаний не увенчалась успехом. Союзные войска иностранных держав приняли решение подавить восстание и освободить осаждённых иностранных дипломатов в Пекине. Собрав сорокатысячную армию, представленную восьмью державами, европейцы преодолели сопротивление и в августе заняли Пекин.

Страшась расправы, Цыси решила бежать в Сиань, и, уже готовясь тайно покинуть Пекин, задумалась, как поступить с императором-узником.

— Если оставить Гуансюя в столице, — рассуждала она, — иностранцы, пожалуй, вновь возведут его на престол, а я останусь не у дел. Надо брать его с собой.

Начались поспешные сборы. Цыси упаковала все свои

сокровища в ларцы, переоделась в простое крестьянское платье, велела приготовить двухколёсные повозки и запрячь в них мулов, чтобы никто не догадался, что в этих повозках поедут высочайшие особы. В полночь она со всей свитой планировала покинуть столицу.

— Но что же делать с наложницей Чжень? — вдруг вспомнила Цыси. — Оставлять в Пекине опасно, а брать с собой ещё хуже. Она может вызвать дух непокорности в императоре и содействовать тайным интригам.

Перед самым отъездом Цыси приказала позвать наложницу. Гуансюй подумал с надеждой, что, стало быть, они едут вместе.

Чжэнь приблизилась к императрице и встала на колени.

— Я решила не брать тебя с собой, — повелительно произнесла Цыси.

Руки Гуансюя задрожали, а лицо стало белым-белым. Он бросился на колени перед Цыси и стал молить её, чтобы Чжень отправилась вместе с ними.

— Я не собираюсь выслушивать весь этот вздор, — накинулась на него Цыси. — Для неё нет места в повозке.

— Но её нельзя оставлять здесь, — молил Гуансюй. — Дворец захватят ихэтуани или иностранцы. Что они сделают с ней?

Императрица усмехнулась:

— В таком случае, самое лучшее, что я могу сделать — это даровать ей смерть.

Чжень заплакала, но не посмела ничего возразить.

— Вы слишком жестоки! — выкрикнул Гуансюй. — Но я не позволю ей умереть. Чжень поедет с нами! — император встал и заслонил собой любимую наложницу.

— Ты смеешь спорить со мной, глупый мальчишка?! — рассвирепела Цыси. — Немедленно иди к повозке.

Гуансюй не тронулся с места.

Цыси подала знак евнухом и те, подхватив императора за руки, поволокли его к выходу.

— Итак, — сказала Цыси, обращаясь к наложнице, — Тебе лучше умереть, — и она бросила взгляд на евнуха Цуя.

Тот подскочил к Чжень, кликнул других евнухов, её завернули в кошму и потащили к глубокому колодцу. Наложница даже не пыталась сопротивляться. Её участь была предрешена. Она только успела прокричать императрице:

— За твои злодеяния тебе никогда не обрести покоя: ни при жизни, ни после смерти.

Цыси встала со своего места и направилась к выходу.

— Знаешь, — обратилась она к Ли Ляньину, — мне так жаль, что пришлось срезать ногти. Кстати, ты не забыл распорядиться,

чтобы упаковали мои золотые чехольчики?

— Все указания старой Будды выполнены в точности, — поклонился евнух. — Ваш раб отдал нужные распоряжения.

Императрица кивнула довольная и спросила:

— Жена Гуансюя готова к отъезду?

— Она ждёт у повозки, Ваше Величество.

— Хорошо. Мне будет с кем поболтать в дороге.

Перед Аней лежал толстенный том «Истории Китая». Перелистывая страницы дрожащими от волнения пальцами, она искала то место, где упоминается о Чжень Фэй — драгоценной наложнице императора Гуансюя.

— Вот, нашла, — вслух произнесла она и от нахлынувших нехороших предчувствий в ужасе закрыла глаза. — Боюсь читать дальше.

Потом взяла себя в руки и заскользила глазами по строчкам. Немного там было про наложницу Чжень, совсем немного…

«Да что же это?» — чуть не закричала Аня. Глаза наполнились слезами. Она снова и снова перечитывала короткий абзац и рыдала в голос:

— Убили! Её всё-таки убили!.. Но почему? Я же сделала всё возможное, чтоб устранить убийцу, — в отчаянии спрашивала себя девушка. — Как эта коварная и страшная женщина осталась жива? А Чжень, милая Чжень погибла! Почему? Почему? Что мы с ребятами сделали не так?… Или… — вдруг новая мысль посетила её. — Что, если историю вообще нельзя изменить?

Она говорила сама с собой, и от этого внезапного вопроса, произнесённого вслух, повеяло дремучей мистической жутью. Вспомнилась пушкинская «Песнь о Вещем Олеге» — привет Ивану! — и все другие подобные легенды древности.

«Мы попали в прошлое и стали винтиками того времени, — размышляла Аня уже про себя. — Все события „подстроились“ под нас, однако результат получился точно такой же, как если бы нас не было. Сценарий жизни может меняться в зависимости от обстоятельств, но итог всегда одинаков. Судьбу не обманешь! Так говорили во все времена и у всех народов. Или я ошибаюсь? — она потёрла лоб холодной рукой и вздрогнула, как от чужого прикосновения. — Ну, ладно, пусть мне не удалось помочь моей предшественнице по прошлой жизни, но неужели и Цыси не настигло возмездие? Ведь всякое зло обязательно должно быть наказано», — и Аня с надеждой перелистнула страницу.

Только спустя два года в 1902 году императорский кортеж во главе с Цыси вернулся в столицу. Переговоры с иностранцами

закончились полным поражением Поднебесной империи. Китай должен был выплатить огромную контрибуцию, Китаю было запрещено покупать за границей современное оружие, Китай должен был вывести войска из столицы, и управление посольским кварталом полностью переходило в руки иностранцев.

Император Гуансюй опять вернулся на остров Иньтай и по-прежнему находился под бдительным контролем Цыси. Иногда, если ему позволялось выйти с острова, Гуансюй приходил к месту гибели своей любимой наложницы и подолгу сидел на скамейке около колодца, думая о том, как бы хороша была жизнь, если б не было злой и коварной Цыси. Придворные с жалостью смотрели на него. А место гибели наложницы называли с тех пор «колодцем Чжень». Вся последующая жизнь императора превратилась, по сути, в медленное угасание.

Императрица Цыси всеми силами старалась забыть о Чжень, ведь та была не единственной её жертвой. И всё же Цыси начали мучить кошмары. Даже наяву. Ей чудилось, будто по дворцу бродит приведение Чжень. При этом стулья начинали сами двигаться и слышались чьи-то шаги. В голове императрицы, как удары грома, раздавались последние слова убиенной наложницы: «Тебе никогда не обрести покоя: ни при жизни, ни после смерти». Зловещие, гудящие, как набат, они приводили Цыси в ужас, ведь по традиционным верованиям китайцев, последнее, что пожелает тебе умирающий, непременно сбудется.

У своей опочивальни Цыси поставила ещё большее количество охранников, и около её постели всегда дежурили евнухи, фрейлины и служанки, зорко наблюдавшие друг за другом. Цыси была чрезвычайно суеверной, она верила во все приметы. «Ох, не к добру это!» — думала она при каждом появлении призрака наложницы. Везде, где только можно, она стала вешать иероглиф долголетия «шоу». Например, на стенах и потолке своей опочивальни приказала написать его красками, а на халатах, кофтах и туфлях этот иероглиф вышивали… Но призрак Чжень, пугающий императрицу, явился лишь прелюдией к главному возмездию за все совершённые ею злодеяния.

После позорного поражения Китая в войне против «иноземных дьяволов» Цыси решила переменить тактику своего правления. Императрица наконец-то признала, что страна нуждается в целом ряде реформ. В 1905 году правительство по инициативе Цыси издало целый ряд прогрессивных указов: о реорганизации армии по европейскому образцу; об отмене государственных экзаменов при занятии чиновничьей должности; о преподавании наряду с конфуцианской философией математики, истории, географии и других наук…

Властолюбивая императрица вновь наслаждалась богатством и славой. Во дворцах Запретного города всё так же царила атмосфера слепого повиновения Цыси и всеобщего раболепия. Любые её желания выполнялись немедленно. Малейшая провинность или оплошность евнухов и слуг каралась с беспримерной жестокостью. Мания величия императрицы перешагнула все мыслимые пределы.

Как-то евнух, игравший с нею в шахматы, опрометчиво произнёс:

— Раб бьёт коня почтенного предка.

Императрица в гневе воскликнула:

— А я бью тебя и всю твою семью.

Евнуха выволокли из палаты и забили до смерти. Удалось ли спасти семью, история умалчивает.

Любой, не угодивший Цыси, становился её злейшим врагом, и она расправлялась с человеком жестоко и беспощадно.

Что же касалось жизни самой Цыси, её наполняли всякого рода развлечения: театральные представления, банкеты, праздники, званые обеды; а также бесчисленные подарки разнообразили её непрерывный досуг. Дни рождения, как и прежде, отмечались с особой пышностью и длились по нескольку недель, с каждым годом всё дольше и дольше.

В начале осени 1908 года Цыси заболела. Кто-то из евнухов донёс ей, что Гуансюй радуется этому. И Цыси пришла в ярость.

— Пусть знает, — твёрдо заявила она, — раньше него я не умру!

Через некоторое время императрица благополучно выздоровела, но не забыла, как Гуансюй радовался её болезни. Той же осенью, когда отмечалась семидесятичетырехлетие императрицы, Гуансюй слёг. Он вообще не хотел участвовать в празднестве, а тут ещё и здоровье его ухудшилось. Во дворце поговаривали, мол, император недомогает, потому что Цыси подсыпает ему в пищу медленно действующий яд. Это были только слухи, но, как известно, нет дыма без огня.

Во время болезни императора Цыси продолжала отмечать свой день рождения. Она смотрела помпезные театральные представления в свою честь, каталась по озеру на лодке в костюме богини милосердия, устраивала роскошные пиры… А по завершении празднеств Цыси собрала Государственный совет.

— Сын Неба очень плох, — с трагическим лицом сообщила она придворным. — Необходимо назначить приемника. Я подумала и решила, что им может быть двухлетний сын князя Чуня — Пу И.

Дед Пу И великий князь Чунь был братом императора

Сяньфэна и в своё время по настоянию Цыси женился на её сестре. От этого брака родился сын, который впоследствии и стал императором Гуансюем. Также помимо сестры Цыси у великого князя была ещё одна жена, от которой родились три сына. После смерти отца титул князя Чуня получил старший сын. Он соответственно доводился братом императору Гуансюю. Впоследствии Цыси женила новоиспечённого князя на дочери своего фаворита Жун Лу. Этот Жун Лу очень долго был любовником Цыси, поговаривали даже, что именно она родила ему дочь, что было вполне правдоподобно. Доказательством тому служил и выбор приемника. Назначить приемником Гуансюя двухлетнего Пу И, сына молодого князя Чуня и дочери Жун Лу — вполне логично, если он действительно являлся внуком императрицы. Цыси всеми силами пыталась сохранить преемственность своего рода.

— А не лучше ли назначить приемником взрослого человека, — рискнул предложить кто-то из членов Государственного совета.

Цыси посмотрела на него уничтожающим взглядом.

— Ты думаешь, я выжила из ума? — возмутилась она. — Так знай же, я ещё в здравом уме, и никто не остановит меня в моих намерениях! Я ещё в силах помочь приемнику в управлении государством.

Все поняли, что спорить с Цыси бесполезно. Она уже приняла решение. Двухлетний Пу И продлит её царствование ещё на долгие годы.

14 ноября 1908 года 36-летний император Гуансюй скончался. Официальная версия причин смерти звучала примерно так:

«Отличаясь слабой, тщедушной комплекцией, государь с весны этого года почти беспрерывно хворал. К больному были приставлены восемь лучших врачей со всего Китая. Установив симптомы болезни, они предложили императору лекарства, которые, к сожалению, не возымели решающего действия…»

На следующий день после кончины императора, Цыси почувствовала себя плохо. Служанки уложили царственную особу на кровать, а сами сели рядом. Императрица, прикрыв глаза, задремала, но через некоторое время вскочила с диким криком: «Она пришла за мной!» Служанки испуганно подхватили Цыси под руки и попытались уложить обратно, но императрица в ужасе оттолкнула их.

— Вы все хотите моей смерти! — кричала она. — Вы все с ней заодно!

— С кем заодно? — решилась спросить одна из служанок.

— Как будто не знаешь, — обессилено произнесла императрица. — Заодно с Чжень.

— Позовите врача. Быстрее! — распорядилась старшая фрейлина. — У Её Величества бред!

— Ты ещё смеешь думать, что у меня бред! — из последних сил крикнула императрица. — Да я велю казнить тебя! Позови немедленно Ли Ляньина!

Старшая фрейлина низко поклонилась и вышла. Служанки всё-таки уложили Цыси на кровать. А через несколько часов императрица умерла. Она пережила Гуансюя всего на один день.

— Это было возмездие Чжень, — шептались фрейлины. — Императрица последнее время совсем не могла спать. Ей всё время чудилось приведение в образе убиенной наложницы.

— Да, да, это возмездие, — вторили евнухи.

Но они ошибались. Настоящее возмездие ждало Цыси после её смерти…

«Смерть есть дао жизни, — говорил великий философ-даос Лаоцзы, современник Конфуция и создатель нетленного учения о Пути и Добродетели. — Дао есть вечный путь, по которому шествуют все существа и предметы. Оно не создано никаким существом, ибо оно само есть существо. Оно есть всё и ничего, причина и последствие всего. Всё берёт начало от Дао и возвращается в Дао. Дао творит жизнь как награду Добру и творит смерть ради устрашения Зла…».

Китайцы, как впрочем, и все другие народы, свято верили, что человек, заканчивая свой жизненный путь, не исчезает бесследно, а лишь покидает этот мир, дабы продолжить существование в мире духов. Для этого, считали китайцы, ещё при жизни человек должен обустроить свой «тёмный дом» — загробное жилище, приготовить все необходимые вещи, которые пригодятся там, в мире духов.

За двадцать лет до смерти императрица Цыси выбрала место своего «тёмного дома» в семидесяти километрах от Пекина, в Восточных горах. Её выбор был не случаен. Там нашли успокоение все императоры династии Цин и их жёны. Во время строительных работ императрица часто посещала это место, контролируя процесс сооружения мавзолея. Грандиозное строительство обошлось Китаю намного дороже любой из гробниц предыдущих маньчжурских правителей и их тридцати пяти жён.

Усыпальница была построена в форме восьмиугольника и занимала такую же площадь, как и дворцовая палата в

императорском дворце. Проход в неё открывали четыре мраморные двери. На куполообразном потолке сверкали девять золотых драконов. Все стены были отделаны редкими драгоценными камнями. Тоннель, ведущий к гробнице, облицевали белым мрамором. А посреди усыпальницы стояло богато украшенное драгоценностями ложе с выгравированными фигурками девушек и евнухов, готовых вечно прислуживать своей повелительнице. На это ложе и должны были поставить гроб императрицы Цыси.

Астрологи вычислили по звёздам день, удачный для погребения и похороны состоялись спустя год после смерти императрицы. Покойную одели в жёлтый атласный халат, расшитый драконами, и роскошный жакет, на ноги надели атласные туфли, и весь этот наряд был обшит великолепным крупным жемчугом. На голову водрузили корону, сделанную из тонких золотых нитей. Руку усопшей украшал бриллиантовый браслет в виде большой хризантемы и шести маленьких цветков сливы, а в ладонь Цыси вложили изумрудный жезл, отгоняющий злых духов.

Оригинальная конструкция гроба была задумана самой императрицей ещё при жизни. Он состоял из собственно гроба и футляра, обитого тремя слоями золотых пластин. Размер этого ящика впечатлил бы кого угодно: больше шестнадцати метров в длину, полтора — в высоту и почти два — в ширину. На дно гроба уложили драгоценности: золотую и серебряную утварь, фарфоровые вазы, семнадцать связок бус из редких пород жемчуга и многое-многое другое, что могло понадобиться императрице в загробном мире. Поверх драгоценностей, чтобы покойной было удобно и мягко лежать, положили три матраса: атласный, бархатный и шёлковый, расшитые драконами.

Когда усопшую императрицу опустили в гроб, у её изголовья положили нефритовый цветок лотоса, а над бровями растянули чётки из жемчуга и всё её тело девять раз обвили жемчужными бусами. Возле рук поставили восемнадцать, а вокруг тела ещё сто восемь маленьких изображений Будды — золотых и нефритовых.

9 ноября 1909 года состоялась церемония перенесения покойной Цыси в мавзолей. Огромный гроб с телом императрицы несли сто двадцать человек. А просто сопровождающих было великое множество. Процессия к месту погребения двигалась четыре дня.

По прибытию в мавзолей, гроб поставили на богато украшенное ложе в центре усыпальницы. Рядом водрузили специальные сосуды из бронзы и фарфора, и начался обряд жертвоприношения. Когда же церемония погребения закончилась,

мавзолей замуровали. Цыси уносила с собой в загробный мир несметные сокровища, и там она должна была всё так же наслаждаться властью и богатством.

Согласно представлениям китайцев о загробной жизни, если тело умершего нетронуто и прибывает в покое, значит, жизнь его в подземном мире будет счастливой и безмятежной. Цыси заранее позаботилась об этом — велела сделать свою усыпальницу неприступной крепостью, чтобы никто не смог нарушить её покой.

Однако спустя двадцать лет после захоронения Цыси, в 1928 году в гробницу проникли грабители. Они не собирались ломать мощные стены. Это было бы бесполезно. Они прокопали ход снизу, взломали пол и оказались у самого гроба. Выбросив из гроба тело императрицы, вандалы вытащили все сокровища со дна. И сняли с Цыси не только украшения, но и одежду. Тело императрицы так и осталась лежать возле опустошённого ложа. Шакалы и дикие бездомные собаки, забираясь в проделанный лаз, пировали над беззащитной жертвой. И теперь душа императрицы не могла и мечтать о вечном покое и безмятежной жизни в Царстве мёртвых.

Узнав о совершённом акте вандализма, преданные евнухи проникли в могилу и уложили останки Цыси в гроб. Встав на колени перед ложем, они стали призывать богов помочь несчастной императрице.

Но тут случилось нечто странное. Лёгкий ветерок, чудом просочившийся в могилу, всколыхнул полуистлевшее атласное покрывало на ложе. И тогда из глубины усыпальницы послышалось тихое шелестение. Молящиеся, в недоумении переглянувшись, посмотрели в сторону загадочного звука и увидели белое облачко, которое через мгновение превратилось в прозрачную женскую фигуру. Евнухи оцепенели. Женщина медленно приближалась к ложу императрицы. Покорные слуги, дрожащие и испуганные, плотнее прижались друг к другу и не сводили глаз с полупрозрачного силуэта. Подойдя к гробу, женщина тихим голосом произнесла:

— Тебе никогда не обрести покой… — и повернувшись, заскользила назад, бесследно растворяясь в мрачной глубине усыпальницы.

notes

Примечания

1

Стихотворение Цао Чжи «Иволга», перевод Л.Е.Черкасского

2

Первые спички в Китае появились в 557 году. Для разжигания огня китайцы использовали небольшие сосновые палочки, которые окунали в расплавленную серу, смешанную с селитрой, а затем тщательно высушивали. Когда такими палочками чиркали по чему-нибудь твёрдому, они загорались. В Европу (по одной из версий) спички попали из Китая в XVI веке. По общепринятой версии они впервые вошли в обиход в Германии в 1832 году.

3

Жасмин голо-цветковый (Jasminum nudiflorum) в странах с мягким климатом может расцвести и посреди зимы.

4

Стихи автора

5

Стихи автора

6

Лекарственное растение, известное в Китае с глубокой древности и по сей день применяемое в медицине и косметике. В прежние времена люди верили в его магическую силу.

7

Пэнлай — мифический остров-гора, затерянный где-то в Восточном море, обитель бессмертных.

8

Перевод Л.Е.Черкасского

9

Стихи автора

10

Из стихотворения Цао Чжи «Фея реки Ло»

11

Восьмизнамённая цинская армия сформировалась ещё во времена завоевания Китая династией Цин. Цветами знамён были жёлтый, белый, красный и голубой, а так же жёлтый, белый и голубой с красной каймой и красный с голубой каймой. Жёлтый — императорский цвет — являлся самым почётным. Цвет знамени являлся показателем принадлежности к роду и передавался по наследству. Гражданское чиновничество тоже делилось на восемь знамён. Кстати, Цыси принадлежала к роду жёлтого знамени. В период войн с династией Мин в цинскую армию были включены также монгольские отряды и значительное число китайцев-диссидентов. Из них составили части, имевшие то же знамя, что и маньчжурские войска. То есть части подразделялись на восемь корпусов, каждый из которых состоял из маньчжурских, монгольских и китайских подразделений. В Пекине к 1840 году располагалась примерно половина восьмизнамённых войск численностью более 200 000 человек. Второй составляющей армии Цин являлись «подразделения зелёного знамени», куда вошли китайцы и другие народы. Это были в массе своей пехотные части, осуществлявшие охранную и гарнизонную службу. Данные части находились под руководством губернаторов провинций. Именно эти войска из простых китайцев в большинстве случаев противостояли англичанам во время войны 1840-1842 года.

12

Ритуал «коу-тоу» — три раза встать на колени и сделать девять земных поклонов, то есть девять раз удариться лбом об пол. Это обычный ритуал перед императором для всех китайских придворных. Да и не только перед императором, но и перед пустым его троном.

13

Стихи автора

14

Тиковое дерево (тековое дерево, тик) —Tectonagrandis — дерево, семейства вербеновых. Растёт в лиственных лесах Азии — от Индии до Индонезии. Культивируют в тропической Азии ради ценной древесины. Используют в судо— и вагоностроении. Древесина красивая, очень прочная, мало подвержена гниению, устойчива к воздействию насекомых и химических веществ.

15

Плотность энергии реликтового излучения 0,25 эВ/см3. Температура излучения (или по-другому его спектр) зависит от геометрических размеров Вселенной, уменьшается с её расширением, и на сегодняшний день составляет 2,728К. При такой температуре основная доля излучения приходится на радиоволны сантиметрового и миллиметрового диапазонов.

16

Юани ввели по образцу мексиканского доллара. Их было два вида: так называемые «народные» — купюры красного цвета, предназначенные для обращения в народных массах и «валютные» — зелёного цвета — только для иностранцев. Соответственно ввели и разменную монету по 5, 10, 20 и 50 центов, по-китайски она называлась «фэнь».

17

Период трёх царств — 221 — 254 г. н.э. Ханьская империя развалилась на три государства: Вэй, У и Шу, между которыми постоянно шли воины. В результате, правитель царства Вэй завоевал государства Шу и У, объединил империю, назвав свою династию Цзинь. Впрочем, просуществовала эта династия недолго до 316 года, когда Китай снова оказался раздробленным.

18

Из стихотворения Цюй Юаня «Мне жаль ушедших дней», перевод А.И.Гитовича

19

Трепанги — морские беспозвоночные животные семейства иглокожих Их мясо долго вымачивают, и лишь затем варят в курином бульоне, добавляя мелко нарезанную курицу, пряности по вкусу, соевый соус, рисовую водку и всякие другие приправы.

Кожу, кости и мясо предварительно отваренных плавников выбрасывают, оставляя только хрящики. Из них и готовится суп, причём варят хрящи несколько раз. Сначала пять часов с имбирным корнем и луковицей, затем, слив отвар, процедуру повторяют с теми же ингредиентами и тоже сливают, и только потом варят в курином бульоне вместе с мелконарезанной куриной грудкой. Наконец, подают на стол, добавив нарезанный тонкой соломкой окорок и мелко нарубленный лук.

21

Пекинская утка всегда являлась особым деликатесом. Она была очень вкусна, потому что готовилась в печи, где поддерживали строго определённую температуру. Мало того, в печь закладывали сучья фруктовых деревьев определённых сортов — только так это блюдо приобретало должный вкус и аромат. Утку прожаривали со всех сторон, и её жир, растапливаясь, просачивался наружу. Образовавшаяся корочка при жарке приобретала тёмно-коричневый цвет. Горячую утку с хрустящей коричневой корочкой резали на кусочки. Эти кусочки подавали вместе с блинчиками, сладким бобовым соусом и луком. Ели утку следующим образом: на блинчик клали кусочек утки, поливали соусом, добавляли свежий нарезанный лук и сворачивали в трубочку.

22

Ямынь — присутственное место, где вершится правосудие, своего рода полицейский участок и суд одновременно.

23

Голубовато-зелёный сорт жемчуга. Древние китайцы считали его одним из лучших.

24

Стихотворение Цао Чжи «Красавица», перевод Л.Е.Черкасского

25

Стихи Арса Пегаса